

DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4

ISSN 1996-7853
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8(3022) 35-24-79
Факс: 8(3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE
“Transbaikal State University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

129 Babushkina st.,
Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 12, № 4
2017

Vol 12, No. 4
2017

Гуманитарный вектор

Издаётся с 1997 г.
Выходит пять раз в год

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС7 7-54189 от 17.05.2013

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых
должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание
учёных степеней доктора и
кандидата наук: *филологические,*
филологические, исторические
науки и археология

Направление номера журнала
Исторические науки и археология

Авторы несут полную
ответственность за подбор и
изложение фактов, содержащихся
в статьях; высказываемые взгляды
могут не отражать точку зрения
редакции

Редакция журнала руководствуется
положением Гражданского кодекса
РФ по авторскому праву,
международным стандартом
редакционной этики, лицензией
Creative Commons «Attribution»
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала
в «Пресса России» **42407**

Размещение и индексация
журнала

Научная электронная
библиотека (РИНЦ), CrossRef,
Университетская библиотека
онлайн, КиберЛенинка, Ulrich's
Periodicals Directory, Citefactor,
IPRbooks, ERICH PLUS,
Index Copernicus, JIFACTOR, ИВИС

Редакционная коллегия

Главный редактор

И. В. Ерофеева, доктор филологических наук, доцент

Выпускающий редактор

А. В. Константинов, доктор исторических наук, профессор (Чита, Россия)

Б. В. Базаров, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);

Батмаз Вейцель, доктор наук, профессор (Стамбул, Турция);

Т. В. Бернюкевич, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);

Буржо Андре, доктор социальных наук (Париж, Франция);

Бэррон Келли, доктор наук, профессор университета Луисвилл (Штат Кентукки, США)

Т. В. Воронченко, доктор филологических наук, профессор (Чита, Россия);

М. И. Гомбоева, доктор культурологии, профессор (Чита, Россия);

З. К. Дербишева, доктор филологических наук, профессор (Бишкек, Киргизская Республика);

В. С. Диев, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Москва, Россия);

Е. Ю. Захарова, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);

В. К. Зубарева, доктор филологических наук, профессор (Филадельфия, США);

Т. Ю. Игнатович, доктор филологических наук, доцент (Чита, Россия);

Изухо Масами, доцент (Токио, Япония);

А. А. Камалова, доктор филологических наук, профессор (Ольштын, Польша);

В. И. Карасик, доктор филологических наук, профессор (Волгоград, Россия);

В. В. Колесов, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

М. В. Константинов, доктор исторических наук, профессор (Чита, Россия);

В. А. Маслова, доктор филологических наук, профессор (Витебск, Белоруссия);

Б. Я. Мисонжников, доктор филологических наук, профессор

(Санкт-Петербург, Россия);

С. А. Михайлов, доктор политических наук, профессор (Сыктывкар, Россия);

А. Н. Новиков, кандидат географических наук, доцент (Чита, Россия);

Н. С. Розов, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);

Грег Саймонс, доктор наук, доцент (Уппсала, Швеция);

Д. В. Сергеев, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);

Сонг Чжон Су, доктор филологических наук, профессор (Сеул, Корея);

Д. Л. Стровский, доктор политических наук, профессор (Ариэль, Израиль);

Д. В. Трубицын, кандидат философских наук, доцент (Чита, Россия);

М. Н. Фомина, доктор философских наук, профессор (Чита, Россия);

Граля Хероним, доктор исторических наук (Варшава, Польша);

И. В. Черникова, доктор философских наук, профессор (Томск, Россия);

Чжао Сяобин, доктор литературы, доцент (Баодин, КНР)

Ответственный секретарь

Е. В. Седина, кандидат культурологии

Редактор В. К. Демиденко,
редактор перевода В. М. Ерёмина,
вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 10.07.2017.

Дата выхода в свет 15.07.2017.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Arial».

Способ печати оперативный. Заказ № 17143.

Усл. печ. л. 27,3. Уч.-изд. л. 23,5.

Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).

Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

Тематика журнала связана с **ключевыми смыслами, ценностями и артефактами культуры**. Идейная канва контента журнала становится основанием для осмысления широкого круга социокультурных проблем в рамках таких наук, как философия, филология и история.

Данный выпуск представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей российских и зарубежных авторов по отечественной и всемирной истории, археологии, источниковедению и историографии. В журнале публикуются результаты научных и прикладных исследований по истории СМИ и их роли в жизни общества.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

© Забайкальский государственный университет, 2017

Humanitarian Vector

Gumanitarnyi Vektor

Founded in 1997
Published five times a year

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ No. ФС7 7-54189 of 17.05.2013

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences: *Philosophical Sciences, Philological Sciences, Historical Sciences and Archeology*

Journal Issue direction

Historical Sciences and Archeology

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards Creative Commons license "Attribution" ("Attribution") 4.0 universal

Subscription index of the journal in "Press of Russia" **42407**

Journal placement and indexing

Russian Science Citation Index (RSCI), CrossRef, University library online, CyberLeninka, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, IPRbooks, ERIH PLUS, Index Copernicus, JIFACTOR, IVIS

Editorial Board

Editor-in-Chief

I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor

Main Handling Editor

A. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor (Chita, Russia)

B. V. Bazarov, Doctor of History, Professor (Ulan-Ude, Russia);
Veysel Batmaz, Doctor of Sciences, Professor (Istanbul, Turkey);
T. V. Bernyukevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
Bourget Andre, Doctor of Sociology (Paris, France);
Baron Kelly, Doctor of Sciences, Associate Professor (University of Lonisville Kentucky, USA)
T. V. Voronchenko, Doctor of Philology, Professor (Chita, Russia);
M. I. Gomboeva, Doctor of Culturology, Professor (Chita, Russia);
Z. K. Derbisheva, Doctor of Philology, Professor (Bishkek, Kyrgyz Republic);
V. S. Diev, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia);
N. L. Zhukovskaya, Doctor of History (Moscow, Russia);
E. Yu. Zakharova, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
V. K. Zubareva, Doctor of Philology, Professor (Philadelphia, PA, USA);
T. Yu. Ignatovich, Doctor of Philology, Associate Professor (Chita, Russia);
Masami Izuho, Associate Professor (Tokyo, Japan);
A. A. Kamalova, Doctor of Philology, Professor (Olsztyn, Poland);
V. I. Karasik, Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russia);
V. V. Kolesov, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);
M. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor (Chita, Russia);
V. A. Maslova, Doctor of Philology, Professor (Vitebsk, Belarus);
B. Ya. Misonzhnikov, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);
S. A. Mikhailov, Doctor of Political Science, Professor (Syktyvkar, Russia);
A. N. Novikov, Candidate of Geography, Associate Professor (Chita, Russia);
N. S. Rozov, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia);
Greg Simons, Doctor of Sciences, Associate Professor (Uppsala, Sweden);
D. V. Sergeev, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
Song Chon Su, Doctor of Philology, Professor (Seoul, Korea);
D. L. Strovsky, Doctor of Political Science, Professor (Ariel, Israel);
D. V. Trubitsin, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
M. N. Fomina, Doctor of Philosophy, Professor (Chita, Russia);
Hieronim Grala, Doctor of History (Warsaw, Poland);
I. V. Chernikova, Doctor of Philosophy, Professor (Tomsk, Russia);
Zhao Xiaobing, Doctor of Literature, Associate Professor (Baoding, People's Republic of China)

Executive Secretary

E. V. Sedina, Candidate of Culturology

Corrector V. K. Demidenko,
Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Make-up G. A. Zenkova

Signed to print 10.07.2017.

Date of publication 17.05.2017

Format 60×84 1/8. Offset paper. Headset "Arial".

Operative printing. Order No 17143.

Conv. quires 27,3. Ed.-print quires 23,5.

Circulation 1000 copies. (first impression 1–100 copies).

Free price

Printed by FSBEI HE "Transbaikal
State University"

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

The dominant subject matter of the journal is connected with **key meanings, values and artifacts of culture**. This ideological outline of the journal's content becomes the basis for understanding of a wide range of sociocultural problems within philosophy, philology and history.

The issue is a collection of original and review scientific papers of Russian and foreign authors on the national and world history, archeology, source studies and historiography. The journal publishes the results of scientific and applied research in history of mass media and their role in the life of society. Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, postgraduate students, students, workers in culture and education.

© Transbaikal State University, 2017

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

<i>Казанцева Н. Г.</i> Практика таможенно-тарифного регулирования приграничного торго (на примере Забайкальского региона)	6
<i>Минаева В. Ю.</i> Пребывание японских войск на территории Забайкалья в годы Гражданской войны (по материалам ГАРБ и ГАЗК)	14
<i>Митрофанов В. В.</i> Малоизвестные факты о научной и педагогической деятельности Николая Николаевича Попова	19
<i>Фартусов Д. Б.</i> Документы Государственного архива Забайкальского края о политических репрессиях в 1930-е годы	28

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Доржиева В. В.</i> Суды общественной самодеятельности на российском Северо-Востоке в первой трети XX века	33
<i>Занданова Л. В., Карнович С. А.</i> Деятельность российских таможенников в Приморье и Приамурье в годы Первой мировой войны	41
<i>Мороз А. И.</i> Деятельность Внешкольного отдела Министерства народного просвещения ДВР (1920–1922 гг.)	47

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Александрова Т. Л.</i> Последние годы императрицы Евдокии в Палестине	55
<i>Грибан И. В.</i> Проблема происхождения Второй мировой войны в польской историографической традиции	65
<i>Олейников С. В.</i> Роль СМИ в процессе становления государственности Приднестровья	75
<i>Праздников А. Г.</i> Социальный состав участников битвы при Сент-Олбансе 17 февраля 1461 года	84
<i>Семенов Е. В.</i> Польские политические ссыльные в Чите в 60–70-е годы XIX века	92

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

<i>Дроботушенко Е. В.</i> Закрытие православных храмов в Восточном Забайкалье в 30-е годы XX века	99
<i>Ланцова Ю. Н., Дроботушенко Е. В.</i> Проблемы историографии православия на Севере и Северо-Востоке Китая в начале 1920-х – середине 1950-х годов	105
<i>Плеханова А. М., Корниченко Н. Н.</i> «70 лет без пастырского окормления...»: из истории возрождения православного прихода в г. Улан-Баторе	113
<i>Юрганова И. И.</i> Особенности религиозной идентификации национальной окраины империи на примере Якутии	122

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Константинов А. В.</i> Археологические работы на территории церкви Успения Пресвятой Богородицы в селе Калинино Забайкальского края	128
<i>Константинов М. В.</i> Археолог И. И. Кириллов: первый план полевых исследований (к 80-летию учёного)	137
<i>Мамкин А. М., Афанасьев С. А.</i> Стоянка Хоктонга – стратифицированный объект эпохи финальной бронзы – раннего средневековья в горно-таёжной зоне Восточного Забайкалья	145
<i>Маслодудо С. В.</i> Многослойное поселение Усть-Менза-2 (новый этап изучения)	153
<i>Мороз П. В.</i> Стоянка Сахюрта-1 и её место в схеме палеолита Забайкалья	162

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

<i>Базаров Б. В., Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.</i> Монгольская делегация на Калининском фронте (по материалам сборника «О фронте»)	172
<i>Ванчикова Ц. П., Миягашеева С. Б.</i> Летопись О. Амаржаргала «О происхождении и историческом развитии барга-бурят» как источник интерпретации этнической истории традиционной культуры барга-бурятской общности ...	179
<i>Рассадин И. В.</i> Животноводство у сойотов и бурят: сравнительно-сопоставительный анализ	190

УГОЛ ЗРЕНИЯ

<i>Шагиахметов М. Р.</i> Системный взгляд на процесс исторического развития	196
<i>Ильченко С. Н.</i> Парадоксы интерпретации истории в пространстве экранных коммуникаций (на материале фильмов и сериалов о Великой Отечественной войне)	207

РЕЦЕНЗИИ

<i>Курас Л. В., Ванчикова Ц. П.</i> События, «которые потрясли мир». Рецензия на книгу А. В. Константинова, Н. Н. Константиновой «История Забайкалья (1917–1922 годы)»	216
<i>Мерцалов В. И.</i> Экономическое развитие Западного Забайкалья в свете исторической концепции модернизации (монография «Экономика в региональном “интерьере”: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг.»)	222

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Совнархозовская реформа 1957–1965 годов и история Забайкалья в исследованиях доктора исторических наук В. И. Мерцалова (к 70-летию со дня рождения)	227
Исследователь истории государственно-конфессиональных отношений в России (к юбилею доктора исторических наук С. В. Васильевой)	230

HUMANITARIAN Vector

CONTENTS

PROBLEMS IN HISTORY OF RUSSIA

Kazantseva N. G. Customs-Tariff Regulation Practice of Cross-Border Bargaining (the Case of Transbaikalia Region)	6
Minaeva V. U. The Japanese Military Mission in the Territory of Trans-Baikal During the Civil War (on Materials of SARB and SATBT)	14
Mitrofanov V. V. Little-known Facts about the Scientific and Pedagogical Activity of Nikolai Nikolaevich Popov	19
Fartusov D. B. Documents of the State Archive of the Trans-Baikal Territory on Political Repression in the 1930s	28

REGIONAL HISTORY

Dorzheeva V. V. Public Self-Regulating Courts in the Russian North-East Territories in the Early 20 th Century	33
Zandanova L. V., Karnovich S. A. Activities of the Russian Customs Officers in Primorye and Priamurye during World War I	41
Moroz A. I. The Activities of Out-of-School Department of the Ministry of Education in the Far-Eastern Republic (1920–1922)	47

GENERAL HISTORY

Alexandrova T. L. The Last Years of the Empress Eudocia in Palestine	55
Griban I. V. The Origin of the Second World War in the Polish Historiographical Tradition	65
Oleynikov S. V. The Role of Mass Media in the Process of Statehood of Transdnestria	75
Prazdnikov A. G. The Social Structure of the Participants of the Battle of St. Albans (17 February, 1461)	84
Semenov E. V. Polish Political Exiles to Chita in the 1860s–1870s	92

HISTORY OF RELIGION

Drobotushenko E. V. Closing of Orthodox Churches in Eastern Transbaikalia in the 1930s	99
Lantsova Yu. N., Drobotushenko E. V. Problems of Historiography of Orthodoxy in the North and North-East China in the Early 1920s – Mid-1950s	105
Plekhanova A. M., Kornienko N. N. “70 Years without Pastoral Care...”: the History of the Revival of the Orthodox Parish in Ulan Bator	113
Yurganova I. I. Features of Religious Identity of National Outskirts of the Empire: the Case of Yakutia	122

ARCHEOLOGY

Konstantinov A. V. Archaeological Excavations in the Territory of the Church of Dormition of the Mother of God in Kalinino village, Transbaikalia	128
Konstantinov M. V. Archeologist I. I. Kirillov: Forefront of Field Research (to the Scientist's 80th Anniversary)	137
Mamkin A. M., Afanas'ev S. A. Khoktonga Site – a Stratified Object of the Final Bronze Age – the Early Middle Ages in Mountain-Taiga Zone of Eastern Transbaikalia	145
Maslodudo S. V. Ust-Menza-2 Multilayer Settlement (New Stage of Research)	153
Moroz P. V. Sakhyurta 1 Site and its Place in the Paleolithic Scheme of Transbaikalia	162

ORIENTAL STUDIES

Bazarov B. V., Kuras L. V., Tsybenov B. D. The Mongolian Delegation on the Kalinin Front (According to the Materials of the Collection “On the Front”)	172
Vanchikova T. P., Miyagasheva S. B. Chronicle by O. Amarjargal “On the Origin and Historical Development of the Barga-Buryats” as a Source of Interpretation of Ethnic History and Traditional Culture of the Barga-Buryats	179
Rassadin I. V. Comparative Analysis of the Soyots and Buryats Livestock Breeding	190

POINT OF VIEW

Shagiakhmetov M. R. System View of the Process of Historical Development	196
Il'chenko S. N. Paradoxes of Interpretation of History in the Space of On-Screen Communication (on the Material of the Films and Serials about the Great Patriotic War)	207

REVIEWS

Kuras L. V., Vanchikova Ts. P. The Tragic Events that “Have Shaken the World”. Review A. V. Konstantinov, N. N. Konstantinova “History of Transbaikalia Region (1917–1922)”	216
Mertsalov V. I. Economic Development of Western Transbaikalia in View of the Historical Concept of Modernization (Monograph “Economy in the Regional ‘Interior’ Western Transbaikalia in the Modernization Process 1880s–1930s”)	222

SCIENTIFIC LIFE

The Sovnarkhoz Reform of 1957–1965 and History of Transbaikalia in Research of V. I. Mertsalov, Doctor of History (to the 70th Birthday Anniversary)	227
Researcher of the History of State – Confessional Relations in Russia (the Anniversary of Doctor of History S. V. Vasilyeva)	230

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

PROBLEMS IN HISTORY OF RUSSIA

УДК 339.543

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-6-13

Наталья Геннадьевна Казанцева,
кандидат юридических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: ngsav@mail.ru

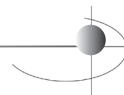
Практика таможенно-тарифного регулирования приграничного торга (на примере Забайкальского региона)

Изучение исторического опыта регулирования государством таможенно-торговых отношений на сегодняшний день остаётся одним из интереснейших объектов для изучения. Обусловлено это необходимостью дальнейшей выработки механизмов регулирования таможенно-торговых отношений с учётом исторических, географических и политических особенностей, что особенно важно в условиях развития современных подходов к укреплению государственности и совершенствованию принципов таможенного государственно-правового строительства. В статье уделяется внимание особенностям таможенно-тарифного регулирования, сформировавшимся в условиях развития торговых отношений с Китаем. Представлена характеристика законодательного регулирования таможенно-торговых отношений на востоке России во второй половине XVIII – начале XIX века с детализацией пошлинного обложения. Автором детально проанализирован комплекс правовых документов, позволяющих сформировать детальное представление о специфических особенностях таможенно-тарифного регулирования. Автор констатирует, что применяемая на территории Забайкалья система таможенно-тарифного регулирования наложила свой отпечаток на деятельность таможенных учреждений, что, прежде всего, было связано с процедурами таможенного оформления товаров. Таким образом, исследование рассматриваемого вопроса на основе введённых в научный оборот документов и материалов поможет выявить отдельные особенности организации и деятельности таможенных органов, извлечь уроки исторического опыта.

Ключевые слова: таможенные органы, таможня, Таможенный устав, таможенно-тарифное регулирование, пошлинное обложение

Вводная часть. Одной из важнейших особенностей, характеризующей таможенное дело Забайкалья, является особая система таможенно-тарифного регулирования, основанная на совмещении договорных условий торгового и предписаний правящих властей. Существование системы преференций и льгот является одной из характерных черт русско-китайских торговых отношений, что, безусловно, связано с таможенно-тарифным регулированием в государстве. Применение традиционной систе-

мы таможенного обложения в полном объёме шло вразрез с интересами правящих властей на азиатском направлении, что привело к формированию особой таможенно-тарифной конструкции. Данная практика сформировалась с момента учреждения первых таможенных органов на территории Забайкальского региона и сохранила своё существование на протяжении всего дореволюционного периода. Даже в условиях перехода на общероссийские таможенные тарифы в начале XX века эта специ-

фика сохранялась, но, безусловно, в меньших объёмах.

Историография изучаемой проблемы с позиции государственной системы таможенно-тарифного регулирования обширна. Изучение исторического опыта таможенно-тарифного регулирования следует связывать с различными исследователями. Значительную работу в этом плане провели русские историки: В. Л. Витчевский [2], К. И. Лодыженский [4], М. Н. Соболев [6] и другие [8; 9; 10; 11; 12]. При этом труды историков, экономистов, юристов, посвящённые проблемам таможенного дела и таможенно-тарифного регулирования, минимально затрагивают интересующий нас региональный аспект.

Методология и методы исследования. Методологической основой настоящей статьи стали основополагающие принципы исторического познания: принципы историзма, научной объективности. В основу исследования был положен принцип историзма для проведения глубокого изучения данной проблемы. В соответствии с этим принципом последовательно изложены материалы по определённым историческим этапам, прослеживается динамика развития таможенно-тарифного регулирования с учётом региональных особенностей. В основе принципа научной объективности лежит признание наличия в изучаемой объективной реальности причинно-следственных связей. Выявление архивных документов и нормативно-правовых актов для получения достоверных сведений об исторических фактах таможенно-тарифного регулирования позволили объективно отразить прошлую реальность.

В работе применялись специальные методы исторического познания: исторический, сравнительно-исторический, описательный, статистический и др. В целом использование перечисленных методов позволило обеспечить комплексный подход к исследованию. При этом удалось проследить динамику становления и развития системы таможенно-тарифного регулирования в контексте региональной истории таможенного дела.

Результаты исследования. На этапе становления таможенного дела в регионе ключевой особенностью было осуществление торгового оборота с Китаем меновым порядком, при наличии системы пошлинного обложения. Пошлина взималась по установленным для сибирских земель правилам. Речь идёт от тарифных правил для Кяхтинского торгового оборота. Основываясь на анализе текстов нормативных актов, можно чётко утверждать, что такая

таможенная практика возникла под влиянием политических факторов, обусловленных интересами России на востоке страны.

Назовём ряд особенностей в отношении китайских товаров, установленных текстом Таможенного устава 1755 года. В документе сказано: «Торговля с Китаем производится чрез учрежденную в Иркутской губернии Кяхтинскую таможенную заставу, кои, не причисляясь ни к какому таможенному округу, находятся в отдельном управлении»¹.

Четвёртая глава документа даёт описание производства таможенных дел по Китайскому торговому обороту. Здесь особое внимание было уделено мелочному торговому обороту, решавшему проблемы обеспечения населения товарами и продовольствием: «Промен хлеба и масла на Кяхте по мелочному торговому обороту дозволяется всем жителям Забайкальского края без всякого ограничения; кроме сего, инородцам и Русским, занимающимся мелочною торговлею на Кяхте, дозволяется менять Китаю скот и всякие другие припасы (кроме мерлушки) свободно, без всякого ограничения с соблюдением правил, для Китайского торгового оборота установленных. Надзор за производством мелочной торговли предоставлялся Толмачам»².

Всем сибирским купцам и торгующим на Кяхте предоставляется совершенная свобода в части уплаты пошлин. Они могли вносить пошлины частями или полностью, переводом в четыре места, а именно: Иркутск, Тобольск, Москву и Санкт-Петербург. При переводе пошлин даётся купцам отсрочка в платеже: для первой половины суммы – 9 мес., для последней – 18 мес., с уплатой за это в пользу казны по 6 % на сто в год, сколько по расчёту за 9 или 18 мес. причтётся. Для обеспечения казны в исправном платеже пошлин при переводе с купцов брали векселя на законном основании с залогами и поручительствами. Данная практика была направлена на поддержку интересов местного купечества.

В соответствии с Таможенным уставом 1755 года порядок пошлинного обложения устанавливался следующий: товары российские, привозимые в Сибирь через Верхотурье, пошлинами не облагались, в случае, когда эти товары доставлялись на границу, с них в пограничных таможенных пунктах пошлину брали с каждого рубля с оценки по 13 к. и вместо тарифной пошлины, как при портах берется, брать по 5 к. с рубля, итого по 18 к.

¹ История таможенного дела и таможенной политики России (907–1811 гг.): хрестоматия. – М.: РИО РТА, 1995. – Ч. 1. – С. 122.

² Там же.

Мягкая рухлядь, которую покупают в Сибири, вывозимая для торга на границу, облагалась в пограничных Таможнях «в натуре теми товарами десятую, да с расценки внутренних по 13 копеек с рубля».

«Со всякого Китайского и прочих иностранных товаров, какого б звания ни были, привозимых и из-за границ, брать пошлины при пограничных Таможнях с каждого рубля, вместо собираемой прежде десятой в натуре ныне деньгами, с расценки по десяти копеек, а внутренней пошлины брать сверх того по 13 копеек, итого по 23 копейки с рубля, а за тем взятием пошлин внутрь Сибири и России продавать и за границу отпускать без пошлин».

В инструкции, данной директору Кяхтинской таможни, также нашли отражение вопросы взимания пошлин, в документе сказано: «...Со всех товаров, ввозимых в Сибирь брать пошлину по 13 коп. с рубля, а на Верхотурье, так и внутри Сибири более уже не брать с товаров российского производства, ввозимых в Сибирь через Верхотурье пошлину не брать».

С мягкой рухляди, которую привезли для торговли на границе брать в натуре десятую (имеется в виду часть) да с расценки по 13 коп. с рубля.

С продажи иностранным купцам скота брать по 23 коп. с рубля.

С китайских товаров по 10 коп. с рубля, а внутренней пошлины брать сверх того по 13 коп. с рубля и того по 23 коп. с руб.

Досматривать все привозимые товары, кроме тех, которые будут иметь печати Кяхтинской и других Сибирских таможен...

...Если купцы повезут для покупки за границей деньги с них не взимать их 10-ю часть, как прежде.

Все товары должны быть с клеймом и печатями. Без клейма и печати могут быть только те товары, на которых невозможно поставить печати и клейма...

Запрещалось делать и продавать порох.

Надлежит смотреть чтоб тайно не вывозили ремень...»¹.

В итоге объёмы таможенных доходов Кяхтинской таможни были весьма значительны: в 1755 году таможенные сборы составили 193,179 р., в 1756 году – 157,183 р., в 1757 году – 117,315 р., в 1758 году – 178,978 р., в 1759 году – 201,451 р., в 1760 году – 288,165 р. Известно, что большая часть сумм, получаемых в качестве таможенной пошлины, оставалась в самой таможне [5, с. 74].

¹ ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 68. – Оп. 1. – Д. 234. – Л. 3–4.

Правила пошлинного обложения, были установлены и Таможенным тарифом 1761 года. В документе сказано:

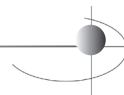
«1) торговцам, едущим из России, предъявлять в Верхотурской таможне опись товаров и оплачивать пошлины в размере 10-й части товарами или деньгами. С тех торговцев, которые, предъявляя роспись товарам, не показали таковых на 100 и на 200 р., взыскивать только нормальную пошлину, потому что это может быть только упущением; с тем же, которые утаят товары на 200, 300 р. или на большую сумму или же захотят провести товар беспошлинно мимо Верхотурья, – взыскивать пошлину вдвое, чтоб их не разорять; тех же, которые утаят товары в другой раз, “да его же батожьем бить нещадно”, все утаенные товары отбирать на Великого Государя и в Сибирь больше не отпускать. После осмотра и проверки описей товаров верхотурской голова записывает все в свою книгу и дает выпись торговцу. После весенней отправки торговцев из Верхотурья голова должен высылать почтой в Нерчинск роспись товаров...»².

Затем после наказа вести дело чисто, не допуская беспошлинного провоза мимо Верхотурья и Нерчинска, сказано: «А в Нерчинских записных пошлинных книгах всякому торговому человеку велеть под своею статьею впредь для спору прикладывать руку» [1, с. 103–104].

В 1800 году с принятием Кяхтинского тарифа³ правила пошлинного обложения изменились. Пошлины, собираемые тарифу 1761 года, а именно, пошлины портовые и пограничные, а также мелочные сборы (под названием акциденции на содержание застав) отменялись, вместо них полагалось «...сбирать с каждого товару то только, что сим тарифом положено». Пошлины полагалось собирать российской медной монетой и банковскими ассигнациями, также чётко устанавливалась возможность меновой торговли, которая стала основной. В тарифе сказано: «...буде же кто из торгующих пожелает платить оные вымениванием у китайцев серебром и золотом то принимать и оным, считая золотник чистого золота в 2 рубля 75 копеек, а серебра чистого в 19 ½ копеек...». Тарифом допускалась отсрочка пошлин. В этом случае устанавливалось: «...бывшие до ныне по Указу 1794 года августа 8 дня, последовавшему на докладах Сената, отсрочки пошлин и перевод оных векселями в Иркутск, Тобольск, Мо-

² Таможенное дело России: сб. документов и материалов. – Т. 1. 907–1721 гг. – М.: РИО РТА, 1997. – 52 с.

³ РГИА (Российский государственный исторический архив). – Ф. 21. – Оп. 12. – Д. 4. – Л. 1–5.

скую и Санкт-Петербург оставляются по прежнему на основании того же указа...»¹. Иными словами, принятие тарифа в полной мере не отменяло действие прежних норм. Важнейшее положение содержалось в п. 5 тарифа: «Следующие с отпускных товаров пошлины платить тогда, когда на оные выменены будут китайские товары и в то уже время вместе с тех и других по подаче надлежащих объявлений вычислять и собирать оные на узаконенном основании». Данное положение устанавливало меновой характер как основной. Ещё одна норма в отношении этого же правила содержалась в п. 7.7: «Положенные Именным Указом 1732 г. сентября 22 дня указом в пользу городов с каждого пошлинного рубля за вымененный у китайцев по 2 копейки и за отпускаемые за границу товары по 1 копейки собирать и впредь, употребляя в прочем оные в пользу общественных заведений китайского торгова на Кяхте производимого, для чего не отсылая оных впредь в приказ Общественного призрения хранить в Иркутской Казенной палате и употреблять на надобности для пользы оного торгу необходимые как то: на заведение перевозных через Байкал судов, на постройные и починку гостиного к Кяхте двора и складочных анбаров в Троицкой Крепости»².

Тариф устанавливал следующую норму в отношении ввозимых товаров: «С иностранных товаров, привезенных в Россию, через сухопутные и портовые таможи и снабденных от оных надлежащим стемпелем при промене китайцам не платить ничего, и воспрещать хозяевам следующую часть пошлин с тех товаров, кои пользуются сим по общему тарифу. Сенат наш имеет предписать Коммерц-коллегии иметь бдительное наблюдение, дабы в числе привозимых буде иностранные товары не было таких, кои общим тарифом привозить в Россию запрещено: в противном случае таковые товары конфисковывать и поступать с оными на основании узаконений для общего тарифа изданных распространяя сие и на те товары, кои найдутся за клеймом, которой либо таможи...»³.

Пункт 8 гласил, что «...буде в таможене между прочими дозволенными товарами окажутся Тарифом, ныне издаваемым запрещенными, привезенные ли из России в Кяхту или у китайцев вымененные, то конфисковывать оные в казну и уведомлять о том Иркутского Гражданского Губернатора»⁴.

¹ РГИА. – Ф. 21. – Оп. 12. – Д. 4. – Л. 4.

² Там же. – Л. 5.

³ Там же.

⁴ Там же.

В 1841 году был издан новый тариф, в отношении Кяхтинской торговли, вступивший в действие с 1842 года. На одни товары пошлина была уменьшена, а на другие, наоборот, увеличена. Для облегчения расчётов карантинные и прибавочные проценты, составляющие примерно 12 процентов, были присоединены к коренной пошлине. Из числа запрещённых к привозу товаров, был дозволен привоз тех статей, которые не шли во вред собственной промышленности.

В 1852 году были изданы особые правила, согласно которым таможенные пошлины на ввозимые русскими подданными по западно-китайской границе товары были и вовсе упразднены. Тем самым был сделан первый шаг для создания беспрепятственного перемещения китайских товаров через российскую границу.

Таким образом, фискальная деятельность таможенных органов на территории Забайкалья к середине XIX века получила достаточно детальную законодательную регламентацию. При применении общероссийских правил, система пошлинного обложения в Забайкалье всё же имела свои особенности. Часть из них была регламентирована в договорах с Китаем, а часть – в особо разработанных законодательных актах. Ключевой, характеризующий этот период развития таможенного дела чертой являлся меновой характер торгова, при наличии государственной монополии на отдельные виды товаров.

Вторая половина XIX века в системе пошлинного обложения сохранила черты договорной доминанты. С товаров, ввозимых в Китай русскими купцами и вывозимых ими оттуда, взимались пошлины по общему тарифу для иностранной торговли в Китае и по дополнительному тарифу для русской торговли, составленному в 1862 году. Отдельные вопросы осуществления пошлинного обложения были регламентированы в «Правилах для сухопутной торговли России с Китаем, заключённых в Пекине 15 апреля 1869 г.».

В них речь шла о том, что по границе обоих государств, на расстоянии 100 китайских ли (около 50 русских вёрст) в ту и другую сторону торговля велась беспошлинно. Русские купцы имели право торговать беспошлинно по всем местам подчинённой Китаю Монголии, в которых находились китайские власти (учреждено китайское управление), и по всем аймакам, находящимся в непосредственном ведении этих властей.

Пошлинное обложение в правилах устанавливалось следующее: проезжая с русски-

ми товарами из Кяхты, через Калган, купцы, по своему усмотрению, оставляли там для продажи произвольное количество товаров, «везомых ими в Тяньцзинь». В течение 3 дней они заявляли об этом директору таможни, который до произведения осмотра выдавал им «разрешительное на распродажу свидетельство». После внесения за оставляемый товар пошлины они могли его распродавать. С русских товаров, привозимых русскими купцами в Тяньцзинь, взималась пошлина на 1/3 менее, в сравнении с общим иностранным тарифом. С товаров, оставляемых в Калгане, взималась в Калгане полная по тарифу ввозная пошлина. Если товар, оставленный русским купцом в Калгане, не был продан, но за него уплачена уже пошлина и есть свидетельство об её уплате, то купец мог везти его для продажи в Тун-чжоу или Тяньцзинь. Причём никакой другой пошлины с него уже не взималось, а взятая в Калгане 1/3 возвращалась обратно, что указывалось в билете, выдаваемом ему в этом случае в Калгане. Если при осмотре товаров по прибытии их в Тяньцзинь оказывалось, что за исключением оставленного количества в Калгане первоначальный товар изъят и заменён другим (или количество его не соответствует количеству, оставленному в Калгане), то весь товар, принадлежащий виновному купцу, конфисковывался. Взысканию не подлежали те ящики и тюки, которые разбились дорогой и потребовали «перекупорки», но при условии «если только после перекупорки купец в ближайшей по пути таможне заявил о том, и таможня, удостоверившись в первоначальном виде товара, отметила о том в билете».

Полной конфискации также подлежит товар виновного купца и в том случае, если он следовал не по разрешённым для движения дорогам, при этом распродавая товар. Если же он следовал только другой дорогой (без реализации товара), то ему полагался штраф с внесением лишней ввозной пошлины.

При конфискации товара купец мог (если пожелает), уплатить за товар серебром, причём оценка товара в его первоначальном виде должна производиться по соглашению с китайскими властями.

Детализация условий сухопутной торговли осуществлялась в 1881 году, как следствие были утверждены Правила сухопутной торговли. Там был оговорен перечень товаров, перемещаемых через таможенную границу на льготных условиях, что в полной мере применялось к таможенным органам региона.

К ввозу и вывозу беспошлинно допускались: золото и серебро в слитках, иностран-

ная монета, мука разных сортов, саго, сухари, мясо и зелень в консервах, сыр, масло коровье, конфеты, иностранная одежда, изделия ювелирные, изделия из серебра, духи и мыло всех сортов, древесный уголь, дрова, свечи иностранного изделия, табак и сигары иностранные, вино, пиво, спиртные напитки, припасы и различные предметы, употребляемые в домах и на судах, дорожный багаж, канцелярские припасы, ковровые изделия, ножевой товар, иностранные лекарственные предметы, стекло и хрусталь.

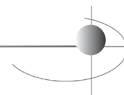
При ввозе или вывозе сухим путём поименованных ранее предметов они будут пропускаться беспошлинно. Однако при отправлении их на внутренние рынки из городов и портов, упомянутых в настоящих правилах, с этих предметов будет взиматься транзитная пошлина в размере 2,5 % с их стоимости. Этой пошлине не будут подлежать, впрочем, дорожный багаж, золото и серебро в слитках и иностранная монета.

К ввозу и вывозу не допускаются и в случае провоза контрабандой подлежали конфискации: порох, артиллерийские снаряды, пушки, ружья, винтовки, пистолеты и всякое огнестрельное оружие, военные снаряды и припасы, соль, опиум.

Запрещён вывоз риса и китайской медной монеты. Ввоз же риса, равно как и зерна всех родов, допускается беспошлинно.

Завершение масштабных проектов железнодорожного строительства и последовавшая отмена порто-франко в Приамурском крае коренным образом изменяли условия, в которых развивалась русско-китайская торговля. Рост населения и увеличение его благосостояния, развитие местной промышленности, возможность ввоза отечественных товаров, а также темпы и масштабы русско-китайской торговли – всё это с неизбежностью ставило среди других вопрос об отмене ст. 1370 Устава Таможенного, а, следовательно, и закреплённых в ней преференций.

Создание в начале XX века в Забайкалье таможенных учреждений привело к введению правил, действие которых имело региональную направленность. Например, 26 апреля 1902 года по распоряжению министра финансов был установлен порядок, при котором китайские товары, пропускаемые беспошлинно по сухопутной границе, освобождались от оплаты пошлиной и при вывозе их из портов Приморской области в порты Европейской России. Исключение составляли облагаемые пошлиной чай и серебро в слитках. Одновременно вводилось обязательное клеймение

в российских таможенных учреждениях на границе с Китаем доставляемых этим же путём китайских шёлковых тканей¹. Однако уже в июне 1902 года этот порядок был отменён и все китайские товары, ввозимые морем в империю, вновь подлежали оплате пошлиной².

Отдельные архивные данные свидетельствуют о довольно значительных оборотах таможенных органов Забайкалья в части пошлинного обложения. Так, например, управляющий Маньчжурской таможнею доводит до сведения окружного таможенного инспектора Заамурского района следующие данные: «Оплачено пошлиною чаев байховых и кирпичных на 279891 руб. 97 копеек. Поступило за клеймение китайских шелковых тканей 630 руб. 28 копеек. Всего поступило пошлин и других сборов 288286 руб. 1 копейка...»³.

Учреждённые таможенные органы в своей деятельности также руководствовались локальными актами, регионального характера. Так, например, в инструкции таможенным постам Забайкальской, Амурской и Приморской областей от 18 февраля 1910 года «в отношении пошлинного обложения сказано, что оплате таможенной пошлиной подлежат:

а) все иностранные товары, обложенные пошлиной по закону 16 января 1909 г.;

б) русские товары, вывезенные за границу с возвратом пошлины, уплаченной за материалы, из которых они изготовлены, а равно русский спирт, водочные изделия и нефтяные продукты, вывезенные за границу со сложением акциза.

Обратно привозимые из заграницы русский сахар, табачные изделия и спички облагаются: сахар – акцизом и дополнительным

налогом, табачные изделия и спички – при наличности доказательства их русского происхождения – бандеролями, установленными для изделий внутреннего приготовления. Китайские сахар, спички, пиво и табачные изделия подлежат оплате акцизом...»⁴.

Выводы. Исследование показало, что таможенно-тарифное регулирование на территории Забайкалья осуществлялось с учётом внешнеполитических целей и задач государства, и в целом было детерминировано направлениями таможенной политики на востоке России. Последнее обстоятельство было обусловлено интересами центральных властей. Развитие торговли с Азией было важно в отношении политическом, как одна из мер к сближению с азиатскими государствами. Кроме того, таможенная политика России, проводимая в отношении восточносибирского региона страны конца XVII – начала XX века была подчинена интересам общероссийской политики по вовлечению «окраинных территорий» в общероссийскую экономику, распространения российской внешней торговли на новые рынки.

Заключение. Проведённый в исследовании анализ основных регулятивных документов, в исторической ретроспективе, позволил продемонстрировать развитие основных тенденций таможенно-тарифного регулирования. В результате установлено, что данные особенности оказали непосредственное влияние и на другие направления деятельности таможенных учреждений Забайкалья, что подтверждает существование особой модели таможенного устройства на окраинных рубежах Российского государства.

Список литературы

1. Андриевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья. От древнейших времен до 1762 г. М.: Вече, 2013. 288 с.
2. Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России от Петра Великого до наших дней. СПб.: Изд-во Д. А. Казицына и Ю. Д. Филиппова, 1909. 362 с.
3. Кисловский Ю. Г. История таможни государства Российского 907–1995 гг. М.: РИО РТА, 1995. 286 с.
4. Лодыжинский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. 382 с.
5. Силин Е. П. Кяхта в XVIII в. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. 204 с.
6. Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. Томск, 1911. 250 с.
7. Таможенное дело в Восточной Сибири и Забайкалье / под ред. В. П. Шахерова. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1999. 79 с.

¹ Сборник узаконений и циркуляров по таможенной части за 1902 г. – СПб., 1903. – С. 39.

² Там же.

³ ГАЗК. – Ф. 107. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 192.

⁴ Сборник узаконений и распоряжений по таможенной части в Приамурском крае и Восточной Сибири по 1 января 1912 г. – СПб., 1912. – С. 27–32, 93–96.

8. Хохлов А. Н. История с караваном, отправленным из Кяхты в Пекин в 1861 г. // Общество и государство в Китае. М., 1983. Ч. 2. С. 136–149.
9. Хохлов А. Н. Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII в. – середина XIX в.). Бурятия XVII – нач. XX в. // Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. С. 15–50.
10. Cantens T. Mirror Analysis: Customs Risk Analysis and Fraud Detection // Global Trade and Customs Journal. 2015. Vol. 10, iss. 6. P. 207–216.
11. Di Masi L., Gambardella M., Rovetta D. An Overview of EU Sanctions Case Law // Global Trade and Customs Journal. 2015. Vol. 10, iss. 7/8. P. 250–257.
12. Lyons T. A Customs Union without Harmonized Sanctions: Time for Change? // Global Trade and Customs Journal. 2015. Vol. 10, iss. 4. P. 136–142.

Статья поступила в редакцию 07.02.2017; принята к публикации 05.04.2017

Библиографическое описание статьи

Казанцева Н. Г. Практика таможенно-тарифного регулирования приграничного торгога (на примере Забайкальского региона) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 6–13. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-6-13.

Natalya G. Kazantseva,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Transbaikal State University*

*(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: ngsav@mail.ru*

Customs-Tariff Regulation Practice of Cross-Border Bargaining (the Case of Transbaikalia Region)

Study of the historical experience of customs-trade relations regulation by the state is nowadays one of the most interesting research objects. It is caused by necessity of the further mechanisms of development of customs-trade relations regulation according to the historical, geographical and political features that is especially important in the conditions of development of modern approaches to strengthening statehood and perfection of customs state-legal construction principles. The article focuses on customs-tariff regulation features generated in conditions of development of trade relations with China. The characteristic of legislative regulation of customs-trade relations in the east of Russia in the second half of the 18th – the beginning of 19th centuries with liable to a duty detailed elaboration. The author analyzes in details a legal documents complex allowing to generate detailed representation about customs-tariff regulation specific features. The author states that the customs-tariff regulation system used in Transbaikal territory has influenced customs offices activity that was firstly connected with customs registration goods procedures. Thus, the research of the case based on the documents introduced into scientific circulation and the materials will help to reveal separate organization features and customs bodies activity, to get historical experience.

Keywords: custom authority, customs, Customs charter, customs-tariff regulation, liable to duty

References

1. Andrievich V. K. Kratkii ocherk istorii Zabaikal'ya. Ot drevneishikh vremen do 1762 g. M.: Veche, 2013. 288 s.
2. Vitchevskii V. Torgovaya, tamozhennaya i promyshlennaya politika Rossii ot Petra Velikogo do nashikh dnei. SPb.: Izd-vo D. A. Kazitsyna i Yu. D. Filippova, 1909. 362 s.
3. Kislovskii Yu. G. Istoriya tamozhni gosudarstva Rossiiskogo 907–1995 gg. M.: RIO RTA, 1995. 286 s.
4. Lodyzhinskii K. Istoriya russkogo tamozhennogo tarifa. SPb., 1886. 382 s.
5. Silin E. P. Kyakhta v XVIII v. Iz istorii russko-kitaiskoi trgovli. Irkutsk: Irkut. obl. izd-vo, 1947. 204 s.
6. Sobolev M. N. Tamozhennaya politika Rossii vo vtoroi polovine XIX v. Tomsk, 1911. 250 s.
7. Tamozhennoe delo v Vostochnoi Sibiri i Zabaikal'e / pod red. V. P. Shakherova. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1999. 79 s.
8. Khokhlov A. N. Istoriya s karavanom, otpravlennym iz Kyakhty v Pekin v 1861 g. // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. M., 1983. Ch. 2. S. 136–149.
9. Khokhlov A. N. Kyakhta i kyakhtinskaya trgovlya (20-e gg. XVIII v. – sredina XIX v.). Buryatiya XVII – nach. XX v. // Ekonomika i sotsial'no-kul'turnye protsessy. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1989. S. 15–50.
10. Cantens T. Mirror Analysis: Customs Risk Analysis and Fraud Detection // Global Trade and Customs Journal. 2015. Vol. 10, iss. 6. P. 207–216.

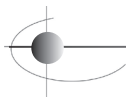
11. Di Masi L., Gambardella M., Rovetta D. An Overview of EU Sanctions Case Law // Global Trade and Customs Journal. 2015. Vol. 10, iss. 7/8. P. 250–257.

12. Lyons T. A Customs Union without Harmonized Sanctions: Time for Change? // Global Trade and Customs Journal. 2015. Vol. 10, iss. 4. P. 136–142.

Received: February 07, 2017; accepted for publication April 05, 2017

Reference to the article

Kazantseva N. G. Customs-Tariff Regulation Practice of Cross-Border Bargaining (the Case of Transbaikalia Region) // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 6–13. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-6-13.

УДК 94(41/99)(571.55)

Вера Юрьевна Минаева,

аспирант,

Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а),
e-mail: vera-minaeva.1990@mail.ru

Пребывание японских войск на территории Забайкалья в годы Гражданской войны (по материалам ГАРБ и ГАЗК)

Период Гражданской войны и иностранной военной интервенции является одним из наиболее сложных и интересных периодов в истории России. Вместе с тем эта тема далеко не исчерпана и продолжает оставаться актуальной как в политическом, так и в научном плане. В последнее время в результате переосмысления исторического опыта нашей страны возникают новые спорные вопросы, некоторые события прошлого требуют уточнения. Это, например, относится к проблеме участия войск Японии в иностранной военной интервенции в России. Государственный архив Республики Бурятия и Государственный архив Забайкальского края являются крупнейшими местами хранения документов по данной теме истории, что позволило выявить ряд интересных фактов о деятельности японских вооружённых формирований на территории Забайкалья. Архивные документы открывают широкие возможности для исследователей по переосмыслению опыта прошлого. Вместе с тем стоит отметить, что не всегда информация из архивных источников является правдивой, поэтому архивные документы следует подвергнуть источниковедческой критике. В статье автор попытался на основе архивных материалов и периодической печати проследить ряд интересных событий, связанных с пребыванием японских войск.

Ключевые слова: Забайкалье, Гражданская война, иностранная военная интервенция, вооружённые формирования, японское присутствие, документальные комплексы государственных хранилищ

Вводная часть. Изучение проблемы Гражданской войны и иностранной интервенции в Забайкалье в 1918–1920 годах сопровождается в последние десятилетия устойчивым интересом, при этом всё большее предпочтение отдаётся региональному аспекту этих событий. Сегодня интересна реальная роль Японии в развязывании иностранной интервенции в России.

Историография. Проблема изучения Гражданской войны в Забайкалье неоднократно поднималась исследователями. Так, влияние американо-японских противоречий на решение США о высадке войск на Дальнем Востоке России рассматривал Г. Рейхберг [12, с. 25]. Политика интервентов и их планы построения буферных государств под своим протекторатом на территории Сибири и Дальнего Востока были рассмотрены в монографии С. С. Григорьевича. Автор подробно останавливается на целях иностранной интервенции в Забайкалье, отмечая, что Япония добивалась отторжения северной части Сахалина, а затем и захвата советской территории вплоть до Урала путём создания на этой территории буферного государства [4, с. 96].

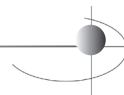
Большой вклад в раскрытие заявленной темы внесли труды В. П. Гирченко. В своих работах автор показал роль иностранных государств в годы Гражданской войны и ино-

странной интервенции в Забайкалье [1; 2]. Особо следует отметить его работу «Этапы революционного движения в Бурятии в 1917–1918 гг. (Хроника)», которая вышла в свет в год десятилетия юбилея Октябрьской революции [3, с. 29].

В 1955 году была опубликована рукопись 2 тома «История БМАССР». Вторая глава, написанная П. Т. Хаптаевым, содержит большой фактический материал по истории Гражданской войны и иностранной интервенции в Забайкалье [7, с. 56].

Среди современных исследователей следует выделить А. Кошкина, который в своей статье рассматривает русско-японские отношения в начале XX века в русле от «союза до интервенции» [10, с. 144–146]. Е. М. Османов пишет о влиянии введения японской иены на русском Дальнем Востоке в годы Русско-японской и Гражданской войн [11, с. 356].

Интерес представляет работа В. И. Тымчика «Гражданская война и иностранная интервенция на Востоке России (1918–1920 гг.): Проблема информативности источников». Автор объективно рассматривает одну из сложных задач в исторической науке – анализ информативности документов, используемых при изучении истории Гражданской войны [14, с. 86].

Особый интерес вызывают работы профессора Л. В. Кураса. Автор впервые в исторической науке представляет детальный историографический анализ, позволяющий осмыслить причины противостояния большевистских и антибольшевистских сил в Забайкалье. Следует отметить, что Л. В. Курас в своих работах привлекает широкий ряд исторических источников, среди которых архивные документы, зарубежные исследования и т. д. [8, с. 15; 9].

Отечественную литературу по истории Гражданской войны середины 1980–2000-х годов дополняет появление работы Т. А. Немчиновой, в которой показаны новые направления в исследовании по теме и их источниковая база. Автор рассматривает источники личного происхождения с позиции их информативности и объективности [14, с. 13].

Интересными выдержками из архивных документов и биографиями исторических персон наполнена работа А. В. Константинова и Н. Н. Константиновой, где японская интервенция представлена на материалах воспоминаний, биографий участников исторических событий, происходивших на территории Забайкалья в 1917–1922 годах. В центре внимания авторов переломная эпоха – революционный 1917 год, Гражданская война, интервенция, период Дальневосточной республики [7, с. 36].

Цель статьи: на основе архивных документов и периодической печати дать оценку действий японских формирований на территории Забайкалья в период Гражданской войны.

Методология и методы исследования. Исследование выполнено на основе анализа документальных источников, хранящихся в фондах Государственных архивов г. Улан-Удэ и г. Читы. Делопроизводственные документы определяют основные направления интервенции Японии. Статистические сведения свидетельствуют о произволе и грабежах японской армии в Забайкалье. Среди документов следует отметить: ведомость о понесённых убытках населением Забайкальской области от действий японских войск, статистические сведения Общества содействия жертвам интервенции о сборе сведений понесённых населением убытках, материалы периодической печати.

Так, деятельность японской интервенции отражена в следующих основных фондах ГАРБ: ФП-20 «Центр документации новейшей истории» и ФП-69 «Коллекция по изучению истории Октябрьской социалистической революции и истории Коммунистической пар-

тии большевиков (Истпарт)». Среди фондов ГАЗК по деятельности японских войск следует выделить следующие фонды: ФР-15 «Министерство внутренних дел ДВР», ФР-253 «Министерство труда и социального обеспечения ДВР», ФР-360 «Высший кассационный суд ДВР», ФР-361 «Судебная коллегия Дальневосточного отделения Верховного суда» и другие. Всего автором выявлено и просмотрено 45 дел из вышеуказанных фондов.

В процессе написания статьи были применены основные принципы исторической науки: объективность, историзм, комплексность. Использование представленных методов исследования предполагает полный и всесторонний анализ всего имеющегося фактического материала и выявления основных тенденций развития отношений между советской Россией и Японией.

Принцип научной объективности дал возможность отразить пребывание японской интервенции в Забайкалье, а также показал особенности борьбы советских и антисоветских сил во всей динамике с учётом сложности данного процесса.

Результаты исследования. Политические лидеры Японии ставили себе задачу, воспользовавшись сложившейся внешней и внутренней ситуацией в России, под любыми предлогами включить в свою сферу влияния, а при более благоприятных условиях и осуществить захват российского Дальнего Востока и Восточной Сибири. Японская газета «Фузан Ниппо» писала: «Сибирь изобилует природными богатствами. Американцы и европейцы... стремятся к разработке её богатств. Япония имеет такие же права на разработку её богатств» [5, с. 20].

Предлогом вторжения на территорию России Японии и других держав стали необходимость помощи чехословакам, стремившимся выехать на родину через российский Дальний Восток, а также размышления по поводу вооружения большевиками немецких и австрийских военнопленных для борьбы с противниками советской власти. Одним из первых в порт Владивостока ещё в ноябре 1917 года вошёл американский крейсер «Бруклин». 12 января 1918 года на рейде появился японский броненосец «Ивасами», 17 января – крейсер «Асахи» [4, с. 25].

Интересны сведения из периодической печати об эвакуации японских войск из Забайкалья: «...уходящие из Читы семеновцы увозят с собой абсолютно все. Вывезены уже государственные ценности, архивы, различного рода машины, склады, типографии и даже обстановка, приступили к эвакуации го-

сударственной конюшни, тюрьмы, милиции и всех гражданских правительственных учреждений. Среди населения паника ввиду возможности погрома уходящих частей. Вывезли бы, кажется, даже читинский песок, если бы была возможность»¹.

События на железной дороге периода 1918–1922 годов запечатлены в газете «Дальневосточная республика» (№ 78 от 11 августа 1920 г.): «...железнодорожники, перебежавшие к нам из семеновского стана, рассказывают, что по 29 июля японцами вывезено из Читы 1100 вагонов груза. С 29 числа эвакуируются японские мирные граждане. Эвакуация идет усиленным темпом, погрузка идет даже ночью. С 29 июля по 2 августа японцы отправляют по 2–3 эшелона в день. Для более спешной эвакуации не хватает вагонов»².

Большой ущерб от японской интервенции получила промышленность Забайкалья. «Семеновцами из Читы вывезены два кожевенных завода – Акулова и Чернова, механическая фабрика обуви – Мекиладзе»³.

Интервенты, особенно американские и японские, расхищали народное добро. За годы интервенции было вывезено большое количество различных товаров, пушнины, минерального сырья, железнодорожного имущества [7, с. 126]. При своём бегстве в монгольские степи семёновцы взрывали здания станций, хижину мирных жителей, разрушали мосты и телеграфные провода. Ночами кругом видны были зарева пожарищ [7, с. 127].

В ГАРБ хранится ведомость, которая свидетельствует о «размахе» японской интервенции. Так, в «...ведомости при Уездном Управлении был собран точный материал обо всех насилиях и понесенных убытках от прохода японовоек по Верхнеудинскому уезду, но в феврале месяце 1920 г. весь материал был передан американскому представителю полковнику Моро, поэтому в настоящее время точных данных дать нельзя, но по приблизительному подсчету выяснилось следующее:

Сожжено домов в селах уезда с имуществом, находящимся в домах 279, амбаров с хлебом и имуществом находящихся в них 62, церковь с инвентарем одна, кузнец с инструментом 6 штук, погорели все надворные постройки, прилегающие к подожжённым домам и амбарам, местами сгорел скот и сельскохозяйственный инвентарь. Забирались лошади, угонялся скот, сжигался в кладях хлеб, зерно умышленно рассыпалось, а кро-

¹ ГАЗК. – Ф. П-4307. – Оп. 2. – Д. 843. – Л. 23.

² Дальневосточная республика № 78 от 11 авг. 1920 // ГАЗК. – Ф. П-4307. – Оп. 2. – Д. 842. – Л. 39.

³ Там же.

ме всего, что сожжено забиралось в деревнях все, что хотелось, как то: самовары, посуда, теплая обувь, шубы, дохи, подушки, одеяла, все серебряные и золотые вещи и т. д.

В поселке Шишкино 13 человек полуживых было сожжено в кузнице. Сказать о том, что это все стоит в настоящее время трудно, не имея точного списка всего взятого и величины каждого дома, а точно также и количества зерна в сгоревших амбарах, но по приблизительному подсчету по ценам довоенного времени в округленной цифре каждый дом с мелким инвентарём внутри и надворными постройками стоил на звонкую монету в то время 3500 рублей, а 279 домов по 3500 рублей составляет 976 500 рублей⁴.

Амбаров с хлебом и имуществом, находящимся в нем 62 – по 2000 рублей. Всего 124 000 рублей. Церковь со всем имуществом 80 000 рублей. Кузнецы с инструментом 6 штук по 1500 рублей – 9000 рублей.

Всего сожженного имущества по Верхнеудинскому уезду выразилось в сумме 1 189 500 рублей, а разграбленного о котором говорилось выше у тех крестьян, у которых остались не сожжены дома и другие постройки, имущество забрано на 1 000 000 рублей, что в общей далеко не точной сумме составляет 2 189 500 рублей»⁵.

Таким образом, местное население понесло значительные убытки от пребывания японских войск на территории Забайкалья. Эти убытки следовало посчитать для выплаты материальной помощи. С этой целью в 1921 году было создано Общество содействия жертвам интервенции. Общество собирало статистические сведения о взятом крестьянском имуществе за период гражданской войны по уездам и отдельным селениям.

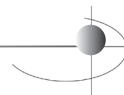
В Государственном архиве Забайкальского края и Государственном архиве Республики Бурятия хранятся списки пострадавших лиц с понесёнными убытками: сожжённые дома, угнанные лошади, крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, свиньи, потери хлеба, овса, муки, саней и других предметов⁶. Данный вид документов позволил подсчитать ущерб, а также сделать вывод о том, что население неохотно обращалось в общество содействия жертвам интервенции и не могло объективно оценить понесённые убытки.

Обсуждение результатов исследования. Таким образом, в государственных хранилищах г. Улан-Удэ и Читы нами были выявлены интересные документы по истории японской

⁴ ГАРБ. – Ф. Р-449. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 9–9 об.

⁵ Там же.

⁶ ГАЗК. – Ф. Р-253. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 1–4.

миссии в Забайкалье. Необходимо отметить, что трудность поиска документов заключается в том, что они находятся в «смешанных комплексах» вместе с документами (постановлениями, протоколами, переписками) об организации земельных органов, промышленности, изменении границ уездов и волостей, ремонте электростанций и др. Отличительной особенностью обработки и описания документов по истории Гражданской войны и иностранной интервенции является то, что дела фондов расположены хаотично, не соответствуют современным архивным требованиям, «глухие» заголовки не отражают в полной мере содержание самих дел.

Принимая во внимание высокие информативные возможности архивных документов как по характеру, так и по содержанию передаваемых сведений, их неповторимости в отражении исторических событий, можно отметить, что они, как и другие исторические источники, независимо от своей видовой принадлежности, должны быть подвергнуты источниковедческой критике. Её суть состоит в том, чтобы выявить степень и уровень

достоверности и полноты заключённой в них информации, а также определить их реальные возможности в качестве полноценного исторического источника.

Заключение. Анализ современных исследований, работа с новыми архивными документами, которые представлены в виде статистических документов, периодической печати позволили нам констатировать, что японская интервенция в Забайкалье носила грабительский характер. Архивные источники свидетельствуют о том, что вместе с эвакуацией японских войск из Забайкалья происходил вывоз заводов, пушнины, предметов быта. Японская интервенция в Забайкалье проникала во все сферы жизни: политику, экономику и другие сферы, и эти действия, на наш взгляд, контролировались правительствами США, Англии, Франции.

Главной целью японской интервенции было отторжение части Сибири и Дальнего Востока от России и вхождение этих территорий в состав Японии в качестве «сырьевой» колонии. Однако планам Японии не суждено было реализоваться.

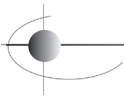
Список литературы

1. Гирченко В. П. Революционная деятельность иностранных интернационалистов военнопленных в Восточной Сибири. Верхнеудинск, 1933. 32 с.
2. Гирченко В. П. Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1918–1920 гг.). Улан-Удэ, 1940. 109 с.
3. Гирченко В. П. Этапы революционного движения в Бурятии 1917–1918 гг. (Хроника). Верхнеудинск: Жизнь Бурятии, 1927. 39 с.
4. Григорцевич С. С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и её разгром (1918–1922 гг.). М.: Госполитиздат, 1957. 200 с.
5. История Бурятии: в 3 т. / Б. В. Базаржапов [и др.]. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.
6. История Бурятской АССР. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. Т. 2. 643 с.
7. Константинов А. В., Константинова Н. Н. История Забайкалья (1917–1922 гг.). Чита: ЗабГУ, 2016. 190 с.
8. Курас Л. В. Борьба за власть Советов в Восточной Сибири. Советская историография борьбы большевиков Восточной Сибири за власть Советов (вторая половина 50-х – 80-е гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. 145 с.
9. Курас Л. В. Октябрьская революция в Сибири 1917 – середина 1918 гг. в отечественной исторической литературе и источниках. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 192 с.
10. Кошкин А. А. От союза до интервенции. Русско-японские отношения в начале XX в. // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 140–155.
11. Османов Е. М. Японские деньги на Дальнем Востоке России в годы русско-японской (1904–1905) и гражданской (1917–1923) войн // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 9. Вып. 3. С. 353–359.
12. Рейхберг Г. К. К истории интервенции на Дальнем Востоке. М., 1934. 60 с.
13. Рейхберг Г. Е. Разгром японских интервентов на Дальнем Востоке. М.: Соцэкгиз, 1940. 212 с.
14. Тымчик В. И. Гражданская война и иностранная интервенция на Востоке России (1918–1920 гг.): Проблема информативности источников: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 1996. 396 с.
15. Немчинова Т. А. Современная российская историография белого движения в Сибири. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2002. 243 с.

Статья поступила в редакцию 16.04.2017; принята к публикации 15.05.2017

Библиографическое описание статьи

Минаева В. Ю. Пребывание японских войск на территории Забайкалья в годы Гражданской войны (по материалам ГАРБ и ГАЗК) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 14–18.

Vera U. Minaeva,
 Postgraduate student,
 Buryat State University
 (24a Smolin st., Ulan-Ude, 670000, Russia),
 e-mail: vera-minaeva.1990@mail.ru

The Japanese Military Mission in the Territory of Trans-Baikal During the Civil War (on Materials of SARB and SATBT)

The period of the Civil War and foreign military intervention is one of the most difficult and interesting periods in the history of Russia. At the same time, the theme of the Civil War and foreign intervention is far from exhausted, it continues to be relevant both politically and scientifically. Recently, as a result of rethinking the historical experience of our country, new controversial issues arise, some events of the past require clarification. This, for example, refers to the problem of the participation of Japanese troops in foreign military intervention in Russia during the Civil War. The State Archives of the Republic of Buryatia and the State Archives of the Trans-Baikal Territory are the largest places to store documents on the history of foreign intervention in Transbaikalia, which allows us to reveal a number of interesting facts about the activities of Japanese armed formations on the territory of Transbaikalia during the Civil War. Archival documents open up vast opportunities for researchers to rethink the experience of the past. At the same time, it should be noted that not always the information from archival sources is true, therefore archival documents should be subjected to source criticism. In the article the author tried to trace a number of interesting events of the Japanese military mission on the territory of Transbaikalia on the basis of archival materials and periodicals.

Keywords: Transbaikalia, civil war, foreign military intervention, armed formations, Japanese intervention, documentary complexes of state repositories

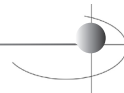
References

1. Girchenko V. P. Revolyutsionnaya deyatel'nost' inostrannykh internatsionalistov voennoplennykh v Vostochnoi Sibiri. Verkhneudinsk, 1933. 32 s.
2. Girchenko V. P. Imperialisticheskaya interventsia v Buryat-Mongolii (1918–1920 gg.). Ulan-Ude, 1940. 109 s.
3. Girchenko V. P. Etapy revolyutsionnogo dvizheniya v Buryatii 1917–1918 gg. (Khronika). Verkhneudinsk: Zhizn' Buryatii, 1927. 39 s.
4. Grigortsevich S. S. Amerikanskaya i yaponskaya interventsia na sovetskom Dal'nem Vostoke i ee razгром (1918–1922 gg.). M.: Gospolitizdat, 1957. 200 s.
5. Istoriya Buryatii: v 3 t. / B. V. Bazarzhapov [i dr.]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2011.
6. Istoriya Buryatskoi ASSR. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1959. T. 2. 643 s.
7. Konstantinov A. V., Konstantinova N. N. Istoriya Zabaikal'ya (1917–1922 gg.). Chita: ZabGU, 2016. 190 s.
8. Kuras L. V. Bor'ba za vlast' Sovetov v Vostochnoi Sibiri. Sovetskaya istoriografiya bor'by bol'shevikov Vostochnoi Sibiri za vlast' Sovetov (vtoraya polovina 50-kh – 80-e gg.). Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1991. 145 s.
9. Kuras L. V. Oktyabr'skaya revolyutsiya v Sibiri 1917 – seredina 1918 gg. v otechestvennoi istoricheskoi literature i istochnikakh. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 1995. 192 s.
10. Koshkin A. A. Ot soyuza do interventsii. Russko-yaponskie otnosheniya v nachale XX v. // Problemy Dal'nego Vostoka. 2009. № 1. S. 140–155.
11. Osmanov E. M. Yaponskie den'gi na Dal'nem Vostoke Rossii v gody russko-yaponskoi (1904–1905) i grazhdanskoi (1917–1923) voin // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2009. Ser. 9. Vyp. 3. S. 353–359.
12. Reikhberg G. K. K istorii interventsii na Dal'nem Vostoke. M., 1934. 60 s.
13. Reikhberg G. E. Razгром yaponskikh interventov na Dal'nem Vostoke. M.: Sotsekgiz, 1940. 212 s.
14. Tymchik V. I. Grazhdanskaya voina i inostrannaya interventsia na Vostoke Rossii (1918–1920 gg.): Problema informativnosti istochnikov: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02. M., 1996. 396 s.
15. Nemchinova T. A. Sovremennaya rossiiskaya istoriografiya belogo dvizheniya v Sibiri. Ulan-Ude: VSGAKI, 2002. 243 s.

Received: April 16, 2017; accepted for publication May 15, 2017

Reference to the article

Minaeva V. U. The Japanese military mission in the territory of Trans-Baikal during the Civil War (on materials of SARB and SATBT) // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 14–18.

УДК 94(470)16/18

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-19-27

Виктор Владимирович Митрофанов,
доктор исторических наук, доцент,
филиал Южно-Уральского государственного
университета в г. Нижневартовске
(628605, Россия, г. Нижневартовск, ул. Мира, 9а),
e-mail: viktor-n1962@mail.ru

Малоизвестные факты о научной и педагогической деятельности Николая Николаевича Попова

История системы образования Российской империи продолжает оставаться в зоне исследовательского поля заинтересованных специалистов в этой сфере. Особое внимание отводится изучению конкретных учебных заведений, роль которых как образовательных и культурных центров была значимой. Безусловно, к таким заведениям относится и Троицкосавское уездное училище – одно из первых и немногих, открытых в Зауралье. В нём трудились известные представители образования, его заканчивали ученики, ставшие впоследствии известными учёными, деятелями культуры, краеведами и являющиеся его гордостью. К такому справедливо относится Николай Николаевич Попов, сведений о котором сохранилось немного. Его имя очень редко упоминается в работах учёных. Помимо учительства он активно занимался изучением края в разных направлениях, особенно в области флоры и фауны. Публикуемые архивные материалы позволяют впервые конкретизировать эту малоизвестную страницу его деятельности. При этом укажем на важное обстоятельство – имя Н. Н. Попова было знакомо известным специалистам в области энтомологии не только в России. Об этом свидетельствует и согласие на выделение средств Академией наук на его поездку для обследования окрестностей Нерчинска. Послужной же список уточняет его биографические сведения, а также факты профессиональной деятельности.

Ключевые слова: Троицкосавское уездное училище, Н. Н. Попов, образование, научная деятельность, послужной список, архивные материалы

Вводная часть. Одно из первых уездных училищ в Зауралье было открыто 15 сентября 1812 года в Троицкосавске, утверждают современные исследователи [8, с. 20; 9, с. 24; 10, с. 77], и не верить им нет оснований. Но свою позицию они, к сожалению, не подтверждают ссылкой на источники. В «Календаре знаменательных и памятных дат истории Бурятии на 2016 г.»¹, изданном Государственным архивом Республики Бурятия и который, как информирует читателя аннотация, «предназначен для работников органов государственной власти, предприятий, учреждений и жителей Республики, специалистов-историков и всех, кто интересуется историей Бурятии», на странице 111 читаем: «205 лет со времени открытия в г. Троицкосавске уездного и приходского училищ». Не верить этому официальному изданию также нет оснований. К тому же на многих электронных сайтах можно встретить 1811 год как год открытия Троицкосавского уездного училища. Например, об этом пишет С. И. Медведев

(филокартист, бывший сотрудник журнала «Земля Иркутская»)², автор известной монографии³, об этой дате говорится и на электронном сайте Кяхты⁴.

Следовательно, без конкретной ссылки на документ о дате его открытия говорить сложно.

Уездное училище было упомянуто в отчёте единственного визитатора Сибирских губерний, известного поэта, писателя, историка-краеведа П. А. Словцова [13, с. 168–181], названного «сибирским Карамзиным» [1, с. 203–220]. В сентябре 1824 года он направил «специальное представление» по завершению ревизии учебных заведений Восточной Сибири Училищному Комитету Казанского Университета, в котором перечислил 5 уездных училищ, кроме Якутского, и 7 приходских училищ [7].

² Медведев С. И. Гимназии, уездные и приходские училища [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pribaikal.ru/irkutsk-colleges0.html> (дата обращения: 12.02.2017).

³ Иркутск на почтовых открытках. 1899–1917: историко-библиографический альбом-каталог. – М.: Галарт, 1996. – 646 с.

⁴ Кяхта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.isnt-it.appspot.com/Кяхта> (дата обращения: 25.01.2017).

¹ Календарь знаменательных и памятных дат истории Бурятии на 2016 г. / авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Н. Г. Сорокиной, Л. Ш. Чимитдоржиева. – Улан-Удэ: Государственный архив республики Бурятия, 2015. – 154 с.

Методология и методы исследования. Для изучения заявленной темы были использованы опубликованные работы для иллюстрации недостаточной её изученности, а также архивные материалы. Эти обстоятельства и способствовали выбору таких методов исследования, как ретроспективный, системный, историко-сравнительный, хронологический.

Результаты исследования и их обсуждение. Троицкосавск быстро развивался, пользуясь выгодным географическим положением и торговым транзитом с Китаем. Об этом свидетельствует и оборот здешней торговли. Например, к началу 1840-х годов её объём в денежном выражении превысил 16 млн р., а в период наивысшего расцвета достигал 30 млн р. Это обстоятельство оказывало влияние на строительство зданий и численность купцов в городке, о чём свидетельствуют следующие цифры: «В 1813 г. в городе было 221 здание, в 1825 г. – 498, в 1857 г. – 957, в 1870 г. – 1016. В начале XIX в. проживало 80 купцов, в 1861 г. – 500» [2, с. 70, 76, 77].

Но общая численность населения Забалуй-городка, как его прозвала народная молва, который являлся культурным центром всего Забайкалья и Восточной Сибири в целом, оставалась небольшой (например, в 1829 г. – 4054), о чём свидетельствуют и цифры о количестве учеников в уездном училище. И. А. Маланов отмечает, что «контингент учащихся в Верхнеудинском и Троицкосавском уездных училищах в течение первой половины XIX в. не превышал 110–112 человек» [9, с. 20]. И. Н. Мамкина конкретизирует численность учеников во втором училище по годам, например, в 1813/1814 учебном году учеников было 66, в 1815/16 – 61, а 1831/32–77 [11, с. 77]. Эти цифры подтверждаются и сведениями из документа, датированного 1860 годом, в котором указывается, что в доме училища «в настоящее время с трудом помещается только до 60 человек»¹.

Интерес представляют и сведения из Национального архива Бурятии о финансировании училища. В ведомости о суммах, отпущенных на содержание учебных заведений Кяхтинского градоначальства за 1861 год, говорится, что «...на содержание Троицкосавского уездного училища поступило в 1861 из казначейства 2439 руб.».

А в «именном списке чиновников и преподавателей учебных заведений ведения

¹ РГИА (Российский государственный исторический архив). – Ф. 733. – Оп. 84. – Д. 229. – Л. 1–3 об.

Кяхтинского градоначальства на 1861 г.» упомянут почётный смотритель училищ Кяхтинского градоначальства «...надворный советник Петр Марцынкевич, уроженец Гродненской губернии, из мещан, 43 лет, католического вероисповедания, не имеет семейства, исправляет должность с 6 июля 1859 г., обучался в императорском Московском университете по медико-хирургическому отделению»².

Исследователи истории образования Забайкальского края проделали значительную работу [5; 8; 17], но в истории Троицкосавского училища, как свидетельствуют архивные материалы, остаётся немало пробелов.

Следует отметить, что авторы опубликованных работ отводят немало места характеристикам учителей, ученикам, окончивших это учебное заведение и оставивших заметный след в различных областях науки, прежде всего, естественных направлений, краеведении, литературе, педагогике, культуре в целом. Например, Д. П. Давыдов (1811–1888) был широко известен, оставаясь таковым и в наше время, прежде всего, своим стихотворением (1848 г.), на слова которого была написана замечательная песня «Славное море – священный Байкал»³, считающаяся народной и неофициальным гимном Иркутской области. Помимо литературных трудов и сбора этнографических материалов, занимался краеведением, имел частную коллекцию по археологии, флоре и фауне Забайкалья [15, с. 91–95]. Значимость открытия П. Д. Давыдова, как и вся его археологическая и краеведческая деятельность, подтверждается избранием его в члены Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. А археолог Ю. С. Худяков в 1980-е годы на основе изучения открытия, сделанного П. Д. Давыдовым, ввёл понятие «культура херексуров и оленных камней» [16, с. 136–162; 18, с. 62–65].

С деятельностью учителя русского языка Троицкосавского училища П. С. Андруцкого связано начало издания «Кяхтинского листа». И. А. Лалетин, представитель известной семьи, немало сделавшей для развития образования в Троицкосавске, был штатным смотрителем уездного училища с 1875 года,

² Календарь знаменательных и памятных дат истории Бурятии на 2016 г. / авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Н. Г. Сороковикова, Л. Ш. Чимитдоржиева. – Улан-Удэ: Государственный архив Республики Бурятия, 2015. – С. 111–112.

³ Первый и единственный гимн озера Байкал // Иркутская область. Книга рекордов. – Иркутск: Приус, 2007. – С. 35.

состоял с 1895 года членом Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского Отдела Императорского Русского географического общества [4, с. 7]¹.

Известный в своё время сибирский поэт из купеческого сословия (в конце жизни, правда, разорился) Иван Михайлович Немчинов (1857–1904), в 1873–1876 годах исполнял обязанности почётного блюстителя Троицкосавского уездного училища.

Этот перечень можно продолжать и дальше, указывая на десятки не менее известных фамилий. Но редко упоминается имя первого консерватора Кяхтинского музея Владислава Степановича Моллесона (1853–1899), с 1877 года бывшим учителем арифметики и геометрии в уездном училище. Небольшие работы, которых, кстати, немного, посвящены известному историку-краеведу, публицисту, автору более 200 работ различной тематики, члену Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, много лет избиравшемуся гласным Иркутской городской думы В. И. Вагину. М. В. Шиловский в одной статье посетовал, что немалое мемуарное наследие одного из организаторов Публичной библиотеки в Иркутске, окончившего уездное училище Троицкосавска, современными исследователями не востребовано и хранится в его личном фонде [19, с. 12–14].

В ряде работ последнего времени, где затрагивается деятельность учителей уездного училища, встречаются неточности и ошибки. Например, И. Н. Мамкина, ссылаясь на электронный источник², пишет: «В Троицкосавском уездном училище началась педагогическая деятельность известного сибирского поэта, этнографа Дмитрия Павловича Давыдова (это, действительно, так – В. М.), в конце XIX в. в училище работали краеведы, археологи Петр Саввич Михно, Александр Павлович Мостиц» [10, с. 25]. В другой работе исследовательница копирует этот абзац, но ссылается на уже авторитетный источник по педагогической мысли [11, с. 78]. (Заметим, что автор, называя книгу, не указывает страницы). И в первом и во втором случае исследовательница истории образования Восточной Сибири допускает неточность. П. С. Михно, как и А. П. Мостиц, в уездном училище работать не могли, об этом свиде-

тельствуя ряд неоспоримых фактов. С 1886 года А. П. Мостиц учителствует в забайкальском Тарбагатае, поэтому не мог преподавать в уездном училище Троицкосавска. Об этом свидетельствует и сам А. П. Мостиц. В недавно опубликованном его письме от 2 декабря 1895 года на имя И. Т. Савенкова читаем: «В течение 8-ми лет (следовательно, его педагогическая деятельность в городе началась в 1887 г. – В. М.) у меня окончил курс со свидетельствами более сорока мальчиков, да около 20-ти девочек. Есть мои ученики в Реальном училище, в женской гимназии и в городском училище» [6, с. 11].

П. С. Михно так же не мог работать в Троицкосавском уездном училище, так как к моменту окончания Глуховского учительского института в 1888 году и переезду в Сибирь уездное училище в 1886 году было преобразовано в четырёхклассное городское. Следовательно, автор отождествляет эти учебные заведения.

Правда, в своей последней работе И. Н. Мамкина частично устраняет допущенную неточность, когда пишет: «Послужной список учителя городского четырёхклассного училища в Троицкосавске П. С. Михно иллюстрирует нарушение сроков чинопроизводства [12, с. 22], но при этом не делает оговорки.

Мы назвали некоторых учителей, штатных смотрителей Троицкосавского уездного училища, имея в виду ещё одного, усердно занимавшегося, кроме учительского труда, изучением природы Забайкалья – Николая Николаевича Попова. Сведений о нём немного, и имя его редко упоминается в печати. Отдельные материалы, связанные с деятельностью смотрителя, отложились в Национальном архиве Бурятии. Например, имеются письма, написанные Н. Н. Поповым в адрес редакции журнала «Отечественные записки» о присылке номеров за 1856 год с приложением 17 р.³ Этот факт указывает на его либеральные взгляды и желание получать один из самых авторитетных литературных журналов России. Журнал был органом, на страницах которого печаталась литературная элита, выражавшая западническое общественное мнение. Заметим, что 1850-е годы были временем утраты журналом авторитета, но традиции оставались, что и привлекало к журналу здоровые силы России.

В «Записках Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» дважды упоминается Н. Н. Попов. Пер-

¹ На заседании речь шла о выборе новых членов Отделения по причине выезда из города выбывших, в том числе и И. А. Лалетина.

² Максимов Л. А. Учебные заведения Кяхты – Троицкосавска в дореволюционный период [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.profistar.ru> (дата обращения: 12.03.2017).

³ Государственный архив Республики Бурятия. – Ф-172. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 24.

вый раз, когда указано время его избрания в общество: «1 декабря 1851 г. к избранию в члены соревнователи Н. Н. Попов, штатный смотритель училищ в Кяхте». Второй раз, когда на заседании обсуждался вопрос о солнечном затмении и было отмечено, что «о наблюдениях солнечного затмения, бывшего 29 ноября, поступили следующие донесения: в Кяхте – от действительного члена Ребиндера, от членов-сотрудников Петухова и Попова»¹ [3, с. 3, 29].

Краткую справку о нём встречаем в книге Е. Петряева: «Попов Николай Николаевич, инспектор училищ в Троицкосавске в 40-ых гг. XIX века. Натуралист-любитель, нашел несколько новых видов насекомых в окрестностях Кяхты. Наблюдения опубликовал на французском языке в (1853, т. 27, № 1, с. 101–111). Полное солнечное затмение в Кяхте. Сев. пчела, 1853, № 26»². Небольшую информацию находим и в упомянутом «Календаре», где в статье, посвящённой 205-летию Троицкосавского уездного училища читаем: 2) штатный смотритель, коллежский асессор Николай Попов, из г. Иркутска, из мещан, 50 лет, православного вероисповедания, имеет семейство, исправляет должность с 19 ноября 1841, обучался в Иркутской губернской гимназии, ученых степеней не имеет, но избран членом ученых обществ, жалование получает 450 руб., на разъезды 30 руб., из штатных училищных сумм и пенсии за 25 лет из государственного казначейства 337 руб., 38 коп. всего 817 руб., 38 коп. ГАРБ Ф. 172. Оп. 1. Д. 156. Л. 53–54, 57–58»³. Эта информация относится к 1861 году, которая в некоторых случаях противоречит обнаруженному «Формулярному списку», составленному 10 октября 1852 года.

Выписка из «Формулярного списка» Н. Н. Попова⁴

<i>Где получил воспитание</i>	<i>Годы, месяцы</i>
По окончании курса в Иркутской губернской гимназии определен в Иркутское уездное училище к исправлению должности учителя 1-ми классами	11 декабря 1831

¹ Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества / под ред. Е. И. Ламанского. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. – Кн. 1. – С. 3, 29.

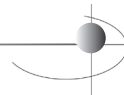
² Петряев Е. Д. Краеведы и литераторы старого Забайкалья: материалы для библиографического словаря. Ч. 1. Дореволюционный период. – Иркутск; Чита, 1965. – С. 62.

³ Календарь знаменательных и памятных дат истории Бурятии на 2016 г. / авт.-сост. Б. Ц. Жалсанова, Н. Г. Сорокиной, Л. Ш. Чимитдоржиева. – Улан-Удэ: Государственный архив Республики Бурятия, 2015. – С. 112.

⁴ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 84. – Д. 103. – Л. 2–8.

По удостоении Императорским Казанским Университетом звания учителя 1 класса указом Правительствующего Сената от 10 октября 1832 года исключен из податного состояния и утвержден учителем 1 класса в Иркутское уездное училище	10 октября 1832 30 декабря 1834 10 октября 1835
Поручено ему преподавание Русской грамматики в Иркутском училище детей канцелярских служителей	8 августа 1836
Произведен Правительствующим Сенатом от 25 февраля 1837 года в чин коллежского секретаря со старшинством	
Прикомандирован к исправлению должности младшего учителя французского языка	10 октября 1839
Произведен в Титулярные Советники 22 августа 1840 года со старшинством	
Определен Штатным смотрителем в Троицкосавском уездном училище	19 ноября 1841
Вследствие обривизования училища в 1842 году старшим учителем Иркутской Гимназии Коленко получил от г. состоящего в должности Иркутского Гражданского Губернатора совершенную признательность за усердие в службе и исправность по управлению училищем	27 августа 1842
Господин Министр Народного Просвещения разрешил ему преподавать французский язык в Троицкосавском уездном училище за то жалование	4 декабря 1842
По представлению г. Директора училищ от г. состоящего в должности Иркутского Гражданского Губернатора получил совершенную признательность за ревностное исполнение им своих обязанностей	7 мая 1843
Получил знак отличия беспорочной службы за XV лет при грамоте за № 1226	30 ноября 1849
Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству 3 мая № 850 и № 36 произведен в чин коллежского асессора со старшинством	10 октября 1849
Избран действительным Членом Штатного Энтомологического Общества в Пруссии	9 ноября 1851
Избран Членом Сотрудником Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества	28 декабря

Как видно, в документе приводятся ранее неизвестные и более подробные сведения о служебной и профессиональной деятельности Н. Н. Попова, членом каких научных обществ он был избран, какие знаки отличия, благодарности начальства за службу и когда получил, отмечено знание французского языка, когда был в отпуске (оказывается, за 20 лет службы всего 2 раза!). Отдельные сведения совпадают с ранее известными фактами, например, об окончании гимназии, вероисповедании, времени назначения на должность смотрителя Троицкосавского училища.

Два источника позволяют по-разному определить год рождения Н. Н. Попова: если в первом случае – 1811 год, то во втором – 1813 год. Трудно сказать, что имеется в виду под словами «имеет семейство», но в «Формулярном списке» указано, что женат на Аварии Дудоровской, детей не имеет.

Следовательно, одни биографические факты Н. Н. Попова уточняются, а другие конкретизируются.

Полагаем, что имя Н. Н. Попова следует поставить рядом с такими его земляками, в разное время жившими или посещавшими Троицкосавск, например, выдающимися учёными-востоковедами А. В. Игумновым, О. М. Ковалевским, П. Л. Шиллингом, Н. Я. Бичуриным, педагогами и писателями В. П. Паршиным, Д. П. Давыдовым, ботаником Н. С. Уфтожаниновым, врачом-литератором А. И. Орловым.

Для этого имеются основания, которые узнаем из архивного документа, имеющего название «По ходатайству Председателя Выборгской Уголовной Палаты Графа Маннергейма о содействии Министерства Народного Просвещения Штатному Смотрителю Троицкосавского уездного училища Попову к совершению им ученого путешествия в окрестности Нерчинска. Началось: 25 ноября 1852 года, кончено: 12 апреля 1853 года»¹.

Обсуждение результатов. Названный документ позволяет утверждать, что имя Н. Н. Попова было известно далеко за пределами Восточной Сибири и даже в столице и за границей. Он был избран в 1851 году действительным членом Штатного Энтомологического Общества в Пруссии и членом сотрудником Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества.

Среди интересных архивных находок укажем на документы, авторами которых являются известные учёные (граф К. Г. Маннергейм²,

С. И. Давыдов³, П. Н. Фус⁴) и сановники Российской империи (П. И. Гаевский⁵), другие подписаны, в том числе министрами (граф А. Г. Армфельт⁶, князь П. А. Ширинский-Шихматов⁷).

Автор известных трудов по энтомологии К. Г. Маннергейм⁸, описавший многие виды жесткокрылых по сборам из Сибири, Аляски, Калифорнии, инициировал 23 ноября 1852 года перед П. А. Ширинским-Шихматовым ходатайство о финансировании экспедиции Н. Н. Попова по изучению фауны в окрестностях Нерчинска.

Представляет интерес характеристика сибирского исследователя, называя его «наблюдателем одаренным замечательными способностями и во многих науках очень сведущим», к тому же называет Н. Н. Попова среди тех людей, которым «...мои (К. Г. Маннергейма – В. М.) неутомимые труды вызвали в местах самых отдаленных в России натуралистов, в которых я вдохнул любовь к зоологии и которые способствуют с успехом к расширению знакомства с интересными произведениями природы, разбросанными на таком большом участке нашей планеты». В 1853 году в мае и летние месяцы Н. Н. Попов «имеет желание ехать и исследовать... фауну окрестностей Нерчинска, богатую разнообразными произведениями и где с его ревностью и деятельностью он, конечно, удивит всех многочисленными и прекрасными открытиями». Однако успех дела зависел от финансирования экспедиции, поэтому К. Г. Маннергейм просил министра оказать

³ Давыдов Сергей Иванович (1790–1878) – князь, исполнял должность вице-президента Академии с 18 марта 1852 г. по 7 августа 1863 г.

⁴ Павел Николаевич (Пауль Генрих) Фус (1798–1855) – академик (1826), непреременный секретарь Российской академии наук (1826–1855).

⁵ Гаевский Павел Иванович (1797–1875) – переводчик, журналист, цензор Петербургского цензурного комитета. В 1834 г. назначен управляющим Департамента народного просвещения министерства народного просвещения; с 1837 г. – вице-директор с чином статского советника. Действительный статский советник – с 1841 г. В 1844–1859 гг. – директор Департамента народного просвещения.

⁶ Армфельт Александр Густавович (1794–1875) – граф, министр, статс-секретарь Великого княжества Финляндского с 1842 г.

⁷ Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790–1853) – князь, министр народного просвещения (1850–1853), академик Императорской академии наук (1841), писатель.

⁸ Mannerheim, Carl Gustav Von // Encyclopedia of Entomology / John L. Capinera. – 2nd ed. – Springer, 2008. – Vol. 3. – 4346 p.; Herman L. H. Mannerheim, Carl Gustav von (англ.) // Bull. Am. Mus. Nat. Hist. – 2001. – No. 265. – P. 107–108.

¹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 84. – Д. 102. – Л. 1–9.

² Маннергейм Карл Густав (1797–1854) – президент надворного суда (гофгерихта – апелляционной инстанции) в Выборге, известный учёный-энтомолог. В 1827 г. К. Г. Маннергейм был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук. Коллекции жесткокрылых Маннергейма, весьма тщательно и чрезвычайно добросовестно составленные, вскоре обратили внимание научного сообщества на молодого энтомолога; впоследствии он стал одним из лучших знатоков разных семейств жуков, преимущественно мелких. Научные сочинения Маннергейм писал на латыни и французском (начиная с 1823 г.). В 1833 г. назначен губернатором Вазаской, а затем Выборгской губернии (1834–1839). В 1839 г. Маннергейм стал президентом Выборгского надворного суда (гофгерихта) и занимал эту должность до самой смерти. В 1841 г. он был избран председателем Общества поддержки Выборгской библиотеки.

содействие проекту и «принять этого достойного г. Попова под свое покровительство».

Сам же учёный-энтомолог в это время работал над сочинением «назначенным для ознакомления учёного мира с энтомологическими произведениями Восточной Сибири»¹.

Министр даёт поручение П. И. Гаевскому реализовать просьбу. Директор департамента направляет 2 декабря официальное письмо П. Н. Фуксу с просьбой сообщить «не имеется ли в делах Академии Наук какого-либо по сему предмету сведения...»². А уже 10 декабря из Академии наук было направлен ответ, где сообщалось, что и «что сам г. Попов обратился в Академию с той же просьбой, и что Академия не замедлила представить просьбу его на благоусмотрение г. Вице-Президента Академии»³.

А уже 30 марта Министр народного просвещения на основании справки, представленной С. И. Давыдовым, «изъявил согласие на дозволение... Попову исследовать в физическом, и особенно в энтомологическом отношении страны, лежащие по ту сторону Яблонова хребта⁴ и сопредельные Китаю, с выдачей ему в пособие 200 р[уб]. серебром из экономической суммы Академии и вместе с тем отписать к Генерал-Губернатору Восточной Сибири⁵ о снабжении Попова открытым предписанием местным начальствам»⁶. Из документа становится ясна цель исследования, географический район и сумма, выделяемая Н. Н. Попову.

Заметим, что документ конкретизирует научные изыскания троицкосавского исследователя, но и появляется ряд других, пока не разрешённых вопросов. Когда, где, при каких обстоятельствах произошло знакомство известного энтомолога с Н. Н. Поповым. Сколько времени продолжалась, если была

¹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 84. – Д. 102. – Л. 1–4.

² Там же. – Л. 5–6.

³ Там же. – Л. 7.

⁴ Яблоновый хребет (бур. Яаблан дабаан, от глагола ябаха – «идти», в значении «проходимый, проезжий перевал» – горный хребет с преобладанием среднегорного рельефа в центральной части Забайкалья, главным образом на территории Забайкальского края. Длина хребта составляет 650 км, максимальная высота – 1706 м. Название «Яблоновый хребет» было дано землепроходцами XVII в. Его называли Яблочный, Яблосный, Яблоневиный, Яблонный. А. А. Черкасов называл его Саяном.

⁵ Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809–1881) – граф, российский государственный деятель, с 1847 по 1861 г. служил генерал-губернатором Восточной Сибири, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В истории расширения российских владений в Сибири он сыграл видную роль.

⁶ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 84. – Д. 102. – Л. 8–9. Цитируемая справка была составлена, как свидетельствует на ней дата, 12 апреля 1853 г.

между ними переписка и какие вопросы в ней затрагивались. За выделенные деньги нужно было составить отчёт, кто его утверждал и где он хранится. Оказывалось ли местными властями содействие и в чём оно проявилось. Результаты же исследований были опубликованы в упомянутой обстоятельной статье на французском языке.

Вторая тема выявленных материалов относится к назначению пенсии Н. Н. Попову. Документ имеет название: «О назначении Штатному Смотрителю Троицкосавского уездного училища Попову в пенсию полного оклада жалования с оставлением в должности еще на пять лет. Началось: 5 дек. 1852 года, кончено: 1852 года»⁷.

5 декабря 1852 г. Военный Губернатор Иркутска и Иркутский Гражданский Губернатор (эти должности в 1851–1859 гг. исполнял генерал-лейтенант Карл Карлович (Бургартович) Венцель (1797–1874) – первый военный губернатор Иркутска и иркутский гражданский губернатор в 1851–1859) на основании ходатайства директора училищ Иркутской Губернии обратился к Министру народного просвещения с представлением «об исходатайствовании Штатному Смотрителю Троицкосавского уездного училища, Коллежскому Ассессору Попову, прослужившему по учебной части усердно и беспорочно 20 лет, в пенсию полного оклада, получаемого им жалования 285 руб. 92 к[оп.]. сер[ебром] на основании 282⁸ и 502⁹ ст. уст. о пен. 3 т. св. зак.: изд. 1842 г., с оставлением его на службе еще на пять лет, согласно его желанию»¹⁰. К этому документу был приложен вышеуказанный «Формулярный список».

Вскоре из столицы был получен ответ, составленный 11 декабря 1852 года и подписанный министром, где читаем: «...назначить... Попову... в пенсию полный оклад его жалования по 285 руб. 92 к[оп] серебром в год. С оставлением его на службе при означенной должности еще на пять лет, а вместе с тем, отнесся г. Управляющему Министерством Финансов о производстве Попову такой пенсии, сверх жалования из Кяхтинской таможни с 10 октября сего года как со времени выслуги 20-летнего срока...»¹¹.

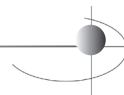
⁷ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 84. – Д. 103. – Л. 1–12.

⁸ Ст. 282. О награждении чиновников (кроме секретарей консисторий) и канцелярских служащих по духовному ведомству православного исповедания, за установленную выслугу... – С. 59.

⁹ Ст. 502. В случае оставления общей службы гражданской для вступления вновь в медицинскую, медики пользуются в ней теми же особыми преимуществами, которые присвоены медицинской службе. – 1837. – Янв. 21 (9891).

¹⁰ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 84. – Д. 102. – Л. 1–1 об.

¹¹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 84. – Д. 103. – Л. 12–12 об.

В последующие годы назначенная пенсия была увеличена за выслугу до 337 р. 38 к.

Приведённые сведения конкретизируют порядок назначения пенсии за выслугу лет по Министерству народного просвещения, имеющиеся льготы за службу в Сибири, указан и срок выслуги – 20 лет. При этом видим и сверхцентрализованную систему управления, сложившуюся в империи, когда выход на пенсию и её размер чиновнику невысокого ранга решался самим министром.

Заключение. Таким образом, вводимые в научный оборот архивные материалы позволяют воссоздать неизвестные страницы истории развития образования в Зауралье и, в частности, Троицкосавском уездном училище. Важным следует признать и публикацию сведений о замечательном исследователе Забайкалья, чьё имя было широко известно среди специалистов-энтомологов, Н. Н. Попове, оставившем заметный след и в развитии образования края.

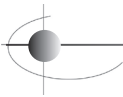
Список литературы

1. Дубровский К. Сибирский Карамзин // Сибирский архив. 1914. Кн. 5. С. 203–220.
2. Евдокимова С. В. Хозяйственная жизнь и население города Кяхты в XIX в. // Кяхте – 250 лет: сб. ст. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1978. С. 68–79.
3. Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества / под ред. Е. И. Ламанского. СПб.: Тип. Э. Праца. 1856–1874. Кн. 1–11, № 1–12. С. 3, 29.
4. Императорское Русское Географическое общество. Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского отдела. 1910. Т. 13, вып. 2. СПб., 1912. 143 с.
5. Комлева Е. В. Сибирское учительство в конце VIII – первой половине XIX в.: проблемы социокультурной адаптации // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: сб. науч. тр. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. С. 76–95.
6. Константинов М. В., Оводов Н. Д., Вдовин А. С. Жизнь и открытия учителя Александра Мостица // Вестник Бурятского государственного университета. Спецвыпуск. 2012. С. 9–17.
7. Кудрявцев Ф. А. Из истории народного образования в Прибайкалье первой четверти XIX века // Жизнь Бурятии. 1926. № 4–6, № 7–9.
8. Кузнецова М. В. Иркутская школа (XVIII – первая половина XIX века). Иркутск: Обл. тип., 2000. 311 с.
9. Маланов И. А. Становление образовательного пространства в Бурятии с XVIII до начала XX века // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 1. С. 17–23.
10. Мамкина И. Н. Уездные училища Восточной Сибири в XIX в. // Гуманитарный вектор. 2014. № 3. С. 22–27.
11. Мамкина И. Н. Развитие системы начального образования в Забайкальской области в XIX – начале XX века. По архивным материалам и опубликованным источникам // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2015. № 3. С. 74–83.
12. Мамкина И. Н. Организационно-правовые основы государственной службы в системе народного просвещения в конце XIX – начале XX в. (на примере Восточной Сибири) // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 4. С. 20–24.
13. Мирзоев В. Г. П. А. Слоцов // Историография Сибири (домарксистский период). М.: Мысль, 1970. С. 168–181.
14. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР кон. XIX – нач. XX в. / под ред. Э. Д. Днепров, С. Ф. Егорова, Ф. Г. Паначина. М.: Педагогика, 1991. 448 с.
15. Трушкин В. П. Послужной список Дмитрия Давыдова (Новые материалы к биографии автора «Славного моря») // Сибирь. 1984. № 3. С. 91–95.
16. Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 136–162.
17. Чапоргина Н. А. Общеобразовательная школа Восточной Сибири как фактор социокультурного развития края (на материале пореформенного периода XIX в.): автореф. ... канд. пед. наук: 13.00.01. М., 1995. 17 с.
18. Цыбиктаров А. Д. «Загадка» культуры херексуров и оленных камней в Забайкалье // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 62–65.
19. Шиловский М. В. «Я либерал...» // Сибирская старина. 1993. № 4. С. 12–14.

Статья поступила в редакцию 16.01.2017; принята к публикации 17.03.2017

Библиографическое описание статьи

Митрофанов В. В. Малоизвестные факты о научной и педагогической деятельности Николая Николаевича Попова // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 19–27. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-19-27.

Viktor V. Mitrofanov,
*Doctor of History, Associate Professor,
 Branch of South Ural State
 University, Nizhnevartovsk
 (9a Mira st., Nizhnevartovsk, 628605, Russia),
 e-mail: viktor-n1962@mail.ru*

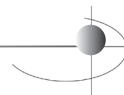
Little-known Facts about the Scientific and Pedagogical Activity of Nikolai Nikolaevich Popov

History of the the educational system in the Russian Empire continues to be in the area of the research for specialists in this field. Special attention is paid to the study of specific educational institutions, which role as educational and cultural centers was significant. Of course, one of these institutions was Troitskosavsk district school, one of the first and the few that were open in the Urals. Well-known representatives of the education worked there, its leavers became well-known scientists, cultural workers, ethnographers and its pride. Nikolai Popov refers to those persons; there is little information about him. His name is rarely mentioned in the works of scientists. In addition to teaching, he was actively engaged in the study of his krai in different directions, especially in the area of flora and fauna. Archival materials published allow us to specify this little-known page of its activities for the first time. At the same time, we point out the important fact that N. N. Popov's name was known among famous specialists in the field of etymology not only in Russia. This is evidenced by the agreement on fund allocation for his trip to survey the surroundings of Nerchinsk by the Academy of Sciences. His record of service also clarifies his biographical information, as well as evidence of professional activity.

Keywords: Troitskosavsk district school, N. N. Popov, education, scientific activities, record of service, archival materials

References

1. Dubrovskij K. Sibirskij Karamzin // Sibirskij arhiv. 1914. Kn. 5. S. 203–220.
2. Evdokimova S. V. Hozjajstvennaja zhizn' i naselenie goroda Kjahty v XIX v. // Kjahte – 250 let: sb. st. Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo, 1978. S. 68–79.
3. Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva / pod red. E. I. Lamanskogo. SPb.: Tip. Je. Praca. 1856–1874. Kn. 1–11, № 1–12. S. 3, 29.
4. Imperatorskoe Russkoe Geograficheskoe obshhestvo. Trudy Troickosavsko-Kjajhtinskogo Otdelenija Priamurskogo otdela. 1910. T. 13, vyp. 2. SPb., 1912. 143 s.
5. Komleva E. V. Sibirskoe uchitel'stvo v konce VIII – pervoj polovine XIX v.: problemy sociokul'turnoj adaptacii // Adaptacionnye mehanizmy i praktiki v tradicionnyh i transformirujushhijah obshhestvah: sb. nauch. tr. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2006. S. 76–95.
6. Konstantinov M. V., Ovodov N. D., Vdovin A. S. Zhizn' i otkrytija uchitelja Aleksandra Mostica // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Specvypusk S. 2012. S. 9–17.
7. Kudrjavcev F. A. Iz istorii narodnogo obrazovanija v Pribajkal'e pervoj chetverti XIX veka // Zhizn' Burjatii. 1926. № 4–6, № 7–9.
8. Kuznecova M. V. Irkutskaja shkola (XVIII – pervaja polovina XIX veka). Irkutsk: Obl. tip., 2000. 311 s.
9. Malanov I. A. Stanovlenie obrazovatel'nogo prostranstva v Burjatii s XVIII do nachala XX veka // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 1. S. 17–23.
10. Mamkina I. N. Uezdnye uchilishha Vostochnoj Sibiri v XIX v. // Gumanitarnyj vektor. 2014. № 3. S. 22–27.
11. Mamkina I. N. Razvitie sistemy nachal'nogo obrazovanija v Zabajkal'skoj oblasti v XIX – nachale HH veka. Po arhivnym materialam i opublikovannym istochnikam // Gumanitarnyj vektor. Ser. Istorija. Politologija. 2015. № 3. S. 74–83.
12. Mamkina I. N. Organizacionno-pravovye osnovy gosudarstvennoj sluzhby v sisteme narodnogo prosveshhenija v konce XIX – nachale HH v. (na primere Vostochnoj Sibiri) // Gumanitarnyj vektor. 2016. T. 11, № 4. S. 20–24.
13. Mirzoev V. G. P. A. Slovcov // Istoriofografija Sibiri (domarksistskij period). M.: Mysl', 1970. S. 168–181.
14. Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoj mysli narodov SSSR kon. XIX – nach. HH v. / pod red. Je. D. Dneprova, S. F. Egorova, F. G. Panachina. M.: Pedagogika, 1991. 448 s.
15. Trushkin V. P. Posluzhnoj spisok Dmitrija Davydova (Novye materialy k biografii avtora «Slavnogo morja») // Sibir'. 1984. № 3. S. 91–95.
16. Hudjakov Ju. S. Hereksury i olennye kamni // Arheologija, jetnografija i antropologija Mongolii. Novosibirsk: Nauka, 1987. S. 136–162.
17. Chaporgina N. A. Obshheobrazovatel'naja shkola Vostochnoj Sibiri kak faktor sociokul'turnogo razvitija kraja (na materiale poreformennogo perioda XIX v.): avtoref. ... kand. ped. nauk: 13.00.01. M., 1995. 17 s.

18. Cybiktarov A. D. «Zagadka» kul'tury hereksurov i olennyh kamnej v Zabajkal'e // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 7. S. 62–65.

19. Shilovskij M. V. «Ja liberal...» // Sibirskaja starina. 1993. № 4. S. 12–14.

Received: January 16, 2017; accepted for publication March 17, 2017

Reference to the article

Mitrofanov V. V. Little-known Facts about the Scientific and Pedagogical Activity of Nikolai Nikolaevich Popov // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 19–27. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-19-27.

УДК:930(470)

Дмитрий Борисович Фартусов,
аспирант,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а),
e-mail: d.fartusov@mail.ru

Документы Государственного архива Забайкальского края о политических репрессиях в 1930-е годы¹

В статье рассматриваются проблемы публикации и изучения архивных документов. Проводится первичный анализ документов из Государственного архива Забайкальского края, автор обращает внимание, что данные дела хранятся в архиве в так называемых «смешанных» фондах, часто с некорректными заголовками, что затрудняет их поиск, а соответственно и исследование. Новизна исследования заключается в том, что впервые в научный оборот вводятся архивные документы, ранее не публиковавшиеся, а также проводится их первичный анализ, составной частью которого является критика исторического источника, как внешняя, так и внутренняя. На основе протоколов допроса по обвинению в участии контрреволюционной троцкистской организации, хранящихся в фондах Государственного архива Забайкальского края, делается вывод о том, что в Советском Союзе государственными органами повсеместно создавалось ощущение «осаждённой крепости», ощущения окружения врагами как внешними, так и внутренними. Особое внимание в статье уделено документу, в котором описываются бытовые условия содержания арестованных, а также пытки, которым они подвергались во время допросов. Также автор особо отмечает положительные элементы, такие, как высокая информативность документов, открытость фондов архива для исследователей и вежливое профессиональное отношение сотрудников ГАЗК.

Ключевые слова: исторический источник, политические репрессии, контрреволюция, следствие, пытки, Государственный архив Забайкалья

Вводная часть. Воссоздание исторического прошлого всегда связано с вовлечением в процесс познания новых фактических данных, почерпнутых из различных источников, в том числе архивных документов.

Формирование правового общества невозможно без систематического накопления гражданами соответствующих знаний и опыта. В этой связи особую актуальность приобретает осмысление недавнего исторического прошлого.

В общественном сознании 1937 год справедливо ассоциируется с пиком политических репрессий, широко применявшихся коммунистическим режимом после захвата власти в 1917 году и проявлявшихся так или иначе до конца существования СССР.

В результате бесчисленных арестов, депортаций, раскулачиваний и вызванных ими хаотических миграций громадных людских масс произошёл подлинный переворот в социальной структуре страны. Колоссальным был нравственный «эффект», вызванный необоснованными и малопонятными арестами. Очевидно, что на территории Забайкалья репрессивная политика прошла через те же формы и стадии, что и в других областях

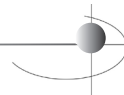
страны. Различия же могли определяться особенностями хозяйствования местного населения, занимавшегося по большей части полукочевым скотоводством, а также абсолютными масштабами человеческих потерь, в зависимости от общей численности населения, проживающего в данном регионе.

Репрессии 1937–1938 годов затронули практически все советские, партийные и государственные структуры, а также учреждения культуры и просвещения. На основе исторического источника можно проследить подробности репрессивной политики в СССР в отношении учителей.

Историография по избранной теме весьма обширна и включает довольно большое количество отечественных работ, основанных на различной по объёму и полноте документальной базе.

В связи с процессами рассекречивания и обеспечения доступа к ранее закрытым архивным документам, начавшимся в массовом порядке с начала 1990 годов, значительно расширилась источниковая база исследований. Это привело к появлению целого ряда сборников документов и монографий о репрессивной политике советского государства,

¹ Работа выполнена в рамках гранта Министерства образования и науки РФ № 3797 «Археографические и IT методы в исследованиях частных архивов Байкальского региона: создание цифрового фонда исторических источников».

благодаря чему в научный оборот были введены важнейшие документы, отражающие мотивы и содержание репрессивной политики [8].

Все учёные-историки, изучая разные аспекты репрессивной политики, вводят в научный оборот архивные документы.

Среди наиболее выдающихся учёных стоит выделить прежде всего таких, как О. В. Хлевнюк [9], В. Н. Земсков [4], В. Б. Жиромская [2], Ю. А. Поляков [5] и др.

Работы О. В. Хлевнюка освещают организационные стороны и функции органов государственной власти, конкретные механизмы принятия решений, соотношение властных органов с политическими возможностями конкретных лиц верховной власти.

В своей монографии «Политбюро: механизмы политической власти в 30-е годы» (1996 г.) О. В. Хлевнюк в качестве источников использует материалы пленумов, журналов записей посетителей и протоколы заседаний Политбюро периода 1929–1938 годов [9].

Однако большая часть документов, освещающих подробности деятельности репрессивного аппарата и жилищно-бытовые условия ждут своей публикации, анализа и изучения. К этим документам относится крупный блок материалов, возникавший во время следственных действий и суда. Следственные дела в большинстве регионов Российской Федерации остаются на хранении в органах внутренних дел и Федеральной службы безопасности. Зачастую доступ к этим делам ограничен (только доказавшим своё родство с подсудимым) и максимально затруднён или невозможен для исследователей.

Все знания мы черпаем из исторических источников, поэтому особую роль приобретают архивные материалы как один из доступнейших источников [6]. По этой причине мы рассмотрим документы из фондов Государственного архива Забайкальского края, а именно протокол допроса директора школы С. Е. Черепанова¹, обвинённого в 1937 году в участии в контрреволюционной организации, и обращение на имя секретаря Читинского Обкома ВКП(б) А. С. Павлова от И. В. Шодонова, в котором описываются ужасающе жестокие пытки на допросах и бесчеловечные условия содержания в следственном изоляторе².

Результаты анализа состава и содержания представленных фондов Государствен-

ного архива Забайкальского края свидетельствуют о том, что ценность указанных фондов очевидна, так как они являются в ряде случаев единственным письменным свидетельством об истории сталинского террора и дают возможность историку существенно расширить представление о происходящих событиях. Степень читабельности и сохранности этих документов в источниковедческом плане высокая, и они могут активно использоваться в исторических исследованиях.

Методология и методы исследования. Но необходимо заметить, что представленный вид документа находится в «смешанных комплексах» вместе с документами (постановлениями, протоколами, переписками) и др. Отличительной особенностью обработки и описания документов по истории политических репрессий является то, что дела фондов расположены хаотично, не соответствуют современным архивным требованиям, заголовки не всегда отражают в полной мере содержание самих дел. Используемый корпус документальных свидетельств позволяет констатировать, что архивные материалы в значительной степени отличаются друг от друга происхождением, функциональной направленностью и степенью объективности в освещении изучаемой проблемы [1].

Принимая во внимание высокие информативные возможности архивных документов, как по характеру, так и по содержанию передаваемых сведений, их неповторимости в отражении исторических событий, необходимо отметить, что они, как и другие исторические источники, независимо от своей видовой принадлежности, должны быть подвергнуты источниковедческой критике.

Результаты исследования и их обсуждение. В этом смысле ситуация, сложившаяся в Государственном архиве Забайкальского края, разительно отличается в положительную сторону: благодаря открытости и доступности материалов, касающихся истории политических репрессий в СССР. В фондах данного архива в том числе отложились документы партийных организаций, в которые в советское время правоохранительные органы присылали копии следственных документов (протоколы допросов и обысков, протоколы судебных заседаний, переписка, характеристики, свидетельские показания). Этот массив документов доступен для исследователя, что является положительным фактором.

Первый документ, рассматриваемый нами – протокол допроса Сергея Евгеньевича Черепанова, датированный 23 декабря 1937

¹ ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. П-3. – Оп. 1. – Д. 681. – Л. 134–136.

² ГАЗК. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 77–79.

года¹. Из документа мы узнаём, что С. Е. Черепанов, 1907 года рождения, уроженец с. Оловянная Читинской области, русский, на момент ареста являлся директором школы на ст. Бада, женат, беспартийный, не судим. Документ напечатан на бумаге формата А4 и является копией, отправленной в Читинский Обком ВКП(б) из железнодорожной милиции дороги имени Молотова. Документ отложился в фонде «Читинский Обком КПСС», в деле «Переписка о политическом состоянии, проверке коммунистов».

В документе С. Е. Черепанов делает следующее признание: «После долгого размышления я пришел к выводу о бесполезности моего сопротивления, я решил раскаться перед Советской властью в своих преступлениях, которые я совершал на протяжении нескольких лет. Я действительно состоял по день моего ареста в контрреволюционной троцкистской организации...»². Из материала допроса: «Задания, которые я получал, сводились в общем к развалу школьного воспитания, стремиться развалить дисциплину среди учительского состава, а также учеников, внедрить антисоветские убеждения среди учащихся, поощрять проступки учеников, развивать в них пороки – пьянство курение, хулиганство, воровство, глушить всякую инициативу»³. Кроме того, директор школы обвинялся в попытке отравить отличников учёбы с помощью конфет, начинённых медным купоросом.

Рассмотрев данный документ, можно сделать следующий вывод. В Советском Союзе государственными органами повсеместно создавалось ощущение «осаждённой крепости», ощущение окружения врагами, как внешними, так и внутренними. «Заговор», раскрытый милицией ст. Бада Читинской области, чудовищен по своему масштабу и замыслу: директору школы приписывают организацию отравления 30 детей – отличников учёбы. Естественно, что такие масштабы могут вызывать только страх и гнев среди общественности, а когда люди напуганы, их легко сплотить вокруг лидера, который выступает их защитником и который показывает, на кого следует направить «праведный» гнев (внутренние и внешние враги). В то же время никаких вещественных доказательств, кроме признания, данного после «долгих раздумий» в следственном изоляторе, у следователя нет. В деле утверждается, что уже были гото-

вы конфеты, начинённые медным купоросом, но они не приобщены к делу, не проведена экспертиза, более того, эти конфеты, кроме показаний обвиняемого, больше нигде не упоминаются.

Второй документ – это обращение И. В. Шодонова, жителя Улан-Удэ, БМАССР, на имя А. С. Павлова – секретаря Читинского обкома ВКП(б), с жалобой на неправомерные действия отдельных сотрудников НКВД, датированное 6 января 1940 года⁴. Документ напечатан на бумаге формата А4 машинописным способом, отложился в фонде «Читинский Обком КПСС», в деле «Жалобы и справки от арестованных и осуждённых по 58 статье», имеет перечёркнутый простым карандашом гриф «Секретно».

В обращении к секретарю Читинского Обкома ВКП(б) А. С. Шодонов описывает бытовые условия содержания арестованных, а также пытки, которым подвергался во время допросов: «...камера № 8 (одиночка) сидело нас 24 человека, многим приходилось стоять на ногах так как вмещаться было некуда, сидели нагишом, жара невыносимая»⁵. После допроса А. С. Шодонов так описывает своё состояние: «...в камере 5 дней лежал без сознания, после чего пришел в сознание, моча была исключительно кровавая, ноги опухшие, тело в синяках, руки опухшие от кандалов...»⁶. Из документа видно, что арестованный до последнего верил в то, что добыча «добровольных» показаний путём применения физического воздействия – не государственная политика, одобренная И. В. Сталиным и другими высшими чиновниками Советского Союза, а вредительство фашистских шпионов и врагов народа, проникших в органы госбезопасности: «...я считал в это время и сейчас, что это работала фашистская контрразведка... которые являлись наемной шкурой фашизма»⁷. В этом обращении видно, что подследственный путает термины: разведка и контрразведка.

До настоящего времени представленные документы в периодической печати не публиковались.

Заключение. Таким образом, рассмотрев документы Государственного архива Забайкальского края по теме политических репрессий, можно сказать следующее. В фондах данного архива хранится чрезвычайно большой массив ранее неопубликованных источников,

¹ ГАЗК. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Д. 681. – Л. 77.

² Там же.

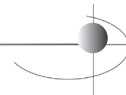
³ Там же. – Л. 78.

⁴ ГАЗК. – Ф. П-3. – Оп. 1. – Д. 681. – Л. 134–136.

⁵ Там же. – Л. 135.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – Л. 136.

касающихся политических репрессий. Эти документы находятся в «смешанных комплексах», располагаются хаотично, заголовки не всегда в полной мере отражают содержание самих дел, иногда некорректно проставлена нумерация листов, устарели или отсутствуют

предисловия. Все эти мелкие недостатки с лихвой окупаются информативностью хранящихся документов, степенью доступности для исследователя дел и вежливым, высокопрофессиональным обращением сотрудников Государственного архива Забайкальского края.

Список литературы

1. Васильева С. В., Минаева В. Ю. Источники по истории иностранной интервенции в Забайкалье (1918–1921 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 78–81.
2. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. документов и материалов / ред. В. Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.
3. Евтехов Р. А., Малыгина О. А. Городская полиция в системе государственных институтов управления Забайкальской областью в XVIII – начале XX века // Вестник Пермского государственного университета. Сер. История. 2016. № 3. С. 22–31.
4. Земсков В. И. О масштабах политических репрессий в СССР: Сквозь дебри спекуляций, извращений и мистификаций // Мир и политика. 2009. № 6. С. 89–105.
5. Население России в XX в.: исторические очерки: в 3 т. / ред. Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 463 с.; 2001. Т. 2. 416 с.; 2012. Т. 3. 369 с.
6. Фартусов Д. Б. Вклад коллектива учёных исторического факультета БГУ в изучение репрессий в БМАССР в 1920–1950-е гг. // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. Т. 2. С. 64–68.
7. Фартусов Д. Б. Политические репрессии в СССР граждан Монголии и Китая на территории БМАССР // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2015. Вып. 1. С. 72–77.
8. Фартусов Д. Б. Репрессивная политика в Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 43–47.
9. Хлевнюк О. В. Политбюро: механизм политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 304 с.

Статья поступила в редакцию 08.12.2016; принята к публикации 25.01.2017

Библиографическое описание статьи

Фартусов Д. Б. Документы Государственного архива Забайкальского края о политических репрессиях в 1930-е годы // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 28–32.

Dmitry B. Fartusov,
Postgraduate Student,
Buryat State University
(24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia),
e-mail: d.fartusov@mail.ru

Documents of the State Archive of the Trans-Baikal Territory on Political Repression in the 1930s¹

The article deals with the problem of the publication and study of archival documents. Documents from the State Archives of the Trans-Baikal Territory are initially analyzed, the author points out that the data files are kept in the archives in the so-called “mixed” funds, often with no valid titles, that makes it difficult to find them and to study. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the author introduces archival documents which have not been previously published and analyzes them, part of this study is historical sources criticism which is both external and internal. Based on the interrogation protocols on charges of involvement into counterrevolutionary Trotskyist organization held in the State Archives of the Trans-Baikal Territory, we conclude that in the Soviet Union, governmental authorities everywhere created a sense of “besieged fortress”, a feeling of being surrounded by both external and internal enemies. Special attention is given to the document, which describes the living conditions of the arrested people and tortures they were subjected to during interrogation. The author emphasizes the positive elements such as high information value, openness of the archive funds for researchers and friendly professional attitude of the employees at the State archives of the Trans-Baikal Territory.

Keywords: historical source, political repression, counterrevolution, investigation, torture, State Archive of the Trans-Baikal Territory

¹ The work was performed as part of the grant of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation no. 3797 “Archeographic and IT methods in studies of private archives of the Baikal region: the creation of digital collections of historical sources”.

References

10. Vasil'eva S. V., Minaeva V. Yu. Istochniki po istorii inostranoi interventsii v Zabaikal'e (1918–1921 gg.) // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 7. S. 78–81.
11. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: obshchie itogi: sb. dokumentov i materialov / red. V. B. Zhiromskaya. M.: ROSSPEN, 2007. 320 s.
12. Evtexov R. A., Malygina O. A. Gorodskaya politsiya v sisteme gosudarstvennykh institutov upravleniya Zabaikal'skoi oblast'yu v XVIII – nachale XX veka // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. 2016. № 3. S. 22–31.
13. Zemskov V. I. O masshtabakh politicheskikh repressii v SSSR: Skvoz' debri spekulyatsii, izvrashchenii i mistifikatsii // Mir i politika. 2009. № 6. S. 89–105.
14. Naselenie Rossii v XX v.: istoricheskie ocherki: v 3 t. / red. Yu. A. Polyakov, V. B. Zhiromskaya. M.: ROSSPEN, 2000. T. 1. 463 s.; 2001. T. 2. 416 s.; 2012. T. 3. 369 s.
15. Fartusov D. B. Vklad kollektiva uchenykh istoricheskogo fakul'teta BGU v izuchenie repressii v BMASSR V 1920–1950-e gg. // Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii. 2016. T. 2. S. 64–68.
16. Fartusov D. B. Politicheskie repressii v SSSR grazhdan Mongolii i Kitaya na territorii BMASSR // Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii. 2015. Vyp. 1. S. 72–77.
17. Fartusov D. B. Repressivnaya politika v Buryat-Mongol'skoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 7. S. 43–47.
18. Khlevnyuk O. V. Politbyuro: mekhanizm politicheskoi vlasti v 1930-e gody. M.: ROSSPEN, 1996. 304 s.

Received: December 08, 2016; accepted for publication January 25, 2017

Reference to the article

Fartusov D. B. Documents of the State Archive of the Trans-Baikal Territory on Political Repression in the 1930s // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 28–32.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

REGIONAL HISTORY

УДК 930

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-33-40

Виктория Владимировна Доржеева,
доктор исторических наук, доцент,
Северо-Восточный государственный университет
(685000, Россия, г. Магадан, ул. Портовая, 13),
e-mail: dorvic68@mail.ru

Суды общественной самодеятельности на российском Северо-Востоке в первой трети XX века

Статья посвящена изучению деятельности особого рода судебных учреждений – примирительных камер при сельских советах. Особенности правового сознания, действие норм обычного права в изучаемый период делали примирительные камеры органом правосудия, максимально соответствующим уровню правовой культуры населения региона. В статье анализируется нормативная база – республиканская и региональная, на основе которой строилась работа примирительных камер, а также практика рассмотрения дел. Актуальность проблемы обусловлена недостаточной изученностью темы в региональной историографии. В статье автор, опираясь на вводимые в научный оборот документы Государственного архива Магаданской области, анализирует деятельность примирительных камер. Изучены цели создания примирительных камер, порядок судопроизводства в них. Особое внимание уделено региональным особенностям функционирования этих альтернативных судебных органов по сравнению с практикой в центральных районах страны. Автор отмечает, что на российском Северо-Востоке социокультурные реалии – низкий даже по сравнению с сельской местностью центральной России уровень правосознания и правовой культуры населения, кочевой образ жизни, существование обычного права, актуализировали необходимость создания примирительных камер. Делается вывод о том, что эти неформализованные суды на территории Северо-Востока, в силу ряда объективных причин, приближали судопроизводство к населению, способствовали его правовому воспитанию.

Ключевые слова: Северо-Восток, правовое сознание, примирительные камеры, сельсоветы, судебная система

Вводная часть. Научная литература, посвященная политическим и социокультурным процессам, протекавшим у коренных малочисленных народов российского Северо-Востока, достаточно обширна [1; 2; 5; 8; 10]. Однако проблема становления и функционирования органов юстиции в данном регионе ещё имеет лакуны. Опыт адаптации государственной судебной системы к региональным особенностям в первой трети XX века может быть востребован в современных реалиях, особенно при учёте сверхзагруженности мировых судов. Теоретический интерес представляет изучение общего и особенного

в институализации и функционировании судебных и квазисудебных органов на Северо-Востоке и в центральных районах страны.

Методология и методы исследования. При изучении данной проблемы были проанализированы нормативно-правовые акты советского периода, определявшие правовой статус судебных органов, что позволило оценить государственную политику развития судебной системы и оценить реакцию государства на сложности институционального развития. Применение сравнительно-исторического метода при анализе деятельности органов юстиции в стране в целом и на ме-

стах позволило выделить общее и особенное в данном процессе. Представление о системном характере предмета и объекта исследования дало возможность рассмотреть процесс формирования судов общественной самодеятельности в контексте социальных, политических, экономических перемен в конкретных временных рамках, показать взаимосвязь и взаимозависимость происходивших на Северо-Востоке процессов с общероссийскими явлениями.

Результаты исследования и их об-суждение. После Октябрьской революции 1917 года началось формирование новой системы государственных органов и становление нового социалистического права и суда. Процесс модернизации судостроительства в первой четверти XX века носил неоднозначный характер. Сложность этого процесса отражала борьбу концепций и принципов, которые должны были быть положены в основу институализации судопроизводства. Основная линия разлома была заложена Декретом о суде № 1, допуская формирование и функционирование двух взаимно противоречивых систем – местных судов и судов революционных трибуналов¹. Система местных судов формировалась на основе принципа демократизма, путём прямых демократических выборов, должна была быть максимально близка к населению, отражать в своей деятельности народное правосознание. Ревтрибуналы были органами политической борьбы против контрреволюционных сил, формировались на классовой основе.

Идея создания единой системы судебных учреждений победила и была закреплена Положением о судостроительстве от 11.11.1922 года². Система судебных учреждений включала в себя:

1. Народный суд в составе постоянного народного судьи.
2. Народный суд в составе того же постоянного народного судьи и двух народных заседателей.
3. Губернский суд.
4. Верховный суд РСФСР и его коллегии.

Положение о судостроительстве предусматривало формирование специальных судов – военных трибуналов и транспортных трибуналов. Эти судебные учреждения действова-

¹ Декрет Совет Народных комиссаров (о суде) 5 (22) ноября 1917 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения: 10.01.2017).

² Положение о судостроительстве РСФСР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1438.htm (дата обращения: 10.01.2017).

ли под общим контролем НКЮ и Верховного суда РСФСР и были частью единой судебной системы.

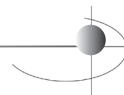
Началом административно-судебного устройства коренных этносов Севера стало «Временное положение об управлении туземных народностей и племён северных окраин РСФСР», утверждённое ВЦИК и СНК РСФСР в октябре 1926 года. Однако в документе нет детализации системы судебных органов, отражающей заявленные цели «защиты прав и интересов трудящихся туземцев северных окраин, а также... вовлечения их в дело управления наиболее полного и правильного проведения среди них законов Советского Правительства, ...поднятия их хозяйства и культурных условий жизни»³. Поэтому на Северо-Востоке начала формироваться государственная судебная система, отчуждённая от коренного населения.

По мере функционирования в стране судебной системы, накопления практического опыта стали выявляться проблемы, одной из которых стала чрезмерная загруженность народных судов. Помимо этого, потребность в квазисудебных органах была вызвана необходимостью приблизить судопроизводство к крестьянскому населению. Крестьянам «приходится из-за нескольких рублей не раз ездить в город, иногда за десятки верст, для предъявления иска в нарсуде и тратить гораздо больше средств... и времени, чем сумма иска... Ни один выезд в аулы не проходит без того, чтобы крестьяне не говорили о трудности мелких долгов от должников... В ауле нет такого органа, который бы мог урегулировать этот вопрос» [6, с. 164].

Это актуализировало задачу выведения из ведения народных судов части дел и формирования специальных судов для разных категорий дел и населения.

Отметим, что идея создания примирительных камер при сельсоветах имела своих оппонентов. Выдвигались аргументы различного уровня, среди которых можно выделить организационные и идеологические. Высказывалось предположение, что все решения примирительных камер непременно будут обжалованы в народном суде и цель разгрузки народных судов достигнута не будет. Оппоненты опасались и «ухода» примирительных камер из судебной системы и из-под контро-

³ Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР. 25.11.1926. Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3095.htm (дата обращения: 10.01.2017).

ля вышестоящих судебных инстанций. Выдвигалось предложение организовывать выездные сессии народных судов, что никоим образом не способствовало бы разгрузке их работы. Помимо этого, деятельность примирительных камер могла негативно сказаться на укреплении революционной законности на местах, «классовая выдержанность и классовая линия» в работе примкамер ставились под вопрос [6, с. 165]. Позиция сторонников создания примирительных камер оказалась более обоснованной.

Решение возродить органы сельских общественных судов было оформлено в Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения»¹. В Постановлении были отмечены переполненность мест лишения свободы, (в том числе из-за роста количества осуждённых на короткие сроки), недостаточное применение судами мер социальной защиты вместо лишения свободы, недостаточная обоснованность привлечения к уголовной ответственности, медлительность следственного и судебного производства и др. Наркомату юстиции было предложено упростить и ускорить процесс судопроизводства и разгрузить народные суды. Для разрешения этих задач был учтён дореволюционный российский опыт, а именно практика сельских общественных судов. Для разбора мелких дел о взаимных обидах и оскорблениях, возникших в порядке частного обвинения, организовывались товарищеские суды при промышленных предприятиях и в качестве опыта – примирительные камеры и третейские суды при сельсоветах². В научной литературе, посвящённой данному вопросу, указываются и иные причины создания примирительных камер – экономическая, социальная, идеологическая, организационно-практическая [7]. Следует отметить, что в условиях российского Северо-Востока важным является социокультурный фактор, а именно – низкий даже по сравнению с сельской местностью центральной России уровень правосознания и правовой культуры населения, кочевой об-

раз жизни, существование обычного права. В Постановлении данное обстоятельство обозначено как «культурно-бытовые отсталые формы жизни». Кроме этого, основа деятельности примирительных камер соответствовала цели архаичного права – примирению сторон и укладывалась в рамки обыденного правосознания населения. Цели деятельности примирительных камер определялись в соответствии с идеей Ленина о привлечении трудового крестьянства, бедноты к государственному управлению через участие в работе суда [4]. Судебная деятельность – одна из функций государства, суд – орган власти пролетариата и орудие воспитания дисциплины трудящихся, культурно-правового перевоспитания деревни. В перспективе примирительные камеры рассматривались как «орган отмирания суда» [7].

В 1927 году РКЦИ РСФСР было предложено изъять из производства народных судов, расположенных в сельской местности, мелкие иски до 15 р. и учредить для их рассмотрения примирительные камеры. Коллегия НКЮ РСФСР 17 февраля 1928 года своим постановлением решила в одном из уездов Московской губернии при сельских советах организовать примирительные камеры в виде опыта [3, с. 197]. К 1930 году эта практика получила массовое развитие.

На Северо-Востоке страны примирительные камеры формировались, помимо республиканских актов, на основе Временного положения о примирительных камерах при сельсоветах, утверждённого Президиумом Хабаровского окрисполкома и Пленумом Хабаровского окружного суда в январе 1930 года³ и Инструкции по открытию и работе примирительных камер при сельсоветах от 19 апреля 1930 года⁴.

Цель создания примирительных камер – укрепление нового быта и культурное строительство советской деревни. Примирительные камеры организовывались при сельсоветах работниками окружного или народного суда и находились под их непосредственным руководством. В отдельных случаях примирительные камеры могли организовываться иным уполномоченным лицом – народным заседателем, общественным обвинителем. Окружной суд через народных судей должен был проводить инструктаж членов примирительных камер и осуществлять наблюдение за их работой. Инструктаж и наблюдение

¹ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» [Электронный ресурс] // Ежедневник советской юстиции. – 1928. – № 14. – Режим доступа: <http://www.elib.uraic.ru/handle/123456789/3599> (дата обращения: 10.01.2017).

² Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» [Электронный ресурс] // Ежедневник советской юстиции. – 1928. – № 14. – Режим доступа: <http://www.elib.uraic.ru/handle/123456789/3599> (дата обращения: 10.01.2017).

³ ГАМО (Государственный архив Магаданской области). – Ф. Р-12. – Оп. 1. – Д. 17.

⁴ ГАМО. – Ф. Р-12. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 21–22.

не должны были сводиться к формальному надзору и контролю за работой примирительных камер, но основываться на «живой связи и товарищеских советах»¹. Народный судья должен был выезжать для инструктажа примкамер не реже одного раза в две недели². Однако наблюдение за работой примирительных камер и инструктаж её членов со стороны народных судей на Северо-Востоке представляли трудность в связи с огромными расстояниями и дисперсным проживанием населения. Народный судья Охотского участка в феврале 1931 года просил Балаганский сельсовет Ольского района выслать ему копии всех постановлений по рассмотренным делам в примирительной камере. «Живой инструктаж» и личное посещение были невозможны из-за отдалённости, загруженности судьи и редкой связи. Народный судья констатировал, что не имеет «совершенно никаких сведений о том, как ведется работа примкамеры»³. Слабое взаимодействие примирительных камер и народных судов фиксировалось и в центральных районах страны. Народные судьи, ответственные за инструктаж и контроль примирительных камер, осуществляли эту деятельность только «в случаях выезда в деревню по обеспечению хозяйственно-политических кампаний», зачастую сами не знали о подсудности камер [7].

Состав примирительной камеры формировался на один год из членов сельсовета на общем собрании граждан. Председатель примирительной камеры избирался из числа членов сельсовета. Члены примкамеры – из числа местных жителей, имеющих избирательное право⁴. При формировании состава примкамер необходимо было проявлять «пролетарскую чуткость» и обеспечить состав членов суда исключительно из среды бедноты и середняков, не допуская к этому аппарату регулирования отношений и разрешения конфликтов кулаков, «не давая им возможности просочиться в каком бы то ни было проценте в число членов примирительной камеры» [9, с. 464].

Деятельность членов примирительной камеры строилась на безвозмездной основе.

Количество членов примирительной камеры составляло от 12 до 20 человек. (Согласно Инструкции по открытию и работе примирительных камер при сельсоветах – 12 чел.). Заседания велись в составе трёх

человек – председателя примирительной камеры и двух очередных членов. Рекомендовалось не включать в состав членов состава примирительной камеры для конкретного заседания заинтересованных и лиц, состоящих в родстве с какой-либо сторон. Ходатайство об отводе членов примкамеры могло быть удовлетворено или отклонено её председателем⁵. Представлять интересы сторон в заседаниях примирительной камеры могли представители общественных и политических организаций (профсоюзов, комитета крестьянской взаимопомощи, комитета «Долой неграмотность»). Профессиональные защитники к процессу не привлекались. Участвовать в качестве председателя на заседаниях примирительной камеры могли члены окружных судов и народные судьи. Любой член примирительной камеры, совершивший порочащий его поступок, мог быть отозван постановлением общего собрания или постановлением районного исполкома. Члены примирительной камеры участвовали в её заседаниях поочередно. Данная работа строилась на основе «широкой общественности и самодеятельности» и не оплачивалась⁶. Территориальная подсудность примирительной камеры определялась границами сельсоветов. Если стороны были из разных сельсоветов, жалобы рассматривалась в примирительной камере по месту жительства должника или обидчика. Устанавливался семидневный срок для рассмотрения заявлений и максимальная сумма иска – 15 р.

Временным положением и Инструкцией устанавливалась родовая подсудность примирительных камер – имущественные споры, оскорбления, побои, озорные действия, граничащие с хулиганством, неуважение к обществу. В Положении при определении подсудности использован казуальный способ изложения норм, приводится краткое описание данных правонарушений с примерами⁷, данное, очевидно, с учётом уровня правовой подготовки правоприменителя. Например, дано разъяснение понятия «неуважение к обществу»: «гражданин в нетрезвом виде явился в избу-читальню или же в публичном месте выругался сквернословной бранью»⁸.

Инструкцией по открытию и работе примирительных камер при сельсоветах их ведение детализируется и даётся ссылка на соответствующие статьи УК РСФСР (ст. 159, 160).

¹ ГАМО. – Ф. Р-12. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 30.

² Там же. – Л. 22.

³ Там же. – Л. 16.

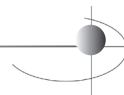
⁴ Там же. – Л. 21.

⁵ ГАМО. – Ф. Р-12. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 21 об.

⁶ Там же. – Л. 27.

⁷ Там же. – Л. 27–27 об, 28.

⁸ Там же. – Л. 28.

Постановлением Пленума Хабаровского окружного суда от 14 февраля 1930 года была расширена подсудность примирительных камер для Охотского и Ольского районов¹. В подсудность примирительных камер были включены дела о мелком хулиганстве (ч. 1 ст. 74 УК РСФСР), о мелких простых кражах (п. 1, 2 ст. 162 УК РСФСР), дела по искам до 100 р., кроме дел, в которых одной из сторон является государственное учреждение и предприятие, общественная или кооперативная организация, а также дела о трудовых спорах и об алиментах. Расширение подсудности было обусловлено крайней отдалённостью некоторых населённых пунктов от народного суда.

Процессуальный порядок деятельности примирительных камер предусматривал, что их заседания были открытыми, публичными, устными. Судоговорение велось на родном для жителей данного селения языке. Производство в примирительных камерах не облагалось судебной пошлиной, канцелярским и гербовым сбором.

Поскольку важнейшая цель деятельности примирительных камер – приближение судопроизводства к населению, было рекомендовано назначать заседания в дни отдыха или в вечернее время, что обеспечивало бы большую посещаемость. На сельсоветы возлагалась обязанность обеспечить примирительные камеры соответствующим помещением для заседаний, извещать население о дате и времени заседаний. Кроме этого, сельсовет должен был осуществлять всю техническую работу по подготовке дел, вызову сторон и свидетелей на заседание, приводить в исполнение постановления примирительной камеры.

Судопроизводство в примирительных камерах было максимально упрощённым и избавленным от формализма. «Никакого специального делопроизводства в примирительных камерах не ведётся»². Дела в примирительных камерах могли возбуждаться на основании устных заявлений с оговоркой, что такое заявление в определённых случаях могло быть кратко записано лицом, его принимающим. Никакой отчётности о деятельности примирительных камер не было предусмотрено, циркуляры, регламентирующие её деятельность, не должны были издаваться. Протоколы заседаний примирительных камер не велись. Регистрацию заявле-

ний, выдачу справок и копий для исполнения должен был выполнять аппарат сельсовета³.

Явка сторон на заседание примирительной камеры не была обязательной. Наложение взыскания за неявку на заседание не допускалось⁴. Неявка ответчика (обидчика) на заседание примирительной камеры не являлась основанием для усиления степени его вины. При рассмотрении дел примкамеры должны были стремиться склонить стороны к окончанию дела миром и принимать меры к полному и всестороннему рассмотрению дела⁵. Примирительная направленность процесса дополнялась функцией защиты интересов более слабой стороны. Не допускалось заключение мирового соглашения, явно невыгодного: «слабейшая сторона всегда может в ущерб своим интересам покончить дело миром на явно невыгодных условиях»⁶. Слабой стороной считались представители бедных слоёв населения, либо находящиеся на более низких социальных уровнях. Показания сторон и свидетелей не фиксировались, процесс имел устный характер. Сопровождение примирительной камеры могли проходить либо публично в зале заседания, либо в отдельном помещении. Постановления по делу принимались большинством голосов, подписывались её председателем и членами. Письменное постановление примирительной камеры являлось единственным процессуальным документом, имевшим обязательный характер. С постановления примирительной камеры снималась копия, которая направлялась сельскому исполнителю, возвращавшему её в примкамеру после исполнения с соответствующей отметкой⁷.

Временным положением устанавливались меры ответственности, которые могли быть наложены на виновных. Меры ответственности соответствовали функциям примирительных камер и преследовали воспитательное воздействие или носили компенсационный характер. Градация мер воздействия зависела от субъективной стороны правонарушения и степени общественной опасности деяния. Стремясь сделать текст положения максимально доходчивым, его авторы применяют казуальный способ изложения, иллюстрируя примерами нормативные установки. Предупреждение применялось к нарушителю, проступок которого носил случайный характер и правонарушитель не осознавал об-

³ ГАМО. – Ф. Р-12. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 22.

⁴ Там же. – Л. 22.

⁵ Там же. – Л. 28 об.

⁶ Там же. – Л. 21.

⁷ Там же. – Л. 28 об.

¹ ГАМО. – Ф. Р-12. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 25 об.

² Там же. – Л. 21 об.

щественной опасности деяния. На заседании примирительной камеры при Балаганском сельсовете от 20 июня 1930 года рассматривалось дело о нанесении побоев в ходе бытовой ссоры между родственниками. Истец требовал рассмотреть дело о побоях «без предоставления справки от фельдшера». Примирительная камера не признала в деяниях ответчика умышленную вину и постановила вынести ему предупреждение¹.

Общественное порицание рекомендовалось применять к лицам, осознавшим недопустимость совершённого проступка. Вынося постановление о наложении общественного порицания, примирительная камера должна была решить вопрос о степени его публичности: с опубликованием или без в печати (стенгазете), с оглашением на сельском сходе или без оглашения².

Штраф налагали в случаях, когда меры предупредительные общественного воздействия были неэффективными. Максимальный размер штрафа составлял 10 р. и зависел от материального положения правонарушителя. Собранные штрафы шли в пользу местных общественных организаций, определённых примирительной камерой («Друг детей», «Безбожник», «Осовиахим»).

Принудительные работы состояли в обязанности произвести общественно-полезную работу – уборку красного уголка, чтение вслух в избе-читальне, работу в хозяйстве вдов красноармейцев. Принудительные работы назначались на срок до 7 дней, оплата за них не производилась. К больным и лицам преклонного возраста данная мера не применялась. Постановлением примирительной камеры при Балаганском сельсовете от 24 ноября 1930 года виновному в нанесении оскорблений и клевете были определены принудительные работы на срок два дня³.

В случае установления материального ущерба потерпевшему, виновный, наряду с указанными мерами, обязывался возместить причинённый имуществу ущерб. Примирительная камера при Балаганском сельсовете 19 сентября 1930 года частично удовлетворила иск истца и постановила выплатить в семидневный срок материальный ущерб в размере 23 р. 50 к. «за плитку, куль соли, пользование кадушкой»⁴.

При определении материального ущерба Временное положение особо оговарива-

ло невозможность взыскания денег за оскорбление или побои, не применяется понятие морального вреда. «Унижение достоинства человеческой личности деньгами не измеряют»⁵.

Постановления примирительных камер было окончательным, обжалованию не подлежали. Если народным судьёй устанавливалось, что постановлением примирительной камеры был существенно нарушен закон, нарушены интересы государства и трудящихся масс или ущемлены интересы слабой стороны, выносилось решение о приостановлении исполнения постановления примкамеры⁶. Такое дело передавалось для рассмотрения в народный суд. Таким образом, поскольку не существовало чётких процессуальных норм деятельности примирительных камер, народный судья мог оценить её постановления, основываясь на субъективной оценке существенного или несущественного нарушения закона и собственного понимания «интересов государства и трудящихся масс». Право внесения дела в порядке надзора на рассмотрение народного суда с одновременным приостановлением исполнения постановления примкамеры имела и прокуратура.

Постановления примирительных камер о принудительных работах, о взыскании имущества или денежных средств должны были приводиться в исполнение по истечении 7 дней со дня их вынесения. Реализация этих постановлений возлагалась на сельских исполнителей. Постановления, связанные с принудительными работами, взысканием имущества и штрафами приводились в исполнение немедленно. В случаях, когда нарушитель отказывался от выполнения постановления примирительной камеры, сельсовет мог обращаться за содействием в органы милиции⁷.

Таким образом, формирование и деятельность примирительных камер весьма отличались от обычных судов. Отличия заключались в сущности, целях и методах воздействия. По своей сути эти неформализованные суды были особыми формами внеправового разрешения социальных споров. Примирительная деятельность носила выраженный воспитательный характер, исключала применение репрессивных мер. В работе примирительных камер были и проблемы. Работа примирительных камер не была обеспечена материально. Стремление к близости к на-

¹ ГАМО. – Ф. Р-12. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 31, 32.

² ГАМО. – Ф. Р-12. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 29.

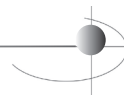
³ Там же. – Л. 38, 40–40 об.

⁴ Там же. – Л. 33, 34–34 об.

⁵ ГАМО. – Ф. Р-12. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 29.

⁶ Там же. – Л. 21 об.

⁷ Там же. – Л. 30.

селению приводило к тому, что формировались примкамеры из неквалифицированных кадров, имеющих низкий уровень культуры и правосознания, зачастую неграмотных. Нередко председателями примкамер избирали председателей сельсоветов, которые подчиняли деятельность этих внесудебных органов интересам Совета.

Заключение. На территории Северо-Востока страны, в силу комплекса причин, обычное право как регулятор общественных отношений у коренных народов, продолжало частично сохраняться до середины XX века. Это можно объяснить и слабостью государственной власти, кочевым образом жизни, неграмотностью коренного населения, авторитетом шаманов и старейшин. Помимо этого, принципы нового советского права – приоритет «революционного правосознания», противопоставление принципа целесообразности принципу законности, усиление принципа объективного вменения в уголовном праве не согласовывались с фундаментальными представлениями о справедливости, наказании и возмездии, заложенными в традиционную культуру коренных народов. Деятельность примирительных камер сглаживала это противоречие, приближала судопроизводство к населению, закладывала основы правового воспитания населения. Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 10.10.1930 года примирительные камеры были реорганизованы в сельские общественные суды. На Северо-

Востоке процесс реорганизации затянулся. Имеются архивные данные о том, что примирительные камеры функционировали и выносили постановления ещё в феврале 1931 года¹.

Рассмотрев исторические аспекты формирования и деятельности альтернативных судебных органов – примирительных камер, можно сделать следующие выводы. На Северо-Востоке страны, в силу удалённости от центральных органов власти, слабости административных органов, особенностей правосознания коренного населения, ведущего кочевой образ жизни, примирительные камеры стали формой реального приближения органов юстиции к населению. Сегодня опыт их действия может быть интересен не только в сугубо научном, но и практическом плане. Использование медиации и других примирительных процедур может учитывать и накопленный исторический опыт. При изучении темы были определены и направления дальнейшего научного поиска – анализ массивов документов региональных судов с целью накопления данных для статистического анализа (сколько дел и каких категорий было рассмотрено в период функционирования примирительных камер, этнический состав участников процессов и т. д.). Кроме этого, перспективным представляется изучение возможных локальных особенностей деятельности примирительных камер в рамках региона.

Список литературы

1. Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917–1953 гг.). Магадан: Кн. изд-во, 1961. 249 с.
2. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / под ред. Н. Н. Дикова. М.: Мысль, 1989. 492 с.
3. Кожевников М. В. История Советского суда / под ред. И. Т. Полякова [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/script/cntsource.asp?cntID=100002104> (дата обращения: 10.01.2017).
4. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.revolucia.ru/zadachsv.htm> (дата обращения: 10.01.2017).
5. Луковцев В. С. Минувя тысячелетия: О социалистическом развитии народностей Севера. М.: Мысль, 1982. 176 с.
6. Махмудов И. Примирительные камеры при сельсоветах // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 6. С. 164–165.
7. Мигущенко О. Н. Деятельность сельских исполнителей и примирительных камер при сельских Советах как методы формирования правосознания сельского населения в 1928–1934 гг. [Электронный ресурс] // Российская юстиция. 2008. № 4. Режим доступа: <http://www.center-bereg.ru/m2809.html> (дата обращения: 10.01.2017).
8. Организационно-политическое укрепление Советов на Дальнем Востоке СССР (Окт. 1917–1983 гг.): сб. науч. тр. / отв. ред. С. И. Лазарев. Владивосток: Изд-во ДВНЦ АН СССР, 1985. 124 с.
9. Осипович В. Примирительные камеры при сельсоветах // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 15. С. 463–464.
10. Хаховская Л. Н. Коренные народы Магаданской области в XX – начале XXI в. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008. 229 с.

Статья поступила в редакцию 13.02.2017; принята к публикации 27.03.2017

¹ ГАМО. – Ф. Р-12. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 42.

Библиографическое описание статьи

Доржеева В. В. Суды общественной самодеятельности на российском Северо-Востоке в первой трети XX века // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 33–40. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-33-40.

Victoria V. Dorzheeva,

*Doctor of History, Associate Professor,
North-Eastern State University
(13 Portovaya st., Magadan, 685000, Russia),
e-mail: dorvic68@mail.ru*

Public Self-Regulating Courts in the Russian North-East Territories in the Early 20th Century

The article is based on a study of activities of a particular judicial body – the Selsovet courts of conciliation. Due to specifics of legal consciousness and conventional rule operation within period under the study, these courts of conciliation became a tribunal, which maximally complied with the level of regional population's legal culture. The article studies the republican and regional normative basis, upon which courts of conciliation activity and proceedings in a case are formed. This problem is important today due to insufficient study of the subject in the regional historiography. In this article, the author studies the activity of courts of conciliation based on scientific introduction of documents of the State archive of Magadan region. Purposes and judicial procedure in the courts of conciliation are studied. Particular focus is on regional functional specifics of these alternative judicial organs, compared to the practice in central areas of country. The author points that sociocultural realia on Russian North-East are low, even in comparison with rural regions of central Russia. The level of legal consciousness and legal culture of population, nomadism, customary law made actual the necessity of creating the courts of conciliation. The conclusion is made that due to some objective reasons, these unformalized courts on North-East territories moved judicial proceeding closer to population and promoting the legal education.

Keywords: North East, legal consciousness, courts of conciliation, Selsovet, judicial system

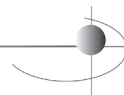
References

1. Zhikharev N. A. Ocherki istorii Severo-Vostoka RSFSR (1917–1953 gg.). Magadan: Kn. izd-vo, 1961. 249 s.
2. Istoriya Chukotki s drevneishikh vremen do nashikh dnei / pod red. N. N. Dikova. M.: Mysl', 1989. 492 s.
3. Kozhevnikov M. V. Istoriya Sovetskogo suda / pod red. I. T. Polyakova. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <http://www.law.edu.ru/script/cntsource.asp?cntID=100002104> (data obrashcheniya: 10.01.2017).
4. Lenin V. I. Ocherednye zadachi Sovetskoi vlasti [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.revolucia.ru/zadachsv.htm> (data obrashcheniya: 10.01.2017).
5. Lukovtsev V. S. Minuya tsysyacheletiya: O sotsialisticheskom razvitii narodnosti Severa. M.: Mysl', 1982. 176 s.
6. Makhmudov I. Primiritel'nye kamery pri sel'sovetakh // Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii. 1928. № 6. S. 164–165.
7. Migushchenko O. N. Deyatel'nost' sel'skikh ispolnitelei i primiritel'nykh kamer pri sel'skikh Sovetakh kak metody formirovaniya pravosoznaniya sel'skogo naseleniya v 1928–1934 gg. [Elektronnyi resurs] // Rossiiskaya yustitsiya. 2008. № 4. Rezhim dostupa: <http://www.center-bereg.ru/m2809.html> (data obrashcheniya: 10.01.2017).
8. Organizatsionno-politicheskoe ukreplenie Sovetov na Dal'nem Vostoke SSSR (Okt. 1917–1983 gg.): sb. nauch. tr. / otv. red. S. I. Lazarev. Vladivostok: Izd-vo DVNTs AN SSSR, 1985. 124 s.
9. Osipovich V. Primiritel'nye kamery pri sel'sovetakh // Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii. 1928. № 15. S. 463–464.
10. Khakhovskaya L. N. Korennye narody Magadanskoj oblasti v XX – nachale XXI v. Magadan: SVNTs DVO RAN, 2008. 229 s.

Received: February 13, 2017; accepted for publication March 27, 2017

Reference to the article

Dorzheeva V. V. Public Self-Regulating Courts in the Russian North-East Territories in the Early 20th Century // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 33–40. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-33-40.

УДК 325

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-41-46

Лариса Викторовна Занданова¹,
доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail: zandanova@mail.ru

Сергей Анатольевич Карнович²,
кандидат юридических наук,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail: karnovich07@mail.ru

Деятельность российских таможенников в Приморье и Приамурье в годы Первой мировой войны

В статье «Деятельность российских таможенников в Приморье и Приамурье в годы Первой мировой войны» показана всесторонняя работа таможенных чиновников Российской империи по борьбе с контрабандой на русско-китайской сухопутной и морской границах в годы Первой мировой войны 1914–1917 годов. После начала военной кампании 1914 года контрабанда товаров на всем протяжении русско-китайской сухопутной границы приняла большие размеры. Основным контрабандным товаром был спирт, который потребляли, главным образом, воинские контингенты России. В статье раскрываются и такие вопросы, как постепенное водворение контрабанды на территорию России по железной дороге, чему способствовал слабый надзор со стороны жандармской полиции, в первую очередь в связи с её малочисленностью. Контрабандой занимались русские казаки, а также арендаторы их земель – китайцы и корейцы, которые помимо спирта завозили в Россию контрабандный табак и китайские товары. В провозе товаров участвовали и русские рабочие. На протяжении 1914–1917 годов контрабанда спирта по сухопутной границе росла. После Октябрьской революции 1917 года организованная работа таможенников на Дальнем Востоке России прекратилась.

Ключевые слова: спирт, контрабанда, пограничники, таможенный режим, русско-китайская граница

Вводная часть. В конце XX – начале XXI века появились многочисленные исследования по истории дальневосточных таможенных учреждений [6] и истории их борьбы с контрабандой [3]. В частности, российскими учёными подробно изучена борьба с контрабандой биоресурсов [4], хищением золота [1], бутлегерством [10]. Авторы выделяли в качестве причин контрабанды не только недостатки таможенной системы [7], но и демографические причины, связанные с миграционными перемещениями [2] и экономические факторы, такие, как наступление периода монополизма и переход к организованной преступности, влияющие на развитие этого феномена [9]. Исследователями был сделан вывод о том, что в указанный период времени наблюдалась тенденция к ужесточению правил таможенного законодательства [8], системы уголовной и административной ответственности за таможенные преступления [5]. Взаимоотношения российского Дальнего

Востока с приграничными государствами в период Первой мировой войны нашли отражение в трудах зарубежных учёных [11; 12; 13; 14; 15].

В то же время вне внимания учёных остались вопросы, касающиеся контрабанды на Дальнем Востоке именно в период Первой мировой войны, когда главными потребителями контрабандного спирта стали не казаки Амурского казачьего войска, проживавшие в Приамурье, а население г. Владивостока, в котором были сосредоточены воинские контингенты, портовые рабочие, работники Амурской железной дороги, что и стало целью нашего исследования. Для написания данной статьи были привлечены материалы таможенных учреждений из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (г. Владивосток), которые позволили осветить эти страницы нашей истории.

Методология и методы исследования. Исследование данной темы было

¹ Л. В. Занданова – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

² С. А. Карнович выявлял архивные документы, провёл их анализ и подготовил статью к публикации.

проведено в соответствии с методологией и методами исторического исследования, основанного на анализе имеющихся достоверных материалов архивов, с точки зрения принципа историзма, который позволил, используя историко-сравнительный, историко-генетический и историко-системный методы, показать деятельность пограничных служб в процессе, выделить в нём этапы, сравнить их и показать общее и особенное, а также показать результаты в борьбе с контрабандой на каждом из этих этапов в годы Первой мировой войны.

Результаты исследования и их об- суждение. Данная статья написана на материалах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), изучение которых показало, что после начала Первой мировой войны, в 1914 году, на всём протяжении русско-китайской сухопутной границы приняла большие размеры контрабанда товаров. Основным контрабандным товаром был спирт, который потребляли, главным образом, воинские контингенты России.

Как стало известно из документов архива, 22 мая 1915 года Приамурскому генерал-губернатору Управлением Уссурийского казачьего войска было доложено, что граница между посёлками Софье-Алексеевским и Фадеевским, протяжённостью 27 вёрст, не охраняется, в результате чего контрабандисты совершенно безнаказанно вносят в пределы России огромное количество спирта. Главными путями для спиртоносителей были долина р. Крестьянки и местность севернее посёлка Владимировского.

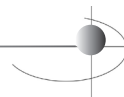
Спирт поставлялся во все деревни, но основная его часть оставалась в селе Липовцы, где жили самые отъявленные контрабандисты. После объявления войны в августе 1914 года между казаками, любителями лёгкой наживы, и спиртоносителями из числа китайцев и корейцев были установлены определённые договорённости. В частности, была оговорена цена одного ведра спирта – 50 коп. Спирт обыкновенно приносили к селению вечером и оставляли в условленном месте. Хозяин-контрабандист, получив сведения о доставке товара, выезжал на лошади к указанному месту, принимал его, рассчитывался с поставщиками и возвращался с добычей домой, а спиртоносители шли обратно за новой партией спирта, при этом они старались украсть и увести с собой деревенских лошадей. Поскольку доставка спирта осуществлялась прямо на глазах местных казаков, многие из них из-за тяжёлого материального состояния были втянуты в контрабандные опера-

ции¹. Главными стоянками спиртоносителей были д. Струговка, конный завод под Голенками, сёла Прилуки, Новожатково, Липовцы, Григорьевка и Михайловка, наибольшей активностью отличались жители последних трёх населённых пунктов. Из них контрабандный спирт распространяли по всей округе крупными и мелкими партиями, этим занимались преимущественно русские контрабандисты. «Сельские и поселковые власти, – отмечалось в документе, – мало помощи оказывают таможенным чинам и неохотно дают нужные сведения о лицах, занимающихся контрабандой, и не указывают места укрывательства их. При такой постановке приходится собственными силами и деньгами секретным доносителям добиваться желаемого успеха². Становой пристав Уссурийской железной дороги 4 июля 1915 года сообщал начальнику Никольско-Уссурийской дороги, что вверенный ему стан по правому берегу реки Суйфун граничит с китайской границей. После запрещения в России продажи спиртных напитков после объявления войны 1 августа 1914 года, ввиду выгоды контрабандной торговли спиртом многие жители побережья занялись этим промыслом, в особенности корейцы.

Главными путями, через которые спирт перемещали по российской территории, были Монгутайская долина, идущая через деревню Пограничная Петровка, вблизи дороги на Теплый хребет, Овчинниково, Барабаш, Поповую гору, Богословку и во Владивосток и Абовскую долину, на которой после деревни Мраморной тропа разветвлялась. Первая тропинка шла по этой долине к деревне Занадворовка, мимо хуторов, к деревням Кленовый Ключ, Або и к океану, вторая – на Гусевку, Кравцовку, далее на Пеняжино и к Суйфуну, её конечным пунктом был г. Владивосток; Эльдугинская долина, через которую тропа шла к деревням Горное, Ананьевка и Суйфун, а оттуда на Владивосток или в село Раздольное, а также Сандугинская долина, выходящая к деревне Харьковка и далее на село Нежино. Затем она расходилась на две тропинки: одна – до пади Клепка и с. Раздольного, вторая – в деревню Тереховка Раздольного уезда. По первой тропе, как отмечал становой пристав, задержания контрабандистов происходили в с. Барабаш и в устье р. Могутай, где были учреждены и существовали таможенные посты. На второй тропе в 1914 году был создан пост в районе Занадво-

¹ РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). – Ф. 410. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 11.

² Там же. – Л. 13.

ровки. В то же время две тропы остались без надзора, что способствовало проникновению контрабандных товаров.

Контрабанда постепенно стала водворяться и по железной дороге, чему способствовал слабый надзор со стороны жандармской полиции. Так, например, на линии от станции Угольной до села Раздольного надзор осуществляли всего лишь два жандарма. Контрабандистам помогали русские рабочие, большие любители алкоголя, поэтому контрабандисты и оставались неуловимы для жандармов. Полицейский чиновник отмечал, что в село Раздольное прибыл контролёр корчемной стражи с четырьмя чиновниками нижних чинов, но чиновник предполагал, что толку от их деятельности будет мало, т. к. для борьбы с контрабандой необходимо перекрывать не сёла, а тропы, по которым следовали со своим товаром контрабандисты¹.

Управляющий Полтавской таможенной заставой 9 августа 1915 года сообщал начальнику Владивостокского таможенного участка о том, что таможенная охрана осуществляется его подразделением на расстоянии 80 вёрст, от Ушагоу до посёлка Манакинского. Кроме этого, оно производило охрану границы в Полтавском районе. По штату в Полтавской заставе было положено иметь 18 человек, из которых шесть должны были находиться постоянно на таможенном посту Ушагоу, а три досмотрщика – на таможенном посту Софье-Александровском, поскольку этот пост находится в ведении управляющего Гродековским таможенным постом. Из оставшихся на заставе девяти человек один должен был исполнять обязанности старшего досмотрщика, шестеро дежурить посменно по шесть часов и досматривать пассажиров, подводы и грузы, в то время как для охраны денежного ящика, пакагуза, конюшни и прочих помещений заставы должны были быть задействованы два сотрудника. Ввиду того, что заставка находилась в открытом поле, а вокруг действовало много шаек хунгузов, в этой местности для патрулирования назначались четыре досмотрщика. Во время уборки опиума, когда хунгузы особенно часто совершали свои преступные действия на территории этой местности, в патруль назначалось трое дежурных, столько же направлялось на пристань для наблюдения за сплавом леса по реке Суйфун. В связи с ограниченным числом досмотрщиков в разъезды и секреты посылались и старший досмотрщик, а также сменяющие друг друга после непродолжительного

отдыха дежурные досмотрщики. Для преследования контрабанды в разъезды и секреты посылали днём по два досмотрщика, а в ночное время – не менее трёх. На таможенном посту Ушагоу один из досмотрщиков исполнял обязанности старшего, один дежурил на посту, а остальные охраняли границу. Независимо от штатного числа досмотрщиков на заставе часто находились во временном командировании досмотрщики морского побережья и сотрудники других учреждений. Как правило, временных досмотрщиков на Полтавском участке было 4–5 человек. Таким образом, с одними лишь штатными досмотрщиками заставы, без прикомандированных, заставка не могла охранять столь обширный край от нелегального водворения товаров². В качестве транспортного средства на заставе имелось 14 лошадей. Район заставы был разбит на десять охранных постов. Наиболее удобными местами для водворения контрабанды таможенниками называлась Суйфунская долина, в которой был расположен город Санчагоу. Между ним и станцией Полтавской имелось свыше 80 китайских и корейских фанз, постоянно переполненных безбилетными (не имеющими документов на право проживания – *авт.*) китайцами и корейцами, которые были основными участниками контрабандной доставки товаров до г. Никольск-Уссурийского (ныне г. Уссурийск – *авт.*). В десяти верстах выше Полтавки контрабанда доставлялась на так «называемую первую корейскую фанзу», а затем, в 20–30 верстах в сторону от таможенного поста Ушагоу она переправлялась на заимки Попова, Шестакова и Соколовского. В этой местности контрабанда перемещалась уже крупными партиями и нередко контрабандистов охраняли хунгузы. В годы Первой мировой войны наметилось усиленное движение контрабанды в новые посёлки: Манакинский, Прокопьевку, Киевку, Кроуновку и другие, однако таможенные чины заставы из-за отдалённости этой местности от границы лишь изредка совершали там инспекционные разъезды. Также небольшие партии контрабанды из Китая доставлялись в сторону посёлка Софье-Алексеевска.

К преимущественно водворяемым в край нелегальным путем товарам относились: спирт, мануфактура, игральные китайские карты, чумиза (зерновая культура – *авт.*), из края, в свою очередь, тайно вывозили соль, оружие, патроны и опиум. Спирт ввозился в край в большом количестве. По собранным за границей сведениям, в Санчагоу прода-

¹ РГИА ДВ. – Ф. 410. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 35.

² РГИА ДВ. – Ф. 410. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 194.

валось до 2 тыс. ведер спирта в месяц, не считая при этом ханшина (китайской водки – *авт.*) и всяких других сладких китайских напитков. В Санчагоу спирт доставляли из Харбина до ст. Пограничной железной дорогой, а от неё до Санчагоу – по китайской грунтовой дороге в 40-ведёрных железных бочках. Разлив спирта производится в самом Санчагоу, в магазинах Фухо Чина, Хахин Чина, Ташин Юна и Ван Ландуна, владельцы которых приобретали спирт на харбинских оптовых складах вина и спирта русских предпринимателей Врублевского и Никитиной. Жестяная банка спирта объёмом 5 литров стоила от 1 до 1,5 р., поэтому русские и наиболее состоятельные китайцы пили не ханшин, а разведённый маньчжурский спирт. Корейцы и китайцы доставляли спирт в с. Раздольное, из него по тракту контрабанду развозили казаки до с. Барабаш, а оттуда во Владивосток. Так, за первые полгода 1915 года, по данным только Полтавской заставы, было задержано более 115 ведер контрабандного спирта на сумму 18 645 р.¹ За тот же период Иманской таможенной заставой было задержано контрабандного спирта на сумму 7169 р. (317 случаев). Переправляли через границу контрабанду так же, как и на участке Полтавской заставы, казаки, а также арендаторы их земель из числа китайцев и корейцев, которые помимо спирта завозили в Россию нелегально табак и китайские товары.

Главной проблемой, мешавшей успешно бороться с контрабандой, был недостаток досмотрщиков. Там, где кадров было достаточно, дела шли успешнее. Так, только за первое полугодие 1915 года по трём заставам и пяти постам, входившим в зону ответственности Посьетской таможенной заставы, было зафиксировано всего 95 случаев задержания контрабанды на сумму 3490 р.² Хуже действовали чины акцизного надзора. Как видно из статистических данных о движении контрабанды за первое полугодие 1915 года, корчемная стража Приморья зафиксировала всего три случая задержания спирта, за что было заплачено 30 р. штрафа, по сухопутной границе и только один случай задержания спирта на сумму штрафа в 16 р. по морской границе³.

Следует отметить, что по окончании 1915 года определённые выводы руководством Владивостокского таможенного участка были сделаны: в 1916 году таможенники действовали более эффективно, в частности,

сумма задержанной контрабанды выросла до 20 388 р.⁴ В 1917 году Владивостокская таможня зафиксировала 335 случаев задержания контрабандных товаров на сумму в 58 733 р. Таким образом, задержание контрабанды из Китая по морской границе Дальнего Востока России практически прекратилось в 1917 году, при этом значительно возросло выявление сухопутной контрабанды, направленной во Владивосток.

Среди контрабандных товаров в 1917 году также доминировал спирт, затем шли ткани и готовое бельё – т. е. те товары, которые стали дефицитом в нашей стране в годы Первой мировой войны. Контрабандным экспортом было оружие, лошади и опиум. О структуре контрабанды, характере контрабандных операций и причинах, которые мешали пограничным структурам бороться с нею, говорится в отчёте Занадворского таможенного поста за первое полугодие 1917 года. В этом документе отмечается, что за отчётный период на таможенном посту было осуществлено 13 задержаний. Значительная часть контрабандных товаров состояла из японского и маньчжурского хлебного спирта и китайского ханшина. Всего было задержано 132 ведра спиртного. Задержанный спирт ввозили во Владивосток между деревнями Гусевка – Пеняжино – с одной стороны и полуостровом Песчаный – с другой. Общий вывод, к которому приходили таможенники поста, заключался в том, что тотальное запрещение производства, продажи и употребления спиртных напитков в Российской империи породило контрабандный промысел спирта. Отмечалось, что в районе поста действовало много контрабандистов из числа корейцев и китайцев, имеющих точки сбыта во Владивостоке.

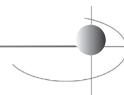
Заключение. Как видно из результатов исследования, окончательно режим охраны границы пал после Октябрьского переворота в конце 1917 года. Это способствовало свободе ввоза запрещённых товаров по всей линии границы. Как явствует из отчёта Гродековского таможенного поста от 1 февраля 1918 года, главными предметами импорта контрабанды в то время были спирт, табак, мануфактура, бельё, одежда, а экспорта – джутовые мешки, государственные кредитные билеты, лошади, экипажи, изделия из кожи. Контрабанда из-за границы открыто доставлялась в пассажирских и товарных поездах, причём преимущественно солдатами 273-й пешей Казанской дружины, охранявшей линию Уссурийской

¹ РГИА ДВ. – Ф. 410. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 197.

² Там же. – Л. 53.

³ Там же. – Д. 158. – Л. 19.

⁴ РГИА ДВ. – Ф. 410. – Оп. 2. – Д. 150. – Л. 672–674.

железной дороги. Ситуация не изменилась и после установления власти большевиков: солдаты категорически отказывались проходить таможенный досмотр, поэтому вся контрабанда сосредоточилась в их руках, они открыто перевозили её по железной дороге¹. Таким образом, в условиях начавшейся войны на дальневосточных таможенных постах пограничные службы Министерства финансов России не могли противодействовать контрабандистам, которые уже в годы Первой мировой войны ча-

сто имели вооружённую охрану, а число опытных досмотрщиков в это время резко сократилось. Всё это привело к росту контрабандных поставок спирта в годы войны на территорию российского Дальнего Востока и Забайкалья. В период революции 1917 года и сразу после неё таможенные учреждения Дальнего Востока столкнулись с фактами активного провоза контрабанды вооружёнными солдатами из тех частей, которые располагались на российском Дальнем Востоке.

Список литературы

1. Башкуева Е. Ю. Контрабандная деятельность китайских мигрантов в Западном Забайкалье (1860–1917 гг.) // Молодёжь и наука XXI в.: сб. ст. Красноярск, 2004. С. 86–88.
2. Дальневосточная контрабанда как историческое явление (Борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – первой трети XX века) / Н. А. Беляева [и др.]. Владивосток: ВФ РТА, 2010. 296 с.
3. Дацышен В. Г. Из истории контрабанды спиртных напитков на Дальнем Востоке // Вопросы истории Дальнего Востока. Вып. 3, ч. 1. 2001. С. 15–20.
4. Ляпустин С. Н. Борьба с контрабандой объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XXI в.). Владивосток: ВФ РТА, 2008. 252 с.
5. Матвиенко И. Г. Взаимодействие государственных структур в деле охраны границ от контрабанды в начале XX в. // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2000. № 3. С. 107–113.
6. Печерица В. Ф. Некоторые аспекты становления таможенной службы на Дальнем Востоке в начале XX в. // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 1997. № 1. С. 120–125.
7. Попенко А. В. Опыт борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России (1884 – конец 20-х гг. XX в.). Хабаровск: ХПИ ФСБ России, 2009. 150 с.
8. Сонин В. В. Таможенная служба и борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России (1917–1918 гг.) // Таможенная служба Дальнего Востока: прошлое, настоящее, будущее: материалы науч.-практ. конф. Владивосток, 1999. С. 7–9.
9. Шевченко В. В. Борьба с контрабандой на Амуре и Уссури // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2009. № 2. С. 90–100.
10. Шелудько В. О., Черномаз В. А. Контрабанда алкоголя и борьба с ней на дореволюционном Дальнем Востоке // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 1998. № 1. С. 105–114.
11. Clubb O. E. China and Russia: The great Game. N. Y.: L.: Columbia University Press, 1971. 614 p.
12. Ingemanson B. Cosmopolitan Vladivostok: Swedish glimpses, 1908–1923 // Scando-slavica. 1996. Vol. 42. P. 36–57.
13. Marks S. Road to Power. The Trans – Siberian Railroad and the colonization of Asian Russia 1850–1917. Ithaca: Cornell University Press, 1991. 240 p.
14. Paine S. C. M. A History of the Sino-Soviet Border, 1858–1924: PhD dissertation. Columbia University. N. Y., 1993. 517 p.
15. Stephan J. J. The Russian Far East. A History. Stanford: Stanford University Press, 1994. 487 p.

Статья поступила в редакцию 11.03.2017; принята к публикации 25.04.2017

Библиографическое описание статьи

Занданова Л. В., Карнович С. А. Деятельность российских таможенников в Приморье и Приамурье в годы Первой мировой войны // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 41–46. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-41-46.

¹РГИА ДВ. – Ф. 410. – Оп. 2. – Д. 190. – Л. 346–347.

Larisa V. Zandanova¹,

*Doctor of History, Professor,
Irkutsk State University
(1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia),
e-mail: zandanova@mail.ru*

Sergey A. Karnovich²,

*Candidate of Law,
Irkutsk State University
(1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia),
e-mail: karnovich07@mail.ru*

Activities of the Russian Customs Officers in Primorye and Priamurye during World War I

The paper studies anti-smuggling activities of customs officers of the Russian Empire on the Russian-Chinese border during World War I (1914–1917). After the beginning of 1914 military campaign, smuggling of goods on extended Russian-Chinese land boundary was wide-ranging. Alcohol was among the main smuggled goods. Contingents of Russian troops were the main consumers of alcohol. Smuggling was gradually spread by railway, it was promoted by weak supervision from gendarme police. Smugglers were helped by the Russian workers. Cossacks and also their land tenant – the Chinese and the Koreans who delivered tobacco and the Chinese goods besides alcohol to Russia were the main smugglers. On land boundary, smuggling of alcohol in 1914–1917 grew. After the October revolution in 1917, organized work of customs officers in the Far East of Russia stopped.

Keywords: alcohol, smuggling, frontier guards, customs regime, Russian-Chinese border

References

1. Bashkueva E. Yu. Kontrabandnaya deyatel'nost' kitaiskikh migrantov v Zapadnom Zabaikal'e (1860–1917 gg.) // *Molodezh' i nauka XX v.: sb. st. Krasnoyarsk, 2004. S. 86–88.*
2. Dal'nevostochnaya kontrabanda kak istoricheskoe yavlenie (Bor'ba s kontrabandoi na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroi polovine XIX – pervoi treti XX veka) / N. A. Belyaeva [i dr.]. Vladivostok: VF RTA, 2010. 296 s.
3. Datsyshen V. G. Iz istorii kontrabandy spiritykh napitkov na Dal'nem Vostoke // *Voprosy istorii Dal'nego Vostoka. Vyp. 3. Ch. 1. 2001. S. 15–20.*
4. Lyapustin S. N. Bor'ba s kontrabandoi ob'ektov fauny i flory na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XIX – nachalo XXI v.). Vladivostok: VF RTA, 2008. 252 s.
5. Matvienko I. G. Vzaimodeistvie gosudarstvennykh struktur v dele okhrany granits ot kontrabandy v nachale XX v. // *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. 2000. № 3. S. 107–113.*
6. Pecheritsa V. F. Nekotorye aspekty stanovleniya tamozhennoi sluzhby na Dal'nem Vostoke v nachale XX v. // *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. 1997. № 1. S. 120–125.*
7. Popenko A. V. Opyt bor'by s kontrabandoi na Dal'nem Vostoke Rossii (1884 – konets 20-kh gg. XX v.). Khabarovsk: KhPI FSB Rossii, 2009. 150 s.
8. Sonin V. V. Tamozhennaya sluzhba i bor'ba s kontrabandoi na Dal'nem Vostoke Rossii (1917–1918 gg.) // *Tamozhennaya sluzhba Dal'nego Vostoka: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy nauch.-prakt. konf. Vladivostok, 1999. S. 7–9.*
9. Shevchenko V. V. Bor'ba s kontrabandoi na Amure i Ussuri // *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. 2009. № 2. S. 90–100.*
10. Shelud'ko V. O., Chernomaz V. A. Kontrabanda alkogolya i bor'ba s nei na dorevolutsionnom Dal'nem Vostoke // *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. 1998. № 1. S. 105–114.*
11. Clubb O. E. *China and Russia: The great Game.* N. Y.: L.: Columbia University Press, 1971. 614 p.
12. Ingemanson B. *Cosmopolitan Vladivostok: Swedish glimpses, 1908–1923* // *Scando-slavica. 1996. Vol. 42. P. 36–57.*
13. Marks S. *Road to Power. The Trans – Siberian Railroad and the colonization of Asian Russia 1850–1917.* Ithaca: Cornell University Press, 1991. 240 p.
14. Paine S. C. M. *A History of the Sino-Soviet Border, 1858–1924: PhD dissertation.* Columbia University. N. Y., 1993. 517 p.
15. Stephan J. J. *The Russian Far East. A History.* Stanford: Stanford University Press, 1994. 487 p.

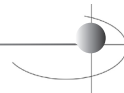
Received: March 11, 2017; accepted for publication April 25, 2017

Reference to the article

Zandanova L. V., Karnovich S. A. Activities of the Russian Customs Officers in Primorye and Priamurye during World War I // *Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 41–46. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-41–46.*

¹ L. V. Zandanova is the main author and the organizer of the study, she draws conclusions and summarizes the results of the collective project.

² S. A. Karnovich identified archival documents, rules of their analysis and produced an article for publication.

УДК: 93/94 (571.55)

Антонина Иннокентьевна Мороз,
кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30),
e-mail: antonina_sazhina@mail.ru

Деятельность Внешкольного отдела Министерства народного просвещения ДВР (1920–1922 гг.)

Предлагаемая статья посвящена истории создания, реорганизаций и деятельности Внешкольного отдела Министерства народного просвещения Дальневосточной республики в 1920–1922 годах. Под руководством этого органа на территориях, входивших в состав государства, велась работа по образованию и просвещению взрослого трудоспособного населения. Силами отдела были начаты мероприятия по ликвидации неграмотности и малограмотности взрослых, открывались образовательные и просветительные учреждения, велась работа по подготовке педагогических кадров для работы в них. Степень изучения этой деятельности в научной литературе невысока. Для написания данной статьи автору понадобилось обобщить разрозненный материал из фондов Государственного архива Забайкальского края, Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова, опубликованных работ, газет и журналов рассматриваемого периода. Удалось установить, что деятельность Внешкольного отдела Министерства народного просвещения Дальневосточной республики в 1920–1922 годах в большей степени носила организационный характер и в основном была развёрнута в областных центрах республики. Несмотря на это, можно отметить, что она способствовала складыванию предпосылок для образования и просвещения взрослого населения Дальнего Востока в последующий период.

Ключевые слова: история, Дальневосточная республика, внешкольное образование, ликвидация неграмотности, просветительная работа

Вводная часть. В годы Гражданской войны народное образование на Дальнем Востоке испытывало большие трудности – отсутствовало руководство, не было финансирования, наблюдался острый недостаток подготовленных работников. В таких условиях быстро разрушалась система имеющихся образовательных учреждений, росло число детей, не охваченных обучением, повышался процент неграмотных и малограмотных среди взрослого населения. Поэтому после образования Дальневосточной республики перед её Правительством встал задача проведения реформ в этой области [8, с. 52].

Особую важность представляло создание условий для ликвидации неграмотности и малограмотности взрослых трудоспособных жителей региона. Местное население в условиях политических потрясений, постоянной смены политических режимов стремилось разобраться в происходящих событиях и сформулировать своё отношение к ним. Естественным препятствием на пути реализации такого намерения была высокая степень азбучной неграмотности и малограмотности. Поэтому для Правительства Дальневосточной республики создание условий для

образования и просвещения взрослых было важным направлением практической работы [10, с. 12].

Руководство этим процессом было возложено на созданное в апреле 1920 года Министерство народного просвещения Дальневосточной республики [11, с. 183]. В его структуре, наряду с другими, был образован особый Внешкольный отдел, в ведение которого были переданы вопросы организации образования и просвещения взрослого населения. На наш взгляд, практическая деятельность этого органа не получила должного освещения в исторической литературе. Большинство авторов уделяли своё внимание истории реформ общеобразовательной [1; 2; 3; 4; 11] или высшей школы [5], тогда как история мероприятий в области образования и просвещения взрослых оставалась неизученной. Данная статья является попыткой осветить этот вопрос.

Методология и методы исследования. Автором был осуществлён историографический анализ, подтвердивший недостаточную степень научной разработки темы. Проведён поиск и сбор неопубликованных исторических источников из фондов Госу-

дарственного архива Забайкальского края, изучены аутентичные опубликованные материалы из фондов библиотеки Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова, а также периодические издания рассматриваемого периода. В целом, это позволило решить поставленную задачу.

Результаты исследования и их обсуждение. Деятельность Внешкольного отдела Министерства народного просвещения, так же, как и других властных органов Дальневосточной республики, началась в апреле 1920 года в Верхнеудинске, и первоначально он распространял свою деятельность на территории Западного Забайкалья. Однако и в таких условиях началась работа по созданию и организации деятельности сети образовательных и просветительных учреждений. Так, уже в мае 1920 года было выпущено воззвание к населению о проявлении с его стороны инициативы в проведении реформ народного образования, а также открыт широкий кредит на соответствующие нужды, разосланы на места учебные и методические пособия, канцелярские принадлежности¹.

Параллельно была организована работа в среде бойцов Народно-революционной армии республики. Ликвидация неграмотности и политическое просвещение были необходимы для поддержания боевого духа солдат, их дисциплинированности, готовности к продолжению службы. Поэтому в мае 1920 года в рамках агитационной кампании «Неделя фронта» в Верхнеудинске была проведена акция по сбору книг, газет и журналов для нужд армии², а 12 июня 1920 года политическим отделом Народно-революционной армии был издан приказ о развёртывании широкой образовательной и просветительной работы в воинских подразделениях. В соответствии с приказом, в них должны были открываться школы для взрослых, библиотеки, музеи, а также культурно-просветительные кружки³.

Правительство уделило внимание проблеме обеспечения создаваемой системы подготовленными педагогическими кадрами. В её решении был использован соответствующий практический опыт РСФСР. Так, в июне 1920 года особым постановлением было мобилизовано всё учительство и грамотное население республики, которое в летние месяцы должно было принять участие в орга-

¹ По нашим учреждениям // Дальневосточная республика. – 1920. – 13 мая. – С. 1.

² Несите книгу // Дальневосточная республика. – 1920. – 7 мая. – С. 1.

³ Долой народную тьму // Дальневосточная республика. – 1920. – 17 июля. – С. 2.

низации ликвидации неграмотности и малограмотности, а также просветительных мероприятий для взрослых. Освещая это событие, газета «Дальневосточная республика» писала: «Сделан смелый и мудрый шаг Правительством ДВР. Мобилизовано учительство и интеллигенция на летние месяцы для ликвидации неграмотности среди войск, рабочего и крестьянского населения. Уже приготовлены учебники, учебные пособия и письменные принадлежности для школ, где вы будете учительствовать. Десятки школьных комплектов не открываются за неимением учителей. Добро пожаловать к нам, дорогие гости!»⁴.

Кроме того, началось складывание системы подготовки таких кадров на территории республики. Так, в июле 1920 года в Верхнеудинске были организованы двухмесячные курсы по подготовке работников народного образования и просвещения. К обучению в рамках курсов приглашались все желающие в возрасте от 17 лет, в том числе не имеющие начального образования. После прохождения программы обучившиеся получали квалификацию учителя и назначение на школьную работу⁵.

Решению этой задачи также должна была способствовать деятельность Прибайкальского народного университета. В июне 1920 года были открыты два его факультета – общеобразовательный и гуманитарный. Уже в конце месяца они проводили не только регулярные занятия со студентами, но и развернули массовую просветительную работу. Так, на базе университета проводились открытые для всех желающих чтения, лекции, беседы, экскурсии, выставки и т. д.⁶ Там же начала свою деятельность и драматическая студия-театр, давшая свой первый спектакль 4 июля⁷.

Интересно, что Министерство народного просвещения ставило своей задачей не только распространение грамотности и разнообразных полезных знаний, но и уделяло внимание эстетическому развитию населения. Так, в апреле 1920 года силами Внешкольного отдела в Верхнеудинске был организован хор, состоявший из 30 человек местных певчих. Коллективом хора был намечен ряд художественно-концертных постановок в городе и на территории уезда⁸.

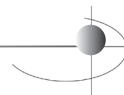
⁴ На борьбу с народной тьмой // Дальневосточная республика. – 1920. – 22 июня. – С. 1.

⁵ Курсы для культурников // Дальневосточная республика. – 1920. – 1 июля. – С. 2.

⁶ По нашим учреждениям // Дальневосточная республика. – 1920. – 22 июня. – С. 2.

⁷ Там же. – 11 июля. – С. 3.

⁸ В министерстве просвещения // Дальневосточная республика. – 1920. – 6 мая. – С. 2.

Расширение практической работы объективно требовало освобождения и объединения всех территорий республики. После событий октября–ноября 1920 года она получила новый стимул – начались реорганизация органов управления сферой, планирование и подготовка реформы народного образования и просвещения на территории всего государства. Так, в соответствии с временными положениями Правительства была расширена структура Министерства народного просвещения, началось создание областных и уездных отделов народного образования. Непосредственно после этого была разработана и опубликована «Программа Министерства народного просвещения ДВР», в которой были намечены принципы подготавливаемой реформы. Программа предусматривала создание единой школы на территории республики в целях достижения всеобщего образования. В области образования и просвещения взрослых программа требовала «учреждения по возможности серьезной сети народных университетов, целесообразной государственной постановки библиотечного дела, государственного книгоиздательства, создания и приближения к народным массам искусств через соответствующую организацию театров, выставок, оркестров, музеев и т. п.»¹.

Своё развитие эти идеи получили в публикации «Цель и задачи внешкольного образования», размещённой на страницах газеты «Дальневосточная республика». Автор В. Бочарова подчёркивала: «Мало взять власть в свои руки, надо уметь ее удержать, а для этого необходимы кадры новых работников из среды самих трудящихся, необходимо поднять сознательность, расширить умственный кругозор народных масс. И тут особенно остро встает вопрос о внешкольном образовании... Нужно покрыть все государство сетью элементарных школ для взрослых безграмотных и малограмотных. В школе взрослых нужно ввести новые методы преподавания, надо не только учить технике чтения, но и пользоваться книгой. Одновременно с этим элементарная школа должна научить сознательно относиться к окружающему, приподнять завесу над областью знаний и этим дать толчок для дальнейших исканий. Поэтому в элементарной школе наряду с обучением грамоте должна быть введена система популярных бесед из области естествознания и обществоведения. Для лиц более подготовленных необхо-

¹ Библиотека ЗККМ им. А.К. Кузнецова. – Ед. хр. 843.

димо создать школы повышенного типа, так называемые Народные Университеты. Наряду с этим предстоит организация чтений, лекций и бесед по вопросам политико-социального характера. Параллельно должна идти организация сети изб-читален, библиотек с чтением вслух газет и популярных брошюр. Для политического воспитания должны служить клубы, народные дома»².

Решение такой масштабной задачи требовало соответствующей подготовки. Необходимо было изыскивать средства для открытия и содержания образовательных и просветительных учреждений для взрослого населения, обеспечить их всем необходимым инвентарём, учебной и методической литературой, канцелярскими принадлежностями, подготовить достаточное количество педагогических кадров для работы в них. Однако очевидно, что материальные и организационные возможности руководства были весьма ограничены. Поэтому с самого начала значительная роль в решении проблем образования и просвещения взрослых была отведена неравнодушной общественности республики. Так, 19 декабря 1920 года в Чите представителями партийных и общественных организаций была проведена однодневная кампания «День просвещения», целью которой было производство ремонта в учебных заведениях города и заготовка топлива для них³. Средства и книги, собранные в результате кампании, впоследствии были переданы Внешкольному отделу. Ещё одна кампания состоялась 19 января 1921 года, в её рамках сотрудники отдела произвели ремонт и уборку местной библиотеки⁴. Продолжением такого подхода стал призыв, опубликованный на страницах газеты «Дальневосточная республика»: «Внесено предложение о ликвидации неграмотности. Месяцы февраль, март и апрель [1921 года] объявляются месяцами ликвидации неграмотности и общество должно приложить максимум усилий для проведения настоящего предложения в жизнь»⁵.

Со своей стороны Министерство народного просвещения взяло на себя решение вопросов о подготовке учебной и методической литературы, а также педагогических кадров. Протоколы заседаний Внешкольного отдела,

² Бочарова В. Цель и задачи внешкольного образования // Дальневосточная республика. – 1920. – 4 дек. – С. 1.

³ День просвещения // Дальневосточная республика. – 1920. – 11 дек. – С. 4.

⁴ ГАЗК. – Ф. Р-32. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 35.

⁵ Долой безграмотность // Дальневосточная республика. – 1920. – 23 дек. – С. 3.

датируемые январём и февралём 1921 года, содержат решения об издании учебных пособий для взрослых «Математическая грамота» и «Политическая грамота», проектов и программ для школ взрослых, а также об организации курсов по подготовке внешкольных работников¹.

Интересные сведения о других направлениях работы содержит публикация «Внешкольное образование в ДВР» на страницах газеты «Дальневосточная республика». Автор подробно освещает деятельность секций Внешкольного отдела. В частности, сообщается, что секция искусств приступила к организации в Чите государственного театра со студиями и мастерскими, государственной консерватории и государственной художественной школы [6, с. 95]. В целях развития театра началось объединение артистов и любителей из разных ведомств республики, был создан художественный совет для подбора серьёзного и доступного широким массам репертуара, началось устройство спектаклей, в том числе бесплатных и благотворительных. Для работы в консерватории секцией был

приглашён известный пианист Померанцев из Омска. Для художественно-промышленной школы был разработан проект реформы. Деятельность школьно-курсовой секции была сосредоточена на организации сети школ грамоты для взрослых и подготовке кампании ликвидации неграмотности. Секция народных домов и клубов приступила к учёту всех народных домов, клубов и изб-читален республики. Деятельность библиотечной секции была направлена на разработку сети библиотек, как центральных, так и местных. Наконец, музейно-экскурсионная секция вела работу по собиранию и охране памятников старины и культуры, а также по организации экскурсионного дела².

Результатом этой работы стала организация сети образовательных и просветительных учреждений для взрослых на территории областей республики. К сожалению, оценить её масштаб в полной мере достаточно сложно. Так, в популярной брошюре «Реформа», изданной в 1921 году, содержатся следующие статистические сведения об их количестве, показанные в таблице.

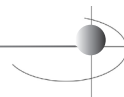
Сведения о количестве внешкольных учреждений в ДВР³ [3, с. 22]

Наименование внешкольных учреждений	Количество внешкольных учреждений				
	Амурская область	Приамурская область	Прибайкальская область	Забайкальская область	Итого
Народные дома и клубы	67	Сведений нет	2	17	86
Народные университеты	1	1	1	-	3
Школы грамоты для взрослых	142	Сведений нет	17	18	177
Общеобразовательные курсы	3	Сведений нет	-	1	4
Библиотеки	98	Сведений нет	11	45	154
Избы-читальни	144	Сведений нет	56	Сведений нет	200
Музеи	1	1	1	2	5
Художественные школы и студии	-	Сведений нет	-	2	2
Музыкальные школы	1	Сведений нет	1	2	4
Театры	1	Сведений нет	1	1	3
Драматические школы	1	Сведений нет	-	-	1
Кинематографы	2	Сведений нет	-	-	2
Культурно-просветительные кружки	81	Сведений нет	-	94	175

¹ ГАЗК. – Ф. Р-32. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 35–37.

² Внешкольное образование в ДВР // Дальневосточная республика. – 1921. – 15 мая. – С. 3.

³ Реформа. – Чита: Электротипография ДВСПС, 1921. – С. 22.

Издание также содержит некоторые сведения о деятельности образовательных и просветительных учреждений для взрослых в некоторых областях республики. Их анализ показывает, что большинство таких учреждений создавались и действовали благодаря усилиям местного населения, его стремлению к получению знаний. Автор К. С. Шрейбер подчёркивал, что «уже многообразие самой номенклатуры внешкольных учреждений... убеждает в том, что в данном случае мы имеем дело исключительно с самодеятельным творчеством мест»¹. При этом деятельность внешкольных подразделов областных отделов народного образования в основном концентрировалась в областных центрах. Так, в Прибайкальской области основная работа развернулась в Верхнеудинске, где силами сотрудников Народного университета был организован театр, несколько школ для взрослых, проводились выставки, а связь с местами была охарактеризована как «слабая». В Амурской области наиболее активную деятельность вёл областной отдел образования, который имел связь с военными частями и Амурской железной дорогой, но с большинством мест не сумел «установить нормальных отношений». В Приамурской области работа была сконцентрирована в основном в Хабаровске, где были образованы Народный университет, техникум, Дом крестьянина и две библиотеки. Очевидно, что и здесь устойчивой связи с местами наладить не удалось.

Однако нельзя не отметить большую работу по подготовке педагогических кадров для обслуживания местных учреждений, проведённую Министерством народного просвещения. Так, ещё весной 1921 года в Чите были организованы курсы по подготовке инструкторов-внешкольников, на которых прошли обучение слушатели из среды местного населения, а также развернулась агитационная работа среди учащихся старших классов учебных заведений города с целью привлечения их к внешкольной работе². В летние месяцы в Чите, Верхнеудинске и Благовещенске были организованы педагогические курсы³. Наконец, осенью 1921 года было принято решение о создании в Чите постоянно действующих педагогических курсов. В соответствии с постановлением Правительства к обучению на них принимались лица обоего пола не моложе 15 лет. В течение четырёх лет курсан-

¹ Реформа. – Чита: Электротипография ДВСПС, 1921. – С. 22.

² ГАЗК. – Ф. Р-32. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 36–36 об.

³ Реформа. – Чита: Электротипография ДВСПС, 1921. – С. 51.

ты могли получить общеобразовательную и специальную подготовку – пройти педагогическую практику в опытно-показательной школе, а также обучиться ручному труду в мастерских⁴.

Кроме того, важным событием для решения кадровой проблемы в педагогической отрасли было открытие в Чите Государственного института народного образования, которое состоялось 9 октября 1921 года. К этому времени были подготовлены и одобрены учебные планы двух его факультетов – физико-математического и гуманитарного, а также произведен первый набор студентов [5; 7, с. 136–137].

В целом, характерной чертой деятельности системы образования и просвещения взрослого населения в Дальневосточной республике была децентрализация, самодеятельность мест. Это положение было закреплено 26 августа 1921 года законом Правительства «О передаче дела народного просвещения местным органам власти»⁵. В соответствии с ним, все дошкольные, школьные и внешкольные учреждения республики (кроме учреждений общегосударственного значения), передавались в ведение органов местного управления.

Подобная организация противоречила той политике, которая проводилась в РСФСР. Напомним, что декретом «О Главном политико-просветительном управлении» в руках этого органа оказалась сосредоточенная вся работа образовательного и просветительного характера, которая велась в среде взрослого населения. Поэтому с подачи коммунистов Дальневосточной республики началась дискуссия о централизации работы среди взрослых и о создании соответствующего органа, который мог осуществлять руководство этим процессом. Так, в мае 1922 года на Государственной конференции по народному образованию коммунист Н. Г. Широких прочёл доклад «Ближайшие задачи внешкольной работы». По его мнению, основной из них была скорейшая координация культурно-просветительных сил в республике и создание при Министерстве народного просвещения особого Совета по внешкольной работе на правах контрольно-совещательного органа. В его состав предлагалось включить представителей всех правительственных и общественных учреждений и организаций, заинтересованных

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Правительства ДВР. – 1921. – № 7. – С. 161.

⁵ ГАЗК. – Ф. Р-32. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 1–5; Собрание узаконений и распоряжений Правительства ДВР. – 1921. – № 4. – Ст. 93.

в ликвидации неграмотности и ведении просветительской работы среди своих членов. К ведению Совета было предложено отнести выработку общего плана работы всех образовательных и просветительских учреждений для взрослых, а также создание условий для развёртывания их «твёрдой» сети. В создаваемую сеть предлагалось внести самые жизнеспособные из учтённых на территории республики учреждений, одновременно закрыв те из них, которые не имели никакой материальной базы для своей практической деятельности. Содержание «твёрдой» сети должно было осуществляться постоянными, а не случайными ассигнованиями правительственных и общественных учреждений и организаций с учётом конкретных потребностей каждого учреждения. Кроме того, источником пополнения материальной базы просветительских учреждений предлагалось сделать и проводимые ими мероприятия – лекции, выставки, концерты и спектакли, а также прокат имеющегося в распоряжении учреждения имущества и аренду его помещений¹.

Предложение о создании Совета по внешкольному образованию было поддержано состоявшимся в Чите 15 мая 1922 года собранием представителей культурно-просветительских учреждений и организаций. Законодательное закрепление его создания было проведено положением «О Совете по внешкольному образованию при Министерстве народного просвещения». В соответствии с ним, основной целью деятельности Совета была разработка мероприятий, направленных на согласование всей просветительской деятельности различных ведомств и организаций, оформление законодательной базы образования и просвещения взрослых в республике, а также ведение количественного и качественного учёта деятельности образовательных и просветительских учреждений. Кроме того, в ведении Совета находилась разработка планов, уставов, положений и инструкций по практической деятельности этих учреждений, а также решение методических и других вопросов работы среди взрослых².

В состав Совета по внешкольному образованию были включены министр народного просвещения, заведующий Внешкольным отделом Министерства и представители

школьных, культурных и просветительских отделов Министерства народного хозяйства, Министерства транспорта, Министерства национальных дел, Военно-политического управления, Дальневосточного Совета профессиональных союзов, Союза работников просвещения, краевых профессиональных объединений, Дальневосточного краевого комитета РКСМ, Отдела народного образования Читинской железной дороги, Бурят-Монгольского автономного управления, Политического секретариата, Забайкальского районного Совета профессиональных союзов, Забайкальского областного отдела народного образования, Читинского Дорпрофсожа, Забайкальского областного комитета РКСМ, Читинского городского отдела народного образования и Читинского уездного отдела народного образования. Фактически Совет объединил под своим руководством все учреждения, ведущие работу образовательного и просветительского характера среди взрослых. После этого основной функцией Внешкольного отдела Министерства народного просвещения стала техническая работа по подготовке заседаний созданного органа, а также исполнение его постановлений³.

На этих условиях деятельность отдела продолжилась до ноября 1922 года. После вхождения территорий Дальневосточной республики в состав РСФСР, руководство отделом народного образования и просвещения было передано Дальневосточному областному отделу народного образования, а организация образования и просвещения взрослого населения оказалась в ведении его политико-просветительского управления [9, с. 157].

Выводы. Таким образом, деятельность Внешкольного отдела Министерства народного просвещения Дальневосточной республики охватывает период с 1920 по 1922 год. В это время силами отдела была проведена большая организационная работа по созданию системы образования и просвещения взрослого населения республики. В силу ограниченных возможностей эта работа в основном была сосредоточена в областных центрах государства, тогда как на местах учреждения внешкольного образования находились на содержании населения. Тем не менее, это имело большое значение для реализации политики Правительства Дальневосточной республики в области народного образования. Нельзя не отметить, что эта политика имела сходные

¹ К Государственной конференции по народному образованию // Бюллетень Министерства народного просвещения ДВР. – 1922. – № 5. – С. 5.

² Положение о Совете по внешкольному образованию при Министерстве народного просвещения // Бюллетень Министерства народного просвещения ДВР. – 1922. – № 5. – С. 6.

³ Положение о Совете по внешкольному образованию при Министерстве народного просвещения // Бюллетень Министерства народного просвещения ДВР. – 1922. – № 5. – С. 7.

черты с соответствующей политикой, проводимой в РСФСР. Среди них – единство цели (стремление дать широким народным массам доступ к образованию вне зависимости от пола, возраста) и ряд практических решений (мобилизация учительства, кампании по

ликвидации неграмотности, переход к централизации работы среди взрослых). Поэтому проведённые мероприятия также можно трактовать, как создание предпосылок к дальнейшим преобразованиям в этой сфере после советизации республики.

Список литературы

1. Баркин Г. А. Забайкальская школа в 1918–1922 гг. // Проблемы краеведения: материалы V Забайкальской краеведческой конф. Чита: Изд-во Забайкальского филиала Географического о-ва СССР, 1970. Вып. 5. С. 17–23.
2. Баркин Г. А. К истории становления советской школы в Забайкалье // Проблемы краеведения: материалы III Забайкальской краеведческой конф. Чита: Изд-во Забайкальского филиала Географического общества СССР, 1968. Вып. 3. С. 31–33.
3. Белоглазова С. Б. Школьное дело в период ДВР // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: программа и тез. докл. и науч. сообщений Второй междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию окончания Гражданской войны и иностранной интервенции. Владивосток: Изд. дом Дальневост. федер. ун-та, 2012. С. 77–79.
4. Гонтарева Е. Н. Забайкальская школа в период Дальневосточной республики (1920–1922) // Ученые записки ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского. 1969. Вып. 21. С. 159–176.
5. Дроботушенко Н. Е. Из истории создания Читинского института народного образования // Народное образование Забайкалья: история и опыт: сб. материалов науч. конф. Чита: Поиск: ЗабГПУ, 2000. С. 101–105.
6. Иманакова Е. Г. Художественная культура Восточного Забайкалья (XVIII – первая четверть XX в.). Чита: ЧитГУ, 2007. 153 с.
7. Константинов А. В., Константинова Н. Н. Забайкалье: ступени истории (1917–1922 годы). Чита: Экспресс-изд-во, 2009. 192 с.
8. Сажина А. И. Государственная политика советской власти в области образования и просвещения взрослого населения в 1917–1927 гг. (на материалах Восточного Забайкалья): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Чита, 2015. 183 с.
9. Сажина А. И. Деятельность Забайкальского губернского политико-просветительного управления в 1923–1926 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1. С. 156–162.
10. Сажина А. И. Ликвидация неграмотности в условиях ДВР (1920–1922 гг.) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 10. С. 12–16.
11. Сажина А. И. Органы управления народным просвещением в Забайкалье в период ДВР (1920–1922 гг.) // Студент и научно-технический прогресс: материалы 50-й Междунар. конф. Новосибирск: НГУ, 2012. С. 183–184.
12. Степанов А. С. Народное просвещение и здравоохранение в Дальневосточной республике // Проблемы краеведения: материалы III Забайкальской краеведческой конф. Чита: Изд-во Забайкальского филиала Географического о-ва СССР, 1968. Вып. 3. С. 29–31.

Статья поступила в редакцию 16.04.2017; принята к публикации 17.05.2017

Библиографическое описание статьи

Мороз А. И. Деятельность Внешкольного отдела Министерства народного просвещения ДВР (1920–1922 гг.) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 47–54.

Antonina I. Moroz,
 Candidate of History, Associate Professor,
 Transbaikal State University
 (30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
 e-mail: antonina_sazhina@mail.ru

The Activities of Out-of-School Department of the Ministry of Education in the Far-Eastern Republic (1920–1922)

The article is devoted to the history of creation, reorganization and activities of the Out-of-School Department of the Ministry of National Education of the Far Eastern Republic in 1920–1922. Under the leadership of this Agency in the territories that were part of the state, work out on education and enlightenment of the adult able-bodied population was carried. By the forces of the department, measures were launched to eliminate illiteracy and adult

illiteracy, educational institutions were opened, work to train pedagogical staff to work in them was carried. The degree of study of this activity in the scientific literature is low. In order to write this article, the author was required to compile fragmented materials from the collections of the State Archive of the Trans-Baikal region, the Trans-Baikal regional museum of local lore by A. K. Kuznetsov, published works, newspapers and magazines of the period under review. It was found that the activity of non-school education department of the Ministry of the Far Eastern Republic in 1920–1922 was more of an organizational nature and was mainly deployed in the regional centers of the republic. Despite this, it should be noted that it contributed to the formation of prerequisites for the education and enlightenment of the adult population of the Far East in the subsequent period.

Keywords: history, Far Eastern republic, out-of-school education, elimination of illiteracy, educational work

References

1. Barkin G. A. Zabaikal'skaya shkola v 1918–1922 gg. // Problemy kraevedeniya: materialy V Zabaikal'skoi kraevedcheskoi konf. Chita: Izd-vo Zabaikal'skogo filiala Geograficheskogo o-va SSSR, 1970. Vyp. 5. S. 17–23.
2. Barkin G. A. K istorii stanovleniya sovetskoj shkoly v Zabaikal'e // Problemy kraevedeniya: materialy III Zabaikal'skoi kraevedcheskoi konf. Chita: Izd-vo Zabaikal'skogo filiala Geograficheskogo obshchestva SSSR, 1968. Vyp. 3. S. 31–33.
3. Beloglazova S. B. Shkol'noe delo v period DVR // Grazhdanskaya voyna i inostrannaya interventsija na rossijskom Dal'nem Vostoke: uroki istorii: programma i tez. dokl. i nauch. soobshchenii Vtoroi mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 90-letiyu okonchaniya Grazhdanskoi voyny i inostrannoj interventsii. Vladivostok: Izd. dom Dal'nevost. feder. un-ta, 2012. S. 77–79.
4. Gontareva E. N. Zabaikal'skaya shkola v period Dal'nevostochnoi respubliki (1920–1922) // Uchenye zapiski ChGPI im. N. G. Chernyshevskogo. 1969. Vyp. 21. S. 159–176.
5. Drobotushenko N. E. Iz istorii sozdaniya Chitinskogo instituta narodnogo obrazovaniya // Narodnoe obrazovanie Zabaikal'ya: istoriya i opyt: sb. materialov nauch. konf. Chita: Poisk: ZabGPU, 2000. S. 101–105.
6. Imanakova E. G. Khudozhestvennaya kul'tura Vostochnogo Zabaikal'ya (XVIII – pervaya chetvert' XX v.). Chita: ChitGU, 2007. 153 s.
7. Konstantinov A. V., Konstantinova N. N. Zabaikal'e: stupeni istorii (1917–1922 gody). Chita: Ekspres-izd-vo, 2009. 192 s.
8. Sazhina A. I. Gosudarstvennaya politika sovetskoj vlasti v oblasti obrazovaniya i prosveshcheniya vzroslogo naseleniya v 1917–1927 gg. (na materialakh Vostochnogo Zabaikal'ya): dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Chita, 2015. 183 s.
9. Sazhina A. I. Deyatel'nost' Zabaikal'skogo gubernskogo politiko-prosvetitel'nogo upravleniya v 1923–1926 gg. // Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. 2015. № 1. S. 156–162.
10. Sazhina A. I. Likvidatsiya negramotnosti v usloviyakh DVR (1920–1922 gg.) // Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 10. S. 12–16.
11. Sazhina A. I. Organy upravleniya narodnym prosveshcheniem v Zabaikal'e v period DVR (1920–1922 gg.) // Student i nauchno-tekhnicheskii progress: materialy 50-i Mezhdunar. konf. Novosibirsk: NGU, 2012. S. 183–184.
12. Stepanov A. S. Narodnoe prosveshchenie i zdravookhranenie v Dal'nevostochnoi respublike // Problemy kraevedeniya: materialy III Zabaikal'skoi kraevedcheskoi konf. Chita: Izd-vo Zabaikal'skogo filiala Geograficheskogo o-va SSSR, 1968. Vyp. 3. S. 29–31.

Received: April 16, 2017; accepted for publication May 17, 2017

Reference to the article

Moroz A. I. The Activities of Out-of-School Department of the Ministry of Education in the Far-Eastern Republic (1920–1922) // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 47–54.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

GENERAL HISTORY

УДК 94

Татьяна Львовна Александрова,
кандидат филологических наук,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, 23, стр. 5а),
e-mail: tatianaalexandrova@yandex.ru

Последние годы императрицы Евдокии в Палестине

В статье рассматривается позиция императрицы Евдокии в спорах между халкидонитами и миафизитами в 50-е годы V века. Свидетельства о ней противоречивы: обе партии называли императрицу своей сторонницей. В науке принято относить её к той или иной партии, но критерии этого отнесения весьма субъективны, поскольку субъективны и представления исследователей о степени воцерковлённости Евдокии. Автор данной статьи вновь рассматривает все сохранившиеся источники, повествующие о пребывании Евдокии в Палестине и об её религиозной позиции. На материале источников удаётся показать, что Евдокия достаточно хорошо разбиралась в доктринальных вопросах, а кроме того была вовлечена в политику в связи с наследованием престола. В монашеской среде, как халкидонитской, так и миафизитской, она пользовалась значительным авторитетом и обе стороны отзывались о ней с сочувствием. Неизвестно, было ли такое отношение следствием тонкой дипломатии царицы или обе партии манипулировали ею и постигшим её несчастьем (пленением вандалами её дочери и внучек). Однако окончательное решение вопроса представляется невозможным ввиду ретроспективных искажений в свою пользу, которые допускают обе стороны. Высказывается предположение, что последующая реабилитация Евдокии у халкидонитов связана с политикой примирения в отношении миафизитов, которую проводил Юстиниан.

Ключевые слова: императрица Евдокия, Палестина Иерусалим, халкидониты, миафизиты, религия, христианство

Вводная часть. В данной статье речь идёт о последнем десятилетии жизни императрицы Евдокии (после 401–460), супруги Феодосия II, проведённом ею в Иерусалиме. Вопрос, который будет интересовать нас в первую очередь, – какова была позиция Евдокии в религиозной войне того времени и каково в итоге её отношение к решениям Халкидонского собора.

Ортодоксальная византийская историографическая традиция говорит о том, что в 450-е годы Евдокия оказалась в стане антихалкидонитов, но впоследствии не без влияния жизненных обстоятельств признала соборные решения и вернулась в лоно православия. Основными источниками этих сведений служат сохранившееся письмо к царице папы Льва Великого и сведения из житий, написанных в VI веке Кириллом Скифополь-

ским. Впоследствии установилось вполне благосклонное отношение к Евдокии; считается, что она канонизирована Православной церковью, хотя свидетельства её почитания единичны: упоминание в Константинопольском Синаксаре под 13 (26) августа и в месяцеслове славянских прологов («благочестивая царица наша бывшая Евдокии во свв. апостолах» [4, с. 585; 8, с. 51]), а также мраморная икона, выполненная в технике *opus Alexandrinum*, с изображением молящейся царицы и подписью *ΝΑΓΙΑ ΕΥΔΟΚΗΝΑ*, из монастыря Лепса [8, с. 50–54], находящаяся в Стамбульском Археологическом музее. Ни в том, ни в другом случае нет полной уверенности, что имеется в виду именно эта Евдокия. Таким образом, настоящего культа её никогда не существовало, хотя ортодоксальные историки, как правило, говорят о ней с симпатией.

Однако в православной историографии есть и следы иного отношения к Евдокии, с явной попыткой её дискредитации и осуждения. Одним из основных источников такого взгляда оказывается фрагментарно дошедшая до нас «Евфимиева история» [3; 9, с. 205–209]. Вместе с тем известно об уважительном отношении к Евдокии в миафизитской историографической традиции, которая ничего не говорит о принятии ею решений Халкидона¹. Здесь источниками являются сочинения миафизитских авторов: Геронтия, Иоанна Руфа, Иоанна Никиусского.

Методология и методы исследования. Традиционно исследователи принимают точку зрения ортодоксальной историографии. Считается, что Евдокия, «обманутая» еретиками, в конце жизни всё же покаялась и вернулась в лоно церкви. Несмотря на ряд появившихся в последние десятилетия исследований, в которых затрагивается тема пребывания Евдокии в Палестине (работы А. Кэмерона, К. Холэма, К. Хорн, К. Клейна), вопрос её религиозной позиции представляется недостаточно освещённым. А. Кэмерон, в сущности, оставляет его за рамками исследований, К. Холэм считает Евдокию лишь номинальной христианкой и не принимает её религиозную позицию всерьёз, К. Хорн, занимаясь преимущественно миафизитской традицией, склонна причислять Евдокию к миафизитам, К. Клейн пишет о строительстве, осуществляемом Евдокией, но не затрагивает её взглядов. Настоящая работа имеет целью восполнить этот пробел и на основе сравнительно-исторического анализа источников попытаться выявить позицию царицы. В статье собраны, переведены и проанализированы наиболее важные источники по исследуемому вопросу.

Результаты исследования и их об-суждение. После Халкидонского собора 451 года Палестину охватила настоящая религиозная война. Конфликт в значительной мере был спровоцирован позицией архиепископа Иерусалимского Ювеналия. На II Эфесском («Разбойничьем») соборе он был сопредседателем архиепископа александрийского Диоскора и его убеждённым сторонником² [11, с. 76, 83–85]. За последующие

¹ Иоанн Руф («Плерофории», гл. 25) говорит о посещении Евдокией Антиохии ради помощи миафизитскому монаху Роману. Возможно, ту же её поездку халкидониты истолковывали как посещение Симеона Столпника – или наоборот, миафизиты перетолковывали действие императрицы по-своему.

² Acta Conciliorum Oecumenicorum / ed. E. Schwarz, contin. J. Straub. Strassburg; B.; Leipzig, 1914–1984. – Т. 1-4, Vol. 1–17. – P. 76, 83–85.

два года резко сменилась власть: после неожиданной смерти Феодосия II на престол взошла его девственная сестра, 50-летняя Пульхерия, поддерживаемая военачальниками Аспаром и Ардаврием и выбравшая в мужа пожилого домостика Маркиана, ранее служившего под началом Аспара. Пульхерия и Маркиан придерживались взглядов, противоположных тем, которые проводил Феодосий II, и в октябре 451 года создали собор в Халкидоне, проходивший под жёстким контролем властей.

Провожая архиепископа Ювеналия на собор, его иерусалимская паства, видимо, не сомневалась в позиции своего архипастыря. Тем не менее непосредственно на соборных заседаниях Ювеналий резко сменил направление, отрекшись от прежних единомышленников и их взглядов³.

Не затрагивая вопроса об оправданности или неоправданности тех или иных действий разных лиц, можно лишь констатировать, что во всей этой истории для неискущённого наблюдателя было немало соблазна во всём, начиная от легитимности брака Пульхерии, которую считали посвящённой девственницей (по законам того времени посвящённые девственницы не имели права вступать в брак) [1, с. 387], и кончая внезапным «прозрением» Ювеналия, в котором вполне можно было усмотреть и акт конформизма перед лицом новой императорской власти.

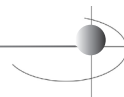
На соборе присутствовал один из иерусалимских монахов, Феодосий⁴, который, возмущившись отступничеством своего архиепископа, вернулся в Иерусалим, и тут же был возведён в архиепископы взамен Ювеналия, которого паства не приняла. Противостояние продолжалось в течение 20 месяцев и только в 453 году Ювеналий был восстановлен на кафедре императорскими войсками, а Феодосий бежал⁵.

Евдокия всё это время находилась в Иерусалиме. Обычно считается, что на трон она уже не могла претендовать, потому что была сослана самим Феодосием. Однако никакие близкие по времени источники об этом не говорят. Во всяком случае, её брак с Феодосием расторгнут не был. По законам, действовавшим в империи со времён Диоклетиана, законным преемником почившего августа становился его соправитель [5, с. 63–65]. Для Феодосия II это был его – и Евдокии – зять,

³ Там же. – P. 107, 115.

⁴ Там же. – P. 131–132. Ср.: у Кирилла Скифопольского, в «Житии Евфимия Великого», гл. 27.

⁵ Там же. См.: у Никифора Каллиста, «Церковная история», гл. 15, 9.

муж их дочери, Валентиниан III. У него были две дочери, на тот момент ещё подростки. В будущем они тоже могли рассматриваться как претендентки на престол, – точнее, как жены для потенциальных претендентов.

Теоретически правами на трон обладала и сама Евдокия, которая могла выйти замуж, хотя никто из историков не говорит, что она активно добивалась престола. Тем не менее её оппозиция к узурпировавшей власть Пульхерии очевидна. Историки церкви нередко называют Евдокию вдохновительницей сопротивления [ср.: 3, с. 298], хотя древними источниками это не подтверждается. Столь резкая смена позиции архиепископа Ювеналия неизбежно должна была встретить противодействие и независимо от усилий Евдокии. Несомненно лишь то, что она сочувствовала восставшим, однако в чём выражалась поддержка, неизвестно, и, возможно, она состояла в простой лояльности к ним и церковной благотворительности, о которой речь пойдёт ниже. Как бы то ни было, после водворения Ювеналия на кафедру никаких репрессий в отношении Евдокии со стороны императорской власти не последовало.

Первое свидетельство, отчасти проливающее свет на обстановку в Палестине, – письмо к Евдокии папы Льва от 15 июня 453 года (письмо 69).

«Лев – Евдокии августе [о палестинских монахах]. Не сомневаюсь, что твоему благочестию известно, сколь велика моя забота о кафолической вере и с каким тщанием я, насколько Господь даёт сил, должен предотвращать противодействие Евангелию со стороны несведущих и нечестивых. И потому вместе с долгом приветствия, коим мне всегда следует чувствовать Вашу милость, я молю Господа, чтобы Он порадовал меня известием о том, что [духовно] ты в безопасности, и что вопросы веры, которыми были смущены сердца некоторых монахов в палестинской провинции, постепенно улаживаются при твоей помощи, чтобы, насколько это возможно для твоего благочестивого рвения, еретическое уклонение лишилось опоры. Ведь тех, кого не убедили ни смысл священнодействия, ни власть Писаний, ни сами свидетельства святых мест, что, кроме серьёзной опасности, может устрашить? Да послужит на пользу церквам, как, по милости Божией, уже и служит, и да послужит на пользу человеческому роду, воспринятому в воплощении Слова Божия, Ваше решение избрать для своего жительства места, где Вам представлены говорящие свидетельства того, что Господь Иисус Христос – истинный Бог

и истинный Человек в единстве Лица. Итак, если вышеназванные чтут имя кафолической [веры] и желают числиться членами Тела Господня, то пусть отвергнут лукавые заблуждения, которые неразумно приняли, и принесут покаяние за нечестивую хулу и кровавые преступления. Пусть они ради спасения своих душ подчиняются решениям собора, которые были утверждены во граде Халкидоне и, поскольку, чтобы познать таинства человеческого спасения, нет других средств кроме истинной веры и спокойного смирения, пусть веруют в то, что читают в Евангелии, что исповедуют в символе веры, и не смешивают это с нечестивыми учениями. Ибо кафолическая вера осуждает как Нестория, который дерзнул исповедовать во едином Господе Иисусе Христе два лица, так и Евтиха с Диоскором, которые отрицают, что единое Слово Божие во чреве Девы Матери восприняло истинную человеческую плоть. И если Ваше убеждение возымеет воздействие ради обращения вышеназванных, то это принесёт вам вечную славу. Прошу, сообщите мне об этом письмом Вашей милости, чтобы я порадовался, что и Вы получили плод доброго труда, и они по милосердию Господню не погибли»¹.

Из самого текста можно сделать вывод, что папа обращается к царице не как к заблудшей, но как к единомышленнице, хотя такой тон скорее свидетельствует о его тонкой и изворотливой дипломатии, а не о реальной близости их взглядов. Примечательно, что он касается и богословских вопросов, из чего можно заключить, что Евдокия в них достаточно хорошо разбиралась и они были актуальны, если не для неё самой, то постольку, поскольку она имела сношения с палестинскими клириками. Формулируя в немногих словах халкидонскую позицию, Лев избегает пререкаемого слова «природа» и отмежевывается как от Евтиха, так и от Нестория, поскольку противники Халкидона считали принятые на нём формулировки несторианскими. Интересно также, что поселение Евдокии в Иерусалиме папа объясняет исключительно её собственным желанием, а никак не вынужденными обстоятельствами, и играет на её честолюбии, показывая ей возможность прославить своё имя в церкви. Обращение «августа» свидетельствует, что этого титула Евдокия лишена не была.

В чуть более раннем письме к епископу Юлиану (письмо 63), от 12 апреля того же

¹ Acta Conciliorum Oecumenicorum / ed. E. Schwarz, contin. J. Straub. Strassburg; B.; Leipzig, 1914–1984. – T. 1–4, Vol. 1–17. – P. 77 (пер. с лат. мой – Т. А.).

года Лев признаётся, что действует по поручению императора (очевидно, Валентиниана): «...милостивейший император соблаговолил тайно поручить мне через сына нашего Павла обратиться с увещаниями к дочери нашей, милостивейшей августе Евдокии. Я сделал то, чего он желал, а именно, изложил ей в письме, чтобы она знала, сколь благие плоды принесёт ей самой покровительство кафолической вере, и чтобы она вняла письмам по этому поводу милостивейшего императора, своего сына, и чтобы она сама в благочестивом усердии потребовала от зачинщиков смуты вспомнить о цели своего призвания, и уж если они не понимают проповеди учащих, пусть хотя бы убоятся власти карающих»¹ [11, с. 69]. Интерес к этим переговорам Валентиниана, вероятно, указывает на то, что «плоды» касались будущего наследования престола. Известно, что Валентиниан III считал законным наследником себя, а Маркиана – узурпатором, не признавая его консулов и не упоминая его имени в подписываемых документах [5, с. 63–65].

Надо также учитывать, что в эти годы отношения между Западом и Востоком были небезоблачны также и из-за 28 правила Халкидонского собора, фактически уравнивавшего в правах Константинополь и Рим. Возможно, обращаясь к Евдокии, папа надеялся на какие-то новые политические альянсы и перспективу пересмотра этого правила в будущем.

Из обоих писем можно также заключить, что, если папа связывал с Евдокией надежды на умирение Палестины, то она с одной стороны, вела себя достаточно дипломатично, а с другой – пользовалась значительным авторитетом в среде палестинского монашества². Последнее подтверждается и другими источниками, причём можно сказать, что Евдокия в этом отношении – исключительная фигура, поскольку о ней с равным уважением отзываются халкидониты и миафизиты.

Другое свидетельство, относящееся к тем же годам, – «Житие прп. Мелании», написанное преемником подвижницы, архимандритом Геронтием, принадлежавшим к числу убеждённых противников Халкидона. Хотя в житии речь идёт о событиях более раннего времени, в нём фигурирует и Евдокия,

посетившая монастырь Мелании во время своего первого паломничества в Иерусалим в 438 году. Энкомиастический тон в отношении царицы не оставляет сомнений в том, что Геронтий также причисляет её к своим единомышленникам. Слова, вложенные в уста Мелании: «Нам, приявшим иго Христово, кто имеет силы, столь верную царицу на руках носить надо, прославляя силу Божию, что восставил в наши дни столь благочестивую правительницу»³ – независимо от того, производила их Мелания или нет, отражают взгляд самого Геронтия и других антихалкидонитов.

«Житие Мелании» дошло в двух редакциях – греческой и латинской. Более ранней считается греческая, хотя, по-видимому, и она сохранилась не в первоначальном виде. В то же время в латинской редакции Евдокия изображена более сдержанно и даже есть намёки на моменты обострения в её отношениях с Меланией: так, Евдокия хочет забрать с собой в Константинополь одну из сестёр Мелании, чему преподобная противится (гл. 65). Возможно, этот эпизод был добавлен, когда позиция царицы, с точки зрения автора жития, была уже не столь однозначна и похвальна.

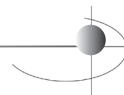
Тем не менее антихалкидониты продолжали относиться к Евдокии с уважением и в последующие века. Яркий пример тому – то, как она изображается в сочинениях миафизитского автора Иоанна Руфа. Он характеризует её как «богобоязненную царицу» («Плерофории», гл. 11) и её позиция для него значима. В «Плерофориях» Евдокия упоминается несколько раз. В одном повествовании (гл. 10) рассказывается о зловещем знамении накануне Халкидонского собора: с неба низвергся каменный дождь, и те, кто пытался подбирать камни и использовать их, теряли зрение. У Иоанна Руфа некий образованный священник Исихий показывает камни Евдокии, которая, таким образом приобщается к истолкованию откровения. В 11-й главе «Плерофорий» говорится о том, как после пожара в церкви Вознесения Евдокия взамен сгоревшего креста увенчала её крестом из бронзы.

В другом повествовании (Pler. 20) рассказывается о селении Ганта, в пятнадцати милях к северо-востоку от Иерусалима, которое по завещанию Евдокии отошло к Иерусалимской церкви (судя по положительным коннотациям, имеется в виду миафизитская церковь). Там жил подвижник по имени Павел, который чуждался общения с женщинами на-

¹ Пер. с лат. мой – Т. А.

² Acta Conciliorum Oecumenicorum / ed. E. Schwarz, contin. J. Straub. Strassburg; B.; Leipzig, 1914–1984. – Т. 1–4, Vol. 1–17. – P. 135–136. Интересно, что Пульхерия, также озабоченная ситуацией в Палестине, Евдокию игнорирует, направляя увещательное письмо игумении одного из женских монастырей – Вассе.

³ Александрова Т. Л. Геронтий. Житие прп. Мелании / пер. и прим. Т. Л. Александровой // Вестник ПСТГУ. – Вып. 3. – С. 58.

столько, что не желал даже видеть женского лица. Далее говорится, что «императрица Евдокия, после того, как узнала об этом и сама на опыте убедилась, до самой смерти не желала принимать причастие ни у кого другого, кроме как у него – ни у священника, ни у клирика»¹. Иоанн Руф тут же указывает, что этого подвижника очень любил и почитаемый у миафизитов подвижник Пётр Ивер.

Отношениям Евдокии с Петром Ивером Иоанн Руф уделяет особое внимание. Пётр, по рождению принадлежавший к царскому грузинскому роду, в детстве был отправлен в Константинополь в качестве почётного заложника и пользовался расположением Феодосия II и Евдокии. Иоанн Руф подчёркивает «материнское» отношение царицы к подвижнику².

В сирийском переводе жития Петра Ивера Евдокия также упоминается с неизменным почтением, хотя Пётр в аскетической строгости уклоняется от встреч с ней. В житии сообщается также об образе жизни Евдокии в Палестине: одно время она жила в городе Иамнии неподалеку от моря, «потому что её часто мучили телесные болезни и врачи посоветовали ей найти место с другим климатом, где она могла бы восстановить силы, и поэтому она благоустроила это место»³ [12, с. 241]. Тут же сообщается о попутной миссионерской деятельности царицы: «Поскольку все жители этого поселения были самаряне, она построила в нем большой храм в честь перенесения мощей Стефана, главы мучеников, и апостола Фомы, и многих других святых мучеников. Она поставила там тех, кто право служит и назначила им предусмотренное содержание. Для своего собственного скромного проживания она возвела эту постройку...»⁴.

В небольшом отдельном повествовании «О смерти Феодосия» (вышеупомянутого архиепископа Иерусалима) Иоанн Руф сообщает о миафизитском монастыре, построенном в палестинском городе Елевферополе монахом Романом, которому также покровительствовала Евдокия⁵.

Иоанн Руф пишет, основываясь на воспоминаниях самого Петра Ивера и других мона-

хов миафизитского направления, поэтому его свидетельства выглядят убедительно. Но абсолютизировать их нельзя.

Совершенно иную, и при этом ничуть не менее правдоподобную картину, рисует известный агиограф VI века, Кирилл Скифопольский. Наиболее обстоятельный рассказ о Евдокии включён им в «Житие Евфимия Великого», отдельные упоминания встречаются и в других житиях. Как и Иоанн Руф, Кирилл Скифопольский пишет свои жития, во многом опираясь на живую устную традицию, между двумя агиографами разных направлений немало перекличек, они нередко упоминают одних и тех же людей. Но позицию Евдокии Кирилл изображает совершенно иначе, хотя и не умалчивает об её связях с миафизитами – в отличие от Иоанна Руфа, который ничего не говорит о её контактах с халкидонитами.

«Когда блаженная Евдокия была обманута Феодосием отлучена от кафолического общения, и со всем рвением старалась поддерживать и укрепить схизматиков, и сражалась против православных, все монахи святого града и пустыни пребывали в отступничестве, хотя Феодосий был изгнан и Ювеналий занял свою кафедру. Она же, поскольку неоднократно получала письма: и от своего брата Валерия⁶, и от зятя её дочери Олибрия⁷, – чтобы отойти от общения с евтихианами и присоединиться к кафолической церкви, а больше всего из-за случившегося у неё тогда горя, когда её зять в Риме был убит и после этого её дочь и внучки были взяты в плен в Африку, и мучилась, разрываясь в мыслях, и не желая идти против своей совести и ради привязанности к семье предать то, что в чём она была убеждена. И, движимая любовью к Богу, она предпочла обратиться к богоносным мужам и от них получить надёжнейшее уверение, и послала честнейшего хорепископа Анастасия вместе с несколькими из своих людей а Антиохию к святому Симеону Столпнику, который был великим светильником и сиял вселенной, и изложила ему в письме свои мысли и просила узнать у него угодное Богу решение»⁸.

В этом повествовании отражены подлинные факты: верно названы имя брата Евдокии, Валерия, и будущего мужа её внучки

¹ Nau F. (ed). Jean Rufus, évêque de Maïuma. Plérophories // Patrologia orientalis. – 1982. – Т. 8, F. 1, No. 36. – P. 40 (пер. с фр. мой. – Т. А.).

² «Отношения приёмной матери и сына были движущей силой во взаимодействии между императрицей Евдокией и Петром Ивером» [6, с. 197].

³ Horn C., Phenix R. (ed). John Rufus: the Lives of Peter the Iberian, Theodosius of Jerusalem and the monk Romanus. – Atlanta: Society of Biblical literature, 2008. – P. 241.

⁴ Там же. – P. 243 (пер. с англ. мой – Т. А.).

⁵ Там же. – LIII–LIV. – P. 296.

⁶ Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. – Cambridge: Cambridge University Press, 1980. – Vol. 2: A.D. 395–527. – P. 1145.

⁷ Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. – Cambridge: Cambridge University Press, 1980. – Vol. 2: A.D. 395–527. – P. 796–797.

⁸ Schwartz E. (ed). Kyrillos von Skythopolis // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. – Leipzig, J. G.: Hinrichs Verlag, 1959. – Bd. 49. – H. 2. – P. 47 (здесь и далее пер. с древнегр. мой – Т. А.).

Плацидии, Олибрия; достоверен рассказ о гибели Валентиниана III и пленении вандалами дочери и внучек Евдокии. В то же время рассказ об отчаянном противодействии Евдокии халкидонитам не вполне согласуется с конструктивным тоном папы Льва, а рассказ о её решительном повороте к Халкидону противоречит сведениям, которые даёт Иоанн Руф, утверждавший что поддержку миафизитов Евдокия не прекращала до самой смерти.

Весьма интересен сообщаемый Кириллом факт обращения Евдокии к Симеону Столпнику. В ту эпоху это был один из самых авторитетных отцов, но особенно примечательно то, что именно к Симеону Столпнику не раз обращался Феодосий II¹. Это обстоятельство, в сочетании с тем, что прежде Евдокия вполне последовательно держалась решений II Эфесского собора, не принимая Халкидона, заставляет предположить, что она хранила верность позиции своего покойного мужа, который оставался для неё значительным авторитетом. В этой связи сомнение в том, что между ними имел место какой-то разрыв, ещё более укрепляется.

Выставляя Евдокию жертвой введшего её в заблуждение антихалкидонитского архиепископа Феодосия, Кирилл отчасти снимает с неё ответственность за ошибку, в то время как на самом деле её позиция могла быть намного более осознанной и последовательной.

Интересно также, что в качестве доверенного лица Евдокии выступает хорепископ Анастасий – будущий архиепископ Иерусалима после смерти Ювеналия (VE, 31).

Дальнейший рассказ Кирилла Скифопольского выглядит так:

«А святой Симеон ответил ей, говоря: “Знай, что диавол, видя богатство твоих добродетелей, испросил сеять тебя, как пшеницу, и этот губитель Феодосий, ставший сосудом и орудием лукавого, омрачил и смутил твою боголюбивую душу. Но дерзай, ибо не оскудела вера твоя. Я же удивляюсь, что ты, имея поблизости источник, но не зная о нем, решила почерпнуть воды издалека. Ибо там у тебя есть богоносный Евфимий. Следуй же его наставлениям и внушениям и спасешься”. Услышав это, блаженная Евдокия не замедлила, но, сперва узнав, что великий Евфимий не входит в город, потрудились, чтобы на высочайшей возвышенности всей восточной пустыни возвести башню и там чаще приобщаться его божественного наставления.

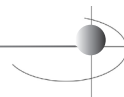
¹ Acta Conciliorum Oecumenicorum / ed. E. Schwarz, contin. J. Straub. – Strassburg; B.; Leipzig, 1914-1984. – Т. 1-4, Vol. 1-17. – P. 146.

И посылает Косму Ставрофилакса и Анастасия хорепископа на поиски его. Они же, придя в лавру, когда он не послушал их и удалился в Руван, отправились к нему вместе с блаженным Феоктистом и многими словами с трудом убедив, привели его в эту воздвигнутую башню, где теперь основан монастырь Схолария². А она, увидев святого и исполнившись радости, поклонилась ему в ноги и сказала: “Ныне я узнала, что посетил Бог мое недостойнство через твое пришествие”. А старец, благословив её, сказал: “Внимай себе, о чадо, в будущем. Ибо за то, что ты подчинилась злу, исходящему от Феодосия, приключилось и тебе зло и горе в Италии. Отступи же от безумного любопрения и к трем другим святым Вселенским соборам, совершившимся в Никее против Ария и в Константинополе против Македония, и в Эфесе против Нестория, причти и определение, провозглашённое ныне собравшимся в Халкидоне вселенским собором, и, отступив от общения с Диоскором, воссоединись с Ювеналием, епископом Иерусалимским» (VE, 30)³. И, так сказав, помолившись и простившись с ней, удалился. Она же, поражаясь добродетели святого мужа, на деле исполнила, что он сказал, как будто услышав это из уст Божиих. И тотчас войдя в святой город и через посредство пресвитеров Космы и Анастасия вступив в общение с архиепископом, воссоединилась с кафолической церковью, привела с собой множество мирян и монахов, обманутых Феодосием, собственным примером вернув их в кафолическое общение» (VE, 30). Далее упоминаются архимандриты Эльпидий и Геронтий (автор «Жития Мелании»), из которых первый воссоединился с кафолической церковью, а второй – нет, а также двое монахов, ушедших из общины Эльпидия, Маркиан и Роман (тот, о котором рассказывает и Иоанн Руф). Кроме того упоминается евнух Гавриил, из числа братии Евфимия, которого тот отдал Евдокии в переводчики.

По фактографии повествование Евфимия Великого выглядит вполне достоверным. Примечательно и то, что Евфимий, в отличие от Иоанна Руфа, не обходит молчанием несчастье Евдокии, которое действительно могло способствовать её воссоединению с Ювеналием: пленение вандалами её доче-

² В житии Саввы Освященного (гл. 38) Евфимий говорит, что после смерти Евдокии башня по преемству перешла к миафизитам.

³ Schwartz E. (ed). Kyrillos von Skythopolis // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. – Leipzig, J.G: Hinrichs Verlag, 1959. – Bd. 49. – Н. 2. – P. 48-49.

ри и внучек в июне 455 года. В этой ситуации Евдокия были жизненно необходимы хорошие отношения с императорской властью, поддерживавшей халкидонитов, поскольку только императоры могли требовать от вандалов возвращения заложниц¹. Понятно, что в позиции царицы играло роль не внешнее принуждение, исходящее от членов семьи, а её собственное материнское горе. Евдокия ждала освобождения детей пять лет, но так и умерла, не дождавшись. В какой момент совершилось её примирение с Ювеналием, неизвестно.

Есть ещё одно косвенное доказательство общения Евдокии с Евфимием Великим: это строительство ею храма мч. Полиевкта Мелитинского в Константинополе. В 20-е годы VI века этот храм был расширен до грандиозных размеров правнучкой Евдокии, Аникией Юлианой. В Палатинской Антологии сохранилась эпиграмма (кн. 1, 10), в которой излагается история строительства храма. В ней говорится, что первой храм возвела Евдокия, причём возвела его маленьким, хотя, будучи царицей, не испытывала недостатка в средствах. Но ей было дано обетование, что впоследствии её потомки его расширят, что и сделала Юлиана.

Кирилл Скифопольский сообщает, что Евфимий Великий был родом из Мелитины и родился по молитвам мч. Полиевкту («Житие Евфимия Великого», гл. 2) и в его монастыре начинал свой путь (гл. 5). В связи с Евдокией Полиевкт не упоминается, но в общем контексте можно понять, что именно Евфимий и дал Евдокии утешительное обетование, что её потомки расширят храм (для неё это означало прежде всего их возвращение из плена). Поскольку Евдокия в Константинополе уже не бывала, можно предположить, что храм был возведён на её средства женихом её внуки Олибрием, т. к. находился в его владениях.

Тот же Кирилл Скифопольский подробно рассказывает о смерти Евдокии: «А блаженная Евдокия, построила для Христа такое множество церквей, монастырей и богаделен, что не в моих силах и сосчитать. Одна из основанных ею церквей находится напротив монастыря великого Евфимия, в двадцати

¹ Возможно, в ходе этих её вынужденных сношений с императорской властью в Константинополь были переданы в качестве реликвии священный сорос (раку) и ризы Богоматери. Об этом сообщает Никифор Каллист в «Церковной истории» (кн. 15, гл. 14), используя «Евфимиеву историю». [9, с. 204–205]. Хотя в этом повествовании инициатива перенесения приписывается Пульхерии, Маркиану и архиепископу Ювеналию, возможно, это перетолкование истории в более благочестивом, с точки зрения халкидонитов, ключе.

стадиях, и называется церковью святого Петра. В ней она приказала выкопать большой ров и в дни святой Пятидесятницы явилась, чтобы посмотреть, как идёт работа, а присмотревшись, увидела простирающуюся лавру великого Евфимия и монашеские кельи, рассеянные по пустыне. И сильно растрогалась и вспомнила место из Писания: «сколь возлюбленны дома твои, Иаков, селения твои, Израиль» (Числ. 24, 5) – и послала игумена церкви святого Стефана, Гавриила, к великому Евфимию, прося, чтобы ей войти и сподобиться его молитвы и поучения. А великий Евфимий передал ей: «Что ты, чадо, заботишься о многом? Я думаю, что ещё до зимы ты отойдешь ко Господу. Так постарайся за лето собраться и приготовиться к исходу, и не старайся, пребывая во плоти, поминать меня ни на письме, ни устно, — я говорю о дарах и наследовании. Но когда взойдешь к Владыке всех, там помяни меня, чтобы и меня Он принял с миром, когда пожелает, и как желает Его человеколюбие». Услышав это, блаженная сильно опечалилась, больше всего потому, что он сказал ей «поминать меня ни на письме, ни устно», – потому что она хотела оставить ему по завещанию большое содержание. И спешно отправившись в город, и пригласив архиепископа, и поведав, что сказал великий Евфимий, велела освящать ещё незавершённый храм святого первомученика Стефана в пятнадцатый день июня и, назначив ему большой доход, препоручила заботу о нем Гавриилу. И обошла и обновила все основанные ею церкви, и назначила каждой достаточный доход. А когда прошло четыре месяца после освящения, благочестиво и богоугодно предала дух в руке Божии в двадцатый день месяца октября, четырнадцатого индиктиона»².

Совершенно очевидно, что Кирилл описывает праведную кончину царицы и посвящённые ей пассажи в житии Евфимия сами по себе выдержаны в житийном тоне. Ещё одно подтверждение почтительного отношения к Евдокии в халкидонитской среде – тот факт, что списки её Гомеровских центонов бытовали в монастыре Саввы Освященного [15, с. XXV–XXXVII] (чего, вероятно, также не могло бы быть, если бы её имя, слишком хорошо известное в Палестине, было одиозно для халкидонитов). Как бы то ни было, к VI веку в Палестине возобладала ортодоксия. «Течение повернулось против антихалкидонитов,

² 20 октября 460 г. Schwartz E. (ed). Kyrillos von Skythopolis // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. – Leipzig, J.G: Hinrichs Verlag, 1959. – Bd. 49. – H. 2. – P. 53.

когда со смертью императрицы Евдокии они лишились её поддержки, которая составляла главную силу антиювеналиевской партии»¹. Однако, если бы Евдокия действительно была главной опорой миафизитов, едва ли возможны были бы столь доброжелательные отзывы о ней из среды халкидонитского монашества.

Интересно, что Евагрий Схоластик, в «Церковной истории» подробно описывавший благотворительную деятельность Евдокии в Палестине, просто снимает вопрос о её связях с миафизитами, утверждая, что она умерла раньше Феодосия II (кн. 1, 22), и создавая таким образом исключительно благочестивую и беспроblemную версию этой истории.

Реабилитация Евдокии у халкидонитов VI века и признание её заслуг по умирению Палестины, возможно, связаны с той политикой в отношении миафизитов, которую проводил Юстиниан. Возможно, в ту же эпоху возникают легенды о примирении Евдокии с Пульхерией². В смысле неоднозначности оценки противоборствующими партиями Евдокии сопоставима с Феодорой, которую так же чтили миафизиты и в конце концов канонизировали православные.

О широкомасштабной строительной деятельности Евдокии в Иерусалиме сообщают все источники, однако археологические раскопки обнаруживают не так уж много памятников, определённо связанных с её именем [7, с. 85–95]. В основном они были разрушены, скорее всего, в начале IX века при халифе Харун ар-Рашиде. На месте грандиозной базилики св. Стефана, в которой была

похоронена Евдокия, ныне находятся католическая церковь в честь первомученика и доминиканский монастырь, а также знаменитая *École biblique et archéologique française de Jérusalem*³.

Заключение. Вопрос, какую позицию на самом деле Евдокия занимала в противостоянии халкидонитов и миафизитов, всё равно остаётся открытым и решить его окончательно представляется невозможным из-за значительной тенденциозности всех существующих источников, ретроспективно искажающих события в пользу своей стороны. По сохранившимся свидетельствам ясно лишь то, что её равно желали видеть своей союзницей обе противоборствующие партии, обе относились к ней с почтением и готовы были считать за свою. Вызвано ли это отношение тонкой дипломатией самой царицы, или тем, что обе группировки искусно манипулировали ею и её личным горем, непонятно. Возможно, догматические вопросы не были для неё так важны, как для монахов и прочих клириков, с которыми она общалась. Возможно, покровительствовать миафизитам её побуждали «материнские» чувства к Петру Иверу. Возможно также, что она последовательно добивалась примирения сторон. Но, надо полагать, интерес Евдокии к подвижничеству не был лишь благочестивой позой и именно этим вызывал уважение даже у тех, кто не разделял её взглядов. Несомненно также, что в столь сложной ситуации, как церковно-политической, так и личной, она умела держаться с достоинством, привлекать к себе симпатии людей и находить общий язык с той средой, в которой вольно или невольно оказалась.

Список литературы

1. Александрова Т. Л. Феодосий II и Пульхерия в изображении Созомена (к проблеме датировки «Церковной истории») // Вестник древней истории. 2016. № 76/2. С. 151–166.
2. Иванов С. А. «Никон Черногорец и “Евфимиева история”: парадоксы святости в Византии» – available at [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.medieval.hse.ru/news/176284000.html> (дата обращения: 15.01.2017).
3. Карташев А. В. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994. 542 с.
4. Сергей (Спасский). Полный месяцеслов Востока. Владимир: Типо-Литография В. А. Паркова, 1901. Т. 1. 732 с.
5. Burgess R. The accession of Marcian in the light of Chalcedonian apologetic and Monophysite polemic // Byzantinische Zeitschrift. 1993/1994. No. 86/87. P. 47–68.
6. Horn C. Empress Eudocia and the Monk Peter the Iberian: Patronage, Pilgrimage, and the Love of a Foster-Mother in Fifth-Century Palestine // Byzantinische Forschungen. 2004. Bd. 28. S. 197–213.
7. Klein K. Do good in thy good pleasure unto Zion: the patronage of Aelia Eudokia in Jerusalem // Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte. 2011/2012, pblish. 2014. No. 60/61. P. 85–95.

¹ Horn C., Phenix R. (ed). John Rufus: the Lives of Peter the Iberian, Theodosius of Jerusalem and the monk Romanus. – Atlanta: Society of Biblical literature, 2008. – P. 55.

² Такая легенда зафиксирована, в частности, у Никифора Каллиста («Церковная история», кн. 15, гл. 12).

³ Horn, Phenix. – P. 67.

8. Livrea E. L'imperatrice Eudocia santa? // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1997. No. 119. P. 50–54.

9. Lourié B. L'Histoire euthymiaque – l'œuvre du patriarche Euthymios / Euphemios de Constantinople (430–496, +515) // Warszawskie Studia Teologiczne XX. 2007. No. 2. P. 189–221.

Источники

10. Александрова Т. Л. Геронтий. Житие прп. Мелании / пер. и прим. Т. Л. Александровой // Вестник ПСТГУ. № 3. С. 71–108.

11. Acta Conciliorum Oecumenicorum / ed. E. Schwarz, contin. J. Straub. Strassburg; B.; Leipzig, 1914–1984. T. 1–4, Vol. 1–17.

12. Horn C., Phenix R. (ed). John Rufus: the Lives of Peter the Iberian, Theodosius of Jerusalem and the monk Romanus. Atlanta: Society of Biblical literature, 2008. 370 p.

13. Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. Vol. 2: A. D. 395–527. 1342 p.

14. Nau F. (ed). Jean Rufus, évêque de Maïuma. Plérophories // Patrologia orientalis. 1982. T. 8, F. 1, No. 36. 208 p.

15. Schembra R. (ed.) Homocentones // Corpus Christianorum. Series Graeca. 2007. Vol. 62. 492 p.

16. Schwartz E. (ed). Kyrillos von Skythopolis // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Leipzig, J.G: Hinrichs Verlag, 1959. Bd. 49. H. 2. 415 p.

Статья поступила в редакцию 11.10.2016; принята к публикации 15.01.2017

Библиографическое описание статьи

Александрова Т. Л. Последние годы императрицы Евдокии в Палестине // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 55–64.

Tatiana L. Alexandrova,

Candidate of Philology,

Saint Tikhon's Orthodox University

(Building 5a, 23 Novokuznetskaya st., Moscow, 115184, Russia),

e-mail: tatianaalexandrova@yandex.ru

The Last Years of the Empress Eudocia in Palestine

The paper reviews the position of the Empress Eudocia in religious war between the Chalkidonians and the Miaphysites in the 450s. Existing evidences are contradictory: both parties are inclined to call her their supporter. Scholars used to uphold one or another party, but the criteria for the choice are quite subjective, as well as views on the extent of Eudocia's Christianity. The article dwells on all extant sources narrating the sojourn of Eudocia in Palestine and her religious views. The author manages to show that Eudocia was quite competent with doctrinal matters, and besides, she was involved in politics in connection with the succession to the throne. In the monastic milieu, both in Chalkidonian and Miaphysite, she enjoyed considerable influence and both parties speak about her with sympathy. It is unknown whether this attitude is the consequence of fine diplomacy of the Empress or both parties manipulated her and her misfortune (the imprisonment of her daughter and granddaughters by Vandals). The final solution of the problem seems to be almost impossible because of distortion of the historic truth, which both sides allow in their favour. The author suggests that subsequent rehabilitation of Eudocia among the Chalcedonians is connected with the policy of reconciliation towards the Miaphysites, carried out by Justinian.

Keywords: Empress Eudocia, Palestine, Jerusalem, Chalkidonian, Miaphysite, religion, christianity

References

1. Aleksandr ova T. L. Feodosii II i Pul'kheriya v izobrazhenii Sozomena (k probleme datirovki «Tserkovnoi istorii») // Vestnik drevnei istorii. 2016. № 76/2. S. 151–166.

2. Ivanov S. A. «Nikon Chernogorets i "Evfimieva istoriya": paradoksy svyatosti v Vizantii» – available at [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.medieval.hse.ru/news/176284000.html> (data obrashcheniya: 15.01.2017).

3. Kartashev A. V. Vselenskie sobory. M.: Respublika, 1994. 542 c.

4. Sergii (Spasskii). Polnyi mesyatseslov Vostoka. Vladimir: Tipo-Litografiya V. A. Parkova, 1901. T. 1. 732 s.

5. Burgess R. The accession of Marcian in the light of Chalcedonian apologetic and Monophysite polemic // Byzantinische Zeitschrift. 1993/1994. No. 86/87. P. 47–68.

6. Horn C. Empress Eudocia and the Monk Peter the Iberian: Patronage, Pilgrimage, and the Love of a Foster-Mother in Fifth-Century Palestine // Byzantinische Forschungem. 2004. Bd. 28. S. 197–213.

7. Klein K. Do good in thy good pleasure unto Zion: the patronage of Aelia Eudokia in Jerusalem // Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte. 2011/2012, pblsh. 2014. No. 60/61. P. 85–95.
8. Livrea E. L'imperatrice Eudocia santa? // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1997. No. 119. P. 50–54.
9. Lourié B. L'Histoire euthymiaque – l'œuvre du patriarche Euthymios / Euphemios de Constantinople (430–496, +515) // Warszawskie Studia Teologiczne XX. 2007. No. 2. P. 189–221.

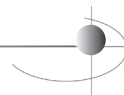
Istochniki

10. Aleksandrova T. L. Gerontii. Zhitie prp. Melanii / per. i prim. T. L. Aleksandrovoi // Vestnik PSTGU. N. 3. S. 71–108.
11. Acta Conciliorum Oecumenicorum / ed. E. Schwarz, contin. J. Straub. Strassburg; B.; Leipzig, 1914–1984. T. 1–4, Vol. 1–17.
12. Horn C., Phenix R. (ed). John Rufus: the Lives of Peter the Iberian, Theodosius of Jerusalem and the monk Romanus. Atlanta: Society of Biblical literature, 2008. 370 p.
13. Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. Vol. 2: A. D. 395–527. 1342 p.
14. Nau F. (ed). Jean Rufus, évêque de Maïuma. Plérophories // Patrologia orientalis. 1982. T. 8, F. 1, No. 36. 208 p.
15. Schembra R. (ed.) Homocentones // Corpus Christianorum. Series Graeca. 2007. Vol. 62. 492 p.
16. Schwartz E. (ed). Kyrillos von Skythopolis // Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Leipzig, J.G. Hinrichs Verlag, 1959. Bd. 49. H. 2. 415 p.

Received: December 11, 2016; accepted for publication October 15, 2017

Reference to the article

- Alexandrova T. L.* The Last Years of the Empress Eudocia in Palestine // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 55–64.

УДК 94 (470)

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-65-74

Ирина Владимировна Грибан,

кандидат исторических наук,

Уральский государственный педагогический университет

(620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26),

e-mail: gribanirina@gmail.com

Проблема происхождения Второй мировой войны в польской историографической традиции¹

Проблема происхождения Второй мировой войны, ставшей ключевым событием в истории XX века, на протяжении десятилетий остаётся значимой для историков всех стран, принимавших непосредственное или косвенное участие в войне. В преддверии юбилейных дат и годовщин (70-летие окончания Второй мировой войны в 2015 г., 75-летие начала Великой Отечественной войны в 2016 г.), в условиях обострившейся в связи с украинским кризисом международной обстановки, события 1939–1941 годов и история их интерпретации приобретают особую актуальность и политическую остроту. В статье проанализирован процесс развития польской историографии предыстории и начального периода Второй мировой войны. Выделены этапы изучения проблемы происхождения войны польскими историками. Определены ключевые для польской исторической науки вопросы: насколько оправданной была политика руководства Польши в условиях международного политического кризиса 1939 года; могла ли Польша в 1939 году избежать катастрофы – очередного раздела; какие альтернативы были у польских дипломатов? Сделан вывод о том, что современная польская историография происхождения Второй мировой войны имеет ярко выраженную национальную специфику, а истоки формирования этой историографической традиции были заложены ещё польскими историками-эмигрантами. Для Польши события 1939–1941 годов значимы до сих пор, что находит отражение как в процессе формирования исторической памяти, так и в реализуемой исторической политике.

Ключевые слова: Вторая мировая война, политика умиротворения, международный политический кризис 1939 года, советско-германские отношения 1939–1941 годов, национальные историографические традиции, историческая память, историческая политика

Вводная часть. Вторая мировая война – одно из ключевых событий XX века, – оставила свой след в исторической памяти всех европейских народов. В предыстории и истории войны для каждой страны, принявшей в ней косвенное или непосредственное участие, были свои значимые сюжеты, которые необходимо было сохранить в исторической памяти и передать грядущим поколениям, и те вопросы, осмысление которых было наиболее болезненным и затянулось на долгие годы. Одной из ключевых тем в отечественной и зарубежной историографии кануна и начального периода Второй мировой войны была и остаётся проблема происхождения самого масштабного и кровопролитного конфликта в истории человечества. Интерес к этой теме и в настоящее время не только не ослабевает, но приобретает особые политическую остроту и актуальность в условиях украинского кризиса, оказывающего

влияние на всю современную систему международных отношений: политологи, историки, журналисты, общественные деятели нередко проводят исторические аналогии, обращаясь к событиям конца 1930 – начала 1940-х годов, сравнивая современную Украину с Польшей в 1939 году [43; 46]².

Методология и методы исследования. В рамках данной статьи мы исходим из того, что на современном этапе развития историческая наука всё дальше отходит от «традиционного» историографического подхода, описания и «инвентаризации» исторических концепций, направлений и школ и стремится перейти к анализу, основанному на принципах культурно-исторической антропологии и «новой культурной истории» [14; 15]. При таком подходе предметом анализа становятся не только (и не столько) результаты профессиональной деятельности историка, но и факторы, которые влияют на его

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-01-00339 «Начало Второй мировой войны: национальные историографические традиции и историческая память»).

² Президент Польши сделал «заявку на кусок Украины» и мечтает о границах 1939 года? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/news/2015/8/10/22410871/> (дата обращения: 30.12.2016); Шамир И. Украина: а не отказаться ли от договора Молотова – Риббентропа? [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. – 2013. – 24 нояб. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26163.7/3050328> (дата обращения: 30.12.2016).

историческое сознание, ценностные установки. На наш взгляд, можно говорить о том, что в настоящее время существуют чётко определяемые «национальные историографические традиции» изучения предыстории и начального периода Второй мировой войны. Понятие «историографическая традиция» возникло в рамках зарубежной (прежде всего, германской и британской) исторической науки, и в последнее время последовательно применяется в исследованиях российских учёных [8; 21; 25; 27; 28; 45; 48].

Особый интерес представляет историографическая традиция, получившая развитие в Польше – стране, для которой события 1939–1941 годов значимы до сих пор, что находит отражение как в процессе формирования исторической памяти, так и в реализуемой исторической политике. Под исторической политикой в современной литературе понимается «качественно иное, намного более интенсивное, чем обычно, вмешательство в трактовку истории той части политической элиты, которая контролирует власть в данный момент, для борьбы с внутренней оппозицией и для достижения определённых целей в деле “нациестроительства”, а также для получения определённых преимуществ в международных отношениях»¹.

Результаты исследования. Наряду с вопросами, которые привлекали внимание учёных других стран (какова роль «политики умиротворения» в развязывании Второй мировой войны, на ком лежит ответственность за срыв англо-франко-советских переговоров 1939 года, вынужденным ли шагом было советско-германское сближение и подписание пакта Молотова – Риббентропа, по чьей инициативе произошло это сближение двух противоположных с точки зрения идеологии режимов и кому оно было выгодно и т. д.), для историков Польши особую актуальность приобрели вопросы о том, оправданной ли была политика руководства Польши в условиях международного политического кризиса 1939 г.; могла ли Польша в 1939 г. избежать очередного раздела и сохранить суверенитет; были ли альтернативы у польских дипломатов?

Анализ трудов польских историков, посвящённых проблеме происхождения Второй мировой войны, позволяет выделить несколько этапов развития историографической традиции. До 1989 года в Польше, как и в других

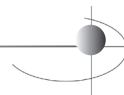
¹ Миллер А. И. Историческая политика и её особенности в Польше, Украине и России [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 2008. – № 5. – Режим доступа: <http://www.courier-edu.ru/cour0902/6700.htm> (дата обращения: 30.12.2016).

странах социалистического блока, интерпретация событий 1939–1941 годов практически совпадала с официальной советской версией, изложенной в опубликованной в 1948 году брошюре «Фальсификаторы истории»². В 1990 году польский журналист и историк А. Кравчук писал: «Сорок лет польская историография повторяла советские тезисы, критиковала польскую внешнюю политику 1939 года и отрицала наличие секретного протокола к пакту Молотова – Риббентропа. До середины 1980-х годов действовал категорический запрет на публикации по этой теме» [37, с. 57].

В советское время при анализе международной ситуации накануне Второй мировой войны в польских исследованиях в обязательном порядке повторялось: «Целью дипломатии СССР было создание в Европе системы коллективной безопасности, и этой цели служила советская стратегия мира» [10, с. 767]. Англо-франко-советские переговоры были сорваны вследствие «английского и французского саботажа» [36, с. 48]. Советская дипломатия не имела другого выхода, кроме как сближение с Германией и подписание договора о ненападении от 23 августа 1939 года. Польские историки должны были избегать формулировок «Пакт Молотова – Риббентропа» или «Пакт Гитлера – Сталина», этот документ назывался в литературе «советско-германским договором о ненападении», о секретных протоколах умалчивалось, советская интерпретация событий закреплялась в официальных изданиях [44; 30]. А. Кравчук отмечал, что ситуация в течение всех этих десятилетий была феноменальной: «Весь народ знал не только о договоре, но и о содержании секретного протокола. Назло пропагандистской машине и усилиям правительственных историков общественность знала всё» [37, с. 57]. М. Корнат отмечает, что некоторая либерализация, наступившая в польском обществе после 1956 года, была вряд ли ощутима для исторической науки, которая продолжала оставаться «вспомогательной наукой на службе политики», и не коснулась истории Польши предвоенного времени [36, с. 285].

В отдельное направление необходимо выделить эмигрантскую историографию – труды историков польского происхождения, живших в эмиграции и посвятивших свои исследования истории Польши и международных отношений в период между мировыми войнами. Особую роль в развитии этого на-

² Falszerze historii (informacja historyczna). – М.: Wydawnictwo Literatury w Językach Obcych, 1948. – 63 p.

правления историографии, не подверженного влиянию коммунистической идеологии, сыграли публиковавшиеся в Париже издания – ежемесячный журнал “Kultura” и основанный в 1962 году кварталник “Zeszyty historyczne”. Взгляды представителей эмигрантского направления (К. Клохович, Т. Комарницки, З. Симашко и др.) значительно отличались от официальной советской точки зрения и развивались под влиянием англо-американской традиции изучения международного кризиса 1939 года и причин Второй мировой войны [32; 33; 47]. В среде польской эмиграции уже к концу 1940-х годов зародились негативные оценки советского внешнеполитического курса 1939–1941 годов. Бывший премьер-министр польского эмиграционного правительства С. Миколайчик в 1948 году издал на английском языке книгу «Насилие над Польшей: модель советской агрессии». Осуждая политику СССР, автор обвинял в трагичной судьбе Польши и западные страны, которые своим бездействием привели Польшу к катастрофе и новому разделу [42].

Вопросам внешней политики СССР в конце 1930-х годов и начальному периоду Второй мировой войны была посвящена работа польского журналиста и писателя А. Брегмана¹ «Лучший союзник Гитлера: исследование германо-советского сотрудничества в 1939–1941 гг.», опубликованная впервые в 1958 году в Лондоне, и впоследствии многократно переизданная (в последний раз – в 2009 г.). Автор подробно проанализировал процесс англо-франко-советских и советско-германских переговоров августа 1939 года. В распоряжении Брегмана был сборник документов “Nazi-Soviet Relations 1939–1941”, опубликованный в 1948 году Госдепартаментом США, поэтому при интерпретации событий он опирался, в том числе, и на секретные протоколы к советско-германским договорам². Брегман приходил к следующему выводу: «На совести Сталина много преступлений и много ошибок. Но величайшим из этих преступлений, ошибкой с наиболее чреватými последствиями был пакт с Гитлером и последующая политика. Взаимодействие СССР и Германии в 1939–1941 гг., но особенно в первый год после заключения пакта, было сотрудниче-

¹ Брегман А. (1906–1967) – польский публицист. Получил образование в Вене, Париже и Женеве. Воевал во Франции. После поражения Франции был эвакуирован в Великобританию, где остался и после окончания Второй мировой войны. Автор многочисленных публикаций по вопросам международной политики, активный участник движения за независимость Польши.

² Nazi-Soviet Relations 1939–1941. Documents from the Archives German Foreign Office. – Washington: Department of State, 1948. – 402 p.

ством союзников. Не будет преувеличением сказать, что в течение длительного времени Сталин был наилучшим союзником Гитлера. Более того, он играл ведущую роль, и только летом 1940 г. инициатива перешла к Гитлеру» [23, с. 152]. Таким образом, в рамках эмигрантской польской историографии вина за развязывание войны и трагическую судьбу Польши возлагалась в равной степени на двух врагов – Германию и СССР.

Новый этап в развитии польской историографии связан с возникновением в 1980 году движения «Солидарность». В это время активизировалось изучение событий 1939–1941 годов, началась их постепенная переоценка. Характеризуя историографическую ситуацию в этот период, польские исследователи говорят о «взрыве памяти» [34, с. 286]. В 1980-е годы были изданы труды таких историков, как Х. Батовский, В. Матерский, М. Лечик, Л. Гросфельд [18; 19; 41; 39; 29]. Поскольку эти труды были написаны на основе доступных польских документов, то они в основном не отступали от традиционной советской историографии событий 1939 г. Однако к концу 1980-х годов интерес к проблеме происхождения Второй мировой войны и судьбе Польши в 1939 году был «подогрет» событиями, происходящими в СССР. Начавшийся процесс «ликвидации белых пятен истории», переработки прошлого стимулировал процесс изучения сложных вопросов истории, к которым, безусловно, относились и события 1939–1941 годов. Существенную роль в этом процессе сыграла подписанная 21 апреля 1987 года М. Горбачевым и В. Ярузельским «Декларация о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры», на основе которой была создана Совместная комиссия учёных СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами [17, с. 739]. Среди основных тем, которые рассматривала двусторонняя комиссия, был советско-германский договор о ненападении и его последствия – в первую очередь, вступление советских войск в Польшу 17 сентября 1939 года.

Историкам, привыкшим придерживаться в своих трудах «партийной линии», приходилось переосмысливать и своё собственное положение. Интересно высказывание Э. Дурачински, сказавшего в 1987 году в интервью журналу “Polityka”: «История в глазури – не история». Спустя 2 года, в 1989 году, он публикует статью «7 дней до войны», в которой впервые напишет, что по немецким источникам, к советско-германскому договору о ненападении прилагался секретный протокол,

который предусматривал разделение сфер влияния в Восточной Европе [34, с. 287].

Характерной чертой польской историографии предыстории и начального периода Второй мировой войны в начале 1990-х годов стало то, что большое внимание историками уделялось вопросу о согласии Польши на проход Красной Армии через её территорию в случае войны (вопрос, который стал поводом для срыва англо-франко-советских военных переговоров в августе 1939 г.). Традиционно советская (а вслед за ней – и российская) историография негативно оценивала позицию Польши по данному вопросу [12, с. 57]. В современной польской историографии преобладает мнение, что независимо от позиции Польши переговоры не имели шансов на успех. Так, Х. Батовский в статьях, опубликованных после 1989 года, доказывал, что «стремление Германии и СССР убрать Польшу с карты Европы было задачей, глубоко укоренившейся в политике обеих держав в межвоенный период». Советско-германский пакт о ненападении стал всего лишь инструментом для реализации плана, который имел длинную предысторию [20, с. 532].

В 2000-е годы изучение проблемы происхождения Второй мировой войны в Польше продолжалось достаточно активно: вышли в свет монографии М. Корната, С. Дембского, Э. Дурачински [35; 24; 26]. Для исторической науки и польского общества одним из важнейших оставался вопрос о том, могла ли Польша избежать раздела в 1939 году. Как отмечает Э. Дурачински, из польских историков только Е. Лойек утверждал, что Польша могла избежать раздела, приняв требования Берлина в октябре 1938 года и марте 1939 года [40, с. 155].

Изучению событий кануна и начального периода Второй мировой войны способствовало создание в 2002 году «Группы по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений» [16, с. 6]. Сопредседателем этого межгосударственного коллектива историков с российской стороны стал ректор МГИМО, академик РАН А. В. Торкунов, а с польской – бывший министр иностранных дел Польши и член Совета национальной безопасности при Президенте Республики Польша, председатель международного консультативного комитета при Польском институте международных дел профессор А. Д. Ротфельд¹. Результатом деятельности

¹ Группа по сложным вопросам: российско-польские отношения на новом уровне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mgimo.ru/news/social_news/document168601.phtml (дата обращения: 30.12.2016); Российско-польская группа по сложным вопросам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mgimo.ru>.

группы стала публикация двух сборников трудов по проблемным вопросам российско-польской истории, к которым относятся и события 1939–1941 годов.

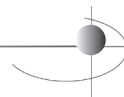
К 70-летней годовщине начала Второй мировой войны в 2009 году был опубликован сборник «Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков» [38]. Во введении авторы-составители заявляли: «Кризис 1939 г. рассматривается как явление комплексное и многоплановое, развитие которого обусловили политические, дипломатические, военные, идеологические и психологические процессы и факторы. Внимание авторов было сосредоточено не только на политике Третьего рейха, Советского Союза, Польши, Великобритании и Франции, но и на более широком контексте европейской политики» [11, с. 6].

В 2010 году коллектив российско-польской Группы по сложным вопросам истории выпустил фундаментальный труд с «говорящим» названием: «Белые пятна – чёрные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях» [1; 22]². Несмотря на то, что позиции польских историков по многим вопросам отличались от взглядов современных российских учёных, безусловно позитивным моментом является стремление к диалогу и поиску интерпретаций, приемлемых для общества обеих стран.

Обсуждение результатов исследования. Среди ключевых тем, получивших освещение в книге, была и проблема происхождения Второй мировой войны. В обобщённом виде позицию современных польских историков по ключевым вопросам кануна и начального периода войны можно представить следующим образом.

Основную ответственность за развязывание войны исследователи возлагают на Германию, подчёркивая, что «к войне привела агрессивная политика канцлера Германии Адольфа Гитлера, поддерживаемая всеми массами немецкого народа» [6, с. 166]. Вместе с тем, польские исследователи отмечают и крайне негативную роль «политики умиротворения»: «Политика Гитлера была направлена на развязывание новой войны; в то же время ответственность за ошибочность выбора методов защиты Европы от все более явной угрозы» [11, с. 6].

² В июле 2015 г. в издательстве Питтсбургского университета было опубликовано англоязычное издание этой книги.

зы войны лежит на английских и французских создателях "appeasement policy"» [7, с. 156]. По мнению Э. Дурачински, положение дел в конце 1930-х годов в мире было крайне напряжённым, но не все страны были готовы трезво оценивать ситуацию: «Главными фигурами зреющей европейской, а, может быть, и мировой драмы, должны были стать великие державы. Первыми ее жертвами были Австрия, Чехословакия и Польша... Варшава могла сыграть одну из ключевых ролей в международной игре» [7, с. 157]. В отличие от многих историков бывших стран социалистического блока, Э. Дурачински обращает внимание на значительную роль Мюнхенского соглашения в развязывании Второй мировой войны, отмечая, что Мюнхенский договор, подписанный 29 сентября 1938 года, придал международным отношениям совершенно иное качество, и именно после этого соглашения процесс дестабилизации в Европе преодолел критическую отметку. Мюнхенский договор Дурачински называет «уродливым детищем», «бастардом агрессоров из Берлина, поддержанных фашистами из Рима и тех, кто проводил „политику умиротворения“» [7, с. 157].

Единственным альтернативным вариантом развития событий в 1939 году и способом избежать войны польские историки считают англо-франко-советский союз. Ответственность за срыв англо-франко-советских переговоров польские историки возлагают на советское руководство: «Учитывая развитие политической ситуации в Европе летом 1939 г., сдержать рвущегося к войне с Польшей Гитлера можно было только путем реального англо-франко-советского сотрудничества, основанного на однозначных гарантиях уважения Советским Союзом суверенитета и территориальной целостности всех его соседей. Но Сталин был в этом никак не заинтересован» [6, с. 193]. М. Волос считает, что тройственные переговоры были для Сталина всего лишь инструментом давления на Германию [3, с. 196].

В оценке советско-германского договора о ненападении среди современных польских историков нет единства. По мнению Э. Дурачински, главной целью Сталина было возвращение России статуса великой державы, который у неё был до Первой мировой войны: «От Запада Сталин мог получить много, но от Германии неизмеримо больше» [7, с. 160]. Автор отмечает, что союз с Гитлером давал не только реальные территориальные приобретения у западных границ СССР, но и ослабление союза Берлин – Токио, ликвидировал угрозу со стороны Японии [7, с. 160].

Директор Польского института международных дел С. Дембский подчёркивает, что нельзя сравнивать или ставить в один ряд Мюнхенское соглашение и пакт Молотова – Риббентропа, поскольку при подписании первого участники были намерены спасти мир в Европе, а целью СССР и Германии, заключивших договор о ненападении от 23 августа 1939 года, была война [5, с. 80]. По мнению Дембского, отличаются и результаты: «Мюнхенский договор не смог спасти мир, пакт Молотова – Риббентропа облегчил Гитлеру развязывание войны» [5, с. 80]. Таким образом, ответственность за начало Второй мировой войны возлагается на Германию и СССР. Оценивая последствия советско-германского сближения, Дембский замечает, что не только Германия, но и СССР нарушил международные договоры и совершил акт агрессии против Польши [5, с. 79]. С ним солидарны Я. Войтковяк, М. Волос, А. Гловацкий, М. Корнат, А. Пшевозьник [2; 3; 4; 9; 13].

Необходимо отметить, что в трагичных событиях, произошедших в сентябре 1939 года с Польшей, историки обвиняют и польских политиков, критикуя «политику равного удаления», которая «должна была обеспечить Польше стабильное чувство безопасности, сохранения её суверенитета и территориальной целостности» [7, с. 155]. Однако, как отмечает Дембский, «политика мирного соседства и "равного удаления" Польши от Берлина и Москвы оказалась конструкцией настолько непрочной, что при столкновении с имперскими устремлениями Гитлера и Сталина рухнула» [6, с. 160]. Вместе с тем, большинство польских авторов отмечают, что от позиции польского руководства в 1939 году вряд ли что-то зависело, и Польша не могла повлиять на внешнюю политику соседей [34, с. 289].

В целом события 1939–1941 годов остаются значимыми не только для польской исторической науки, но и для исторической памяти современной Польши. Как отмечает М. Корнат, центральное место в памяти поляков о начальном периоде Второй мировой войны занимает пакт Молотова – Риббентропа: во-первых, он символизирует собой конец независимости польского государства и начало нового этапа истории польского народа, во-вторых, является напоминанием о драматичном опыте сентября 1939 года, который связан с бездействием и провалом собственной внешней политики, не имевшей шансов предотвратить катастрофу; в-третьих, пакт остаётся примером нарушения международных договоренностей, а также аргументом, подтверждающим тезис о том,

что геополитика в международных отношениях играет большую роль, чем идеология [34, с. 279–280]. Судьба Польши после начала Второй мировой войны является основанием для уравнивания политики Сталина и Гитлера, подчёркивания сходства двух тоталитарных систем [49; 31].

События 1939 года остаются для Польши «актуальной историей», вследствие чего изучение этой темы неизбежно испытывает на себе влияние политики. Так, «потепление» в российско-польских отношениях, позитивно сказавшееся на сотрудничестве историков двух стран, продолжалось недолго. Украинский кризис отразился не только на политических и экономических отношениях России с Польшей, но и на культурной сфере. В 2014 году Варшава в одностороннем порядке отказалась от участия в запланированных на 2015 год «перекрёстных» Годах России в Польше и Польши в России¹. Негативно влияет на российско-польские отношения и мемориальная политика польского руководства. Так, по данным МИД Российской Федерации, в 2016 году в Польше были демонтированы 7 памятников советским воинам, кроме того, было зафиксировано 15 случаев вандализма на советских мемориальных объектах². Вместе с тем, в 2015 году, несмотря на напряжённую внешнеполитическую обстановку, при участии Российско-польского центра диалога и согласия и российско-польской комиссии историков был проведён ряд научных мероприятий (презентация коллективной монографии «Россия и Польша. История общая и разобщённая», Международная научная конференция «Россия в польской историографии, Польша в российской историографии»)³. Историки обеих стран продемонстрировали готовность к сотрудничеству и стремление к поиску исторической истины, чего, к сожалению, нельзя сказать о политиках.

Заключение. Анализ трудов польских историков, посвящённых проблеме проис-

хождения Второй мировой войны, позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, процесс развития польской историографии прошёл несколько этапов. В 1940–1970-е годы доминировала версия событий, сформулированная в рамках советской историографии. Вина за развязывание войны возлагалась на западную дипломатию, советско-германское сближение считалось мудрым и неизбежным шагом, а секретные протоколы к пакту Молотова – Риббентропа не упоминались. Отдельно выделяются труды историков в эмиграции, которые заложили основы для формирования национальной историографической традиции. В 1980–1990-е годы начинается новый этап в развитии историографии, что было обусловлено политическими переменами – возникновением «Солидарности» в Польше и перестройкой в СССР. Расширение источниковой базы, признание советским руководством факта существования секретного дополнительного протокола к советско-германскому договору о ненападении, стимулировали процесс изучения причин возникновения Второй мировой войны. В начале XXI века активно развивалось сотрудничество российских и польских историков в изучении событий кануна и начального периода Второй мировой войны. По многим вопросам удалось добиться сближения позиций. Несмотря на сильнейшие анти-российские настроения и активную русофобскую политику в современной Польше, историки готовы к сотрудничеству и диалогу.

Во-вторых, ключевыми для польской исторической науки остаются следующие вопросы: насколько оправданной была политика руководства Польши в условиях международного политического кризиса 1939 года; могла ли Польша в 1939 году избежать катастрофы – очередного раздела; какие альтернативы были у польских дипломатов?

В-третьих, современная польская историография происхождения Второй мировой войны имеет свою национальную специфику, а истоки формирования этой историографической традиции были заложены ещё польскими историками-эмигрантами. Центральное место в этой традиции занимает пакт Молотова – Риббентропа, ставший для поляков «местом памяти», символом национальной катастрофы. Для Польши события 1939–1941 годов значимы до сих пор, что находит отражение как в процессе формирования исторической памяти, так и в реализуемой исторической политике.

¹ Российско-польские отношения (справка) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ru/maps/pl?currentpage=main-country> (дата обращения: 30.12.2016).

² Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с демонтажом Памятника благодарности в польском г. Ланьцут [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/pl/-/asset_publisher/D2CPYayAgyuG/content/id/2578299 (дата обращения: 30.12.2016).

³ Мастеров В. Историк России и Польши подтвердили научные связи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rospolcentr.ru/meropriyatya/forumy-konferentsii-festivali/istoriki-rossii-i-polshi-podtverdili-nauchnye-svyazi/> (дата обращения: 13.10.2016).

Список литературы

1. Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / В. Г. Барановский и [др.]; под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда; отв. ред. А. В. Мальгин, М. М. Наринский. М.: Аспект Пресс, 2010. 823 с.
2. Войтковяк Я. Советско-польский вооружённый конфликт в сентябре 1939 года // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 446–478.
3. Волос М. Внешняя политика СССР в 1938–1939 годах // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 182–206.
4. Гловацкий А. Польша между СССР и Германией. 1939–1941 // Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 230–280.
5. Дембский С. Мюнхенское соглашение и пакт Риббентропа – Молотова через семьдесят лет: проблемы, интерпретации, влияние // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 46–82.
6. Дембский С. Происхождение Второй мировой войны // Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 165–201.
7. Дурачински Э. Внешняя политика Польши (1939–1941): условия, возможности, цели и результаты // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР: материалы междунар. конф. М.: Права человека, 2006. С. 153–180.
8. Земцов В. Н. Бородинское сражение в современной зарубежной историографии // Бородино в истории и культуре: материалы междунар. науч. конф. Можайск, 2010. С. 26–33.
9. Корнат М. Польша между Германией и Советским Союзом (1938–1939). Политические концепции министра Ю. Бека и международная обстановка // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 349–407.
10. Корнат М. Современная историография российско-польских отношений // Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 767–813.
11. Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / М. Волос [и др.]. М.: Аспект Пресс, 2009. 480 с.
12. Мягков М. Ю. От Мюнхенского соглашения до подписания советско-германского договора от 23 августа 1939 г.: предыстория вопроса // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М.: Права человека, 2006. С. 47–60.
13. Пшевозьник А. Катынское преступление // Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 304–338.
14. Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 320 с.
15. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 7. С. 8–25.
16. Торкунов А. В., Ротфельд А. Д. Размышления о прошлом с мыслью о будущем // Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 5–14.
17. Яжборовская И. С. Современная историография российско-польских отношений // Белые пятна – чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 737–766.
18. Batowski H. Agonia pokoju i początek wojny. Sierpień – wrzesień 1939. Poznań: Wydaw. Poznańskie, 1984. 511 p.
19. Batowski H. Rok 1938 – dwie agresje hitlerowskie. Poznań: Wydaw. Poznańskie, 1985. 550 p.
20. Batowski H. 17 September 1939: Before and after // East European Quarterly. 1993. Vol. 23, No. 4. P. 523–534.
21. Berger S. A Return to the National Paradigm? National History Writing in Germany, Italy, France and Britain from 1945 to the Present // Journal of Modern History. 2005. No. 3. P. 629–678.
22. Białe plamy – Czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008). Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2010. 907 p.
23. Bregman A. Najlepszy sojusznik Hitlera: studium o współpracy niemiecko-sowieckiej 1939–1941. L.: Orbis, 1958. 160 p.
24. Dembski S. Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2003. 800 p.
25. Die dunkle Spur der Vergangenheit. Psychoanalytische Zugänge zum Geschichtsbewußtsein. Erinnerung, Geschichte, Identität 2 / Hrsg. von J. Rüsen und J. Straub. Frankfurt; M.: Suhrkamp Verlag, 1998. 452 p.
26. Duraczyński E. Polska 1939–1945. Dzieje polityczne. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1999. 534 p.
27. Erll A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2005. 205 p.
28. Gedächtnis und Erinnerung. Ein interdisziplinäres Handbuch. Stuttgart; Weimar: Metzler Verlag, 2010. 360 p.
29. Grosfeld L. Polskie aspekty stosunków niemiecko-sowieckich w okresie międzywojennym. Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1988. 42 p.
30. Historia Wielkiej Wojny Narodowej Związku Radzieckiego, 1941–1945. Wydawn: Ministerstwa Obrony Narodowej, 1965. Vol. 3. 128 p.

31. Hryciuk G. Die Illusion der Freiheit. Belarussen und Ukrainer im September 1939 // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 173–186.
32. Klochowicz K. Cztery niedotrzymane pakty. L.: Gryf, 1965. 183 p.
33. Komarnicki T. Jałtański rozbiór Polski w świetle prawa narodów // Jałta wczoraj i dziś. Wybór publicystyki 1944–1985. L.: Gryf, 1988. P. 51–96.
34. Kornat M. Der Pakt: Ideologie und Wahrheit. Erinnerung in der Volksrepublik Polen und heute // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 279–294.
35. Kornat M. Polska 1939 roku wobec paktu Ribbentrop-Mołotow. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2002. 810 p.
36. Kornat M. Sehenden Auges. Polens Außenpolitik vor dem Hitler-Stalin-Pakt // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 47–74.
37. Krawczyk A. Polnische Reaktionen auf internationale Ereignisse im Sommer 1939 // Der Hitler-Stalin-Pakt: Voraussetzungen, Hintergründe, Auswirkungen. Dokumentation eines Symposiums. Wien: Picus Verl., 1990. P. 52–59.
38. Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2009. 479 p.
39. Leczyk M. Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSRR w latach 1932–1935. Warszawa: PWN, 1982. 379 p.
40. Łojek J. Agresja 17 września 1939: Studium aspektów politycznych. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 1990. 254 p.
41. Materski W. ZSRR i zbiorowe bezpieczeństwo. Liga Narodów – ONZ. Wydawn: Minist. Obrony Nar., 1984. 241 p.
42. Mikolajczyk S. The rape of Poland: pattern of Soviet aggression. New York: Whittlesey House, 1948. 338 p.
43. Miodek M. "Das ist ein neuer Ribbentrop-Mołotow-Pakt!". Eine historische Analogie in Polens Energiedebatte // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 295–306.
44. Przeciwno fałszowaniu historii drugiej wojny światowej: zbiór artykułów. Warszawa: Książka i Wiedza, 1966. 501 p.
45. Schorkowitz D. Clio und Natio im östlichen Europa // Historische Zeitschrift. 2004. No. 1. P. 1–33.
46. Sechs russische Mythen über den Hitler-Stalin-Pakt // Ukraine Nachrichten [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ukraine-nachrichten.de/sechs-russische-mythen-ueber-den-hitler-stalin-pakt_4088_politik (дата обращения: 30.12.2016).
47. Siemaszko Z. S. W sowieckim osaczeniu, 1939–1943. L.: Polska Fundacja Kulturalna, 1991. 439 p.
48. Troebst S. Geschichtsregionen: Concept and Critique // Special Issue European Review of History. 2003. No. 2.
49. Wnuk R. Polen zwischen Scylla und Charybdis. Deutsche und sowjetische Besatzung 1939–1941 // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 157–172.

Статья поступила в редакцию 15.01.2017; принята к публикации 27.02.2017

Библиографическое описание статьи

Грибан И. В. Проблема происхождения Второй мировой войны в польской историографической традиции // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 65–74. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-65-74.

Irina V. Griban,
 Candidate of History,
 Ural State Pedagogical University
 (26 pr. Kosmonawtov, Yekaterinburg, 620017, Russia),
 e-mail: gribanirina@gmail.com

The Origin of the Second World War in the Polish Historiographical Tradition¹

The beginning of WWII, which is the main event of the 20th century, has been topical for scholars in the field of history for several decades. It is especially interesting for those scientists whose countries took an active part in it. Facing its anniversaries (in 2015, we celebrated the 70th anniversary of the end of WWII and in 2016, we celebrated the 75th anniversary of the beginning of the Great Patriotic War) and dealing with the Ukrainian crisis, the events of 1939–1941 and their interpretation are especially important today. The paper describes the development of Polish historiography of the background and the beginning of WWII. The stages in the study of the genesis of the War by Polish historians are singled out. The key issues of the Polish history of war are revealed, among them: justification of the Polish policy in international political crisis in 1939; the questions of territorial partition for Poland which was the disaster; the alternatives Polish diplomats had. A conclusion is made that contemporary Polish historiography

¹ The research was financially supported by the Russian Foundation for Humanities (Project No 15-01-00339 "The Beginning of the Second World War: national historiographic traditions and historical memory").

of the beginning of WWII has national features, while the sources of such historiographical tradition were set by the Polish historians-emigrants. The events of 1939–1941 are still very important for Poland, which is proved by the attempts of historical memory formation and by the contemporary historical policy.

Keywords: World War II, policy of appeasement, international political crisis of 1939, Soviet-German relations 1939–1941, historiographic traditions, historical memory, historical policy

References

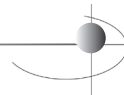
1. Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniyakh / V. G. Baranovskii i [dr.]; pod obshch. red. A. V. Torkunova, A. D. Rotfel'da; otv. red. A. V. Mal'gin, M. M. Narinskii. M.: Aspekt Press, 2010. 823 s.
2. Voitkovyay Ya. Sovetsko-pol'skii vooruzhennyi konflikt v sentyabre 1939 goda // Mezhdunarodnyi krizis 1939 goda v traktovkakh rossiiskikh i pol'skikh istorikov. M.: Aspekt Press, 2009. S. 446–478.
3. Volos M. Vneshnyaya politika SSSR v 1938–1939 godakh // Mezhdunarodnyi krizis 1939 goda v traktovkakh rossiiskikh i pol'skikh istorikov. M.: Aspekt Press, 2009. S. 182–206.
4. Glovatskii A. Pol'sha mezhdru SSSR i Germaniei. 1939–1941 // Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniyakh. M.: Aspekt Press, 2010. S. 230–280.
5. Dembskii S. Myunkhenskoe soglasenie i pakt Ribbentropa – Molotova cherez sem'desyat let: problemy, interpretatsii, vliyaniye // Mezhdunarodnyi krizis 1939 goda v traktovkakh rossiiskikh i pol'skikh istorikov. M.: Aspekt Press, 2009. S. 46–82.
6. Dembskii S. Proiskhozhdeniye Vtoroi mirovoi voiny // Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniyakh. M.: Aspekt Press, 2010. S. 165–201.
7. Durachinski E. Vneshnyaya politika Pol'shi (1939–1941): usloviya, vozmozhnosti, tseli i rezul'taty // Mezhdunarodnyi krizis 1939–1941 gg.: ot sovetsko-germanskikh dogovorov 1939 g. do napadeniya Germanii na SSSR: materialy mezhdunar. konf. M.: Prava cheloveka, 2006. S. 153–180.
8. Zemtsov V. N. Borodinskoe srazheniye v sovremennoi zarubezhnoi istoriografii // Borodino v istorii i kul'ture: materialy mezhdunar. nauch. konf. Mozhaisk, 2010. S. 26–33.
9. Kornat M. Pol'sha mezhdru Germaniei i Sovetskim Soyuzom (1938–1939). Politicheskie kontseptsii ministra Yu. Beka i mezhdunarodnaya obstanovka // Mezhdunarodnyi krizis 1939 goda v traktovkakh rossiiskikh i pol'skikh istorikov. M.: Aspekt Press, 2009. S. 349–407.
10. Kornat M. Sovremennaya istoriografiya rossiisko-pol'skikh otnoshenii // Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniyakh. M.: Aspekt Press, 2010. S. 767–813.
11. Mezhdunarodnyi krizis 1939 goda v traktovkakh rossiiskikh i pol'skikh istorikov / M. Volos [i dr.]. M.: Aspekt Press, 2009. 480 s.
12. Myagkov M. Yu. Ot Myunkhenskogo soglaseniya do podpisaniya sovetsko-germanskogo dogovora ot 23 avgusta 1939 g.: predystoriya voprosa // Mezhdunarodnyi krizis 1939–1941 gg.: ot sovetsko-germanskikh dogovorov 1939 g. do napadeniya Germanii na SSSR. M.: Prava cheloveka, 2006. S. 47–60.
13. Pshevoz'nik A. Katynskoe prestupleniye // Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniyakh. M.: Aspekt Press, 2010. S. 304–338.
14. Repina L. P. «Novaya istoricheskaya nauka» i sotsial'naya istoriya. M.: Izd-vo LKI, 2009. 320 s.
15. Ryuzen I. Utrachivaya posledovatel'nost' istorii (nekotorye aspekty istoricheskoi nauki na perekrestke modernizma, postmodernizma i diskussii o pamyati) // Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noi istorii. 2001. Vyp. 7. S. 8–25.
16. Torkunov A. V., Rotfel'd A. D. Razmyshleniya o proshlom s mysl'yu o budushchem // Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniyakh. M.: Aspekt Press, 2010. S. 5–14.
17. Yazhborovskaya I. S. Sovremennaya istoriografiya rossiisko-pol'skikh otnoshenii // Belye pyatna – chernye pyatna: Slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniyakh. M.: Aspekt Press, 2010. S. 737–766.
18. Batowski H. Agonia pokoju i poczatek wojny. Sierpień – wrzesień 1939. Poznań: Wydaw. Poznańskie, 1984. 511 p.
19. Batowski H. Rok 1938 – dwie agresje hitlerowskie. Poznań: Wydaw. Poznańskie, 1985. 550 p.
20. Batowski H. 17 September 1939: Before and after // East European Quarterly. 1993. Vol. 23, No. 4. P. 523–534.
21. Berger S. A Return to the National Paradigm? National History Writing in Germany, Italy, France and Britain from 1945 to the Present // Journal of Modern History. 2005. No. 3. P. 629–678.
22. Biale plamy – Czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008). Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2010. 907 p.
23. Bregman A. Najlepszy sojusznik Hitlera: studium o współpracy niemiecko-sowieckiej 1939–1941. L.: Orbis, 1958. 160 p.
24. Dembski S. Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2003. 800 p.
25. Die dunkle Spur der Vergangenheit. Psychoanalytische Zugänge zum Geschichtsbewußtsein. Erinnerung, Geschichte, Identität 2 / Hrsg. von J. Rüsen und J. Straub. Frankfurt; M.: Suhrkamp Verlag, 1998. 452 p.
26. Duraczyński E. Polska 1939–1945. Dzieje polityczne. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1999. 534 p.

27. Ertl A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2005. 205 p.
28. Gedächtnis und Erinnerung. Ein interdisziplinäres Handbuch. Stuttgart; Weimar: Metzler Verlag, 2010. 360 p.
29. Grosfeld L. Polskie aspekty stosunków niemiecko-sowieckich w okresie międzywojennym. Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1988. 42 p.
30. Historia Wielkiej Wojny Narodowej Związku Radzieckiego, 1941–1945. Wydawn: Ministerstwa Obrony Narodowej, 1965. Vol. 3. 128 p.
31. Hryciuk G. Die Illusion der Freiheit. Belarussen und Ukrainer im September 1939 // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 173–186.
32. Klochowicz K. Cztery niedotrzymane pakty. L.: Gryf, 1965. 183 p.
33. Komarnicki T. Jałtański rozbiór Polski w świetle prawa narodów // Jałta wczoraj i dziś. Wybór publicystyki 1944–1985. L.: Gryf, 1988. P. 51–96.
34. Kornat M. Der Pakt: Ideologie und Wahrheit. Erinnerung in der Volksrepublik Polen und heute // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 279–294.
35. Kornat M. Polska 1939 roku wobec paktu Ribbentrop-Mołotow. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2002. 810 p.
36. Kornat M. Sehenden Auges. Polens Außenpolitik vor dem Hitler-Stalin-Pakt // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 47–74.
37. Krawczyk A. Polnische Reaktionen auf internationale Ereignisse im Sommer 1939 // Der Hitler-Stalin-Pakt: Voraussetzungen, Hintergründe, Auswirkungen. Dokumentation eines Symposiums. Wien: Picus Verl., 1990. P. 52–59.
38. Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2009. 479 p.
39. Leczyk M. Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSRR w latach 1932–1935. Warszawa: PWN, 1982. 379 p.
40. Łojek J. Agresja 17 września 1939: Studium aspektów politycznych. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 1990. 254 p.
41. Materski W. ZSRR i zbiorowe bezpieczeństwo. Liga Narodów – ONZ. Wydawn: Minist. Obrony Nar., 1984. 241 p.
42. Mikolajczyk S. The rape of Poland: pattern of Soviet aggression. New York: Whittlesey House, 1948. 338 p.
43. Miodek M. "Das ist ein neuer Ribbentrop-Molotov-Pakt!". Eine historische Analogie in Polens Energiedebatte // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 295–306.
44. Przeciwno fałszowaniu historii drugiej wojny światowej: zbiór artykułów. Warszawa: Książka i Wiedza, 1966. 501 p.
45. Schorkowitz D. Clio und Natio im östlichen Europa // Historische Zeitschrift. 2004. No. 1. P. 1–33.
46. Sechs russische Mythen über den Hitler–Stalin–Pakt // Ukraine Nachrichten [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.ukraine-nachrichten.de/sechs-russische-mythen-ueber-den-hitler-stalin-pakt_4088_politik (data obrashcheniya: 30.12.2016).
47. Siemaszko Z. S. W sowieckim osaczeniu, 1939–1943. L.: Polska Fundacja Kulturalna, 1991. 439 p.
48. Troebst S. Geschichtsregionen: Concept and Critique // Special Issue European Review of History. 2003. No. 2.
49. Wnuk R. Polen zwischen Scylla und Charybdis. Deutsche und sowjetische Besatzung 1939–1941 // Osteuropa. 2009. No. 7–8. P. 157–172.

Received: January 15, 2017; accepted for publication February 27, 2017

Reference to the article

Griban I. V. The Origin of the Second World War in the Polish Historiographical Tradition // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 65–74. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-65-74.

УДК 341.231.5+070

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-75-83

Сергей Викторович Олейников,
кандидат политических наук, доцент,
Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко
(MD-3300, Приднестровская Молдавская республика,
г. Тирасполь, ул. 25 октября, 128),
e-mail: olen_serg@inbox.ru

Роль СМИ в процессе становления государственности Приднестровья

Исторический анализ событий конца 80-х – начала 90-х годов XX столетия позволяет по-новому взглянуть на причины их возникновения и определить потенциальные угрозы, которые могут ожидать нас в перспективе, если мы не усвоим уроки прошлого. Развал некогда единого государства не только повлек за собой парад суверенитетов и образование новых государств, но и изменил исторический уклад как всей системы мироустройства, так и системы ценностей отдельной личности. Столкновение идеологий и, шире, цивилизаций в странах нового зарубежья вынудило жителей отдельных регионов встать на защиту своих интересов, вековых традиций и права на жизнь, своей культуры и языка. Огромную роль помимо исторических, политических, экономических и культурных факторов играли зарождающиеся информационные институты нового типа, отличного от советской теории прессы. Именно средства массовой информации на рубеже последних десятилетий XX века трансформировали и противопоставили идеологические позиции «титульного» и «нетитульного» населения. Стремительная динамика роста количества периодических изданий и электронных СМИ и появление их качественно новой информационной парадигмы отражены в статье. Описаны неординарные условия, в которых новые СМИ Приднестровья выполняли одновременно функции инструмента борьбы, идеологического противостояния с метрополией и консолидации общества в контексте собственного государственного строительства.

Ключевые слова: «титульное» и «нетитульное» население, этнократическая политика, гражданский конфликт, идеологическое противостояние, консолидация общества

Вводная часть. Средства массовой информации на каждом историческом этапе развития общества и государства отражают актуальные для своего времени социокультурные процессы, причём их деятельность может выступать как катализатором, так и ингибитором этих процессов. Специфика постсоветского информационного пространства до последнего времени заключалась пусть и в инерционном, но всё же доминировании советской теории медиа, согласно которой государственные или санкционированные государством информационные институты определяют информационную политику.

По мере изучения их роли от диахронии к синхронии повышается вероятность выявления универсальной модели функционирования СМИ, согласно которой аудитория должна быть максимально вовлечена в сферу их влияния, а, соответственно, в большей степени контролируется государством. Необходимо также отметить, что социально-политическая трансформация последней четверти века повлекла за собой изменение функционального диапазона средств массовой информации, а интенсивное развитие сетевых технологий

кардинально изменило традиционные коммуникативные стратегии и тактики взаимодействия СМИ и аудитории, что, безусловно, требует научного анализа и осмысления.

Именно кризис общественного сознания, противоречивость политической системы и политического процесса, негативные экономические тенденции и непредсказуемая социокультурная динамика, которые в значительной мере проявились в приднестровском регионе, не только сыграли основную роль в резком повышении востребованности СМИ в исторической ретроспективе, но и предопределили актуальность изучения и вовлечения в орбиту современной гуманитарной науки системы средств массовой информации рубежа тысячелетий. Судьба и история любого государства, пути его создания и развития, эволюция системы власти определяются, как известно, совокупностью разнообразных факторов внутреннего и внешнего характера. История создания легитимной системы государственной власти в Приднестровской Молдавской Республике берёт своё начало со II Съезда депутатов всех уровней Приднестровья, состоявшегося 2 сентября

1990 года. Именно эта дата является точкой отсчёта формирования не только собственной государственности, но и всей системы жизнеобеспечения государства, включая информационную сферу.

Методология исследования. Изучение средств массовой информации Приднестровья и Молдовы конца XX – начала XXI века, а также анализ научной литературы по исследуемой проблематике позволили выдвинуть гипотезу о том, что именно информационная сфера в отличие от политической, экономической, культурной была и остаётся единственным каналом коммуникации сторон, вовлечённых в молдово-приднестровский конфликт, перманентность которого в определённой степени перевела его из «острого» в «хронический».

Анализируя истоки конфликта на Днестре, П. М. Шорников наиболее точно трактует его природу: покушение на национальное равноправие, лишение молдавской нации культурного суверенитета и национальной идентичности [15, с. 315].

В отличие от всех независимых постсоветских государств лингвистическое законодательство Молдовы не только раскололо полиэтничное население в разрезе «титульное» – «нетитульное», но и разрушило единство самого «титульного» этноса [13, с. 207–208], поскольку националистическая пропаганда румынистов основывалась на идее, что только тот, кто считает себя румыном, является настоящим патриотом и лояльным гражданином. Прочие молдаване объявлялись носителями «примитивного молдовенизма», не помнящими родства [9, с. 98]. Градус противостояния повышался не только из-за прямого или косвенного ущемления политических, социально-экономических и культурно-языковых прав «нетитульного» населения, не владеющего государственным языком, но и вследствие сокращения теле- и радиовещания на русском языке [2, с. 72]. Более того, часть новых молдавских интеллектуалов не устояла перед искушением объяснить все проблемы прошлого и настоящего интригами «чужаков» – славян, евреев и других [4, с. 373], которые якобы способствовали уничтожению молдавского языка и древних традиций молдавской культуры [9, с. 96].

В официальной печати РМ 90-х годов XX века резкой критике подвергалась идея исторической общности молдавского и русского народов. Зато история молдаван стала активно соотноситься с историей древних римлян и европейской цивилизацией [7,

с. 68]. Параллельно некоторыми историками РМ через государственные СМИ республики активно распространялось ещё одно важное политическое утверждение, суть которого сводилась к тому, что реально из-за негативной роли славян существует исторически сложившийся, но «трагическим образом разделённый» народ – румыны¹.

Часть молдавской этноэлиты, препятствуя расколу общества, выступила против введения дискриминационного языкового режима. Идеи национального равноправия активно пропагандировали лингвист И. Д. Чобану, а также редактор журнала «Лимба молдовеняскэ» В. Б. Сеник, литератор В. Н. Стати, другие учёные-молдаване². Академик А. М. Лазарев в статье «Я – молдаванин» осудил тех, кто готовит Молдавии участь румынской провинции. Его призыв сохранить национальное достоинство: «Не смей позориться, встать!»³, обращённый к интеллигенции, готовой подчиниться диктату румынистов, стал фактором мощной активизации молдавского сознания.

Возрождению приднестровской государственности активно способствовали сторонники молдавской самобытности, рассчитывающие создать восточнее Днестра базу сопротивления румынизму. Уроженец левобережья видный российский историк В. Я. Гросул дал историческое, а В. Н. Яковлев – правовое обоснование восстановления молдавской автономии на левом берегу Днестра⁴. Несмотря на противостояние молдавских патриотов, парламент республики Молдова однозначно высказался за возвращение к государственности образца 1940 года, т. е. за создание унитарного государства.

¹ Мариан Б. Призрак бродит по Молдове // Независимая Молдова. – 1989. – 7 сент.; Ченуша В. Следовать воле народа // Независимая Молдова. – 1989. – 12 сент.

² Бабилунга Н. В. История – не игра в кубики // Советская Молдавия. – 1988. – 9 дек.; Стати В. Н. Латиница: вымысел и правда // Рыбницкий металлург. – 1989. – 30 июня; Корлэтяну Н. Этапы развития молдавского языка // Советская Молдавия. – 1988. – 9 янв.; Раевский Н. Контактеле романичилор рэсэритень ку славий: Пе база де дате лингвистиче. – Кишинэу, 1988; Сеник В. Кувынтул ши даторииле ноастре. – Кишинэу, 1988; Стати В. Лимба молдовеняска ши рэувоиторий ей. – Кишинэу, 1988; Чобану И. Д. Родной язык в моей судьбе. – Тирасполь, 1993; Чобану И. Д. Слово о судьбе родного языка // Народное образование. – 1988. – 5 нояб. и др.

³ Советская Молдавия. – 1989. – 20 июня.

⁴ Гросул В. Я. Автономия Приднестровья: историческое обоснование // Трудовой Тирасполь. – 1989. – 16 дек.; Гросул В. Я. Приднестровская автономия: историческое обоснование // Единство. – 1989. – 1 дек.; Яковлев В. Н. Тернистый путь к справедливости // Рыбницкий металлург. – 1990. – 6 марта; Яковлев В. Н. Приднестровская МССР: не миф, а реальное суверенное государство // Днестровская правда. – 1991. – 28 окт.

Ситуацию осложняла позиция Христианско-демократического фронта Молдавии (ранее – «Народный фронт» Молдавии), который на своём III Съезде в феврале 1992 года настаивал на передаче Румынии не только районов Бессарабии и Буковины, но и левобережья Днестра, которое никогда не входило в состав Румынии и до того не включалось в планы ни молдавских, ни румынских унионистов.

Запад в целом с пониманием отнёсся к национальной политике Молдовы. В подавляющем большинстве западные средства массовой информации не сочувствовали положению русскоязычного населения, не по своей воле оказавшегося в строящихся молодых национальных государствах, которые устремили свои взоры на Запад и стали удаляться от России. Так, русских в Молдове некоторые западные журналисты называли «порождением старого строя»¹.

Вопрос разрешения молдово-приднестровского конфликта с самого начала его открытой вооружённой фазы получил особый резонанс и в российском информационном пространстве, поскольку Приднестровье находится в приоритете национальных интересов России в ближнем зарубежье [6, с. 4].

В работе европейских исследователей "The Dniestr Conflict: between Irredentism and Separatism" [17, с. 973–1000] в отличие от представителей науки РМ [8; 10; 11; 14], которые природу молдово-приднестровского конфликта связывают исключительно с Россией и её поддержкой приднестровского сепаратизма, обоснованно показано, что молдово-приднестровский конфликт стал результатом столкновения российского геополитического интереса с румынским.

В рамках научной дискуссии высказываются достаточно спорные мнения, согласно которым Россия вмешалась в приднестровский конфликт на стороне Тирасполя по причине формирования националистической платформы [16, с. 132], авторитарного режима с военизированным компонентом [5, с. 350], утвердившего взаимосвязь российской внутренней политики и приднестровских событий.

С самого начала политического противостояния очевидным было лоббирование геополитического интереса сторон, которое продолжается и в настоящее время путём коррумпирования политической инфраструктуры: финансированием различных партий,

изданий; нагнетанием информационного пространства [3, с. 243]. Так, в начале 90-х годов XX века в ряде территориальных единиц Приднестровья, в частности, в Дубоссарах, в информационном отношении сложилась ситуация двоевластия, когда, к примеру, городская газета выступала с позиций Приднестровья, тогда как районная поддерживала центральные власти Республики Молдова. В Бендерах городская газета заняла центристскую позицию и старалась избегать крайних оценок, но это дало повод создать альтернативное городское издание «Новое время». Особенно отчётливо информационное противостояние внутри Приднестровья проявилось уже к осени 1990 года и продолжилось практически до вооружённой фазы конфликта.

Тем не менее противоречивость информационного пространства в регионе не смогла дезинтегрировать и разобщить приднестровское население, напротив, она активизировала его патриотические чувства. Тем самым подтвердилась интернациональная природа исторически сложившихся в Республике взаимоотношений между представителями различных этнокультурных групп. Проведённый контент-анализ приднестровских печатных СМИ за период 1991–2005 годов, когда активно формировалась региональная идентичность приднестровцев, подтверждает консолидирующую роль региональных медиаструктур. Объектами исследования стали республиканские газеты «Приднестровье», «Профсоюзные вести», «Днестровская правда» за 1991–2005 годы. Периодизация исследования на три этапа: 1991–1996 годы, 1997–2001 годы и 2002–2005 годы была обусловлена тем, что именно в это время в Республике проходили выборы в Верховный Совет ПМР и формировались органы исполнительной власти. В ходе эксперимента нами выделялись четыре группы публикуемых материалов: внешняя политика; внутренняя политика; экономика; духовная жизнь.

К первой группе были отнесены материалы, освещавшие молдово-приднестровские отношения, переговорный процесс по урегулированию конфликта, а также представлявшие мнения российских и украинских политиков о приднестровской государственности.

Во вторую группу вошли материалы, касающиеся предвыборных кампаний, законодательные акты, указы, информация пресслужб Президента и Верховного Совета ПМР.

Третью группу составили публикации достижений промышленных предприятий Республики, экономических инноваций, а также

¹ Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 1991. – 30 august, 19 oktober.

концепций развития отдельных отраслей народного хозяйства.

Материалы четвёртой группы представляли не только культурную жизнь Приднестровья, но и исторические факты, свидетельствующие о событиях, происходивших в периоды вооружённого конфликта 1992 года и Второй мировой войны. При этом военная тематика была преобладающей и несла в себе внешнеполитический акцент молдово-приднестровской проблемы.

В данной работе также представлены результаты социологического исследования по актуальным аспектам становления приднестровской государственности и приднестровского регионализма, которые, начиная с 1993 года проводились в рамках деятельности кафедры социологии, Центра социально-политических исследований «Перспектива» ПГУ им. Т. Г. Шевченко и Независимого центра аналитических исследований «Новый Век».

Результаты исследования и их об- суждение. Генезис молдово-приднестровского конфликта подтверждает, что именно СМИ активно способствовали формированию идеологических стереотипов на обоих берегах Днестра.

Отсутствие в начале 1990-х годов в Приднестровье собственной информационной базы, способной противостоять распространению негативной информации, касающейся конфликтных событий, обусловило в период 1989–1992 годов информационный вакуум, в котором находилась молодая Республика. Недостаток объективной информации мог усилить дезориентацию приднестровского социума, лишить твёрдой уверенности в правильности политического выбора. Именно во время массовых забастовок начинается свою историю приднестровская периодика, которая издаётся в большинстве случаев на средства трудовых коллективов республиканских предприятий. Так, ещё в августе 1989 года стали выходить в свет газеты «Трудовой Тирасполь» (орган Объединенного совета трудовых коллективов) и «Известия рабочего комитета» (орган Рабочего комитета Бендер), целью которых стала защита русского языка в Молдове и борьба за придание ему статуса второго государственного языка. Это были многотиражные издания, в основном в формате А3, объёмом 1 печатный лист. Отдельного внимания заслуживает еженедельник «Днестровский меридиан», который в отличие от других являлся «толстушкой», первым

аналитическим изданием, выходившим в свет от имени Верховного Совета ПМР.

Несмотря на противоречивость информационного контента внутри Приднестровья в первые годы государственности, политические настроения в обществе оставались неизменными. Так, результаты исследования, проведённого кафедрой социологии в 1993 году, свидетельствуют о том, что большинство населения ПМР (98,62 % опрошенных) поддерживало идею суверенного независимого государственного образования в разных формах её возможной реализации¹.

Согласно данным социологического опроса, проведённого в конце 1997 года тираспольским центром «Стратегия», за укрепление государственного статуса ПМР высказались 82 % опрошенных, против – 8 %, затруднились ответить – 10 %. В то же время участие ПМР в интеграционных процессах стран СНГ поддерживали 91 % граждан: ориентированных на сближение Приднестровского государства с Россией – 66 %, с Украиной – 17 %, с Молдовой – 10 %; затруднились ответить 7 % респондентов [1, с. 63].

Трудности экономического и политического характера сформировали общественное мнение о том, что интеграционные процессы со странами бывшего Союза приведут к улучшению ситуации в Республике. Изменения политической ситуации на постсоветском пространстве сказываются на предпочтениях приднестровцев относительно внешнеполитического развития ПМР. Именно этим фактором объясняется тенденция к увеличению в 2003–2004 годах количества респондентов, связывающих будущее Республики с Украиной. Традиции, единство исторических судеб Приднестровья, России и Украины на протяжении более двухсот лет, а также роль российских миротворческих сил в разрешении конфликта с Молдовой и значение экономических связей Приднестровья со славянскими странами бывшего Союза обуславливают стабильную восточную ориентацию государственного курса Приднестровья.

Можно сделать вывод, что аксиологическая шкала приднестровцев, складывающаяся на протяжении многовековой истории и давно утвердившаяся в лучших традициях российской ментальности, испытывая в первые десятилетия Приднестровской государственности многократно усиленное негатив-

¹ Изучение общественного мнения как фактор принятия обоснованных решений и повышения ответственности трудящихся за судьбу Республики: вопросы приватизации и статуса ПМР: отчёт социологического исследования. – Тирасполь: ПГКУ, 1993.

ное воздействие со стороны политических оппонентов, позволила не только укрепить уверенность народа в правильности выбранного пути, но и сохранить пророссийские настроения в обществе. Данный вывод подтверждается результатами исследования, проведённого в августе–сентябре 2004 года, согласно которым отождествляли себя с самостоятельным государственным образованием 55,9 % приднестровцев, 47,6 % из них считали, что их отечество – Российская Федерация, 44,4 % – Украина, и всего 8 % – Республика Молдова¹.

Результаты контент-анализа публикаций приднестровских газет позволили нам определить специфику функционирования СМИ во время вооружённого конфликта и в постконфликтный период (1991–1996 гг.). Так, полученные данные свидетельствуют о том, что на протяжении первых пяти лет в периодике Приднестровья наблюдалось повышенное внимание к внешнеполитической тематике: и объём материалов этой направленности составил в 1992 году 35 % от всех опубликованных в СМИ. Материалы того периода, относящиеся к духовной сфере, практически полностью были посвящены трагедии молдово-приднестровского конфликта². Необходимо констатировать, что своего апогея внешнеполитический блок достиг лишь в 1993 году, составив 59 % от всех опубликованных материалов.

Результаты исследования второго периода (1997–2001 гг.) дают возможность определить специфику функционирования СМИ Приднестровья в условиях реструктуризации государственного управления. Так, в этот период сохранялось повышенное внимание к материалам внешнеполитического характера, что обусловлено выборами президентов Республики Молдова (начало 2001 г.) и Приднестровской Молдавской Республики (конец 2001 г.)³. Кроме того, на увеличение материалов внешнеполитической направленности

¹ Механизм и принципы организации государственной власти в условиях системной трансформации // Ежегодный отчёт Центра социально-политических исследований «Перспектива», 2004.

² Пал смертью храбрых // Днестровская правда. – 1992. – 26 сент.; Он не дожил до 22 // Днестровская правда. – 1992. – 24 нояб.; Боль матери // Днестровская правда. – 1993. – 26 янв.; О чём шумят тополя // Днестровская правда. – 1993. – 18 июня и др.

³ Горячее лето 2001-го... // Приднестровье. – 2001. – 22 июня; И румынские «пять копеек»... // Приднестровье. – 2001. – 15 дек.; Смирнов – Воронин: первый диалог // Приднестровье. – 2001. – 11 апр.; Штормовое предупреждение: СИБ Молдовы реализует план полномасштабных идеологических диверсий против ПМР // Приднестровье. – 2001. – 6 дек.

повлияли экономическая и таможенная блокады, которые также активно обсуждались на страницах приднестровских газет⁴. Объяснение экономических проблем политическим противостоянием обусловило снижение доли публикаций экономической тематики до 4 % в 2000 году от общего объёма по сравнению с 1998 годом (21 %). Формирование нового государственного аппарата и реформа исполнительной власти привели к подъёму экономической жизни общества. Так, уже к 2001 году экономике отводилось уже почти 15 % газетных полос.

Наряду с высокой востребованностью внешнеполитического блока материалов СМИ, начиная с 1997 года более чем в три раза увеличился процент материалов внутриполитического характера: с 17 % в 1997 году до 52 % в 2000 году. В этот период велась усиленная подготовка к выборам в Верховный Совет и местные органы управления, формировались органы государственной власти, т. е. на данном этапе СМИ выполняли стабилизирующую роль в обществе, способствовали укреплению внутренних социальных институтов, в том числе и органов государственной власти.

Результаты исследования третьего периода (2002–2005 гг.) дают возможность определить специфику функционирования СМИ Приднестровья на этапе относительной стабильности во внутренней политической жизни государства, но в условиях достаточно нестабильной ситуации в сопредельных странах. Необходимо отметить, что внешнеполитический блок опубликованных материалов является по-прежнему бесспорным лидером по объёму публикаций (32 % в 2003 г.). Основными причинами повышенного интереса к материалам данной тематики можно назвать обсуждение проблемы федерализации и интеграции с РМ, а также подготовку к выборам в Государственную Думу РФ⁵. Ещё одной причиной увеличения объёма материалов, касающихся внешней политики, стала «телефон-

⁴ ВС ПМР: первые шаги противодействия // Приднестровье. – 2001. – 7 сент.; Гарант принимает меры // Приднестровье. – 2001. – 17 нояб.; Митинги протеста // Днестровская правда. – 2001. – 30 окт.; Протокол протоколом запротоколирован // Профсоюзные вести. – 2001. – 22 нояб.

⁵ Без чувства своей страны нет настоящего характера // Приднестровье. – 2003. – 22 дек.; В единой России – залог нашей общей победы // Приднестровье. – 2003. – 3 дек.; Дмитрий Козак: «За гранью добра и зла» // Днестровская правда. – 2003. – 27 нояб.; О базовых принципах конституционного и государственного устройства федеративного государства // Приднестровье. – 2003. – 27 сент.; Россияне выбирают жизнь // Днестровская правда. – 2003. – 29 нояб.; Получит ли процесс жизненную

ная война» между РМ и ПМР, суть которой заключалась во взаимном блокировании года сотовой связи во второй половине 2003 года¹.

Внутриполитическим проблемам в 2002 года отводилось 27 %, тогда как в 2003 году всего 8 %, но уже в 2004 году эта цифра составила 24 %. Достаточно высокий процент материалов внутриполитического характера объясняется реформой исполнительной власти, начатой в 2001 году.

Объём материалов экономической тематики также варьировался от 5 % в 2002 и 2004 годах до 13 % в 2003 году. Такой скачок обусловлен тем, что экономическая блокада со стороны РМ в 2003 году была нивелирована действиями стран-гарантов, в частности, Украины и России, благодаря которым предприятия Приднестровья смогли экспортировать продукцию за пределы Республики.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод об очевидном предпочтении печатных СМИ Приднестровья духовной стороны жизнедеятельности общества, так как объём материалов этой направленности на протяжении первых пятнадцати лет существования ПМР занимает почти 50 % всех печатных полос местных газет. Это подтверждает высказанную исследователем Н. А. Победа мысль о формировании в обществе приднестровской идентичности благодаря такой системе предпочтений СМИ [12, с. 175].

Что касается выявленной периодичности в тиражной политике изданий общественно-политического характера, то она равна пяти годам и обусловлена избирательными кампаниями. Однако, несмотря на тенденцию к увеличению тиражей изданий общеполитической направленности в преддверии выборных кампаний 2005 года в Приднестровье, их суммарный объём составил примерно 3 млн экз., что более чем на полмиллиона экземпляров меньше уровня 2000 года. Такая ситуация обусловлена тем, что большинство приднестровцев к этому времени уже активно использовали республиканские электронные средства массовой информации (73,5 % – ТВ, 45 % – радио), в то время как печатными СМИ пользовались лишь 20 % населения.

Реорганизация отрасли, упорядочившая и во многом упростившая создание новых силу // Приднестровье. – 2003. – 21 мая; Федерализация: пристальный взгляд экспертов // Приднестровье. – 2003. – 23 апр. и др.

¹ Агония режима Воронина // Приднестровье. – 2003. – 23 окт.; Будет ли телефонная связь между Молдовой и Приднестровьем? // Приднестровье. – 2003. – 9 июля; Право на защиту // Приднестровье. – 2003. – 24 сент.; Провокация четвёртой степени // Приднестровье. – 2003. – 19 нояб.

печатных органов, обусловила значительное увеличение количества печатных средств массовой информации Приднестровья начиная с 2002 года. Так, если в 2000 году в Республике функционировали 36 газетных и 8 урнальных изданий, то к 2005 году выходили в свет 70 и 30 соответственно. Децентрализация информационных потоков и расширение спектра СМИ на фоне избыточной их политизированности не только в определённой степени нивелировали ажиотаж в информационном пространстве Приднестровья, но и инициировали в последующие годы дивергентные процессы в моделировании социальной действительности аудиторией и СМИ Республики.

Завершая анализ, отметим, что деятельность печатных СМИ Приднестровья осуществляется в условиях политической неопределённости, информационной и экономической блокады и практически не поддаётся систематизации, но тем не менее СМИ Республики не только достаточно эффективно отражают социальную действительность, оперативно реагируя на изменение ситуации в приднестровском регионе и вокруг него, но и формируют общественное мнение благодаря различным информационным каналам, моделируя тем самым социальную действительность, повышая согласованность деятельности социальных субъектов приднестровского сообщества.

Заключение. Процесс государственного строительства неразрывно связан с политической турбулентностью, трансформацией традиционной системы ценностей личности и, как следствие, кризисностью массового сознания. В этих условиях формирование и укрепление государственности возможно при условии такого информационного воздействия, которое способствовало бы утверждению в массовом сознании новых идеологических установок и стереотипов в рамках определённой национальной идеи. Необходимо отметить, что на начальном этапе идеологического противостояния успех оппонентов, вовлечённых в него, зависит, с одной стороны, от геополитической поддержки, основанной на глубоких исторических и культурных традициях, а не на современных политических трендах, с другой – от деятельности информационных институтов, активность которых должна быть обратно пропорциональна их количеству. По мере отдаления от наиболее активной фазы политико-идеологического противостояния эффективность вовлечения массовой аудитории в полити-

ческий процесс снижается ввиду увеличения каналов получения информации, упрощения доступа к социально значимой информации, а также широкому диапазону её интерпретации в различных СМИ. Данные выводы могут быть положены в основу модели функционирования СМИ в периоды социальных кризисов или политических конфликтов, поскольку, как свидетельствуют результаты исследования, информационный голод приднестровцев начала 90-х годов XX века, удовлетворяемый всего несколькими газетами, положительно сказывался на авторитете как новой политической элиты, так и местных СМИ. Кроме того, неразвитость информационной инфраструктуры стимулировала востребованность журналистских материалов, идеологические интенции которых активно тиражировались

в массовом сознании и способствовали формированию региональной идентичности.

Процессы естественной интеграции в СМИ лингвокультурного разнообразия сформировали в 1980–1990-х годах гармонично развивающуюся коммуникативную систему, социальной доминантой которой исторически является русский язык. Вооружённое и постконфликтное противостояние на берегах Днестра обусловило определённую степень информационного дискомфорта населения, мобилизовав приднестровское общество и его социальные институты, усилив на данном этапе конвергенцию моделей социальной действительности, ожидаемой аудиторией и предлагаемой СМИ, что повысило как эффективность местных СМИ, так и устойчивость культурно-информационного развития региона в целом.

Список литературы

1. Бабилунга Н. В. Тайна Приднестровского феномена // Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость: материалы междунар. науч.-практ. конф. (22–23 окт. 2003 г.). Кишинев: Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в РМ, 2003. С. 60–69.
2. Белоусов В. Н. Социолингвистические аспекты диалога национальных культур // Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость: материалы междунар. науч.-практ. конф. (22–23 окт. 2003 г.). Кишинев: Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в РМ, 2003. С. 69–78.
3. Бондаренко В. И. Информационное обеспечение внешней политики Республики Молдова в транзитивный период: дис. ... канд. полит. наук: 10.01.10. СПб., 2004. 254 с.
4. Гросул В. Я., Гузенкова Т. С. Приднестровье // Молдавия: современные тенденции развития / под ред. Е. М. Кожокина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 365–448.
5. Гузенкова Т. С. Молдавия и Приднестровье: проблемы и тенденции развития // Молдавия: современные тенденции развития / под ред. Е. М. Кожокина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 337–364.
6. Девятков А. В. Политика России в отношении Приднестровской Молдавской Республики (1992–2009 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. Н. Новгород, 2010. 190 с.
7. Журавлев В. Е. Легитимация приднестровского государства: структурно-функциональный подход. Тирасполь: Перспектива, 2005. 164 с.
8. Ковальски С. В., Букучь А. С. Международное гуманитарное право и приднестровский конфликт // Science Time. 2015. № 12. С. 377–383.
9. Колосов В., Заяц Д. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. 2001. Вып. 1. С. 88–122.
10. Мошняга В. Г., Илащук Д., Спинея Ф. Конфликт в Молдове: опыт этнополитологического анализа. Кишинев: МолдГУ, 1992. 46 с.
11. Мошняга В. Г. Приднестровский конфликт в Республике Молдова причины, состояния и пути разрешения // Демократизация общества в гендерной перспективе: сб. науч. тр. / ред. В. Младина. Кишинев: Гендер-Центр МолдГУ, 2002. С. 8–19.
12. Победа Н. А. Социальная идентичность как инструмент диагностики социальной напряжённости в обществах переходного периода // Приднестровье в геополитической системе координат XXI века. Тирасполь, 2002. С. 169–176.
13. Погорелая Е. А. Русскоязычие: контексты и подтексты языковой реформы последнего десятилетия XX века. Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. 400 с.
14. Царану А. К вопросу о генезисе Приднестровского конфликта в Республике Молдова // Межэтнические отношения в посткоммунистических государствах: материалы междунар. науч.-практ. конф. / сост. В. Г. Мошняга. Кишинев: Фонд Фридриха Эберта, 2002. С. 102–129.
15. Шорников П. М. Молдавская самобытность. Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2007. 400 с.
16. Kaufman S., Bowers S. Transnational dimensions of the Transnistrian conflict // Nationalities Papers. 1998. No. 26. P. 129–146.
17. Kølsto P., Edemsky A., Kalashnikova N. The Dniestr Conflict: between Irredentism and Separatism // Europe – Asia Studies. 1993. Vol. 45, No. 6. P. 973–1000.

Статья поступила в редакцию 20.02.2017; принята к публикации 25.03.2017

Библиографическое описание статьи

Олейников С. В. Роль СМИ в процессе становления государственности Приднестровья // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 75–83. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-75-83.

Sergey V. Oleynikov,

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor
Shevchenko State University of Pridnestrovye,
(128 25 Oktyabrya st., Tiraspol,
Moldovan Transdnestrian Republic, MD-3300,
e-mail: olen_serg@inbox.ru*

The Role of Mass Media in the Process of Statehood of Transdnestria

Historical analysis of the events of the late 1980s – early 1990s allows us to take a fresh look at the reasons of their emergence and to define potential threats which we can expect in the long term, if we do not learn lessons of the past. The collapse of the once unified state not only caused a parade of sovereignties and formation of the new states, but also changed historical way as all system of a world order as the system of values of the individual. Collision of ideologies and, more widely, civilizations in the countries of the new abroad forced inhabitants of certain regions to rise in defense of the interests, century traditions and the right for life, the culture and language. The huge role in addition to historical, political, economic and cultural factors was played by the arising information institutes of a new type different from the Soviet theory of the press. It was the mass media that transformed and opposed ideological positions of the “title” and “not title” population at the turn of the last decades of the 20th century. Prompt dynamics of an increase in the number of both periodicals and electronic media and appearance of their new information paradigm is reflected in the article. The extraordinary circumstances in which the new media of Pridnestrovye performed as a tool of struggle, ideological opposition with the parent state and consolidation of society in the context of own state construction are described.

Keywords: “title” and “not title” population, ethnocratic policy, civil conflict, ideological confrontation, consolidation of society

References

1. Babilunga N. V. Taina Pridnestrovskogo fenomena // Natsional'nye obrazy mira: edinstvo – raznoobrazie – spravedlivost': materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (22–23 okt. 2003 g.). Kishinev: Natsional'naya komissiya po delam YuNESKO v RM, 2003. S. 60–69.
2. Belousov V. N. Sotsiolingvisticheskie aspekty dialoga natsional'nykh kul'tur // Natsional'nye obrazy mira: edinstvo – raznoobrazie – spravedlivost': materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (22–23 okt. 2003 g.). Kishinev: Natsional'naya komissiya po delam YuNESKO v RM, 2003. S. 69–78.
3. Bondarenko V. I. Informatsionnoe obespechenie vneshnei politiki Respubliki Moldova v tranzitivnyi period: dis. ... kand. polit. nauk: 10.01.10. SPb., 2004. 254 s.
4. Grosul V. Ya., Guzenkova T. S. Pridnestrov'e // Moldaviya: sovremennye tendentsii razvitiya / pod red. E. M. Kozhokina. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2004. S. 365–448.
5. Guzenkova T. S. Moldaviya i Pridnestrov'e: problemy i tendentsii razvitiya // Moldaviya: sovremennye tendentsii razvitiya / pod red. E. M. Kozhokina. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2004. S. 337–364.
6. Devyatkov A. V. Politika Rossii v otnoshenii Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki (1992–2009 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.15. N. Novgorod, 2010. 190 s.
7. Zhuravlev V. E. Legitimatsiya pridnestrovskogo gosudarstva: strukturno-funktsional'nyi podkhod. Tiraspol': Perspektiva, 2005. 164 s.
8. Koval'ski S. V., Bukuch' A. S. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo i pridnestrovskii konflikt // Science Time. 2015. № 12. S. 377–383.
9. Kolosov V., Zayats D. Moldova i Pridnestrov'e: natsional'noe stroitel'stvo, territorial'nye identichnosti, perspektivy razresheniya konflikta // Vestnik Evrazii. 2001. Vyp. 1. S. 88–122.
10. Moshnyaga V. G., Ilashchuk D., Spinei F. Konflikt v Moldove: opyt etnopolitologicheskogo analiza. Kishinev: MoldGU, 1992. 46 s.
11. Moshnyaga V. G. Pridnestrovskii konflikt v Respublike Moldova prichiny, sostoyaniya i puti razresheniya // Demokratizatsiya obshchestva v gendernoi perspektive: sb. nauch. tr. / red. V. Mladina. Kishinev: Gender-Tsentr MoldGU, 2002. S. 8–19.
12. Pobeda N. A. Sotsial'naya identichnost' kak instrument diagnostiki sotsial'noi napryazhennosti v obshchestvakh perekhodnogo perioda // Pridnestrov'e v geopoliticheskoi sisteme koordinat XXI veka. Tiraspol', 2002. S. 169–176.

50. 13. Pogorelaya E. A. Russkoyazychie: konteksty i podteksty yazykovoï reformy poslednego desyatiletiya XX veka. Tiraspol': RIO PGU, 2003. 400 s.

14. Tsaranu A. K voprosu o genezise Pridnestrovskogo konflikta v Respublike Moldova // Mezhetnicheskie ot-nosheniya v postkommunisticheskikh gosudarstvakh: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / sost. V. G. Mosh-nyaga. Kishinev: Fond Fridrikha Eberta, 2002. S. 102–129.

15. Shornikov P. M. Moldavskaya samobytnost'. Tiraspol': Izd-vo Pridnestr. un-ta, 2007. 400 s.

16. Kaufman S., Bowers S. Transnational dimensions of the Transnistrian conflict // Nationalities Papers. 1998. No. 26. P. 129–146.

17. Kølsto P., Edemsky A., Kalashnikova N. The Dniestr Conflict: between Irredentism and Separatism // Eu-ropе – Asia Studies. 1993. Vol. 45, No. 6. P. 973–1000.

Received: February 20, 2017; accepted for publication March 25, 2017

Reference to the article

Oleynikov S. V. The Role of Mass Media in the Process of Statehood of Transdnistria // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 75–83. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-75-83.

УДК 94(420)“1457/1485”

Андрей Геннадьевич Праздников,
кандидат исторических наук, доцент,
Вятская государственная сельскохозяйственная академия
(610017, Россия, г. Киров, Октябрьский пр-т, 133),
e-mail: andrei-selek@mail.ru

Социальный состав участников битвы при Сент-Олбансе 17 февраля 1461 года

Хотя событийная сторона истории Войн Роз изучена достаточно подробно, их социальный характер до сих пор является предметом дискуссии. Недостаточно полно изучено участие в конфликте представителей различных страт английского общества, за исключением знати. В статье с помощью метода просопографии рассматривается социальный состав участников битвы при Сент-Олбансе 17 февраля 1461 года. Используется широкий круг источников, в первую очередь исторические нарративы («Английская хроника» Дэвиса, «Анналы Англии» Уильяма Уорчестера, «Регистр» аббата Уэтемстеда, «Хроника Грегори», «Краткая латинская хроника», хроники Хардинга и Фабиана), а также данные «Парламентских свитков» и документов канцелярии и казначейства. В итоге были выявлены имена 42 участников битвы, которых можно разделить на три группы. Самую большую составляют верные сторонники Ланкастеров и Йорков, сражавшиеся за них до своей гибели или пресечения династии. Вторую группу составляли те, кто лишь однажды выступил на стороне своей «партии» или смирился с её поражением. Самая меньшая группа – это знать и дворяне, перешедшие на сторону врага. Двумя распространёнными мотивами участия являлись родственные/матримониальные и вассальные связи.

Ключевые слова: Войны Роз, вторая битва при Сент-Олбанс, Ланкастеры и Йорки, социальный состав участников

Вводная часть. В англоязычной историографии достаточно подробно изучена событийная сторона социально-политического конфликта второй половины XV века, за которым утвердилось название Войн Роз. Тем не менее постоянно появляются новые исследования, основной проблематикой которых является изучение социальных и социокультурных сторон войн, их влияние на общество, причём существуют различные подходы к решению этой задачи. Степень влияния трудно измерить в конкретных показателях, однако там, где это возможно, стоит попытаться взглянуть на участие в борьбе представителей не гипотетических сословий, а реальных социальных групп. Как правило, в источниках содержится эпизодическая информация об участниках войн, исключая главных действующих лиц – претендентов на трон и их сторонников – лордов. Тем не менее, привлечение максимально широкого круга источников может позволить раздвинуть их круг, увидев представителей средних и даже низших слоёв общества, принимавших участие в тех событиях. В некоторых случаях есть возможность проследить поведение этих людей на протяжении определённого времени, понять причины, побудившие их поддержать ту или иную «партию».

Методология и методы исследования. В данной статье попытаемся решить эту задачу на примере одного из сражений, чтобы в дальнейшем, проведя аналогичные исследования других ключевых событий Войн Роз, иметь возможность для проведения сравнительного анализа. Впрочем, определённые выводы о степени и характере участия в них представителей различных социальных групп можно будет делать сразу.

В центре нашего внимания события, произошедшие в феврале 1461 года. Именно в этом году в ходе борьбы за престол наступил переломный момент, когда династия Ланкастеров была свергнута, а ей на смену пришла династия Йорков. Произошло несколько битв, одной из которых стала битва при Сент-Олбансе 17 февраля. В тот момент ситуация во многом была критической. В конце декабря в Йоркшире погиб герцог Ричард Йорк, с севера и запада на Лондон двинулись две ланкастерских армии, противостоять которым должны были двое оставшихся лидеров партии йоркистов: Эдуард, граф Марч, сын погибшего герцога, который (возможно, являясь более молодым и менее опытным полководцем) выступил на границу с Уэльсом против меньшей по численности вражеской армии и разгромил её 2 февраля; и Ричард Невил-

ль, граф Уорик, возглавивший сопротивление основным силам Ланкастеров и понёсший в последовавшем сражении поражение, после чего он был вынужден отступить на соединение со своим более успешным союзником.

Сведения о битве при Сент-Олбансе и некоторых её участниках содержатся в ряде хроник второй половины XV века. Наиболее близка по времени составления к битве «Английская хроника правлений Ричарда II, Генриха IV, Генриха V и Генриха VI», в которой описание событий доведено до марта 1461 года [8, с. 108]. По мнению издателя хроники Д. С. Дэвиса, её автором был монах из Кентербери или Малмсбери. Ещё одна монастырская хроника, донёсшая до нас рассказ о сражении, была написана на латыни в знаменитом своей историографической традицией аббатстве Сент-Олбанс аббатом Джоном Уэт-эмстедом (он занимал этот пост дважды – в 1420–1440 гг. и в 1451–1465 гг.) [18, с. 393]. Особая ценность хроники связана с тем, что битва произошла именно в этом городе, и автор был её непосредственным свидетелем.

Авторами двух других нарративов были представители дворянства. Рыцарь и историограф Джон Хардинг (1378–1464) преподнёс свою рифмованную хронику, охватывающую историю Англии от легендарных времен до 1461 года, Эдуарду IV. Она была опубликована в 1543 году издателем Ричардом Графтоном, снабдившим её прозаическим продолжением [22, с. 405]. Выпускник Оксфордского университета, секретарь известного английского командира Столетней войны сэра Джона Фастольфа, Уильям Уорчестер (ок. 1415 – ок. 1482), составил обширные «Анналы королевства Англии» [24, с. 776]. Произведение написано на латыни и охватывает период 1324–1468 годов.

Ряд важных для нашей темы хроник возник в среде столичной элиты. Одна из них названа по имени Уильяма Грегори, мэра Лондона 1450–1451 годов. Им были описаны события 1189–1452 годов. Вторая часть произведения написана анонимным продолжателем Грегори и доведена до 1469 года [16, с. 211–214]. «Краткая латинская хроника» охватывает период до 1471 г. Сходство в изложении событий с другими лондонскими хрониками (той же «Хроникой Грегори») также говорит о её столичном происхождении [9, с. 172]. Наконец, несколько позднее, на рубеже XV–XVI веков, была создана известная «Новая хроника Англии и Франции» [15, с. 638] лондонского олддермена Роберта Фабиана (ум. 1513 г.). Повествование о битве при Сент-Олбансе можно найти и в других

хрониках, однако они содержат лишь общее описание (или просто упоминание) событий, не называя имён участников, за исключением командиров.

Помимо хроник для реконструкции биографических данных участников битвы были использованы также документы парламента, канцелярии и казначейства (*Rotuli Parliamentorum, Close Rolls, Patent Rolls, Fine Rolls*).

Результаты исследования и их об-суждение. В некоторых хрониках и других источниках приводятся сведения об общей численности армии ланкастерцев и потерях сторон. Как в большинстве подобных случаев, они не отличаются большой точностью и выглядят сильно преувеличенными. В «Хронике Грегори» сообщается о 5 тыс. чел. в войске королевы, и о гибели трёх с половиной тысяч человек [16, с. 212]. Джордж Невилль, епископ Экзетерский, канцлер Англии и участник сражения в письме папскому легату Франческо Коппини называет 3 тыс. чел., погибших на обеих сторонах [14, с. 99]. Миланский посол при французском дворе 9 марта пишет письмо, в котором он сообщает о наличии при Сент-Олбансе у герцога Сомерсета 30 тыс. всадников, отступлении графа Уорика с 4 тыс. чел. и 4,5 тыс. погибших в битве [13]. По другим данным жертвами столкновения стало 1916 чел. [8, с. 108] (это количество выделяется на фоне других большей точностью и, скорее всего, намного ближе к истине).

Даже если предположить, что с каждой стороны в битве принимали участие не десятки тысяч, а тысячи участников, нам известно лишь очень малая часть из них: в указанных источниках поименно названо 42 человека. Тем не менее изучение даже этой небольшой группы позволяет выявить особенности поведения и мотивов участия в Войнах Роз.

Сословная принадлежность участников второй битвы при Сент-Олбансе показана в таблице.

Сословная принадлежность участников второй битвы при Сент-Олбансе

Социальный статус	Ланкастеры	Йорки
Король/королева	1	1
Принц	1	-
Герцог	2	2
Епископ	-	1
Граф	4	2
Виконт	-	1
Лорды	10	3
Рыцари	6	4
Сквайры	-	3
Духовенство	1	-
Всего	25	17

Большинство известных нам участников битвы при Сент-Олбансе 1461 года – это представители высшей политической элиты Англии. Генриха VI хронисты лишь формально называют среди действующих лиц сражения. По мнению многих историков, главной причиной Войн Роз была слабость этого монарха [3, с. 179; 4, с. 49; 5, с. 19]. Обладая от природы и в результате воспитания созерцательным характером, он к тому же страдал психическим расстройством, резко проявившимся ещё в 1453 году. Вероятно, полностью оправиться от случившегося тогда и длившегося почти полтора года приступа кататонии он так и не смог. В последующие годы монарх «переходил из рук в руки» от одной партии к другой. В июне 1460 года он был взят в плен в битве при Нортгемптоне, и с тех пор находился в Лондоне под контролем йоркистов. Отправляясь на битву, граф Уорик взял Генриха VI с собой как символ легитимности власти. В битве король не принимал никакого участия, а находился в шатре под присмотром двух дворян. После отступления графа Уорика, он попал в руки ланкастерцев и воссоединился со своей семьёй – с женой и сыном.

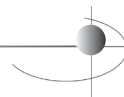
Подлинным лидером Ланкастеров в 1461 году была именно королева Маргарита Анжуйская, которая, ввиду того, что её муж – король Генрих VI находился в плену, действовала от имени своего восьмилетнего сына Эдуарда, принца Уэльского, сопровождавшего её в этом походе. Непосредственно войсками (как и в предыдущей победоносной битве при Уэйкфилде 30 декабря 1460 г.) командовал 25-летний Генри Бофор, герцог Сомерсет. Среди приверженцев Белой Розы был и Генри Холланд, герцог Экзетер, женатый на Энн, дочери герцога Йорка. Несмотря на этот факт, Генри Холланд был последовательным и верным сторонником Ланкастеров – он будет сражаться на их стороне до полного поражения в 1471 году.

Среди других представителей высшей знати с Маргаритой Анжуйской и принцем Уэльским свои отряды под Сент-Олбанс привели 4 графа и 10 лордов (именно лорды оказались самой многочисленной группой среди поименно известных участников битвы), большинство которых ранее уже доказывали свою лояльность правящей династии. В их числе упомянут Джеймс Батлер, граф Уилтшир, женатый на сестре герцога Сомерсета. О его присутствии под Сент-Олбансом сообщает только Джон Хардинг [22, с. 405]. 2 февраля граф Уилтшир командовал вместе с Джаспером Тюдором, графом Пемброком,

«валлийской» армией, идущей на соединение с основными силами Ланкастеров, при Мртимер Кросс, где был разбит Эдуардом, графом Марчем, и бежал – так что (если ему удалось проскользнуть на север с малым окружением) его появление через две недели рядом с Маргаритой Анжуйской выглядит маловероятным, но не невозможным. С королевой также были Томас Кортни, граф Девон (двоюродный брат по материнской линии герцога Сомерсета), Генри Перси, граф Нортамберленд (он, в свою очередь, являлся двоюродным братом по материнской линии графа Уорика) и Джон Тэлбот, граф Шрусбери, которому исполнилось лишь 12 лет. В прошлом году в битве при Нортгемптоне, сражаясь на стороне Генриха VI, погиб его отец – тоже Джон Тэлбот. После битвы при Сент-Олбансе Джон Тэлбот был посвящён в рыцари.

Многие лорды-ланкастерцы к 1461 году тоже являлись активными участниками Войн Роз. Лорд Джон Клиффорд пришёл с Маргаритой Анжуйской из-под Уэйкфилда, где прославился своей жестокостью. Лорд Генри ФицХью сражался на стороне короля с 1459 года, хотя был женат на Элис, сестре графа Уорика. Лорд Роберт Хангерфорд в 1460 году вместе с лордом Скэйлзом удерживал Тауэр против йоркистов, в дальнейшем он также верно будет поддерживать Ланкастеров (уже после их свержения), за что поплатится жизнью. Тут мы вновь видим близкие родственные и матримониальные связи: сын лорда Хангерфорда, сэра Томаса Хангерфорда, состоял в браке с Энн, дочерью графа Нортамберленда. Лорд Ральф Грейсток был женат на сестре лорда Генри ФицХью и являлся одним из «северных» лордов, он перейдёт на сторону Йорков к 1464 году (будет сражаться на их стороне при Эксеме). Лорд Генри Грей Кондор, раньше не участвовал в баталиях Войн Роз ни на одной из сторон, он примирится с Йорками после 1471 года (когда ветвь Ланкастеров окончательно пресечется) и станет членом Королевского Совета в 1473 году. Лорд Томас Рус поддерживал Ланкастеров с 1455 года и до своей смерти в 1464 году. Также в битве при Сент-Олбансе на стороне королевы сражались лорд Лионель Уэллс (женатый на Маргарет Бошам, вдове первого герцога Сомерсета, матери Маргарет Бофор, до этого не принимавший участия в сражениях ни на одной из сторон), его сын Ричард Уэллс, лорд Уиллоуби, лорд Ричард Вудвилль и его сын Энтони, лорд Скэйлз.

В армии йоркистов хроники называют восемь представителей нобилитета. Как от-

мечалось выше, командовал ими Ричард Невилль, граф Уорик. Джон Моубрэй, герцог Норфолк, считался сторонником герцога Йорка по крайней мере с 1450 года [17, с. 184], по материнской линии был кузеном графа Уорика, но до сих пор не оказывал им прямой военной поддержки. Джон де ла Поль, герцог Саффолк, был сыном убитого в 1450 году Уильяма де ла Поля, врага герцога Йорка; тем не менее в 1458 году он женился на дочери герцога Элизабет и в 1461 году поддержал родственников своей жены. На сестре графа Уорика был женат Уильям ФицАлан, граф Эрандел, но это не помешало ему в 1459 году выступить против герцога Йорка и графа Солсбери (своего зятя), поддержав Генриха VI – за это он был вознаграждён должностью хранителя лесов к югу от Трента. С 1461 года граф Эрандел стал верным йоркистом. Мужем сестры герцога Йорка, Изабеллы, был виконт Генри Буршьё, лорд-казначей, который и раньше открыто выступал на его стороне.

С графом Уориком при Сент-Олбансе был лорд Уильям Бонвиль. Менее двух месяцев назад в битве при Уэйкфилде погиб его сын, также сражавшийся на стороне герцога Йорка. Лорд Бонвиль не принимал непосредственного участия в сражении, он охранял Генриха VI и вместе с ним оказался в лагере Маргариты Анжуйской. После битвы он был казнён по приказу принца Уэльского. В плену также оказался, но выжил, Джон Буршьё, лорд Бернерс – в 1459 году он уже был лишён прав за поддержку герцога Йорка (в 1460 г. восстановлен в правах). «Краткая латинская хроника» называет в числе йоркистов лорда де ла Вара – Ричарда Уэста [9, с. 172]; в других источниках его имя не фигурирует, поэтому можно предположить, что это ошибка. Ричард Уэст был последовательным сторонником Ланкастеров, сражался на их стороне с 1459 года, принимал участие в разгроме герцога Йорка при Уэйкфилде менее двух месяцев назад – вряд ли после этой победы он неожиданно решил бы перейти в лагерь врага.

В битве при Сент-Олбансе присутствовали два представителя духовенства, имена которых нам известны. Оба они были видными людьми, сыгравшими определённую роль в событиях Войн Роз. Одним из них был Джордж Невилль, епископ Экзетерский, брат графа Уорика (выше приводились сведения о жертвах битвы из его письма папскому легату); другим – Джон Мортон, приближённый королевы Маргариты Анжуйской, в будущем епископ Илийский и архиепископ Кентерберийский. Об их роли в сражении хроники

умалчивают, скорее всего, они сопровождали лидеров враждующих армий в силу своих личных связей.

Среди участников битвы упомянуто 13 представителей среднего и низшего дворянства – рыцарей и сквайров. Одной из наиболее заметных фигур среди них был сэр Джон Фортескью, главный судья Суда Королевской Скамьи. Его младший брат, сэр Ричард Фортескью, погиб в первой битве при Сент-Олбансе 1455 года, сражаясь на стороне Генриха VI [21, с. 661]. Сам Джон Фортескью не участвовал в предыдущих сражениях на стороне Ланкастеров (по крайней мере источники не содержат таких сведений), но активно поддерживал их, в частности, именно он был одним из авторов обвинительных статей «Парламента дьяволов» 1459 года. В рядах ланкастерцев сражался сэр Уильям Тэйлбойс из Линкольншира, зять лорда Бонвиля, казнённого после битвы, как было указано выше. Сэр Уильям Тэйлбойс будет сражаться на стороне Ланкастеров даже после их свержения, попадёт в плен и будет казнён в 1464 году. Аую Розу поддержал и сэр Уильям Трешэм из Нортгемптоншира, хотя его отец (тоже Уильям Трешэм) был убит в 1450 году людьми лорда Грея Ратина за попытку присоединиться к герцогу Йорку [19, с. 211]. Несмотря на это, в первой битве при Сент-Олбансе сэр Уильям, будучи по должности привратником Королевской Палаты, уже сражался против йоркистов. В 1451 году и в 1457–1458 годах он был шерифом Кэمبرиджшира и Хантингдогшира [10, с. 251; 11, с. 204], в 1458–1459 годах – шерифом Сарри и Сассекса [10, с. 221], в 1459 году – спикером Палаты Общин. Как и Уильям Трешем, уже в первой битве при Сент-Олбансе (и затем в битве при Уэйкфилде) права Ланкастеров защищал сэр Ричард Танстолл, сквайр-телохранитель короля в 1452–1455 годах [12, с. 18], мастер королевского монетного двора в 1459 году [11, с. 229]. Роберт Уитинхэм из Бакингемшира был шерифом Бакингемшира и Бедфордшира в 1451 году [10, с. 171], членом Королевского Совета в 1452–1453 годах [6, с. 159], главным сборщиком рент принца Уэльского в 1456 году [12, с. 323] и хранителем гардероба королевы с 1458 года [12, с. 429] и он также поддерживал правящую династию с оружием при Уэйкфилде. Наконец, одним из командиров в армии Ланкастеров был знаменитый капитан из Кале Эндрю Троллоп. Как опытный командир он, вероятно, был советником 25-летнего герцога Сомерсета. Замечено, что герцог начал одер-

жить победы именно после перехода на сторону Ланкастеров Троллопа (Уэйкфилд, Сент-Олбанс) и потерпел поражение после гибели последнего при Таутоне [1, с. 64].

Другие дворяне были сторонниками Йорков. Одним из отрядов, на который пришлось основная атака ланкастерцев, командовал сэр Джон Невилль, брат графа Уорика, попавший в плен. В плену оказался также сэр Томас Чарлтон из Миддлсекса, в 1454 году спикер Палаты Общин, в 1455 году шериф Бэдфордшира и Бакингемшира [11, с. 144]. Оба они были оставлены в живых, в отличие от сэра Томаса Кирьела, незадолго до этого вернувшегося из французского плена, в котором он оказался после поражения английской армии в битве при Форминьи в 1450 году. 8 февраля, перед отъездом из Лондона, граф Уорик, сэр Джон Уэнлок и сэр Томас Кирьел были посвящены в рыцари Ордена Подвязки [2, с. 69]. В бою сэр Томас не участвовал, он вместе с лордом Бонвилем находился при особе Генриха VI, а затем, оказавшись с монархом в лагере ланкастерцев, был приговорён к смерти малолетним принцем [20, с. 76; 16, с. 212; 8, с. 108]. В «Парламентских Свитках» названо имя третьего казнённого – сквайра Уильяма Гауэра [19, с. 477]. Возможно, он также находился в окружении Генриха VI в тот злополучный для него день.

В сражениях Войн Роз принимали участие отряды, набираемые не только лордами или джентри, но и городами. Например, в муниципальных архивах содержатся сведения об отряде из Нориджа численностью 120 чел., командующим которым был сквайр Уильям Роквуд [23, с. 405–406].

Сэр Генри Ловелас из Кента, уже сражавшийся на стороне йоркистов в битве при Уэйкфилде, при Сент-Олбансе перешёл на сторону Ланкастеров, что, по мнению некоторых хронистов [8, с. 108], стало причиной поражения графа Уорика. Писательница и историк Элисон Уэйр называет Ловеласа одним из капитанов графа Уорика и стюардом его домохозяйства, по её данным сэр Генри попал в плен при Уэйкфилде и сумел сохранить жизнь благодаря заступничеству лорда Риверса и клятве не поднимать оружие против Ланкастеров; он прибыл на юг с армией королевы, присоединился к графу Уорику, но в разгар битвы предал его [7, с. 267].

Заключение. Если рассматривать поведение участников битвы при Сент-Олбансе с точки зрения их активности и преданности «своей партии», то можно выделить несколько социальных моделей. Наиболее

значительную группу среди них представляют те, кто в полной мере следовал рыцарскому кодексу верности и долга. Если говорить о сторонниках Ланкастеров, то как в среде знати, так и в рядах дворянства было много людей, сохранявших верность до полного пресечения династии, то есть даже после её свержения в 1461 году, причём многие из них заплатили за эту преданность собственной жизнью (герцоги Сомерсет и Эксетер, графы Уилтшир, Девон и Нортамберленд, лорды Клиффорд, Хангерфорд, Рус, Уэллс; рыцари Джон Фортескью, Уильям Тэйлбойс, Уильям Трешэм, Ричард Танстолл, Роберт Уитинхэм, священник Джон Мортон). Сходная модель поведения характерна для тех йоркистов, кто поддерживал оппозиционного герцога с самого начала Войн Роз, прежде всего представителей семей Невиллей и Буршье.

Вторая социальная модель представлена теми ланкастерцами, которые примирились с режимом Йорков после их победы (граф Шрусбери, лорды ФицХью, Грей Кондор, Уиллоугби), и йоркистами, впервые поддержавшими эту «партию» с оружием в руках (герцоги Норфолк и Саффолк, лорд Бонвиль, сэр Томас Чарлтон, сэр Томас Кирьел, Уильям Гауэр, Уильям Роквуд). Они не были яркими приверженцами той или другой стороны, возможно, занимали выжидательную позицию, однако их поведение вполне соответствует духу эпохи и не вызывает осуждения или непонимания современников.

Третью и наименьшую группу составляют те, кто перешёл на противоположную сторону. Причём учитывая, что такие факты, в отличие от действий представителей второй и даже первой группы, всегда привлекали внимание хронистов, можно с большой долей уверенности утверждать, что перед нами полный список. Причём собственно изменой источники называют лишь действия сэра Генри Ловеласа. Четверо ланкастерских лордов (граф Эрандел, лорды Грейсток, Риверс и Скэйлз) примкнули к Йоркам не во время битвы и стали (в отличие от просто «примирившихся») сражаться за них в силу своих субъективных причин, которые могут быть установлены лишь в случае Вудвиллей (брак Елизаветы и Эдуарда IV).

Имеющаяся в нашем распоряжении информация биографического характера позволяет выделить два основных (но далеко не единственных) мотива участия – родственные отношения и вассальная верность. Большинство известных нам участников сражения, особенно среди лордов, состояли в родстве

друг с другом, однако родственные и матримонические связи далеко не всегда определяли индивидуальное поведение человека (да и родственники часто были на обеих сторонах конфликта). В большей степени можно говорить о приверженности семье или роду: представители одного дома, как правило, сохраняли приверженность одной «партии».

О вассальной верности как мотиве поведения можно в большей степени говорить применительно к сторонникам династии Лан-

кастеров. Для них Генрих VI и Эдуард Уэльский являлись символами единственной законной власти, которой они присягали. Среди ланкастерцев были дворяне, служившие в королевском домохозяйстве и составлявшие ближайшее окружение монарха.

Таким образом, поведение участников второй битвы при Сент-Олбансе во многом можно считать типично «средневековым», по крайней мере, в социокультурном смысле данного термина.

Список литературы

1. Burley P., Elliott M., Watson H. The Battles of St Albans. Pen & Sword Books Ltd, 2007. 180 p.
2. Grummitt D. A Short History of the Wars of the Roses. London: I. B. Tauris & Co Ltd, 2013. XLIV. 212 p.
3. McFarlane K. B. The Nobility of Later Medieval England. Oxford: Clarendon Press, 1973. XLII. 315 p.
4. Pollard A. J. The Wars of the Roses. Basingstoke: Macmillan Education, 1988. 138 p.
5. Ross C. The Wars of the Roses. London: Thames and Hudson, 1976. 190 p.
6. Virgoe R. The composition of the King's Council, 1437–1461 // Bulletin of the Institute of Historical Research. 1970. Vol. 43. P. 134–160.
7. Weir A. Lancaster and York. The Wars of the Roses. London: Vintage Book, 2009. 480 p.

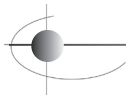
Источники

8. An English Chronicle of the reigns of Richard II, Henry IV, Henry V and Henry VI written before the year 1471 / ed. J. S. Davies. London: J. B. Nichols and sons, 1856. 252 p.
9. Brief Latin Chronicle // Three Fifteenth century Chronicles / ed. J. Gairdner. London: J. B. Nichols and sons, 1880. P. 164–185.
10. Calendar of Fine Rolls. Vol. 18 (1445–1452). London: His Majesty's Stationery Office, 1939. 399 p.
11. Calendar of Fine Rolls. Vol. 19 (1452–1461). London: His Majesty's Stationery Office, 1939. 424 p.
12. Calendar of the Patent Rolls. Henry VI. Vol. 6 (1452–1461). London: Her Britannic Majesty's Stationery Office, 1971. 1057 p.
13. Calendar of State Papers and Manuscripts in the Archives and Collections of Milan 1385–1618 [Электронный ресурс] / ed. A. B. Hinds. London, 1912. No. 71. British History Online. Режим доступа: <http://www.british-history.ac.uk/cal-state-papers/milan/1385-1618/pp37-106> (дата обращения 20.12.2016).
14. Calendar of State Papers and Manuscripts relating to English Affairs existing in the Archives and Collections of Venice and in other libraries of northern Italy. Vol. 1. (1202–1509) / ed. R. Brown. London: Longman, 1864. CLVII. 395 p.
15. Fabyan R. The New Chronicles of England and France / ed. H. Ellis. London: Longman, 1811. XXI. 828 p.
16. Gregory's Chronicle // The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century / ed. J. Gairdner. London: Nicholas and sons, 1876. No. 3. 57–239.
17. Paston Letters. London: Chatto & Winds; Exeter: James G. Commin, 1904. Vol. 2. 335 p.
18. Registra quorundam abbatum monasterii S. Albani. Vol. 1. Registrum abbatiae Johannis Whethamstede / ed. H. T. Riley. London: Langman, 1872. 480 p.
19. Rotuli Parliamentorum / ed. J. Strachey. Vol. 5 (1439–1468). London: Record Commission, 1832. 635 p.
20. Short English Chronicle // Three Fifteenth century Chronicles / ed. J. Gairdner. London: J. B. Nichols and sons, 1880. P. 1–80.
21. Stow J. Annals of England to 1603 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archive.org/details/annalsofenglandt00stow> (дата обращения 14.12.2016).
22. The Chronicle of John Hardyng and Continuation by Richard Grafton / ed. H. Ellis. London: Longman, 1812. XXI. 688 p.
23. The Records of the City of Norwich. / ed. W. Hudson and J. C. Tingey. Norwich: Jarrold, 1906. Vol. 1. CXLVI. 456 p.
24. Worcester W. Annales rerum anglicanum // The Letters and Papers illustrative of the Wars of English in France during the Reign of Henry the Sixth / ed. J. Stevenson. London: James Parker and Co., 1864. Vol. 2, Part 2. P. 743–793.

Статья поступила в редакцию 17.01.2017; принята к публикации 28.02.2017

Библиографическое описание статьи

Праздников А. Г. Социальный состав участников битвы при Сент-Олбансе 17 февраля 1461 года // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 84–91.

Andrey G. Prazdnikov,
 Candidate of History, Associate Professor,
 Vyatka State Agricultural Academy
 (133 Oktyabrsky pr., Kirov, 610017, Russia),
 e-mail: andrei-selek@mail.ru

The Social Structure of the Participants of the Battle of St. Albans (17 February, 1461)

Although the facts of the history of the Wars of the Roses have been studied in detail, their social nature is still the subject of debate. The participation of representatives of various social strata in the conflict, with the exception of the nobility has not been enough studied. In the article, the social composition of the participants of the battle of St. Albans on February 17, 1461 is considered by the method of prosopography. For the given purpose, a wide range of sources is used, there are primarily historical narratives ("An English Chronicle" by J. Davis, "Annales rerum anglicanum" by William Worcester, Registrum abbatiae Johannis Whethamstede, Gregory's Chronicle, Brief Latin Chronicle, John Hardyng's Chronicle, Fabyan's New Chronicles) as well as Rotuli Parliamentorum and documents of the Chancellery and the Treasury. The names of 42 participants of the battle were revealed in the end. They can be divided into three groups. Loyal supporters of Lancaster and York fought for them until the death or the suppression of the dynasty was the largest group. The second group was those who only once supported the "party" or resigned to its defeat. The smaller group consists of nobles and gentry sided with the enemy. Two common motives for participation were related / matrimonial and vassal ties.

Keywords: the Wars of the Roses, second battle of St. Albans, Lancaster and York, social structure of the participants

References

- Burley P., Elliott M., Watson H. The Battles of St Albans. Pen & Sword Books Ltd, 2007. 180 p.
 - Grummitt D. A Short History of the Wars of the Roses. London: I. B. Tauris & Co Ltd, 2013. XLIV. 212 p.
 - McFarlane K. B. The Nobility of Later Medieval England. Oxford: Clarendon Press, 1973. XLII. 315 p.
 - Pollard A. J. The Wars of the Roses. Basingstoke: Macmillan Education, 1988. 138 p.
 - Ross C. The Wars of the Roses. London: Thames and Hudson, 1976. 190 p.
 - Virgoe R. The composition of the King's Council, 1437–1461 // Bulletin of the Institute of Historical Research. 1970. Vol. 43. P. 134–160.
 - Weir A. Lancaster and York. The Wars of the Roses. London: Vintage Book, 2009. 480 p.
- Istochniki**
- An English Chronicle of the reigns of Richard II, Henry IV, Henry V and Henry VI written before the year 1471 / ed. J. S. Davies. London: J. B. Nichols and sons, 1856. 252 p.
 - Brief Latin Chronicle // Three Fifteenth century Chronicles / ed. J. Gairdner. London: J. B. Nichols and sons, 1880. P. 164–185.
 - Calendar of Fine Rolls. Vol. 18 (1445–1452). London: His Majesty's Stationery Office, 1939. 399 p.
 - Calendar of Fine Rolls. Vol. 19 (1452–1461). London: His Majesty's Stationery Office, 1939. 424 p.
 - Calendar of the Patent Rolls. Henry VI. Vol. 6 (1452–1461). London: Her Britannic Majesty's Stationery Office, 1971. 1057 p.
 - Calendar of State Papers and Manuscripts in the Archives and Collections of Milan 1385–1618 [Электронный ресурс] / ed. A. B. Hinds. London, 1912. No. 71. British History Online. Режим доступа: <http://www.british-history.ac.uk/cal-state-papers/milan/1385-1618/pp37-106> (дата обращения 20.12.2016).
 - Calendar of State Papers and Manuscripts relating to English Affairs existing in the Archives and Collections of Venice and in other libraries of northern Italy. Vol. 1. (1202–1509) / ed. R. Brown. London: Longman, 1864. CLVII. 395 p.
 - Fabyan R. The New Chronicles of England and France / ed. H. Ellis. London: Longman, 1811. XXI. 828 p.
 - Gregory's Chronicle // The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century / ed. J. Gairdner. London: Nicholas and sons, 1876. No. 3. 57–239.
 - Paston Letters. London: Chatto & Winds; Exeter: James G. Commin, 1904. Vol. 2. 335 p.
 - Registra quorundam abbatum monasterii S. Albani. Vol. 1. Registrum abbatiae Johannis Whethamstede / ed. H. T. Riley. London: Langman, 1872. 480 p.
 - Rotuli Parliamentorum / ed. J. Strachey. Vol. 5 (1439–1468). London: Record Commission, 1832. 635 p.
 - Short English Chronicle // Three Fifteenth century Chronicles / ed. J. Gairdner. London: J. B. Nichols and sons, 1880. P. 1–80.
 - Stow J. Annals of England to 1603 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archive.org/details/annalsofenglandt00stow> (дата обращения 14.12.2016).
 - The Chronicle of John Hardyng and Continuation by Richard Grafton / ed. H. Ellis. London: Longman, 1812. XXI. 688 p.
 - The Records of the City of Norwich. / ed. W. Hudson and J. C. Tingey. Norwich: Jarrold, 1906. Vol. 1. CXLVI. 456 p.

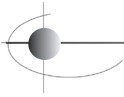

24. Worcester W. Annales rerum anglicanum // The Letters and Papers illustrative of the Wars of English in France during the Reign of Henry the Sixth / ed. J. Stevenson. London: James Parker and Co., 1864. Vol. 2., Part 2. P. 743–793.

Received: January 17, 2017; accepted for publication February 28, 2017

Reference to the article

Prazdnikov A. G. The Social Structure of the Participants of the Battle of St. Albans (17 February, 1461) // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 84–91.

УДК 94(571.54)

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-92-98

Евгений Владимирович Семенов,

*кандидат исторических наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный институт культуры
(670031, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1),
e-mail: sew11@mail.ru*

Польские политические ссыльные в Чите в 60–70-е годы XIX века

Вопросы участия польских политических ссыльных в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX века не нашли своего отражения в отечественной и зарубежной научной литературе. О многих направлениях деятельности поляков до сих пор мы имеем лишь общее представление. Автор, опираясь на широкий круг источников, характеризует хозяйственную деятельность польских ссыльных в Чите в 60–70 годы XIX века. Основной источниковой базой исследования выступили архивные документы региональных архивов и мемуарное наследие польских ссыльных. Большая часть документов впервые вводится в научный оборот. Поляки, выходя на поселение, приложили свои знания, умения и навыки во многих областях хозяйства Забайкалья. Наиболее активно польские ссыльные работали в кузнечном, слесарном, столярном, кондитерском, мыловаренном производстве. Местное купечество охотно принимало на работу польских ссыльных в торговые и золотопромышленные компании. Польские политические ссыльные, находившиеся на поселении в Забайкалье во второй половине XIX века, внесли свой вклад в развитие хозяйства региона, что подтверждается комплексом архивных материалов. Благодаря польским ссыльным в Забайкалье были введены новые отрасли производства и обслуживания населения, такие, как кондитерское производство и гостиничное обслуживание.

Ключевые слова: польские политические ссыльные, хозяйственная деятельность, Забайкальская область, Чита, политическая ссылка, золотопромышленность

Вводная часть. Вопросы изучения вовлечённости польских политических ссыльных в хозяйственную деятельность Забайкалья во второй половине XIX века до настоящего времени не нашли своего отражения в отечественной и зарубежной литературе и продолжают оставаться открытыми.

В сибирской историографии рассматриваемого в настоящей статье вопроса нет ни одного полного исследования, посвящённого данной теме. Отечественные историки второй половины XX века основное внимание уделяли изучению революционной деятельности польских политических ссыльных, а также условиям отбывания польскими политическими ссыльными каторжных работ. Таким образом, вопросы поселения и хозяйственной деятельности польских ссыльных на территории Забайкалья оставались вне поля их внимания и продолжают оставаться актуальными.

Некоторые вопросы участия польских ссыльных в хозяйственной жизни Забайкалья рассматривали польские исследователи, но из-за недостатка фактографического материала это удавалось им не в полной мере [15; 16; 17; 20]. Исключение оставляет работа Ф. Новиньского, характеризующая каторгу

и поселение поляков в Забайкалье в первой половине XIX века [18].

Методология и методы исследования. Данная работа строится на анализе архивного материала Государственного архива Забайкальского края, Государственного архива Республики Бурятия [10] и источников мемуарного наследия польских ссыльных [19], содержащих основной объём фактического материала по участию польских ссыльных в хозяйственной жизни Забайкалья. Основные трудности при изучении данного вопроса представляет до конца не определённое количество польских ссыльных, находившихся на поселении в Забайкалье в рассматриваемый период, а также его социальный состав.

Результаты исследования. Участники польского национально-освободительного восстания 1863–1864 годов, арестованные и осуждённые по решениям военных судов, стали прибывать в Забайкалье уже в конце 1864 года. Сроки каторжных работ варьировались от 4 лет до бессрочного пребывания на каторге. Основными местами каторжных работ для польских политических ссыльных на территории Забайкалья становятся во второй половине XIX века Петровский желе-

зоделательный завод, золотые прииски на р. Кара, горные заводы Нерчинского горного округа, а также верфь по строительству барж в деревне Сивяково.

Амнистия 16 апреля 1866 года привела к сокращению каторги у некоторых категорий ссыльных, а те, кто имел незначительные сроки наказания, получили право освобождения от каторги и перевода на поселение [20]. Последующие амнистии, состоявшиеся 25 мая 1868 года и 13 мая 1871 года, сокращали сроки каторжных работ для других категорий ссыльных и переводили большую часть ссыльных в разряд государственных поселян [32, с. 564].

Основными местами поселения польских ссыльных становятся Иркутская губерния и Забайкальская область. В Забайкальской области предполагалось переводить польских ссыльных в Верхнеудинский и Читинский округа и размещать в деревнях русских крестьян.

Большая часть польских ссыльных, получив назначение в сёла и деревни Забайкалья, не могла в полной мере приспособиться к ведению сельского хозяйства, тем более, что климатические и социальные условия для большинства поляков были непривычными. Как правило, польские ссыльные стремились найти заработок в более крупных населённых пунктах. Прибыв на место причисления, польские ссыльные старались сразу же получить увольнительный билет на проживание в Чите, Верхнеудинске, Троицкосавске или Нерчинске.

Наиболее предпочтительным местом поселения, несомненно, являлась Чита, ставшая в 1851 году областной столицей и являвшаяся наиболее активно развивающимся экономическим центром Забайкальской области [8, с. 43–44]. Ещё в октябре 1865 года Витольд Марчевский, староста польских ссыльных, размещённых в Сивяково и получивших право на проживание вне тюремного помещения, обращался к властям с просьбой позволить ссыльным проживать на Читинском острове, что дало бы им возможность «заводить мастерские разным ремеслам, которые в будущем развиваться в обширнейшие размеры соответственно успеха и капитала могли бы даже содействовать развитию самого города» [30, л. 31]. Просьба ссыльных была удовлетворена местной администрацией и в начале ноября 1865 года 39 ссыльных поляков смогли обосноваться на Читинском острове [30, л. 35].

Обсуждение результатов исследования. Постепенно увеличивавшееся население города характеризовалось своей

разнородностью, полиэтничностью и поликонфессиональностью [7, с. 39]. Занимали в числе горожан своё место и поляки, не только ссыльные, но и добровольно прибывшие на службу [19, с. 93].

Газета «Восточное обозрение» давала следующую характеристику сибирскому городу, вполне справедливым данное утверждение можно считать и в отношении Читы второй половины XIX века: «Население сибирского города чрезвычайно пестрое и подвижное, здесь можно встретить представителей всех народцев, живущих в России, начиная с какого-нибудь жмудина, появившегося на свет божий в литовских трущобах, и кончая евреем из Бердичева. Одни приезжают, другие отъезжают. Одни являются добровольно, другие в качестве ссыльных. Главная движущая масса города состоит, конечно, из ссыльных» [5, с. 10].

Несмотря на то, что город долгое время сохранял черты, характерные для сельского поселения, уже в 60-е годы XIX века происходило постепенное увеличение количества ремесленных мастерских. В основном это были небольшие свечные, мыловаренные, стекольные, кожевенные предприятия, организованные мещанами и купцами. В связи с большим объёмом городского строительства многие купцы содержали лесопильные заводы [6, с. 102; 7, с. 42–43].

Как сообщала газета «Восточное обозрение»: «Ремесленное сословие в Сибири чуть ли не до последнего времени вербовалось из ссыльных и их детей» [2, с. 14]. Это наблюдение также имело отношение и к ссыльным полякам. Прибывая из более развитой в промышленном отношении части империи, многие ссыльные обладали навыками и умениями, во многом ещё неизвестными в Забайкалье. В прошениях, направленных на имя Читинского окружного исправника, польские ссыльные просили разрешить им проживание в Чите, мотивируя свои просьбы тем, что их профессии не позволяют им найти заработок в деревне.

Амнистия 13 мая 1871 года освобождала от наказания практически всех участников польского национально-освободительного восстания 1864–1865 годов и позволяла им сменить место жительства [27].

Результатом амнистии становится массовое стремление польских ссыльных переехать в крупные населённые пункты. Таким местом становится областная столица, притягивавшая польских ссыльных возможностью найти подходящее место работы и, со-

ответственно, улучшить своё материальное положение [25].

В начале 1870-х годов многие польские ссыльные уже основательно обосновались в Чите, имели здесь свои небольшие мастерские, приобретали дома и заключили браки с местными женщинами. В рассматриваемый период в Чите также проживали поляки, сосланные в Сибирь за участие в национально-освободительном движении середины XIX века. В частности, помощь ссыльным оказывал Франц Вардынский, польский ссыльный середины XIX века, прошедший к тому времени каторжные работы в Нерчинском горном округе, вышедший на поселение и обзаведшийся собственным домом в Чите¹ [21, с. 654; 18, с. 354–355; 27, л. 50].

9 августа 1874 года польский ссыльный Войцех Бушинский обращался с прошением к Читинскому окружному исправнику о причислении его на жительство в Читю. В своём прошении ссыльный сообщал, что уже к этому времени открыл в городе мастерскую, в которой занимается кузнечным, столярным, экипажным и бондарным ремеслом. По свидетельству Читинского полицмейстера Бушинский «ведет себя прилично, заказы исполняет добросовестно» [26]. Ранее он сообщал в одном из своих прошений, что «знает ремесло ремонта часов и резки печатей» [28, л. 28].

Продукция слесарного мастерства была наиболее востребована горожанами и сельскими жителями, приезжавшими в Читю, и потому специалисты в этой области легко могли найти себе заработок в городе. 12 июня 1874 года польский ссыльный Игнатий Костарский сообщал, что занимается медным и кузнечным ремеслом [28, л. 77].

В связи с массовым строительством общественных и жилых зданий в городе были востребованы специальности плотников и столяров. Польские политические ссыльные, владевшие этими ремёслами, могли рассчитывать на то, что им сравнительно легко можно будет найти работу в этой сфере. В сведениях о своих занятиях в Чите в начале 1870-х годов польские ссыльные Иосиф Олтаржевский и Иосиф Качинский сообщали, что основным их занятием является плотническое и столярное ремесло [22, л. 2; 28, л. 34].

Одним из слабо развитых направлений экономики Забайкалья в XIX веке являлось выпекание хлеба на продажу и изготовление

кондитерских изделий. Хлеб, как правило, выпекался местными жителями для собственных нужд. Некоторые польские ссыльные стали выпекать хлебобулочные изделия для продажи, не ограничиваясь изготовлением традиционного хлеба, стали готовить кондитерские изделия [17, с. 184–185]. В Чите одним из первых хлебопёков стал Эустахий Врублевский, организовавший выпекание хлеба для продажи на местном рынке [28, л. 54]. Только в конце XIX века продажа хлеба станет массовым явлением и в Чите появится большое количество булочных и кондитерских [1, с. 85]. Для приобретения продуктов растениеводства для своего производства из Читы выезжал Эдмунд Жолондковский, в связи с чем обращался к Читинскому исправнику для получения увольнительного билета [28, л. 118].

Практически не было развито сапожное ремесло, в 1850-е годы в городе было всего 3 сапожника и 1 портной [7, с. 40]. Востребованность в продукции сапожников возрастала с увеличением численности населения. В этой области нашли заработок Максимилиан Бискупский [28, л. 115] и Фома Завистовский [24, л. 69].

Одним из самых распространённых хозяйственных занятий ссыльных поляков в Сибири в XIX веке являлось изготовление свечей и мыловарение. Эти отрасли позволяли при сравнительно небольшом вложении первоначального капитала, несложных приспособлений и элементарных навыков обеспечить себе средства для пропитания [18, с. 268–269]. В 1874 году собственный мыловаренный завод имел в Чите Максимилиан Бартодзейский [28, л. 24].

Не всем польским ссыльным удавалось надолго остаться в Чите и заниматься своим ремеслом. В апреле 1873 года из Читы были выселены проживавшие в городе Леопольд Дорох и Игнатий Гродский. Здесь они занимались изготовлением глиняной посуды. Но по решению Читинского полицмейстера были выдворены за пределы города «в предостережение пожаров» [28, л. 54]. Какова же была истинная причина отправления ссыльных в места их причисления, остаётся загадкой, тем более, что большая часть ссыльных поляков сравнительно легко получала разрешение на проживание в городе.

Некоторые польские ссыльные напротив, прожив в Чите некоторое время, решали переехать в сельскую местность, где надеялись улучшить своё материальное положение. Якуб Михаловский 1 февраля 1874 года просил о переводе из Читы в Читинский округ, так

¹ Тимофеева М. Ю. Участники польского национально-освободительного движения в забайкальской ссылке (1830-1850 годы): библиогр. справ. материалы к «Энциклопедии Забайкалья». – Чита: ЗабГПУ, 2001. – Вып. 8. – С. 25.

как слесарное мастерство, которым он там занимался, не приносит дохода [28, л. 113].

Зачастую польские ссыльные находили заработок у местных купцов, охотно принимавших их на работу и доверявших заниматься не только торговыми операциями, но и поручавших серьёзные торговые операции. По сообщению все той же газеты «Восточное обозрение» «другие (польские ссыльные – Е. С.) занимаются в купеческих конторах. Это едва ли не самое выгодное занятие; оно даёт довольно порядочное вознаграждение» [4, с. 8].

Согласно документам Государственного архива Забайкальского края, одним из купцов Читы, наиболее благожелательно относившихся к польским ссыльным и охотно принимавших их на работу на свои предприятия, был купец второй гильдии Викентий Слуцкий. Слуцкий содержал в Чите кузницу, столярную и малярную мастерские, занимался золотопромышленностью, а также имел арендные дачи в пригороде [7, с. 47].

В 1874 году на лесопильном заводе В. Слуцкого работали Блажей Олесинский [28, л. 75] и Франц Сандовский [28, л. 136]. Купец также принимал на работу польских ссыльных, владевших другими профессиями, так, Губерт Лещинский в Чите работал у него кузнецом [28, л. 117], а Осип Можейко [28, л. 135] и Казимир Краковинский – плотниками [28, л. 12].

Нанимали на работу польских политических ссыльных и другие читинские купцы. Купец Лейбин даже приглашал политических ссыльных, находившихся на поселении в Иркутской губернии, у него нашёл работу Иван Шеткевич, находившийся на причислении в Братской волости Нижнеудинского округа Иркутской губернии [28, л. 16, 111]. У купца Матвея Лебедева нашёл работу Аугас Каэтан [28, л. 31]. Высоко ценилась честность и добропорядочность, трезвость и грамотность, характеризовавшая многих польских политических ссыльных [14, с. 257].

19 мая 1877 года польский ссыльный Феликс Заремба, получивший все прежние сословные права потомственного дворянства, занялся в Чите постройкой пивоваренного завода [29].

Одной из наиболее оплачиваемых отраслей экономики Забайкалья в рассматриваемый период являлась золотопромышленность [9, с. 69–70; 12]. В этой отрасли поляки получали наибольший доход и стремились найти место при золотых приисках, а по возможности и сами старались заняться золотопромышленностью [13, с. 255].

Польский политический ссыльный Станислав Бахалович в 1872 году нашёл рабо-

ту на Благовещенском золотом промысле Ононской золотопромышленной компании известных забайкальских купцов-предпринимателей братьев Сабашниковых [27, л. 65]. В следующем, 1873 году, его нанял на работу поверенным своих коммерческих дел и управляющим золотыми приисками, расположенными на Олёкминской системе Якутской области, упоминавшийся ранее читинский купец В. Слуцкий [27, л. 99]. Читинский купец Матвей Лебедев принял на работу польских политических ссыльных Фердинанда Беньковского и Ивана Мысловского, которые в апреле 1874 года были командированы на работы на Троицко-Ильинском прииске [28, л. 79, 81].

Город предоставлял польским ссыльным ряд возможностей не только для заработка и достойной жизни, но также способствовал интеграции поляков. Одним из важных элементов интеграции поляков в XIX веке в Забайкалье выступала католическая церковь.

В сентябре 1878 года в Чите состоялось освящение построенного католического храма, что явилось также одним из стимулов переселения польских ссыльных именно в столицу области [11, с. 84].

В 1880 году в Забайкальской области по сведениям «Восточного обозрения», почерпнутым, в свою очередь, из официальных отчётов Забайкальского областного правления, на поселении находилось 224 польских политических ссыльных. К этому времени большая часть польских ссыльных была освобождена от каторжных работ, исключение составляли участники восстания на строительстве Кругобайкальского тракта 1866 года, и находилась на поселении.

Как отмечает та же газета: «Быт этих ссыльных весьма удовлетворителен и обеспечен. Все они занимаются ремеслом или частью находятся на службе на золотых промыслах» [3, с. 6].

Заключение. Амнистия 15 мая 1883 года по случаю восшествия на престол императора Александра III освобождала всех политических ссыльных от наказания и позволяла им возвратиться на родину [33, с. 234–244]. Большая часть поляков поспешила воспользоваться этим правом и покинула Сибирь. В Забайкалье оставались те, кто обзавёлся здесь семьёй и хозяйством и решил окончательно связать свою судьбу в этом крае. Вклад поляков в развитие экономики Забайкалья, особенно в неизвестных до этого отраслях, был отмечен и высоко оценен современниками.

Список литературы

1. Боярышникова И. А. Чита как экономический центр Забайкалья начала XX в. // Чита историческая. Чита, 2009. С. 85–89.
2. Восточное обозрение. 1882. № 15. 8 июля.
3. Восточное обозрение. 1882. № 17. 22 июля.
4. Восточное обозрение. 1882. № 38. 16 дек.
5. Восточное обозрение. 1884. № 2. 12 янв.
6. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 248 с.
7. Казакова Т. П. Младший из русских городов // Чита историческая: сб. науч. ст. Чита, 2009. С. 39–52.
8. Мерцалов В. И. Город Чита: возникновение и развитие (1851–1895 гг.) // Развитие городских поселений Байкальской Азии: материалы III Межрегиональной науч.-практ. конф., посвящ. 345-летию г. Улан-Удэ (г. Улан-Удэ, 15–16 дек. 2011 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. С. 38–50.
9. Очерки истории Восточного Забайкалья. Читинская область: в 2 т. Т. 1 / М-во образования и науки РФ; Администрация Читинской обл.; БГУЭП; ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского; ЧИБГУЭП; гл. ред. И. И. Кириллов. Чита: Экспресс-изд-во, 2007. 172 с.
10. Польские политические ссыльные в Бурятии (1847–1919 гг.): сб. документов ГАРБ. Улан-Удэ: ВСГИК, 2016. 416 с.
11. Семенов Е. В. Католическая церковь в Забайкалье (1838–1930 гг.): очерк истории. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2009. 160 с.
12. Семенов Е. В. Участие польских политических ссыльных в разработке золотых месторождений на территории Западного Забайкалья в 1870–1880 гг. // Вестник БГУ. 2012. № 7. С. 51–56.
13. Целищева В. Н. Вклад поляков в экономическое развитие Забайкалья в конце XIX – начале XX вв. (поляки-золотопромышленники) // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов междунар. науч. конф. Иркутск, 2001. С. 253–256.
14. Швец Е. Г. Поляки-предприниматели в Забайкальской области // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов междунар. науч. конф. Иркутск, 2001. С. 256–259.
15. Brus A., Kaczyńska E., Śliwowska W. Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach Polaków 1815–1914. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992. 438 p.
16. Janik M. Dzieje Polaków na Syberii. Kraków, 1928. 472 p.
17. Librowicz Z. Polacy w Syberii. Kraków, 1884. 380 p.
18. Nowiński F. Polacy na Syberii Wschodniej. Zesłańcy polityczni w okresie międzypowstaniowym. Gdańsk, 1995. 434 p.
19. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930. 623 p.
20. Skok H. Polacy nad Bajkałem. 1863–1883. Warszawa, 1974. 335 p.
21. Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny. Warszawa, 1998. 835 p.

Источники

22. ГАЗК. (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 977.
23. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 1877.
24. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 6897.
25. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 7742.
26. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 7801.
27. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 7817.
28. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 7973.
29. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 13000.
30. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (п). Д. 121.
31. Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. XLIII. Отделение 1. 1868. СПб., 1873. 939 с.
32. Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. XLXI. 1871. СПб., 1874. 968 с.
33. Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр. Т. III. 1883. СПб., 1886. 501 с.

Статья поступила в редакцию 20.12.2016; принята к публикации 28.01.2017

Библиографическое описание статьи

Семенов Е. В. Польские политические ссыльные в Чите в 60–70-е годы XIX века // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 92–98. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-92–98.

Evgeniy V. Semenov,
 Candidate of History, Associate Professor,
 East-Siberian State Institute of Culture
 (1 Tereshkovoy st., Ulan-Ude, 670031, Russia),
 e-mail: sew11@mail.ru

Polish Political Exiles to Chita in the 1860s–1870s

The issues of participation of the Polish political exiles in economic and cultural life of Transbaikalia in the second half of the 19th century did not find the reflection in domestic and foreign scientific literature. Up to now there has been only a general conception of ample activities of the Poles. The author relying on a wide range of sources characterizes economic activity of the Polish exiles in Chita in the 60s and 70s of the 19th century. Archive documents of the regional archives and written memoirs of the Polish exiles served as the major source of this research. The bigger part of the documents is first introduced for the scientific use. The Poles who settled down in the region applied their knowledge and skills in many areas of economy of Transbaikalia. The Polish exiles used to work mainly in blacksmith's, metalworker's, joiner's, confectionery, and soap manufacture. The local merchants willingly used to employ the Polish exiles for the trading and gold-mining companies. The Polish political convicts who were exiled to Transbaikalia in the second half of the 19th century made a great contribution to the development of the economy of the region. That is confirmed by a multitude of archival materials. Thanks to the Polish exiles, the new for the region of Transbaikalia fields of industry and service sphere, such as candy manufacture and hotel service were actively developed.

Keywords: Polish political exiles, economic activity, Transbaikal region, Chita, political exile, gold mining

References

1. Boyaryshnikova I. A. Chita kak ekonomicheskii tsentr Zabaikal'ya nachala XX v. // Chita istoricheskaya. Chita, 2009. S. 85–89.
2. Vostochnoe obozrenie. 1882. № 15. 8 iyulya.
3. Vostochnoe obozrenie. 1882. № 17. 22 iyulya.
4. Vostochnoe obozrenie. 1882. № 38. 16 dek.
5. Vostochnoe obozrenie. 1884. № 2. 12 yanv.
6. Evdokimova S. V. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie gorodov Zabaikal'ya v XVII–XIX vv. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2007. 248 s.
7. Kazakova T. P. Mladshii iz russkikh gorodov // Chita istoricheskaya: sb. nauch. st. Chita, 2009. S. 39–52.
8. Mertsalov V. I. Gorod Chita: vozniknovenie i razvitie (1851–1895 gg.) // Razvitie gorodskikh poselenii Baikalskoi Azii: materialy III Mezhhregional'noi nauch.-prakt. konf., posvyashch. 345-letiyu g. Ulan-Ude (g. Ulan-Ude, 15–16 dek. 2011 g.). Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2012. S. 38–50.
9. Ocherki istorii Vostochnogo Zabaikal'ya. Chitinskaya oblast': v 2 t. T. 1 / M-vo obrazovaniya i nauki RF; Administratsiya Chitinskoi obl.; BGUEP; ZabGGPU im. N. G. Chernyshevskogo; ChIBGUEP; gl. red. I. I. Kirillov. Chita: Ekspress-izd-vo, 2007. 172 s.
10. Pol'skie politicheskie ssyl'nye v Buryatii (1847–1919 gg.): sb. dokumentov GARB. Ulan-Ude: VSGIK, 2016. 416 s.
11. Semenov E. V. Katolicheskaya tserkov' v Zabaikal'e (1838–1930 gg.): ocherk istorii. Ulan-Ude: VSGAKI, 2009. 160 s.
12. Semenov E. V. Uchastie pol'skikh politicheskikh ssyl'nykh v razrabotke zolotykh mestorozhdenii na territorii Zapadnogo Zabaikal'ya v 1870–1880 gg. // Vestnik BGU. 2012. № 7. S. 51–56.
13. Tselishcheva V. N. Vklad polyakov v ekonomicheskoe razvitie Zabaikal'ya v kontse XIX – nachale XX vv. (polyaki-zolotopromyshlenniki) // Sibirsko-pol'skaya istoriya i sovremennost': aktual'nye voprosy: sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. Irkutsk, 2001. S. 253–256.
14. Shvets E. G. Polyaki-predprinimateli v Zabaikal'skoi oblasti // Sibirsko-pol'skaya istoriya i sovremennost': aktual'nye voprosy: sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. Irkutsk, 2001. S. 256–259.
15. Brus A., Kaczyńska E., Śliwowska W. Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach Polaków 1815–1914. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992. 438 p.
16. Janik M. Dzieje Polaków na Syberii. Kraków, 1928. 472 p.
17. Librowicz Z. Polacy w Syberii. Kraków, 1884. 380 p.
18. Nowiński F. Polacy na Syberii Wschodniej. Zesłańcy polityczni w okresie międzypowstaniowym. Gdańsk, 1995. 434 p.
19. Pamiętnik dra Benedykta Dybrowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930. 623 p.
20. Skok H. Polacy nad Bajkałem. 1863–1883. Warszawa, 1974. 335 p.
21. Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny. Warszawa, 1998. 835 p.
22. Istochniki
22. GAZK (Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraja). F. 1. Op. 1 (o). D. 977.

23. GAZK. F. 1. Op. 1 (o). D. 1877.
24. GAZK. F. 1. Op. 1 (o). D. 6897.
25. GAZK. F. 1. Op. 1 (o). D. 7742.
26. GAZK. F. 1. Op. 1 (o). D. 7801.
27. GAZK. F. 1. Op. 1 (o). D. 7817.
28. GAZK. F. 1. Op. 1 (o). D. 7973.
29. GAZK. F. 1. Op. 1 (o). D. 13000.
30. GAZK. F. 1. Op. 1 (p). D. 121.
31. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. 2-e sobr. T. XLIII. Otdelenie 1. 1868. SPb., 1873. 939 s.
32. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. 2-e sobr. T. XLXI. 1871. SPb., 1874. 968 s.
33. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. 3-e sobr. T. III. 1883. SPb., 1886. 501 s.

Received: December 20, 2016; accepted for publication January 28, 2017

Reference to the article

Semenov E. V. Polish Political Exiles to Chita in the 1860s-1870s // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 92–98. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-92-99.

УДК 94:27(571.55)

Евгений Викторович Дроботушенко,
кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: DRZZ@yandex.ru

Закрытие православных храмов в Восточном Забайкалье в 30-е годы XX века

В статье характеризуется деятельность светских властей в Восточном Забайкалье в 30-е годы XX века. Актуальность предметного поля исследования предопределена необходимостью воссоздания как можно более полной картины существования различных религиозных учений на территории периферийного приграничного, полиэтничного и поликонфессионального региона. Автором отмечается, что научных публикаций по предметному полю исследования практически нет. Отдельные статьи, затрагивая отдельные аспекты истории православия в рассматриваемое время, не дают развёрнутой характеристики процесса закрытия православных храмов и молитвенных домов. Исследование опирается на данные источников – документы фондов Государственного архива Российской Федерации. В статье на основе статистических данных анализируется процедура закрытия соборов, церквей, молитвенных домов, оценивается правильность принятия решений органами местной и региональной власти, оговаривается наличие обжалований принятых решений со стороны религиозных сообществ. Автор делает вывод о том, что наиболее активное закрытие православных храмов и молитвенных домов в Восточном Забайкалье приходится на 30-е годы XX века. Закрывались постройки культового назначения и иных религиозных учений, но поскольку их в целом в регионе было немного, то у исследователя может сложиться ощущение того, что антирелигиозная деятельность власти была направлена, главным образом, против православной церкви. Иной вывод – это замечание о необходимости дальнейшей работы с архивными документами. Это позволит наиболее полно воссоздать картину существования православия в регионе в XX веке.

Ключевые слова: вероучение, религия, православие, религиозное сообщество, храм, верующие, Восточное Забайкалье

Вводная часть. В настоящее время на страницах средств массовой информации, в дискуссиях на круглых столах и семинарах достаточно актуальным является вопрос возвращения православной церковной собственности, той собственности, которую на сегодняшний день ещё не вернули. Отсюда интересно проанализировать процесс её конфискации в сложные годы антирелигиозной, антиправославной политики государства.

Цель исследования – выявление особенностей процесса закрытия православных храмов на территории Восточного Забайкалья как одной из составляющих антирелигиозной деятельности советской власти. Поставленная цель определила комплекс задач. Это:

анализ историографии проблемы; определение источниковой базы изучения истории православия в Восточном Забайкалье в рассматриваемое время; характеристика процесса закрытия православных храмов в регионе в 30-е годы XX века; выявление общих и отличительных черт рассматриваемых процессов для востока Забайкалья и иных территорий.

Исследование даёт новый материал для воссоздания истории православия в Восточном Забайкалье, его материалы могут использоваться в образовательной деятельности.

Данное исследование основано на использовании правовой, управленческой, религиоведческой и исторической терми-

нологий. Это такие понятия и термины, как «религиозное сообщество», «сообщество верующих», «зарегистрированная религиозная организация» и др.

Вопросы закрытия действующих построек культового назначения занимались местные органы власти – районные и городские исполнительные комитеты Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. С 1936 года с момента принятия новой Конституции СССР, а в РСФСР после принятия Основного Закона 1937 года – это Советы депутатов трудящихся. Именно они принимали решение. Однако в дальнейшем данное решение должно было найти утверждение в органах власти на уровне региона. Это исполнительные комитеты краёв, областей, автономных республик РСФСР. Окончательное решение вопроса в границах РСФСР оставалось за высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом – Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом. В реальности же, как показывают архивные источники, если жалоб с мест не поступало, то всё ограничивалось решением региональных органов исполнительной власти.

В первой половине – середине 30-х годов XX века территория Восточного Забайкалья в административном плане относилась к созданному Постановлением ВЦИК от 30 июля 1930 года Восточно-Сибирскому краю. Ему переданы два административных округа от Дальневосточного края: Читинский и Сретенский.

В 1937 году образована самостоятельная Читинская область, которая как самостоятельная территориальная единица просуществовала до 2008 года. В ходе ряда реформ от неё были отделены в пользу соседних субъектов РСФСР несколько районов, однако произойдёт это позже рассматриваемых событий.

Хронологические рамки, исходя из сказанного, очевидны. Они predeterminedены, с одной стороны, вхождением территории Восточного Забайкалья в состав новой административной единицы РСФСР, с другой – началом Великой Отечественной войны. Таким образом, рассматриваемое десятилетие позволяет в сравнении с иными хронологическими отрезками выделить особенные черты в развитии религиозно-государственных отношений в Восточном Забайкалье.

Историография вопроса показывает нам, что Восточное Забайкалье во многом осталось в разрезе рассматриваемой проблематики за пределом научного интереса иссле-

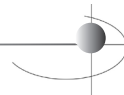
дователей. Существуют единичные публикации, которые рассматривают не все аспекты и не всегда используют при анализе большой объём фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), а именно они являются основными при воссоздании наиболее полной картины истории православия в регионе в XX веке. Названные публикации ограничиваются перечнем работ двух авторов. Это Г. С. Митыпова и И. С. Цыремпилова [5; 6; 7–10].

В то же время существует определённое количество публикаций в границах предметного поля данной статьи по иным регионам РСФСР. В значительной степени данный аспект православной истории раскрыт относительно Центральной, Северной и отчасти Южной части территории страны [1; 3; 4 и др.].

Существует определённое количество публикаций по истории православия в СССР в XX веке и в 1930-е годы, в частности, на иностранных языках. За рубежом главным специалистом в тематике, пожалуй, является Д. Поспеловский, который издал в 80–90-е годы XX века ряд широко известных работ [13; 14]. Существует ряд работ и иных англоязычных авторов [11; 12 и др.]. Однако все исследования страдают одним большим минусом. Они носят обобщающий характер, а при таком подходе ряд регионов остаётся за границами научного интереса авторов. К таким регионам относится и Забайкалье.

Очевидным является недостаточность научной проработанности проблематики по Забайкалью в целом и по восточной его части, в частности. Отсюда появление данного исследования видится актуальным, а предлагаемый фактографический материал несёт в себе значительную новизну.

Источником же получения информации по рассматриваемой проблеме являются архивные документы. Это дела фондов Государственного архива Российской Федерации. Как отмечалось выше, они содержат значительный объём данных, позволяющих в значительной степени заполнить пробелы в истории православия региона. Здесь основополагающим при работе является фонд Р-5263 «Постоянная Центральная Комиссия по вопросам культов при Президиуме Центрального Исполнительного Комитета СССР, 1929–1938». Дела по теме данной статьи – это, главным образом, переписка по вопросам закрытия храмов, разная по объёму и содержанию. Это переписка религиозных обществ с Комиссией по вопросам культов, переписка Комиссии с органами власти Вос-

точно-Сибирского края. Отметим, что, практически все документы данной статьёй впервые вводятся в научный оборот.

Методология и методы исследования. В основу исследования легли основополагающие принципы исторической науки, принципы объективизма и историзма. Они позволили проанализировать факты в историческом развитии с непредвзятой точки зрения.

Вопросами закрытия православных храмов на территории Восточного Забайкалья занимались районные (РИКи) и городские исполнительные комитеты Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Окончательное решение по основной массе дел принималось Восточно-Сибирским краевым исполнительным комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Следует сказать, что закрытие соборов, церквей и молитвенных домов на территории Восточного Забайкалья имело тенденции, схожие с общегосударственными. Это частные нарушения законодательства о культурах со стороны местных властей, большое количество жалоб от верующих, окончательные решения на уровне Президиума ВЦИК РСФСР, относительно много принятых решений Центральными властями в пользу религиозных сообществ, при абсолютном большинстве решений, направленных на закрытие храмов. Названные тенденции относятся ко всему десятилетию 30-х годов XX века. Единственное изменение в том, что к началу 1940-х годов практически на нет сошло признание правоты религиозных сообществ со стороны центральных властей и постройки культового назначения закрывались местными и региональными властями без тех незначительных сложностей, что существовали ещё в начале десятилетия.

Говоря о закрытии православных храмов в рассматриваемое время, мы не упомянули монастыри. Здесь требуется пояснение. Дело в том, что к рассматриваемому периоду на территории Восточного Забайкалья не осталось действующих православных обителей. При этом нами не встречено документов об официальном закрытии монастырей в 20-е годы, существовали монастырские церкви, однако речи об обителях уже не велось. Есть документы, в которых рассматриваются вопросы закрытия храмов, которые, как мы знаем, были на территории монастырей, но речь идёт именно о церквях¹.

В 30-е годы XX века на территории Восточного Забайкалья было закрыто достаточно

много православных храмов. Основная масса закрытий сопровождалась нарушением законодательства о культурах на уровне местных властей, что приводило к появлению большого количества жалоб со стороны верующих. Следует сказать, что на основе анализа документов по закрытию ряда храмов региона можно составить представление о процедуре и особенностях процесса.

Результаты исследования. Начало процедуры закрытия храмов или молитвенных домов было разным. Закрытие могло инициироваться сообществом верующих посредством ходатайства о закрытии в органы местной власти. Ссылки на такие ходатайства в источниках имеются. Примером может служить упомянутое в одном из дел ГАРФ ходатайство о закрытии церкви в с. Мангут Кыринского района Восточно-Сибирского края². В то же время в дальнейшем поступила жалоба от верующих о закрытии данного храма, поэтому, вполне возможно, что ходатайства о закрытии от верующих и не было, оно было сфальсифицировано или в Москву ушла недостоверная информация. Можно предположить, что во многих случаях, в целом по стране, когда с мест поступала информация о закрытии церкви по инициативе верующих, на самом деле ситуация обстояла несколько иначе.

Самое начало 30-х годов XX века ознаменовано закрытием той самой, упомянутой выше, церкви с. Мангут Кыринского района Восточно-Сибирского края. Несмотря на наличие общины верующих в 35 человек, храм был закрыт в 1931 году, невзирая на жалобы верующих о неправомерных действиях властей. Буквально через два года закрыта церковь в с. Улеты Улетовского района. Здесь также не обошлось без нарушения законодательства о религиозных культурах и жалоб на решения местной власти со стороны общины верующих³.

Иной способ закрытия храма – это сбор в населённом пункте местными властями подписей за закрытие церкви или молитвенного дома. При закрытии упоминавшейся церкви в с. Улеты голоса за закрытие по населённому пункту, по мнению верующих, собирались с использованием угроз. Проведение собрания верующих не разрешили. Помимо этого было запрещено посещение района священнослужителем. Очевидно, что в Комиссию при ВЦИК РСФСР поступила жалоба от общества верующих. Несмотря на общину в

¹ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. Р-5263. – Оп. 1. – Д. 133.

² ГАРФ. – Ф. Р-5263. – Оп. 1. – Д. 438(2). – Л. 61.

³ ГАРФ. – Ф. Р-5263. – Оп. 1. – Д. 438(2). – Л. 56–75.

100 человек, решение о закрытии храма осталось в силе¹.

В начале 30-х годов XX века начинается процесс закрытия единственного к тому времени собора на территории Восточного Забайкалья – в г. Сретенске. Поскольку община верующих была значительной, закрыть собор быстро не удалось. Последовала череда жалоб на местные власти со стороны общины верующих, разбор ситуации Комиссии при ВЦИК и итоговое решение середины десятилетия о закрытии собора и сносе здания².

В дальнейшем всё десятилетие – это череда закрытия храмов по всей территории региона. Это и главный город – Чита, и такие населённые пункты, как Кенон, Беклемишево, Александровский Завод и др.³

Здание соборов, как и по всей стране, уничтожались, сносились и разбирались на строительные материалы. Вероятно, свою роль здесь играла объёмность строения, которое сложно было перестроить для иных целей. Здания же церковью использовались по новому назначению, так же, как незначительные по размеру постройки культового назначения иных религиозных учений, католиков, мусульман, иудеев.

Здания же церковью активно использовались под иные цели. Чаще всего под клубы. Подобных случаев относительно много по Восточному Забайкалью. Иное назначение по региону – это общежития различных организаций, мастерские. В отдельных случаях в них располагались органы власти, что вызывало особое недовольство верующих, которые связывали закрытие церковью с потребностями местных властей в свободных помещениях⁴.

Обсуждение результатов. Закрытие соборов, церковью и молитвенных домов – это часть антиправославной деятельности советских властей. Определённые вопросы вызвала необходимая в таком случае реализация конфискованного или оставшегося от верующего сообщества при закрытом храме

материального имущества. Она происходила согласно сороковой статье Постановления ВЦИК СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях»⁵. Следует отметить, что по данному аспекту документы содержат только упоминания. Каких бы то ни было серьёзных жалоб не было. В то же время есть упоминания того, что из церковью просто выбрасывались предметы культового назначения.

Следует отметить, что закрытию подвергались, главным образом, православные храмы. Объясняется это тем, что к советскому времени на территории Восточного Забайкалья наиболее широкое распространение получило именно православие. Относительно серьёзно было развито северное направление буддизма – ламаизм. Его приверженцы – это представители коренного населения региона – буряты. Однако в плане количества храмов и молитвенных помещений, буддизм значительно отставал от православия. Дел о закрытии культовых построек буддистов в Восточном Забайкалье в 30-е годы XX века на сегодняшний день не встречено, хотя по соседней Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республике такие случаи известны. Это Ацайский, Гыгетский дацаны, закрытые в середине десятилетия⁶.

Заключение. Таким образом, 1930-е годы стали основными в закрытии православных храмов на территории Восточного Забайкалья. Были закрыты отдельные постройки культового назначения и по иным религиозным учениям, однако основным объектом антирелигиозной деятельности в данном аспекте стала Русская Православная Церковь. Это объясняется тем, что православных храмов было значительно больше, чем построек культового назначения иных религиозных учений.

Очевидным выводом является замечание о том, что для воссоздания наиболее полной истории православия в Забайкалье и в Восточном, в частности, требуется продолжение дальнейших активных изысканий.

Список литературы

1. Бунин А. Ю. Православное сообщество Курского края в условиях советской антирелигиозной политики 1920–1930-х гг. // Научные ведомости. Сер. История, политология, экономика, информатика. 2012. Вып. 24, № 19. С. 124–129.

¹ ГАРФ. – Ф. Р-5263. – Оп. 1. – Д. 438(2). – Л. 74–75.

² ГАРФ. – Ф. Р-5263. – Оп. 1. – Д. 450. – Л. 10–31.

³ ГАРФ. – Ф. Р-5263. – Оп. 1. – Д. 436(1). – Л. 1–4; – Д. 20. – Л. 7–8.

⁴ ГАРФ. – Ф. Р-5263. – Оп. 1. – Д. 438(2). – Л. 74.

⁵ Постановление ВЦИК СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» [Электронный ресурс] // Левоневский Валерий Станиславович. – Режим доступа: <http://www.pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssrb6632.htm> (дата обращения: 09.12.2016).

⁶ ГАРФ. – Ф. Р-5263. – Оп. 1. – Д. 133.

2. Ефимов А. Н. Процесс закрытия церквей и обновленческое движение в Пскове в 20–30-е гг. XX в. // Псков. 2001. № 14. С. 23–28.
3. Козлов Ф. Н. Закрытие церквей как элемент государственной антирелигиозной политики в конце 1920-х – начале 1930-х годов (по материалам национальных республик Среднего Поволжья) // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 32.
4. Королева Л. А. Закрытие церквей в СССР в 1930-е гг. (на примере Пензенского региона) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4–7. С. 50–52.
5. Митыпова Г. С. История ликвидационных процессов в контексте государственной, религиозной политики советского периода (1917–1945 гг.): по материалам Национального архива Республики Бурятия, архивов ВЧК–НКВД–КГБ–ФСБ // Вестник ИрГТУ. 2006. Вып. 6. С. 67–75.
6. Митыпова Г. С. РПЦ в религиозной культуре Забайкалья (Историографический аспект) // Вестник Бурятского ун-та. Сер. 4. История. 2006. Вып. 11. С. 193–203.
7. Цыремпилова И. С. Взаимоотношения государства и Русской православной церкви в Байкальской Сибири (1917–1930-е гг.): историография и источники. Улан-Удэ: ВСГАКИИ, 2008. 135 с.
8. Цыремпилова И. С. Документальное наследие РПЦ в исследовании государственно-церковных взаимоотношений в 1917–1930 гг. на территории Байкальского региона // Власть. 2012. № 9. С. 160–163.
9. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2009. 491 с.
10. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ: ВСГАКИИ, 2008. 300 с.
11. Curtiss J. S. The Russian church and the Soviet state, 1917–1950. Boston: Little, Brown, 1953. 387 p.
12. Husband W. B. "Godless Communists": Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2000. 258 p.
13. Pospelovsky D. A History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer: 3 Vol. N-Y: St. Martin's Press Inc., 1987. Vol. 1. A History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet Antireligious Policies. 189 p.; Vol. 2. Soviet Anti-Religious Campaigns and Persecution. 275 p.; Vol. 3. Soviet Studies on the Church and the Believer's Response to Atheism. 325 p.
14. Pospelovsky D. The Russian Church under the Soviet Regime 1917–1982: 2 Vol. N.-Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1984. Vol. 1. 248 p.; Vol. 2. 535 p.
15. Pospelovsky D. History of the Orthodox Church in the History of Russian. N.-Y.: St Vladimir's Seminary Press, 1998. 413 p.

Статья поступила в редакцию 11.12.2016; принята к публикации 07.02.2017

Библиографическое описание статьи

Дроботушенко Е. В. Закрытие православных храмов в Восточном Забайкалье в 30-е годы XX века // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 99–104.

Eugeny V. Drobotushenko,
 Candidate of History, Associate Professor,
 Transbaikalian State University
 (30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
 e-mail: DRZZ@yandex.ru

Closing of Orthodox Churches in Eastern Transbaikalia in the 1930s

The article characterizes the activities of the secular authorities in Eastern Transbaikalia in the 1930s. The relevance of the subject field of the research is predefined by the necessity of recreating a more complete picture of the existence of different religious exercises on the territory of the peripheral cross-border, multi-ethnic and multi-religious region. The author notes that there are not many scientific publications on the subject field of the study. A separate article touching upon certain aspects of the history of Orthodoxy in the present time does not give the deployed characteristics of the process of closing Orthodox churches and prayer houses. The study is based on data sources – the documents of the funds of the State archive of the Russian Federation. In the article, on the basis of statistical data the procedure for closing cathedrals, churches, houses of worship is analyzed, correctness of the decision-making bodies of local and regional authorities is estimated, availability of appeals of decisions made by religious communities is provided. The author concludes that Orthodox churches and prayer houses were most actively closed in Eastern Transbaikalia in the 1930s. Buildings for religious services and other religious teachings were closed, but due to the fact there were not many of them in the whole region, the researcher may consider that anti-religious activities of the authorities were directed mainly against the Orthodox Church. A different conclusion

is the comment on the need for further work with archival documents. This will allow us to reconstruct the picture of Orthodoxy existence in the region in the 20th century more fully.

Keywords: religious doctrine, religion, Christianity, religious community, Church, believers, Eastern Transbaikalia

References

1. Bunin A. Yu. Pravoslavnoe soobshchestvo Kurskogo kraja v usloviyakh sovetskoj antireligioznoj politiki 1920–1930-kh gg. // Nauchnye vedomosti. Ser. Istoriya, politologiya, ekonomika, informatika. 2012. Vyp. 24, № 19. S. 124–129.
2. Efimov A. N. Protsess zakrytiya tserkvei i obnovlencheskoe dvizhenie v Pskove v 20–30-e gg. XX v. // Pskov. 2001. № 14. S. 23–28.
3. Kozlov F. N. Zakrytie tserkvei kak element gosudarstvennoj antireligioznoj politiki v kontse 1920-kh – nachale 1930-kh godov (po materialam natsional'nykh respublik Srednego Povolzh'ya) // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2014. № 1. S. 32.
4. Koroleva L. A. Zakrytie tserkvei v SSSR v 1930-e gg. (na primere Penzenskogo regiona) // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2016. № 4–7. S. 50–52.
5. Mitypova G. S. Istoriya likvidatsionnykh protsessov v kontekste gosudarstvennoj, religioznoj politiki sovetskogo perioda (1917–1945 gg.): po materialam Natsional'nogo arkhiva Respubliki Buryatiya, arkhivov VChK–NKVD–KGB–FSB // Vestnik IrGTU. 2006. Vyp. 6. S. 67–75.
6. Mitypova G. S. RPTs v religioznoj kul'ture Zabaikal'ya (Istoriograficheskii aspekt) // Vestnik Buryatskogo un-ta. Ser. 4. Istoriya. 2006. Vyp. 11. S. 193–203.
7. Tsyrempilova I. S. Vzaimootnosheniya gosudarstva i Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Baikal'skoi Sibiri (1917–1930-e gg.): istoriografiya i istochniki. Ulan-Ude: VSGAKil, 2008. 135 s.
8. Tsyrempilova I. S. Dokumental'noe nasledie RPTs v issledovanii gosudarstvenno-tserkovnykh vzaimootnoshenii v 1917–1930 gg. na territorii Baikal'skogo regiona // Vlast'. 2012. № 9. S. 160–163.
9. Tsyrempilova I. S. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvennaya vlast' v 1917–1930-e gg. (na materialakh Baikal'skogo regiona): dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02. Ulan-Ude, 2009. 491 s.
10. Tsyrempilova I. S. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo: istoriya vzaimootnoshenii v 1917–1930-e gg. (na materialakh Baikal'skogo regiona). Ulan-Ude: VSGAKil, 2008. 300 s.
11. Curtiss J. S. The Russian church and the Soviet state, 1917–1950. Boston: Little, Brown, 1953. 387 p.
12. Husband W. B. "Godless Communists": Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2000. 258 p.
13. Pospelovsky D. A History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer: 3 Vol. N-Y: St. Martin's Press Inc., 1987. Vol. 1. A History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet Antireligious Policies. 189 p.; Vol. 2. Soviet Anti-Religious Campaigns and Persecution. 275 p.; Vol. 3. Soviet Studies on the Church and the Believer's Response to Atheism. 325 p.
14. Pospelovsky D. The Russian Church under the Soviet Regime 1917–1982: 2 Vol. N.-Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1984. Vol. 1. 248 p.; Vol. 2. 535 p.
15. Pospelovsky D. History of the Orthodox Church in the History of Russian. N.-Y.: St Vladimir's Seminary Press, 1998. 413 p.

Received: December 11, 2016; accepted for publication February 07, 2017

Reference to the article

Drobotushenko E. V. Closing of Orthodox Churches in Eastern Transbaikalia in the 1930s // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 99–104.

УДК 27 (510)

Юлия Николаевна Ланцова¹,*кандидат исторических наук,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александра-Заводская, 30),
e-mail: astra205@yandex.ru***Евгений Викторович Дроботушенко²,***кандидат исторических наук, доцент
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александра-Заводская, 30),
e-mail: DRZZ@yandex.ru***Проблемы историографии православия на Севере
и Северо-Востоке Китая в начале 1920-х – середине 1950-х годов**

В статье проводится историографический анализ имеющихся на сегодняшний день наиболее известных публикаций по истории православия на Севере и Северо-Востоке Китая с начала 1920-х до середины 1950-х годов. Актуальность темы исследования определена имеющимся и постоянно возрастающим интересом к истории Китая в целом и истории православия на его территории, в частности. Авторы дают как общее представление о раскрытии истории православной церкви в рассматриваемом регионе, так и останавливаются на характеристике отдельных публикаций. Называются исследователи, внёсшие наибольший вклад в изучение проблемы. Определяются основные аспекты в изучении православной истории Северного и Северо-Восточного Китая. Основным выводом исследования является замечание о том, что, на сегодняшний день, история православия в рассматриваемом регионе в 1920–1950-е годы изучена недостаточно. Значительная часть научных публикаций по православной истории Китая рассматривает историю Духовной миссии в Пекине с упоминанием её подворья в г. Харбине. Православие же на Севере и Северо-Востоке страны затрагивается вскользь. Имеются публикации по теме относительно отдельных временных отрезков, либо же это исследования по конкретным аспектам. Иное замечание заключается в мысли о слабом использовании авторами источников. В значительной массе работ источником являются имеющиеся публикации, либо используется ограниченное количество источников, воспоминания современников, отдельные архивные данные и газетные статьи. Очевидным становится то, что требуется дальнейшее подробное изучение истории православия в Северном и Северо-Восточном Китае с использованием, прежде всего, данных источников, как архивов, так и средств массовой информации.

Ключевые слова: история, историография, источники, православие, православная церковь, Северный и Северо-Восточный Китай

Вводная часть. Активные в настоящее время контакты между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой предопределили постоянно возрастающий интерес к истории двух стран, особенно к истории, имеющей совместное значение. Такой является история православия в Китае, развитие которого предопределено, во многом, контактами с Русской Православной Церковью сначала в Российской империи, затем в СССР и в постсоветской России. Не все страницы православной истории Китая на сегодняшний день, несмотря на неослабевающий к ней интерес, нашли отражение в научных и научно-популярных публикациях. Отсюда появление настоящей статьи представляется актуальным.

Цель исследования – выявление проблемных аспектов историографии православия на Севере и Северо-Востоке Китая в результате систематизации и характеристики основных, наиболее известных научных публикаций, несущих в себе информацию по истории существования православия на Севере и Северо-Востоке Китая в 1920-е – середине 1950-х годов. Данная цель предопределила те задачи, которые поставили перед собой авторы. Это выявление основных направлений изучения православия в Китае в целом и на рассматриваемых территориях, в частности; выделение основных исследователей, работавших и работающих над проблематикой; анализ и систематизация их наиболее известных публикаций по теме;

¹ Ю. Н. Ланцовой проведён анализ, разработана методология исследования.

² Е. В. Дроботушенко – систематизация материала, разработаны основные положения исследования.

выявление проблемных аспектов историографии православия в Северном и Северо-Восточном Китае; определение «белых пятен» истории православия в рассматриваемых регионах; определение возможных дальнейших перспектив работы в рамках проблемного поля статьи.

Как видно из сказанного, авторы не ставили перед собой задачи выявления всех имеющихся публикаций и не собирались выходить за хронологические рамки, определённые в названии статьи.

Материалы статьи, выводы, сделанные на основе исследования, очевидно, позволяют по-новому взглянуть на изучение истории православия в Китае. Они могут быть использованы в дальнейшей работе по воссозданию наиболее полной православной истории Китая.

В основу исследования положено использование исторической и религиоведческой терминологии. Это совокупность терминов, основными из которых являются: «история», «историография», «религия», «православие», «верующие» и т. д.

Методология и методы исследования. В работе над предметным полем статьи были использованы основные принципы исторической науки. Это принципы объективизма и историзма. Публикации по истории православия рассматривались в исторической последовательности их появления. При этом авторы старались давать характеристику исследованиям дистанцированно от субъективного знания с выделением самых общих черт. Это позволяет говорить об относительной непредвзятости подхода авторов.

Следует отметить, что при анализе имеющихся публикаций по проблематике использовались основополагающие методы историографического анализа, такие, как сравнительно-исторический, системный, метод актуализации.

Использование названных принципов и методов в совокупности позволило сформировать целостную, историкообусловленную картину проблем историографии православия на Севере и Северо-Востоке Китая.

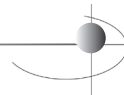
История православия в Китае не раз становилась предметом научного анализа, однако, на наш взгляд, на сегодняшний день не все аспекты и не все регионы страны в полной мере проанализированы авторами. Таким аспектом является обобщённая полная история православия на Севере и Северо-Востоке страны.

История православной церкви в Китае в целом, а также на Севере и Северо-Востоке

страны в 1920–1950-е годы стала изучаться относительно недавно. Существует несколько причин этого. Во-первых, стали открываться архивы, в хранилищах которых имеются документы по названному аспекту истории. Имеются в виду архивы в России. Это Государственный архив Российской Федерации, архив Отдела внешних церковных связей Московской Патриархии. Очевидно, что в китайские архивы свободного доступа исследователи не имеют. Во-вторых, изменение самого отношения к истории. История православия, где бы оно ни было, вызывает всё больший и больший интерес. В-третьих, появление заинтересованных авторов и появление у них возможности свободно излагать свои мысли и взгляды относительно православия. Под «недавно» мы понимаем 90-е годы XX века. Таким образом, воссоздание истории православия в Китае в 1920–1950-е годы длится менее трёх десятилетий. Исследователями сделано немало, однако и на сегодняшний день можно говорить о незавершённости работы.

Публикации по истории православия в Китае мы бы разделили на обобщающие, которые характеризуют её в целом, работы по истории Духовной миссии в Пекине и труды по отдельным аспектам истории православной церкви либо по таковой в отдельно взятом регионе страны.

Одним из ведущих исследователей проблематики является священник Дионисий (Поздняев). Он автор целого ряда обобщающих статей и книг по истории православия в Китае, в том числе и в XX веке. Его работы воссоздают православную историю Китая как в целом, так и характеризуя отдельные регионы. Однако какие бы работы автора мы не взяли, становится очевидным, что Север страны затрагивается только вскользь, характеризуются основные, относительно широко известные факты. Это можно проследить и по обобщающему труду «Православие в Китае (1900–1997 гг.)» и по специальной работе «Русская Православная Церковь на Дальнем Востоке в 30–40-е годы XX века», да и по остальным публикациям. Для нас очевидна причина этого. Это отсутствие или слабая известность, на сегодняшний день источников по православию на Севере и Северо-Востоке страны. При этом отметим, что Дионисий (Поздняев) – один из немногих авторов, кто на наш, взгляд, претендует на научность подхода, опираясь в своих исследованиях на архивные данные, на публикации в средствах массовой информации того времени, на воспоминания современников [12–15 и др.].

Отметим, что в дальнейшем основная масса исследователей истории китайского православия в значительной степени опирается именно на работы Дионисия (Поздняева).

Ещё одним, много пишущем об истории православной церкви в Китае автором является красноярский учёный В. Г. Дацышен. Изпод его пера вышел ряд статей, а также объёмная обобщающая работа «Христианство в Китае: история и современность», в которой значительное внимание уделено православной церкви. Помимо этого, им отдельное внимание уделено деятельности Духовной миссии, а также подвижникам православия на китайской территории, примером которых являлся Епископ Иннокентий (Фигуровский). Основная проблема всех публикаций – та же – слабое внимание Северу и Северо-Востоку Китая. Практически во всех исследованиях история православия на китайской земле рассматривается в рамках истории Духовной миссии, а в 1920–1950-е годы её влияние на оговоренные регионы страны было минимальным, даже несмотря на наличие подворья в г. Харбине. Отметим также, что автор в незначительной степени использует архивные источники. Главным образом основой его трудов являются имеющиеся публикации, некоторые воспоминания и жизнеописания [8; 9; 11 и др.].

На наш взгляд, В. Г. Дацышен достаточно вольно, в некоторых случаях, использует термины. Так, одна из статей за его авторством называется «Китайская православная церковь накануне и во время Второй мировой войны». Нам кажется, что правильнее о Китайской православной Церкви говорить, начиная с 1956 года, когда она получает автономию. До того можно говорить о православной церкви в Китае с разным подчинением, либо Московской Патриархии, либо Зарубежному Синоду (Архиерейскому Синоду Русской Православной Церкви за границей) [10].

Отдельные сведения встречаем в работах, таких, к примеру, как «Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви» А. Б. Ефимова. В ней, в частности, говорится и о православии на Севере и Северо-Востоке Китая, однако приводимые данные не имеют отсылки к источникам [17]. В то же время, отметим, что сам формат очерков не подразумевает строго научного подхода.

Следует назвать и несколько обобщающих работ коллективов авторов. Они дают представление о православной церкви в Китае в целом. Традиционно за границами остаются подробности истории православия

на Севере и Северо-Востоке страны [28; 29 и др.].

Значительное количество публикаций посвящено истории Духовной миссии в Пекине. Это публикации таких авторов, как В. Г. Дацышен (упоминалась выше), С. А. Головин, К. Кепинг, О. Кепинг, Е. В. Ковалева, священник П. Иванов, А. С. Фуганов, И. А. Хисамудинов, С. А. Шубина и целого ряда иных [7–9; 18; 20–22; 32; 33; 34 и др.]. Сюда же можно отнести и заметки и последнего Начальника Духовной миссии в Китае Архиепископа Виктора (Святина) [2]. Относительно существования и деятельности православной церкви на Севере и Северо-Востоке страны в 1920-е – середине 1950-х годов можно встретить отдельные упоминания и характеристики конкретных фактов или событий.

Как отмечалось выше, несмотря на подворье в г. Харбин, в 1920–1950-е годы серьёзного влияния на Северные и Северо-Восточные территории Китая миссия не оказывала. Они жили самостоятельной жизнью. Отсюда работы по истории Духовной миссии не всегда дают нам пусть минимальные, но данные по истории православия на Севере и Северо-Востоке страны.

Третья группа публикаций даёт нам наибольший объём информации по проблематике. Это труды по истории православия в конкретных регионах Китая либо работы, посвящённые отдельным аспектам православной китайской истории. Вообще работы по истории православия в конкретных регионах Китая относятся к нескольким территориям. Это Синьцзян, Тяньцзинь, а также интересные нам Северные территории [1; 3; 4; 16].

В свете проблематики статьи особый интерес представляют исследования С. Н. Бакониной. Следует сказать, что это прекраснейшие научные труды, в рамках которых автор вводит в научный оборот значительное количество архивных источников. На наш взгляд, это, если и не единственный, то один из немногих авторов, дающих в своих публикациях богатый фактографический материал по истории православия на Севере и Северо-Востоке Китая. Отметим, что автор анализирует относительно незначительный период 1920-х годов. Также следует сказать, что некоторые позиции требуют уточнения [3; 4].

Интереснейшие материалы по проблеме представлены в работе В. Ф. Печерицы «Духовная культура русской эмиграции в Китае» [27].

Существует ряд публикаций по истории православия, не нацеленных напрямую на ха-

рактическую историю православной церкви на Севере и Северо-Востоке Китая, которые, в то же время, содержат определённый объём информации, описывая конкретные факты или деятельность конкретных священнослужителей. При этом не все имеют авторство [23–25; 30; 31; 35 и др.].

Отдельные упоминания по истории православной церкви на Севере и Северо-Востоке Китая можно встретить в работах по истории русских эмигрантов на данной территории. Однако, в связи с тем, что авторы не ставили своей целью давать развёрнутую характеристику истории именно православия, данные труды служат дополнением при воссоздании общей православной истории Северного и Северо-Восточного Китая в XX века [26 и др.].

В то же время существуют авторы, характеризующие русскую эмиграцию в Китае в контексте её православной жизни. Здесь примером может служить Л. Ф. Говердовская [6 и др.] Однако сталкиваемся с той же проблемой, что при работе с основным количеством трудов по теме – отсутствием опоры на источники, использованием, главным образом, имеющихся публикаций.

Результаты исследования. На сегодняшний день существует относительно большое количество научных публикаций по истории православия в Китае. Однако, в значительной степени они дают общую картину, анализируя православие в стране в целом, на основе приведения фактов из его истории. Работы, в основной своей массе, рассматривают Китай в целом, с выделением этапов существования и развития православной церкви. Северные же и Северо-Восточные территории страны, во многом остались за пределами научного интереса исследователей. В то же время существуют отдельные публикации и по этим регионам, которые дают представление о каких-либо аспектах православной истории, либо характеризуют её в целом в конкретный промежуток времени.

Обсуждение результатов исследования. Приведённым перечнем авторов и исследований список работ по истории православия в Китае в целом и на Северных и Северо-Восточных территориях не ограничивается. Цель данной статьи предопределила озвучивание имён наиболее известных авторов и перечень с характеристикой наиболее значимых и известных их трудов.

Очевидно, что количество публикаций значительно больше и предметное поле данного исследования найдёт своё дальнейшее выражение через углубление историографических обзоров.

Заключение. История православия на Севере и Северо-Востоке Китая в рассматриваемое время нашла определенное отражение на страницах научных изданий. В то же время не сформирована целостная поэтапная картина его существования. Публикации либо рассматривают какой-то один период, либо характеризуют отдельный частный аспект. Основная масса работ по истории православия в Китае рассматривает её в контексте истории Духовной миссии в Пекине. Однако на Север и Северо-Восток страны, особенно в 1920–1950-е годы её влияние было распространено слабо. Отсюда названные труды привносят только некоторые иллюстративные черты в православную историю Северной части государства. При этом далеко не все статьи и монографии берут за основу значительный комплекс источников. В значительной части – это переработка, а отчасти и компиляция уже имеющихся трудов. Источник же – это либо отдельные воспоминания, отдельные публикации средств массовой информации, либо материалы определённых, конкретных архивов. Подобный подход стал причиной возникновения ситуации, в которой некоторые аспекты истории являются спорными, требуют подтверждения либо опровержения. Отдельные публикации опираются на относительно значительный объём источниковых данных, но и они требуют, с одной стороны дополнения, а с другой – их немного и они анализируют только отдельные аспекты развития православия на рассматриваемой территории. Вышесказанное предопределяет мысль о том, что требуется дальнейшее изучение истории православия в Северном и Северо-Восточном Китае. Вновь появляющиеся публикации должны активнее опираться на источники, как на архивные документы, так и на малоизвестные публикации средств массовой информации рассматриваемого периода.

Список литературы

1. Арутюнов Г. Млодзяновский Дмитрий Андреевич [Электронный ресурс] // Православие в Китае. Режим доступа: http://www.orthodoxchina.info/localchurch/xinjiang/dmitrymlodzyanovsky_ru.htm (дата обращения: 25.02.2017).

2. Архиепископ Виктор (Святин). Имущество Российской духовной миссии в Китае по состоянию на 11 января 1950 г. // Ксения Кепинг. Последние статьи и документы. СПб.: Омега, 2003. С. 314–327.
3. Баконина С. Н. Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920–1931 гг. М.: Православный Свято-Тихоновский гум. ун-т, 2014. 389 с.
4. Баконина С. Н. Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920–1931 гг. (на материалах Харбинской епархии): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2013. 333 с.
5. Богданова Т. А. Архив митрополита Виктора (Святина) в Российской Национальной библиотеке // Ксения Кепинг. Последние статьи и документы. СПб.: Омега, 2003. С. 314–327.
6. Говердовская Л. Ф. Русская эмиграция и православная церковь в Китае (1917–1945 гг.) [Электронный ресурс] // Владивостокская епархия. Приморская митрополия Русской Православной Церкви. Режим доступа: <http://www.vladivostok-eparhia.ru/eparhia/history/?ID=3077> (дата обращения: 25.02.2017).
7. Головин С. А. Русская духовная миссия в Китае: ист. очерк. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. 284 с.
8. Дацышен В. Г. Епископ Иннокентий (Фигуровский). Начало нового этапа в истории Российской Духовной Миссии в Пекине [Электронный ресурс] // Китайский благовестник. 2000. № 1. Режим доступа: <http://www.chinese.orthodoxy.ru/russian/kb3/History.htm> (дата обращения: 15.02.2017).
9. Дацышен В. Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. Гонконг: Православное Братство святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, 2010. 448 с.
10. Дацышен В. Г. Китайская православная церковь накануне и во время Второй мировой войны // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы XV Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 1 (г. Иваново, 23–24 марта 2016 г.). Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та, 2016. С. 124–130.
11. Дацышен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 240 с.
12. Дионисий (Поздняяев). Китайская Православная Церковь на пути к автономии // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 4. С. 125–134.
13. Дионисий (Поздняяев). Православие в Китае (1900–1997 гг.). М.: Свято-Владимирское Братство, 1998. 276 с.
14. Дионисий (Поздняяев). Русская Православная Церковь на Дальнем Востоке в 30–40-е годы XX века [Электронный ресурс] // Самый Восточный. Информационно-просветительский портал Хабаровской епархии. Режим доступа: <http://www.pravostok.ru/blog/rysskaya-pravoslavnaya-cerkov-na-dalнем-vostoke-v-30-40-e-godi-xx-veka/> (дата обращения: 15.02.2017).
15. Дионисий (Поздняяев). Церковь в Китае: на пути к автономии [Электронный ресурс] // Альфа и Омега. Режим доступа: <http://www.aliom.orthodoxy.ru/arch/014/014-pozn.htm> (дата обращения: 19.02.2017).
16. Доу Иоанн. Распространение Русской Православной Церкви в Тяньцзине и его окрестностях [Электронный ресурс] // Китайский Благовестник. 1999. № 2. Режим доступа: <http://www.chinese.orthodoxy.ru/russian/kb2/History3.htm> (дата обращения: 19.02.2017).
17. Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Свято-Тихоновский ун-т, 2007. 688 с.
18. Иванов П. История возникновения Московского подворья Пекинской Духовной Миссии // Китайский Благовестник. 1999. № 2. С. 14–23.
19. История Российской Духовной Миссии в Китае: сб. ст. / ред. С. Л. Тихвинский, В. С. Мясников, А. С. Ипатова, Дионисий (Поздняяев). М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1997. 415 с.
20. Кепинг К. Судьба Российской духовной миссии в Китае // Ксения Кепинг. Последние статьи и документы. СПб.: Омега, 2003. С. 236–263.
21. Кепинг О. В. Последний начальник Российской духовной миссии в Китае – Архиепископ Виктор // Ксения Кепинг. Последние статьи и документы. СПб.: Омега, 2003. С. 264–272.
22. Ковалева Е. В. Православная Церковь в Харбине: служение епископа Ювеналия (Килина) // Вестник церковной истории. 2007. № 4. С. 42–58.
23. Косых В. И. Забайкальская епархия 1908–1923 гг. Чита: ЗабГГПУ, 2007. 203 с.
24. Мелетий Заборовский [Электронный ресурс] // Русское православие. Режим доступа: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_675 (дата обращения: 20.01.2017).
25. Михаил (Богданов) [Электронный ресурс] // Русское православие. Режим доступа: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_1528 (дата обращения: 19.02.2017).
26. Наземцева Е. Международно-правовые проблемы эмиграции, реэмиграции и репатриации русских из Китая в 1945–1949 гг. [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2015. 20 марта. Режим доступа: <https://www.interaffairs.ru/news/show/12811> (дата обращения: 15.02.2017).
27. Печерица В. Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток: ДВГУ, 1998. 276 с.
28. Православие в Китае / под ред. М. Л. Титаренко. М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2010. 251 с.
29. Православие в Китае: сб. материалов выставки / сост. В. В. Селивановский. Благовещенск: Амурская ярмарка, 2013. 68 с.
30. Саввин Д. В. Епископ Селенгинский Софроний (Старков): архипастырь эпохи великих перемен и потрясений // Вестник церковной истории. 2009. № 1–2. С. 183–184.

31. Софроний (Старков Сергей Прокопьевич) [Электронный ресурс] // Духовенство Русской Православной Церкви в XX в. Режим доступа: <http://www.pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/125/> (дата обращения: 20.01.2017).
32. Фуганов А. С. К юбилею Пекинской Духовной миссии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14, вып. 1. С. 34–41.
33. Хисамутдинов А. А. Духовные миссии Китая, Японии и Кореи (конец XIX – первая половина XX вв.) // Известия Восточного института. 2012. № 2. С. 96–112.
34. Шубина С. А. Русская Православная Миссия в Китае (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ярославль: ЯГУ им П. Д. Демидова, 1998. 25 с.
35. Woerl M. Bishop Mikhail (Bogdanov, d. July 1925) of Primorsk and Vladivostok [Электронный ресурс] // РПЦЗ: обзор. Режим доступа: <http://www.rocorstudies.org/2012/06/25/bishop-mikhail-mikhail-bogdanov-6-nov-1857-9-jul-1925-of-primorsk-vladivostok/> (дата обращения: 19.02.2017).

Статья поступила в редакцию 01.03.2017; принята к публикации 27.04.2017

Библиографическое описание статьи

Ланцова Ю. Н., Дроботушенко Е. В. Проблемы историографии православия на Севере и Северо-Востоке Китая в начале 1920-х – середине 1950-х годов // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 105–112.

Yulia N. Lantsova¹,

Candidate of History,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: astra205@yandex.ru

Eugeny V. Drobotushenko²,

Candidate of History, Associate Professor,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: DRZZ@yandex.ru

Problems of Historiography of Orthodoxy in the North and North-East China in the Early 1920s – Mid-1950s

The article presents a historiographical analysis of the available, most well-known publications on the history of Orthodoxy in the North and North-East China from the beginning of the 1920s to the mid-1950s. Topicality of the research is determined by growing interest in the history of China in general and the history of Orthodoxy in its territory in particular. The authors reveal both a general idea of the history of Orthodox Church in the region and stop on the characteristics of individual publications. We mention researchers who have made the greatest contribution to the study of the problem. We identify the main aspects in the study of Orthodox history in North and northeast China. The main conclusion of this study is the fact that history of Orthodoxy in the region in the 1920s – 1950s has not been enough studied. A significant part of scientific publications on Orthodox Chinese history examines the history of the Spiritual mission in Beijing mentioning its monastery in Harbin. The question of Orthodoxy in the North and North-East of the country is mentioned in passing. There are publications on the topic regarding the individual time periods or research on specific aspects. Another point is thinking about the weak use of sources. The large mass of work source are available publications, or a limited number of sources is used, i. e. memoirs of contemporaries, separate archival data and newspaper articles. It is evident that further, detailed study of the history of Orthodoxy in North and northeast China, using primarily data sources, archives and the media is required.

Keywords: history, historiography, sources, Orthodoxy, Orthodox Church, Northern and North-Eastern China

References

1. Arutyunov G. Mlodzyanovskii Dmitrii Andreevich [Elektronnyi resurs] // Pravoslavie v Kitae. Rezhim dostupa: http://www.orthodoxchina.info/localchurch/xinjiang/dmitrymlodzyanovsky_ru.htm (data obrashcheniya: 25.02.2017).
2. Arkhiepiskop Viktor (Svyatin). Imushchestvo Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae po sostoyaniyu na 11 yanvarya 1950 g. // Kseniya Keping. Poslednie stat'i i dokumenty. SPb.: Omega, 2003. S. 314–327.
3. Bakonina S. N. Tserkovnaya zhizn' russkoi emigratsii na Dal'nem Vostoke v 1920–1931 gg. M.: Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii gum. un-t, 2014. 389 s.

¹ Yu. N. Lantsova – the analysis, the methodology of the study.

² E. V. Drobotushenko – systematization of the material developed by the main provisions of the study.

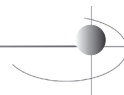
4. Bakonina S. N. Tserkovnaya zhizn' russkoi emigratsii na Dal'nem Vostoke v 1920–1931 gg. (na materialakh Kharbinskoi eparkhii): dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 2013. 333 s.
5. Bogdanova T. A. Arkhiv mitropolita Viktora (Svyatina) v Rossiiskoi Natsional'noi biblioteke // Kseniya Keping. *Poslednie stat'i i dokumenty*. SPb.: Omega, 2003. S. 314–327.
6. Goverdovskaya L. F. Russkaya emigratsiya i pravoslavnaya tserkov' v Kitae (1917–1945 gg.) [Elektronnyi resurs] // Vladivostokskaya eparkhiya. Primorskaya mitropoliya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. Rezhim dostupa: <http://www.vladivostok-eparhia.ru/eparhia/history/?ID=3077> (data obrashcheniya: 25.02.2017).
7. Golovin S. A. Russkaya dukhovnaya missiya v Kitae: ist. ocherk. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, 2013. 284 s.
8. Datsyshen V. G. Episkop Innokentii (Figurovskii). Nachalo novogo etapa v istorii Rossiiskoi Dukhovnoi Missii v Pekine [Elektronnyi resurs] // Kitaiskii blagovestnik. 2000. № 1. Rezhim dostupa: <http://www.chinese.orthodoxy.ru/russian/kb3/History.htm> (data obrashcheniya: 15.02.2017).
9. Datsyshen V. G. *Istoriya Rossiiskoi Dukhovnoi Missii v Kitae*. Gonkong: Pravoslavnoe Bratstvo svyatykh Pervoverkhovnykh apostolov Petra i Pavla, 2010. 448 s.
10. Datsyshen V. G. Kitaiskaya pravoslavnaya tserkov' nakanune i vo vremya Vtoroi mirovoi voiny // Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX veka: materialy XV Mezhdunar. nauch. konf.: v 2 ch. Ch. 1 (g. Ivanovo, 23–24 marta 2016 g.). Ivanovo: Izd-vo Ivanov. gos. un-ta, 2016. S. 124–130.
11. Datsyshen V. G. *Khristianstvo v Kitae: istoriya i sovremennost'*. M.: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, 2007. 240 s.
12. Dionisii (Pozdnyaev). Kitaiskaya Pravoslavnaya Tserkov' na puti k avtonomii // Problemy Dal'nego Vostoka. 1998. № 4. S. 125–134.
13. Dionisii (Pozdnyaev). *Pravoslavie v Kitae (1900–1997 gg.)*. M.: Svyato-Vladimirskoe Bratstvo, 1998. 276 s.
14. Dionisii (Pozdnyaev). Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' na Dal'nem Vostoke v 30–40-e gody XX veka [Elektronnyi resurs] // Samyi Vostochnyi. Informatsionno-prosvetitel'skii portal Khabarovskoi eparkhii. Rezhim dostupa: <http://www.pravostok.ru/blog/rysskaya-pravoslavnaya-cerkov-na-dalnem-vostoke-v-30-40-e-godi-xx-veka/> (data obrashcheniya: 15.02.2017).
15. Dionisii (Pozdnyaev). Tserkov' v Kitae: na puti k avtonomii [Elektronnyi resurs] // Al'fa i Omega. Rezhim dostupa: <http://www.aliom.orthodoxy.ru/arch/014/014-pozn.htm> (data obrashcheniya: 19.02.2017).
16. Dou Ioann. Rasprostranenie Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v Tyan'atszine i ego okrestnostyakh [Elektronnyi resurs] // Kitaiskii Blagovestnik. 1999. № 2. Rezhim dostupa: <http://www.chinese.orthodoxy.ru/russian/kb2/History3.htm> (data obrashcheniya: 19.02.2017).
17. Efimov A. B. *Ocherki po istorii missionerstva Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. M.: Svyato-Tikhonovskii un-t, 2007. 688 s.
18. Ivanov P. *Istoriya vozniknoveniya Moskovskogo podvor'ya Pekinskoj Dukhovnoi Missii* // Kitaiskii Blagovestnik. 1999. № 2. S. 14–23.
19. *Istoriya Rossiiskoi Dukhovnoi Missii v Kitae*: sb. st. / red. S. L. Tikhvinskii, V. S. Myasnikov, A. S. Ipatova, Dionisii (Pozdnyaev). M.: Izd-vo Svyato-Vladimirskogo Bratstva, 1997. 415 s.
20. Keping K. Sud'ba Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae // Kseniya Keping. *Poslednie stat'i i dokumenty*. SPb.: Omega, 2003. S. 236–263.
21. Keping O. V. *Poslednii nachal'nik Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae – Arkhiepiskop Viktor* // Kseniya Keping. *Poslednie stat'i i dokumenty*. SPb.: Omega, 2003. S. 264–272.
22. Kovaleva E. V. *Pravoslavnaya Tserkov' v Kharbine: sluzhenie episkopa Yuvenaliya (Kilina)* // Vestnik tserkovnoi istorii. 2007. № 4. S. 42–58.
23. Kosykh V. I. *Zabaikal'skaya eparkhiya 1908–1923 gg.* Chita: ZabGGPU, 2007. 203 s.
24. Meletii Zaborovskii [Elektronnyi resurs] // Russkoe pravoslavie. Rezhim dostupa: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_675 (data obrashcheniya: 20.01.2017).
25. Mikhail (Bogdanov) [Elektronnyi resurs] // Russkoe pravoslavie. Rezhim dostupa: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_1528 (data obrashcheniya: 19.02.2017).
26. Nazemtseva E. *Mezhdunarodno-pravovye problemy emigratsii, reemigratsii i repatriatsii russkikh iz Kitaya v 1945–1949 gg.* [Elektronnyi resurs] // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2015. 20 marta. Rezhim dostupa: <https://www.interaffairs.ru/news/show/12811> (data obrashcheniya: 15.02.2017).
27. Pecheritsa V. F. *Dukhovnaya kul'tura russkoi emigratsii v Kitae*. Vladivostok: DVGU, 1998. 276 s.
28. *Pravoslavie v Kitae* / pod red. M. L. Titarenko. M.: Otdel vneshnikh tserkovnykh svyazei Moskovskogo Patriarkhata, 2010. 251 s.
29. *Pravoslavie v Kitae: sb. materialov vystavki* / sost. V. V. Selivanovskii. Blagoveshchensk: Amurskaya yarmarka, 2013. 68 s.
30. Savvin D. V. Episkop Selenginskii Sofronii (Starkov): arhipastyr' epokhi velikikh peremen i potryasenii // Vestnik tserkovnoi istorii. 2009. № 1–2. S. 183–184.
31. Sofronii (Starkov Sergei Prokop'evich) [Elektronnyi resurs] // Dukhovenstvo Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v XX v. Rezhim dostupa: <http://www.pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/125/> (data obrashcheniya: 20.01.2017).
32. Fuganov A. S. *K yubileyu Pekinskoj Dukhovnoi missii* // Vestnik Russkoi khristianskoj gumanitarnoi akademii. 2013. T. 14, vyp. 1. S. 34–41.

33. Khisamutdinov A. A. Dukhovnye missii Kitaya, Yaponii i Korei (konets XIX – pervaya polovina XX vv.) // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2012. № 2. S. 96–112.
34. Shubina S. A. Russkaya Pravoslavnaya Missiya v Kitae (XVIII – nachalo XX vv.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Yaroslavl': YaGU im P. D. Demidova, 1998. 25 s.
35. Woerl M. Bishop Mikhail (Bogdanov, d. July 1925) of Primorsk and Vladivostok [Elektronnyi resurs] // RPTsZ: obzor. Rezhim dostupa: <http://www.rocorstudies.org/2012/06/25/bishop-mikhail-mikhail-bogdanov-6-nov-1857-9-jul-1925-of-primorsk-vladivostok/> (data obrashcheniya: 19.02.2017).

Received: March 01, 2017; accepted for publication April 27, 2017

Reference to the article

Lantsova Yu. N., Drobotushenko E. V. Problems of Historiography of Orthodoxy in the North and North-East China in the Early 1920 s – Mid-1950 s // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 105–112.

УДК 94(517.3)+281.9(517.3)

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-113-121

Анна Максимовна Плеханова¹,*доктор исторических наук, доцент,**Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН**(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),**e-mail: plehanova.am@mail.ru***Николай Николаевич Корниенко²,***кандидат богословия, аспирант,**Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН**(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),**e-mail: niknik-84@mail.ru*

«70 лет без пастырского окормления...»: из истории возрождения православного прихода в г. Улан-Баторе

Статья посвящена истории возрождения Свято-Троицкого прихода в г. Улан-Баторе (Монголия). Историческая реконструкция процесса возрождения и правовой легализации православного прихода основана на материалах личного архива протоиерея Олега Матвеева, настоятеля Успенского храма г. Кяхта, которому во второй половине 90-х годов XX века было поручено пастырское окормление возрождающегося православного храма в столице Монголии. В ходе исследования установлено, что возрождение православной общины в Улан-Баторе стало результатом проявленной инициативы «местнорусского» населения Монголии (Общества российских граждан, постоянно проживающих в Монголии). Определена роль священнослужителей Читинской и Забайкальской епархии в деле возрождения и окормления церковной общины в столице Монголии. Выявлено, что восстановлению Свято-Троицкого прихода способствовали не только представители Русской Православной Церкви, но и официальные лица как с российской, так и с монгольской стороны. Установлено, что в настоящее время православная община в Монголии – одна из наиболее малочисленных конфессий, представленных в стране. Православие в Монголии исповедует (как и до революции), главным образом, русское население страны. Доказано, что на современном этапе объективной реальностью деятельности РПЦ в Монголии выступает религиозная составляющая, заключающаяся в окормлении русскоязычного населения в условиях проживания вне границ конфессионального пространства России.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Монголия, Улан-Батор, Свято-Троицкий приход, миссионерство, протоиерей Олег Матвеев, церковь, община, верующие

Вводная часть. В светской и церковной литературе, посвящённой вопросам миссионерской деятельности Русской Православной Церкви (РПЦ), нашла отображение история становления Свято-Троицкого прихода в Урге (современный г. Улан-Батор), а также богослужбная, хозяйственная, проповедническая, образовательная деятельность миссионеров в Монголии. На основе введения в научный оборот значительного комплекса источников учёные воссоздали процесс возрождения православного прихода в столице Монголии на рубеже XX–XXI веков. Солидная историография данного вопроса представлена работами российских церковных и

светских исследователей (Д. Поздняева [12], О. Матвеева [7], Е. Старцева³, О. В. Бычкова⁴ [2; 3; 4], И. А. Арзуманова [1; 2; 3], Ц. П. Ванчиковой [5], Г. С. Митыповой [8; 9], Р. Т. Сабирова [13; 14; 15], А. В. Михалева [10; 11]).

Методология и методы исследования. Источниковая база. Поводом для написания данной статьи стал оказавшийся в нашем распоряжении значительный пласт ещё не введённых в научный оборот, различных по происхождению, сущности, специфике воспроизведения действительности источников, отражающих историю возрождения православного прихода в Монголии. Эти неопубликованные материалы были предостав-

¹ А. М. Плеханова – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективной работы.

² Н. Н. Корниенко выявлял архивные документы, провёл их анализ и подготовил статью к публикации.

³ Старцев Е. Через Монголию с крестом // Вестник центра «Москва–Улаанбаатар» (прил. к газете «Монголия сегодня»). – 2006. – № 3–4. – С. 13.

⁴ Многие местнорусские были крещены здесь: интервью Олега Викторовича Бычкова, канд. ист. наук, учёного секретаря Бурятского благочиния Русской Православной Церкви // Новости Монголии. – 1996. – № 11. – С. 6–7.

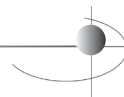
лены нам настоятелем Успенского храма в г. Кяхте, протоиереем Олегом Матвеевым, который не только был очевидцем происходивших событий, но и проводил первую административную работу по восстановлению храма и духовно окормлял прихожан возрождавшегося прихода. Среди этих источников центральное место занимает делопроизводственная документация органов церковной власти (постановления председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, указы Управляющего Читинской и Забайкальской епархии), которая определяла содержание и направление церковной политики в сфере миссионерской деятельности и государственно-церковных отношений. Особое значение представляют хранящиеся в личном архиве протоиерея О. Матвеева рапорты благочинного Бурятского округа Читинской и Забайкальской епархии протоиерея Игоря Арзуманова, которые подобно информационным сводкам отражали складывающуюся ситуацию вокруг Свято-Троицкого прихода в Улан-Баторе. В контексте социо-исторического исследования важнейшей является группа документов личного происхождения (письма, обращения, жалобы, просьбы), связанная с деятельностью председателя Общества граждан Российской Федерации в Монголии В. А. Дунаева, которая отражала непосредственные отношения русскоязычного населения с государственными и церковными институтами. Значительное место в «источниковой папке» отца Олега занимают вырезки из газет, являющиеся ценным источником информации об истории православной общины в Монголии. Эта группа источников (периодическая печать) представлена материалами газеты «Троица» – печатного органа Свято-Троицкого прихода г. Улан-Батора и газеты «Православная Бурятия», издаваемой Улан-Удэнской и Бурятской епархией, а также светских газет «Новости Монголии», «Монголия Сегодня», «The Mongol Messenger», отражавших основные этапы появления общины и дальнейшей работы по легализации прихода и постройке храма. Источниковая база исследования включает также наши личные интервью с протоиереем Олегом Матвеевым и бывшим благочинным Бурятского округа Читинской и Забайкальской епархии, протоиереем Игорем Арзумановым (ныне – профессором Иркутского государственного университета). Все эти источники в совокупности дополняют, уточняют, детализируют историю возрождения православного миссионерства в Монголии.

Результаты исследования и их об-суждение. История Свято-Троицкого прихода в столице Монголии началась в 1860-е годы, когда в стране была открыта консульская служба Российской империи. И уже через год первый российский консул Яков Парфеньевич Шишмарев пишет письма в Петербург с просьбой прислать священника. К тому времени в Урге было уже много русских. Это и казаки, охранявшие консульство, и купцы, которые ехали в Китай через Калган. И поскольку все они были людьми православными, им требовались исповедь и причастие, они изъявляли желание отмечать церковные праздники. Первого священника прислали не из Петербурга, а из Пекина в 1862 году. Это был иеромонах Сергей, член Пекинской духовной миссии. Он получил здесь постоянную прописку по разрешению из Пекина, так как Монголия была тогда частью Цинской империи. В конце XIX века, спустя 30 лет, был построен храм, который впоследствии был переподчинён Свято-Троицкому Селенгинскому монастырю – центру Даурской духовной миссии. Целью миссионеров этого стана стала проповедь православной веры среди народов Центральной Азии – тувинцев, бурят, монголов и маньчжуров.

В 1911 году с восстановлением суверенитета Монголии был заключён договор с правительством Богдо-Гэгэна, который включал пункт о деятельности миссионерских станом в районе озера Хубсугул, Алтан-Булаке, рядом с Маймаченом и Кобдо. При каждом из этих станом была открыта светская школа, где кроме Закона Божьего преподавались и светские науки. В такую школу принимали всех желающих, невзирая на национальность. Учились здесь и монгольские дети.

3 февраля 1921 года в период известных политических событий Ургу захватил барон фон Унгерн. Настоятелем храма в столице Монголии в это время был священник Федор Парняков, который за «сочувствие красным» был убит самим Унгерном в 1921 году [6, с. 151]. По мнению региональных исследователей, со смертью священника практически прекратилась деятельность Свято-Троицкого прихода в Урге [1, с. 491; 8, с. 60; 14, с. 403]. Последующие социалистические преобразования в Монголии положили конец любым попыткам распространения православия в стране.

Религиозное возрождение в конце 1990-х годов и церковный ренессанс в условиях современного Монгольского государства привели к изменению социального статуса

религии. В конце 1995 года председатель Общества граждан Российской Федерации в Монголии Виктор Александрович Дунаев через посольские каналы обратился к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II с просьбой возродить деятельность православного Свято-Троицкого храма в г. Улан-Баторе. В этом обращении им было сделано предложение об окормлении «местнорусского» населения Монголии священником из приграничного города Кяхты. Монголия в те годы переживала большие демократические перемены. Переход к рыночной экономике в Монголии в 1990–1993 годах начался с того, что монгольское правительство открыло страну для Запада в надежде, что их инвестиции с успехом заменят прежние – Советского Союза и Совета экономической взаимопомощи. Всё советское и русское в одночасье стало ненужным. Вывод частей Забайкальского военного округа сопровождался антироссийской компанией. По словам протоиерея Олега Матвеева: «У них [местнорусских] создалось впечатление, что Россия их совсем забыла, а новые монгольские власти их сильно притесняют. Всё это и ряд других причин заставили обратиться за помощью к Русской Православной Церкви – „может быть, церковь нам поможет“» [7, с. 3]. В феврале 1996 года на имя Управляющего Читинской и Забайкальской епархией епископа Палладия (Шимана) пришло письмо за подписью председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (Гундяева) с указанием «дать поручение настоятелю храма г. Кяхты окормлять проживающих в Монголии россиян. Указанному священнику необходимо регулярно информировать Отдел Внешних церковных сношений Московского Патриархата о выполнении возложенного на него послушания»¹. На это письмо епископ Палладий наложил следующую резолюцию: «Принимаем благословение Святейшего и исполняем. Благодичному Бурятского округа прот. Игорю Ашотовичу Арзуманову благословляется выехать в Монгольскую Республику, организовать там общину граждан русского происхождения. Затем эту общину будет опекать и окормлять настоятель Успенского храма г. Кяхты священник

¹ Письмо Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла Преосвященнейшему Палладию, епископу Читинскому и Забайкальскому от 6 февраля 1996 г. № 420 // Личный архив О. Матвеева, протоиерея.

Олег Владимирович Матвеев. О чём послать соответствующие указы. Еп. Палладий»².

1 апреля 1996 года группа священнослужителей и мирян в составе настоятеля Успенского храма г. Кяхты священника Олега Матвеева, учёного секретаря Бурятского благочиния, кандидата исторических наук О. В. Бычкова, референта Бурятского благочиния, кандидата исторических наук А. Д. Жалсараева выехала в г. Улан-Батор. Возглавлял группу благочинный Бурятского округа Читинской и Забайкальской епархии протоиерей Игорь Арзуманов. По словам отца Олега, «по приезду в столицу Монголии состоялась встреча с Генконсулом, заведующим Консульским отделом А. В. Федуловым, с российским консулом в Дархане В. М. Басановым, с руководителем Торгового представительства России в Монголии С. В. Опанасенко, а также с главой монгольских буддистов Хамболамой Дэмбэрэлийн Чойжамцом»³. «Как только мы прибыли на землю Монголии, сочли своим долгом представиться властью имущим. Мы провели ряд встреч в Министерстве юстиции, обсуждая проблемы легализации нашей деятельности в Монголии и согласуя вопросы о возможной регистрации общины Русской Православной Церкви в Улан-Баторе. Кроме того, мы встречались с высшим руководством буддийской Сангхи в Монголии, где речь шла об общих проблемах, которые беспокоили, да и сейчас беспокоят, духовенство традиционных религиозных конфессий, исповедуемых в России и Монголии перед лицом инославного, западного протестантского засилья, как в пределах России, так и в пределах Монголии», – вспоминает протоиерей Игорь Арзуманов⁴.

3 апреля 1996 года состоялось «организационное собрание российских граждан православного вероисповедания, постоянно и временно проживающих в г. Улан-Баторе» под председательством В. А. Дунаева. Фактически это было учредительное собрание по

² Резолюция Епископа Читинского и Забайкальского Палладия на письме Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла от 15 февраля 1996 г. // Личный архив О. Матвеева, протоиерея.

³ Интервью с О. Матвеевым, протоиереем, настоятелем Успенского храма г. Кяхты, благочинным Кяхтинского округа Улан-Удэнской и Бурятской епархии, записанное 21 августа 2016 г. Интервью с И.А. Арзумановым, профессором Иркутского государственного университета, бывшим благочинным Бурятского округа Читинско-Забайкальской епархии РПЦ, записанное 21 мая 2016 г.

⁴ Интервью с И.А. Арзумановым, профессором Иркутского государственного университета, бывшим благочинным Бурятского округа Читинско-Забайкальской епархии РПЦ, записанное 21 мая 2016 г.

созданию общины (прихода) Свято-Троицкого храма Русской православной церкви в Монголии. Всего присутствовало 40 человек, в том числе члены делегации Читинско-Забайкальской епархии во главе с протоиереем Игорем Арзумановым. Повестка собрания включала четыре вопроса: 1) создание общины РПЦ в Монголии; 2) принятие Устава общины РПЦ; 3) выборы приходского управления; 4) выбор местонахождения православного прихода. В протоколе собрания отмечено, что «в результате обсуждения собрание единогласно избрало в качестве председателя приходского совета (старосты) Л. М. Скуратову, в качестве заместителя председателя приходского совета – В. А. Дунаева, в качестве казначея (кассира) – Э. А. Равдан»¹.

После окончания собрания, длившегося три часа, священнослужители совершили молебен. На следующий день было освящено русское кладбище Улан-Батора и отпеты все православные усопшие, в том числе Николай Александрович Брилев, 1928 года рождения, который, по свидетельству родных и близких, был одним из последних крещённых в Свято-Троицком храме Урги². В силу православной церковной традиции Таинство Крещения совершается, как правило, на 40-й день после рождения. Если Н. А. Брилев родился в 1928 году, то и крещение было совершено в этом или последующем году. Таким образом, мы можем предполагать, что как минимум до 1928 года в Урге был православный священник. Этот факт ставит под сомнение существующее в отечественной историографии мнение о том, что после смерти Федора Парнякова деятельность Свято-Троицкого храма прекратилась.

Посещение Монголии представителями Русской Православной Церкви нашло отражение в средствах массовой информации. Так, газета «Новости Монголии» на первую страницу вынесла анонс «Русская Православная миссия в Монголии»³, в самой же газете на двух страницах были размещены небольшая статья под названием «75 лет спу-

стя на монгольской земле»⁴ и два интервью: с О. В. Бычковым⁵ и с протоиереем Игорем Арзумановым⁶. Еженедельник «The Mongol Messenger» опубликовал статью «Russian church revival predicted» («Предсказанное возрождение Русской церкви»), в которой подчёркивалась неразрывная связь миссионерской церкви в Урге и возрождающегося прихода в Улан-Баторе⁷.

По окончании командировки благочинный Бурятского округа протоиерей Игорь Арзуманов написал рапорт на имя правящего архиерея на восьми страницах, в котором рассказал о поездке, о своем впечатлении от первого знакомства с российским анклавом на территории Монголии. На наш взгляд, ценными являются пять заключительных пунктов рапорта:

«1. Местнорусская община граждан РФ значительна. Около 40 % её представителей – это люди пожилого возраста, нуждающиеся в постоянном духовном окормлении.

2. Велика также община граждан России и стран СНГ, работающих по длительным контрактам. Всего около 10 тыс. человек. Как показали многочисленные кратковременные встречи, у всех у них горячее желание припасть к чаше Православия.

3. Хотя наш приезд носил неофициальный характер, можно говорить о благосклонном отношении монгольских властей к такого рода связям. Монголия устала от нашествия всевозможных инославных миссий и сект. Русская Православная Церковь прочно ассоциируется с Россией, с которой, в свою очередь, Монголия намерена сейчас сблизиться во всех областях: экономической, военной, политической, культурной.

4. Исходя из всего вышесказанного, следует ставить вопрос об открытии в Монголии постоянного прихода нашей Святой Апостольской православной церкви, поскольку объективная ситуация весьма благоприятна.

5. Для освящения молебельного помещения, налаживания официальных контактов с

¹ Протокол организационного собрания российских граждан православного вероисповедания, постоянно и временно проживающих в г. Улан-Баторе, от 3 апреля 1996 г. // Личный архив О. Матвеева, протоиерея.

² Рапорт благочинного Бурятского округа Читинской и Забайкальской епархии протоиерея Игоря Арзуманова на имя епископа Читинского и Забайкальского Палладия от 27 апреля 1996 г. // Личный архив О. Матвеева, протоиерея.

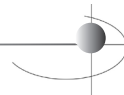
³ Спустя 60 лет вновь открывает свой приход в Монголии Русская Православная церковь // Новости Монголии. – 1996. – № 33. – С. 5.

⁴ Сайнбилэг С. Русская Православная миссия в Монголии // Новости Монголии. – 1996. – № 11. – С. 6–7.

⁵ Многие местнорусские были крещены здесь: интервью Олега Викторовича Бычкова, канд. ист. наук, учёного секретаря Бурятского благочиния Русской православной церкви // Новости Монголии. – 1996. – № 11. – С. 6–7.

⁶ Перед лицом инославного протестантского засилья: интервью благочинного Бурятского округа, настоятеля Свято-Троицкого кафедрального собора протоиерея Игоря Арзуманова // Новости Монголии. – 1996. – № 11. – С. 7.

⁷ Sainbileg S. Russian church revival predicted // The Mongol Messenger. – 1996. – No. 15. – P. 6.

монгольскими властями, изучения вопроса о создании православной общины в г. Дархан и для подготовки Вашего визита в Монголию осенью этого года прошу Ваше Преосвященство дать благословение мне, недостойному и грешному, на официальную поездку в Монголию во второй половине мая сего года»¹. Позднее наблюдения священнослужителя нашли более академическое оформление: «Миссионерские интенции РПЦ в исторической и современной перспективе были направлены на „освящение“ внутривосточного социокультурного пространства России. На рубеже веков региональные структуры РПЦ столкнулись всё же с необходимостью решать вопросы миссионерского служения и в трансасиатском направлении» [1, с. 113].

После посещения г. Улан-Батора делегацией Читинско-Забайкальской епархии и создания общины председатель Общества граждан РФ в Монголии, куратор православного прихода до его официальной регистрации В. А. Дунаев занялся поиском временного помещения для совершения богослужений. 25 июня 1996 года он обратился с официальным письмом к Чрезвычайному и Полномочному Послу Российской Федерации в Монголии Н. В. Павлову, в котором просил необходимое помещение и квартиру для периодического проживания священнослужителей. В частности, он заявлял: «Учитывая, что в 30-е годы советские власти уничтожили все православные церкви в Монголии, а их имущество конфисковали, мы вправе надеяться на то, что представители России в Монголии из той недвижимости, которой владеет Россия в Монголии, выделяют необходимые помещения для православного прихода на условиях компенсации за содеянное в 30-е годы»². В. А. Дунаевым также были написаны письмо Министру иностранных дел Е. М. Примакову и аналогичное – заместителю министра Ю. А. Зубакову, в которых он сетовал на действия заведующего консульским отделом в Улан-Баторе А. В. Федулова и бывшего посла РФ в Монголии С. С. Разова³. «В конце

¹ Рапорт благочинного Бурятского округа Читинской и Забайкальской епархии протоиерея Игоря Арзуманова на имя епископа Читинского и Забайкальского Палладия от 27 апреля 1996 г. // Личный архив О. Матвеева, протоиерея.

² Письмо председателя Общества граждан Российской Федерации в Монголии В. А. Дунаева Чрезвычайному и Полномочному Послу Российской Федерации в Монголии Н. В. Павлову № 02/06 от 25 июня 1996 г. // Личный архив О. Матвеева, протоиерея.

³ Письмо председателя Общества граждан Российской Федерации в Монголии В. А. Дунаева министру иностранных дел РФ Е. М. Примакову № 01/06 от 5 июля 1996 г. // Личный архив О. Матвеева, протоиерея; Пись-

прошлого года я обратился к А. В. Федулову с просьбой наших граждан об установлении контактов с православной церковью. Он отказал мне в резкой форме, заявив, что в РФ церковь отделена от государства. На моё замечание, что американская община в Монголии регулярно проводит религиозные службы, господин Федулов посоветовал нам принимать американское гражданство. И только благодаря помощи и усилиям сотрудника Вашего министерства Ю. Н. Кручкина была возрождена православная община в Монголии», – пишет В. А. Дунаев⁴.

В личном архиве протоиерея Олега Матвеева хранится письмо В. А. Дунаева в Совет по делам религии РФ от 10 июля 1996 года. Следует сказать, что Совета по делам религии именно Российской Федерации, как его обозначает В. А. Дунаев, никогда не было. Существовал такой орган как Совет по делам религий СССР, но он был упразднён в конце 1991 года. В апреле 1995 года был создан Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации. Возможно, эту структуру имел в виду В. А. Дунаев при составлении письма. В данном послании излагается сложившаяся ситуация в связи с отсутствием помещения, в котором могли бы собираться прихожане Свято-Троицкого храма и выражается надежда, что «Россия не оставит без внимания своих соотечественников в Монголии и поможет решить этот вопрос»⁵.

В это же время управляющий Читинско-Забайкальской епархией епископ Палладий отправил письмо вышеупомянутому послу Российской Федерации в Монголии Н. В. Павлову, в котором просил содействия в вопросе «выделения земельного участка для строительства православного храма в г. Улан-Баторе, для чего необходимо проведение определённой работы на уровне органов власти Монголии и российских организаций в Монголии»⁶. Кроме того, епископ Палладий обратился к Торговому представителю

мо председателя Общества граждан Российской Федерации в Монголии В. А. Дунаева заместителю министра иностранных дел РФ Ю. А. Зубакову № 02/07 от 5 июля 1996 г. // Личный архив О. Матвеева, протоиерея.

⁴ Письмо председателя Общества граждан Российской Федерации в Монголии В. А. Дунаева заместителю министра иностранных дел РФ Ю. А. Зубакову № 02/07 от 5 июля 1996 г. // Личный архив О. Матвеева, протоиерея.

⁵ Письмо председателя Общества граждан Российской Федерации в Монголии В. А. Дунаева в Совет по делам религии РФ № 03/08 от 10 июля 1996 г. // Личный архив О. Матвеева, протоиерея.

⁶ Письмо епископа Читинского и Забайкальского Палладия Чрезвычайному и Полномочному Послу Рос-

Российской Федерации в Монголии С. В. Опанасенко с просьбой о выделении помещения под храм¹.

Несмотря на бюрократические проволочки, 27 ноября 1996 года Свято-Троицкий православный приход Русской Православной Церкви г. Улан-Батор был зарегистрирован Министерством юстиции Монголии как иностранное религиозное объединение². Свидетельство об официальной регистрации было получено делегацией РПЦ в присутствии российского консула в Монголии В. В. Буракова. Вручал его начальник отдела государственной регистрации и контроля Министерства юстиции Монголии Авирмэдийн³. В состав делегации входили представитель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата священник Дионисий Поздняев и настоятель Успенского храма г. Кяхты священник Олег Матвеев, который отмечал: «очень символично, что документ о регистрации прихода в Монголии получил на руки сотрудник Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата священник Дионисий Поздняев, который тогда начинал свою православную зарубежную миссию» [9, с. 3]. Протоиерей О. Матвеев подсчитал, что за полтора года окормления им Свято-Троицкого прихода он приезжал в Улан-Батор восемь раз⁴. Сохранилось письмо на монгольском языке Л. М. Скуратовой в Консульский отдел Министерства внутренних дел Монголии, в котором отмечается: «в связи с тем, что нет помещения для постоянной работы церкви и священника просим Вас оказать помощь в получении долгосрочной визы на 1997 г. священнику Матвееву Олегу Владимировичу, временно назначенному из церкви Успения Божией Матери»⁵. Кстати, это письмо напечатано на фирменном бланке новообразованного Свято-Троицкого храма, в заглавии которого после слов «Русская Православная Церковь» сразу следует «Троицкий храм в Монголии». Этим показано намерение при-

соединения в Республике Монголия Н. В. Павлову № 288 от 17 июля 1996 г. // Личный архив О. Матвеева, протоиерея.

¹ Письмо епископа Читинского и Забайкальского Палладия Торговому Представителю Российской Федерации в Монголии С. В. Опанасенко № 289 от 17 июля 1996 г. // Личный архив О. Матвеева, протоиерея.

² Sainbileg S. Russian Orthodox church returns after 60 years // The Mongol Messenger. – 1996. – No. 48. – P. 7.

³ Старцев Е. Через Монголию с крестом // Вестник центра «Москва–Улаанбаатар» (прил. к газете «Монголия сегодня»). – 2006. – № 3–4. – С. 13.

⁴ Интервью с О. Матвеевым, протоиереем...

⁵ Скуратова Л. М. Сумийн Тэргууг. Монгол Улсын Гадаад Харилцааны Яамны консулын газарт. № 2. Date 29.01.1997 // Личный архив О. Матвеева, протоиерея.

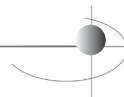
хода быть в непосредственном ведении Московской Патриархии, не входя под юрисдикцию Читинско-Забайкальской епархии.

16 марта 1997 года в праздник Торжества православия в столице Монголии после почти семидесятилетнего перерыва была отслужена Божественная литургия – главное богослужение православного христианина. Как сказано в рапорте благочинного Бурятского округа протоиерея Игоря Арзуманова епископу Читинскому и Забайкальскому Иннокентию (Васильеву): «Это была первая за последние 66 лет Божественная литургия в Центрально-Азиатских приделах»⁶. Начался новый исторический отрезок в жизни православной общины в Монголии. После регистрации прихода было направлено прошение на имя Высокопреосвященного митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата о принятии православных Монголии в состав Московской Патриархии. Постановлением Священного Синода Русской Православной Церкви от 28 декабря 1996 года Свято-Троицкая община была принята под юрисдикцию Русской православной церкви (Московский Патриархат), а через год был назначен и первый настоятель – протоиерей Анатолий Фесечко, клирик Владимирской и Суздальской епархии.

Отец Анатолий Фесечко прибыл в Монголию 20 января 1998 года вместе со священником Дионисием Поздняевым, сотрудником Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, который должен был представить протоиерея Анатолия как настоятеля Улан-Баторской Свято-Троицкой общины. От последнего официально назначенного настоятеля храма в Урге священника Федора Парнякова до отца Анатолия прошло 77 лет.

С 7 по 10 июля 2001 года состоялся архипастырский визит в Монголию митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя Отдела внешних церковных связей. 8 июля 2001 года после Божественной литургии митрополит Кирилл совершил чин закладки будущего православного храма. На освящении присутствовали руководитель администрации Президента Монголии Санжи Баяр, заместитель министра иностранных дел Сухбаатарын Батболд, посол РФ в Монголии О. М. Дерковский, руководители совместных

⁶ Рапорт благочинного Бурятского округа Читинской и Забайкальской епархии протоиерея Игоря Арзуманова на имя епископа Читинского и Забайкальского Иннокентия № 37 от 19 марта 1997 г. // Личный архив О. Матвеева, протоиерея.

монголо-российских предприятий и российские граждане, работающие в стране. В ходе визита состоялись встречи с Президентом Монголии Нацагийном Багабанди, главой монгольских буддистов Хамбо-ламой Чойжамцом Дэмбэрелом, другими государственными, общественными и религиозными деятелями Монголии. Кроме столицы страны митрополит Кирилл посетил также город Эрдэнэт¹.

20 апреля 2005 года Священный Синод Русской православной церкви принял решение освободить протоиерея Анатолия Фесечко от должности настоятеля Свято-Троицкого прихода в г. Улан-Баторе (Монголия) в связи с окончанием срока командировки. Новым настоятелем был назначен священник Алексей Трубач, до этого занимавший должность настоятеля Сергиевского прихода в г. Йоханнесбурге (ЮАР).

За годы настоятельства отца Алексия был построен и расписан храм во имя Святой Троицы (освящён 21 июня 2009 г.). Богослужения в храме, который открыт для молитвы ежедневно с 11.00. до 17.00 часов, проводятся регулярно. Настоятель, в виду проживания в приходском здании, постоянно доступен для прихожан. Богослужение по воскресным дням посещают от 30 до 60 человек. На Пасху 2015 года приход посетило около 300 человек. На Рождество было около 200 человек, примерно столько же пришло за крещенской водой на праздник Крещения. Состав прихожан – преимущественно русская часть населения страны, постоянно проживающая в Монголии, либо приезжие специалисты, дипломаты, бизнесмены, служащие [17]. Малочисленность православного населения в Монголии свидетельствует о том, что христианизация традиционно буддийского монгольского населения, коренизация православия, идентификация с местными жителями, укоренение в их культуре имеют низкую результативность. При этом православная церковь для большинства прихожан остаётся обладателем традиционной русской духовной культуры, норм и правил поведения, а священ-

нослужители – носителями и ретрансляторами идей общественно-политической жизни.

Заключение. Таким образом, используя данные опубликованной литературы и новые источники, представленные личным архивом протоиерея О. Матвеева, мы предприняли попытку исторической реконструкции событий, связанных с возрождением и правовой легализацией Свято-Троицкого прихода в Улан-Баторе. Документы, собранные священником, обеспечивают лучшее понимание исторического опыта православного миссионерства, иллюстрируют роль священнослужителей Читинской и Забайкальской епархии в деле возрождения и окормления церковной общины в столице Монголии, отражают различные взгляды современников на факт образования православной общины в Улан-Баторе.

Ввод в научный оборот новых документов позволил уточнить ряд существенных моментов и сделать определённые выводы. Во-первых, в ходе исследования установлено, что история Свято-Троицкого прихода не оборвалась в 1927 году со смертью настоятеля Ф. Парнякова. Как минимум до 1928 года в Урге был священник, окормлявший православных верующих. Во-вторых, возрождение православной общины в Улан-Баторе на рубеже XX–XXI веков стало результатом проявленной инициативы «местнорусского» населения Монголии (Общества российских граждан постоянно проживающих в Монголии). В-третьих, восстановлению Свято-Троицкого прихода способствовали не только представители Русской православной церкви, но и официальные лица как с российской, так и с монгольской стороны. В-четвёртых, в настоящее время православная община в Монголии – одна из наиболее малочисленных конфессий, представленных в стране. Объективной реальностью деятельности РПЦ в Монголии выступает религиозная составляющая, заключающаяся в окормлении русскоязычного населения в условиях проживания вне границ конфессионального пространства России.

Список литературы

1. Арзуманов И. А. Улан-Баторская община местнорусских в историко-религиоведческом контексте (XX–XXI вв.) // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования: сб. науч. ст. СПб., 2008. С. 488–498.
2. Арзуманов И. А., Бычков О. В. Православная церковь в Монголии: история и современность // Исторические судьбы православия в Сибири: тез. докл. и сообщений науч. конф. (1–3 окт. 1997 г.). Иркутск: ИргТУ, 1997. С. 58–64.

¹ Заседание Священного Синода Русской Православной Церкви от 17 июля 2001 г. // Информационный бюллетень Отдела Внешних церковных связей Московского Патриархата. – 2001. – № 7. – С. 13.

3. Арзуманов И. А., Бычков О. В. Зарегистрирована Православная община в Монголии // Миссионерское обозрение. Белгород, 1997. № 1. С. 19–20.
4. Бычков О. В. Православная миссия в Монголии (75 лет спустя на монгольской земле) // Миссионерское обозрение. 1996. № 5. С. 6.
5. Ванчикова Ц. П., Цэцэндамба С. Религиозная ситуация в Монголии: 1990–2009 гг. // Гуманитарный вектор. 2014. № 3. С. 67–72.
6. Даревская Е. М. Три портрета – три судьбы: исторические очерки. Улан-Батор: Агиймаа, 1997. 159 с.
7. Матвеев О. Свято-Троицкий храм в Улан-Баторе // Православная Бурятия. 2013. № 23. С. 3.
8. Митыпова Г. С. Политические предпосылки сохранения православных традиций в современной Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Спецвыпуск В. С. 57–62.
9. Митыпова Г. С. Православие в Юго-Восточной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. 7. История. 2011. Вып. 7. С. 166–171.
10. Михалёв А. В. Православие в современной Монголии: колониальные контексты в постколониальном мире // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. 7. История. 2014. Вып. 7. С. 106–112.
11. Михалёв А. В. Православие в современной Монголии: риторики и практики культурной экспансии // *Ab Imperio*. Казань, 2008. № 1. С. 235–253.
12. Поздняев Дионисий. История православной общины во Внешней Монголии // Материалы ежегодной богословской конференции православного Свято-Тихоновского богословского института. М., 1998. С. 282–284.
13. Сабилов Р. Т. Между прошлым и будущим: процессы трансформации в Монголии в 1990-е – начале 2000-х гг. // *Позиции России в АТР*. М., 2007. С. 227–241.
14. Сабилов Р. Т. Русская православная церковь в Монголии: история и современность // Три четверти века. Д. В. Деопику – друзья и ученики. М., 2007. С. 401–409.
15. Сабилов Р. Т. Христианство в Монголии после 1990 года // *Владимирцовские чтения – V*. М., 2006. Т. 5. С. 100–104.
16. Сайнбилэг С. Русская Православная миссия в Монголии // *Новости Монголии*. 1996. № 11. С. 6–7.
17. Трубоч А. Православие в Монголии. Свято-Троицкий приход в Улан-Баторе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.mn/> (дата обращения: 20.02.2017).

Статья поступила в редакцию 27.02.2017; принята к публикации 20.03.2017

Библиографическое описание статьи

Плеханова А. М., Корниенко Н. М. «70 лет без пастырского окормления...»: из истории возрождения православного прихода в г. Улан-Баторе // *Гуманитарный вектор*. 2017. Т. 12, № 4. С. 113–121. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-113-121.

Anna M. Plekhanova¹,

*Doctor of History, Associate Professor,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sahyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia),
e-mail:plekhanova.am@mail.ru*

Nikolay N. Kornienko²,

*Candidate of Theology, Postgraduate Student,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sahyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia),
e-mail:niknik-84@mail.ru*

“70 Years without Pastoral Care...”: the History of the Revival of the Orthodox Parish in Ulan Bator

The article is devoted to the history of the revival of the Holy Trinity parish in Ulan Bator (Mongolia). Historical reconstruction of the process of revival and juridical legalization of the Orthodox parish is based on the personal archive materials of protopriest Oleg Matveev, abbot of the Dormition Church in Kyakhta, which was entrusted pastoral care of reviving Orthodox church in the capital of Mongolia in the second half of the 1990s. During the research it was determined that the revival of the Orthodox community in Ulan Bator was the result of displaying initiative by

¹ A. M. Plekhanova is the principal author, the organizer of the study, she draws conclusions and summarizes the results of the teamwork.

² N. N. Kornienko identified archival documents, rules of their analysis and produced an article for publication.

“local Russian” population of Mongolia (the Society of Russian citizens permanently residing in Mongolia). The role of the clergy of the Diocese of Chita and Trans-Baikal in the revival and pastoral care of the church community in the capital of Mongolia is defined in the article. It was found that not only the representatives of the Russian Orthodox Church, but officials from both the Russian and the Mongolian side contributed to the restoration of the Holy Trinity parish. It is found that currently the Orthodox community in Mongolia is one of the most minority confessions represented in the country. Orthodoxy in Mongolia is professed (as it was before the revolution of 1917), mainly by Russian population. It is proved that at the current period the objective reality of the ROC activities in Mongolia is performed by the religious component, consisting in the nourishment of the Russian-speaking population in the conditions of residence outside the borders of Russia confessional space.

Keywords: Russian Orthodox Church, Mongolia, Ulan Bator, Holy Trinity Parish, missionary, protopriest Oleg Matveev, church, community, the religious

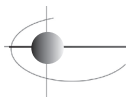
References

1. Arzumanov I. A. Ulan-Batorskaya obshchina mestnorusskikh v istoriko-religiovedcheskom kontekste (XX–XXI vv.) // Problemy otechestvennoi istorii: istochniki, istoriografiya, issledovaniya: sb. nauch. st. SPb., 2008. S. 488–498.
2. Arzumanov I. A., Bychkov O. V. Pravoslavnaya tserkov' v Mongolii: istoriya i sovremennost' // Istoricheskie sud'by pravoslaviya v Sibiri: tez. dokl. i soobshchenii nauch. konf. (1–3 okt. 1997 g.). Irkutsk: IrGTU, 1997. S. 58–64.
3. Arzumanov I. A., Bychkov O. V. Zaregistrirvana Pravoslavnaya obshchina v Mongolii // Missionerskoe obozrenie. Belgorod, 1997. № 1. S. 19–20.
4. Bychkov O. V. Pravoslavnaya missiya v Mongolii (75 let spustya na mongol'skoi zemle) // Missionerskoe obozrenie. 1996. № 5. S. 6.
5. Vanchikova Ts. P., Tsetsendamba S. Religioznaya situatsiya v Mongolii: 1990–2009 gg. // Gumanitarnyi vektor. 2014. № 3. S. 67–72.
6. Darevskaya E. M. Tri portreta – tri sud'by: istoricheskie ocherki. Ulan-Bator: Agiimaa, 1997. 159 s.
7. Matveev O. Svyato-Troitskii khram v Ulan-Batore // Pravoslavnaya Buryatiya. 2013. № 23. S. 3.
8. Mitypova G. S. Politicheskie predposylki sokhraneniya pravoslavnykh traditsii v sovremennoi Mongolii // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. Spetsvypusk V. S. 57–62.
9. Mitypova G. S. Pravoslavie v Yugo-Vostochnoi Azii // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7. Istoriya. 2011. Vyp. 7. S. 166–171.
10. Mikhalev A. V. Pravoslavie v sovremennoi Mongolii: kolonial'nye konteksty v postkolonial'nom mire // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7. Istoriya. 2014. Vyp. 7. S. 106–112.
11. Mikhalev A. V. Pravoslavie v sovremennoi Mongolii: ritoriki i praktiki kul'turnoi ekspansii // Ab Im-perio. Kazan', 2008. № 1. S. 235–253.
12. Pozdnyayev Dionisii. Istoriya pravoslavnoi obshchiny vo Vneshnei Mongolii // Materialy ezhegodnoi bogoslovskoi konferentsii pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo bogoslovskogo instituta. M., 1998. S. 282–284.
13. Sabirov R. T. Mezhdru proshlym i budushchim: protsessy transformatsii v Mongolii v 1990-e – nachale 2000-kh gg. // Pozitsii Rossii v ATR. M., 2007. S. 227–241.
14. Sabirov R. T. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v Mongolii: istoriya i sovremennost' // Tri chetverti veka. D. V. Deopiku – druz'ya i ucheniki. M., 2007. S. 401–409.
15. Sabirov R. T. Khristianstvo v Mongolii posle 1990 goda // Vladimirtsovskie chteniya – V. M., 2006. T. 5. S. 100–104.
16. Sainbileg S. Russkaya Pravoslavnaya missiya v Mongolii // Novosti Mongolii. 1996. № 11. S. 6–7.
17. Trubach A. Pravoslavie v Mongolii. Svyato-Troitskii prikhod v Ulan-Batore [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.pravoslavie.mn/> (data obrashcheniya: 20.02.2017).

Received: February 27, 2017; accepted for publication March 20, 2017

Reference to the article

Plekhanova A. M., Kornienko N. N. “70 Years without Pastoral Care...”: the History of the Revival of the Orthodox Parish in Ulan Bator // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 113–121. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-113-121.

УДК 2-4(571.56) "16/72"

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-122-127

Инна Игоревна Юрганова,

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
(677007, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1),
e-mail: inna.yurganova@mail.ru*

Особенности религиозной идентификации национальной окраины империи на примере Якутии¹

В статье на примере Якутии рассматривается механизм возникновения религиозной православной идентификации в национальной языческой окраине Российского государства. Отмечаются медленные темпы хозяйственного освоения края и христианизации, связанные как с объективными (суровый климат, значительность территории, отсутствие путей сообщения), так и с субъективными (ментальность, язычество) причинами. Подчеркивается, что, несмотря на приверженность к язычеству, переход народов Якутии в православие был менее сложным, чем у представителей монотеистических религий. Делается вывод об особой роли православия как государственной религии в процессе интеграции Якутской окраины в состав Русского государства в связи с малочисленностью и территориальной разбросанностью чиновничества и крестьянства. Очевидно, что миссионерство, организация приходской жизни, учебно-просветительская деятельность якутского духовенства стали значимыми элементами религиозной идентификации населения Якутии и способствовали тому, что к концу XIX столетия абсолютное большинство жителей области соотносили себя с православием и, следовательно, религиозная (православная) идентификация народов Якутии представляется уникальным элементом интеграции в российскую цивилизацию, когда этнические языческие обычаи заменялись передаваемыми из поколения в поколение традициями православия, органично встраиваемыми в ментальность народов.

Ключевые слова: религиозная (православная) идентификация, Якутия, Якутская окраина, интеграция, миссионерство

Вводная часть. Религиозная идентификация как форма коллективного и индивидуального самосознания подразумевает осознание принадлежности индивида к определённой религии и формирование представления о себе и мире посредством соответствующих религиозных форм. Она является одной из основ самосознания человека и находится у истоков формирования других видов идентичностей.

Религия выступает одним из содержаний идентификационного процесса в целом, когда человек осознаёт собственную идентичность посредством религиозных норм, истин, учений и религия предоставляет возможность найти себя, своё место в жизни, ответить на экзистенциальные вопросы. Вместе с тем религия выступает инструментом и посредником идентификационного процесса, так как с её помощью человек осознаёт свою принадлежность к определённой группе, роду, нации, стране и зачастую религиозная идентичность отождествляется как сочетание религиозной и этнической принадлежности.

Под этнической идентичностью понимается осознание своей принадлежности к определённой этнической общности и отделения себя от других. Таким образом, идентификация – это процесс приобщения к себе подобным, уподобление.

Методология и методы исследования. В связи с этим представляет интерес рассмотрение механизма религиозной идентификации национальных (инородческих) языческих окраин Российского государства на примере Якутии.

Результаты исследования и их обсуждение. Распространителями православной веры в отдалённых окраинах Российского государства являлись не только священники и монахи, но и казаки, торговцы и промышленники и, по мнению М. В. Ломоносова, «взятие Сибирского царства и приращение на Восток» России были «произведены больше частными поисками, чем государственной силой» [10, с. 63–64]. После образования Якутского (Ленского) острога начинается распространение государственной власти далее

¹ Статья подготовлена в рамках гранта ФНИ Президиума РАН «Республика Саха (Якутия): места памяти и многообразие идентичностей в истории и современности» № 0379-2015-0008.

на северо-восточные и восточные земли и рядом с первопроходцами, «бок о бок» в неизведанные земли шли священники, одной из функций которых было придание божественного ореола власти «белого царя» и его личность изначально трактовалась для местного населения как царь православный.

В глазах местного населения представители духовенства были, прежде всего, носителями иной неведомой цивилизации: их внешние отличия (высокий рост, светлая кожа, светлые волосы и глаза) дополнялись православной ментальностью, так как вся жизнь русского человека была неразрывно связана с церковью: от его социального положения в обществе и до взаимоотношений в семье, быту.

Включение новых территорий в состав государства отождествлялось с государственной политикой по христианизации. В Якутии в вопросах крещения «проявлялась осторожность и каждый конкретный случай взвешивался администрацией без учёта пожеланий духовенства» и, очевидно, что основной причиной медленного процесса христианизации являлась и политика государства, и недостаточность духовенства.

Одним из краеугольных камней государственного управления был вопрос о сотрудничестве с этническими элитами, когда русские элитные страты традиционно сотрудничали со своими иноэтничными коллегами [9, с. 203]. В Ленском крае известны факты, когда крещение непосредственно от священника принимал только князец (или родоначальник), другие члены кочующего рода, в связи с дальностью и неудобностью пути, окрещивались заочно, в лице их представителя с отправкой с ним крестиков, икон и некрещёный инородец считался ненадёжным подданным государя [11, с. 7].

Принявшие христианство получали возможность быть принятыми на государеву службу (с выплатой жалования), что способствовало возникновению симбиоза русских начал и местных обычаев, ставшего впоследствии одним из характерных специфических характеристик православия в Якутии. Новокрещёные, хорошо знающие край, пополняли отряды служилых людей, способствовали его быстрейшему освоению.

Вместе с тем, в XVII веке на территории обширного Ленского края религиозный фактор в межэтнических отношениях ещё не был особо заметен. Мероприятия по христианизации местного населения только начинались и первые принявшие православие включались

в сферу действия русской ментальности: изменяли имя, получали фамилию, происходила перемена языка, одежды, поведения, зачастую они обрывали связи с сородичами, если новокрещёный переезжал на жительство в острог или русское поселение.

Очевидно, что переходить в православие язычникам было проще, чем представителям монотеистических религий, что, в частности, находит объяснение в мирном характере христианизации края. Исторические источники и народные предания не сохранили упоминаний о восстаниях и мятежах, направленных против крещения, имеющиеся сведения о проявлениях открытого неповиновения властям связаны, прежде всего, со своеволием и произволом представителей государственной власти.

К середине XVII века русская власть начинает вырабатывать методы взаимодействия с инородцами, отражая их в инструкциях сибирским воеводам [4, с. 33–42]. Так, служилые люди были должны «иноземцам никакие тяготы не чинить, объявлять им государево милостивое слово» и, следовательно, имеются свидетельства начинающегося диалога между российской цивилизацией и традиционными этническими культурами Якутии.

Для территории Якутии характерен процесс медленного заселения «пришлыми» людьми. Русские крестьяне набирались из промышленных людей, казаков и посадских. В XVIII веке в связи с истреблением ценного зверя в разы уменьшился приток промышленников, стало практиковаться принудительное переселение крестьян на пашню в связи с устройством Иркутско-Якутского тракта. К концу века в крае насчитывалось около 8000 человек русских, из которых только 2400 причисляли себя к крестьянам [7, с. 143].

Будучи территориально оторванным от русской ментальности, проживая в окружении местного населения, крестьянство «объякучивалось», что находило выражение как в изменении антропологического типа, так и в «усвоении всего внутреннего содержания и всех внешних проявлений якутской жизни» [8, с. 9]. Если в Восточной Сибири, Прибайкалье и Забайкалье русские крестьяне интегрировали местное население в российскую цивилизацию, то в Якутии малочисленность крестьянства на значительных пространствах и его территориальная разбросанность приводила к противоположному результату, когда русские крестьяне, попав в неведомый для них край, приспособивались к суровым местным условиям, воспринимая черты ду-

ховной и материальной культуры якутов [3, с. 16, 24, 127; 5, с. 123]. Очевидно, что в XVII–XVIII веках русское население Якутии представляло полиэтническую среду, ассимилировавшую в себя представителей других национальностей.

Крестьянская колонизация являлась одним из значимых составляющих имперской политики в Сибири, когда важнейшую роль в строительстве империи должны были сыграть не столько военные и чиновники, сколько мирные крестьяне-переселенцы, которые осознавали себя передовым форпостом России. Якутия в этом процессе представляла исключение из правил. Аграрные реформы конца XIX – начала XX века, распространившись в Сибири, не коснулись Якутской области, рассматриваемой только как резервный район переселенческой политики. Так, в 1856 году Святитель Иннокентий (Вениаминов), указывая на целесообразность переселения в Амурский край выходцев из Европейской России «как в первые времена заселена была Сибирь», не предполагал подобного для Якутии [1, с. 382–383].

В целом в национальных окраинах Российского государства цивилизованная поляризация проходила по линии социальных групп, но в условиях Якутии, при незначительности влияния чиновничества и крестьянства, основным цивилизационным вектором интеграции региона в состав русского государства представляется деятельность духовного сословия, так как здесь, в условиях Крайнего Севера, русский крестьянин не стал главным действующим лицом инкорпорации инородцев в империю, земледелие (за исключением Олёкминского округа) не получило широкого распространения. Здесь действовали иные механизмы, свидетельствующие о поливариантности царской политики, учитывающей состояние хозяйствования и быта народов, в том числе и особая роль православия. В мероприятиях государственной власти учитывалась значительная политическая и социокультурная значимость православия, рассматриваемого как составляющая интеграции новых территорий в российское пространство [2, с. 24–25].

До начала XX века священнослужители в отдалённых наслезах были единственными грамотными людьми, представителями православной и российской культуры и, следовательно, процессы интеграции в этих местностях могли проходить только через приходской храм и его служителей. Обучение местного населения азам земледелия с вектором

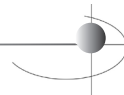
ориентирования на оседлый образ жизни ставилось в задачу приходских священнослужителей центральной и южной Якутии и их земельные наделы церквей, по мнению духовного начальства, должны были служить образцом для подражания.

Систематические взаимоотношения населения с представителями гражданской власти имелись только у проживающих в областном и окружных центрах, для большинства сельского населения Якутии приходской священник был «окном» в большой мир: первые зачатки грамоты дети инородцев получали в церковных школах, сельские причты получали газеты, при храмах существовали библиотеки, приходской клир на церковной земле, как правило, занимался либо земледелием, либо огородничеством (в зависимости от климатических условий), привлекая местное население в качестве помощников.

Средством интеграции стали также появившаяся в середине XIX века возможность привлечения местного населения в духовное сословие, возникновение сословной корпоративности якутского духовенства, создание духовно-образовательных структур, сделавшие более успешным проникновение в край русской государственности. Очевидно, например, что практика обучения в церковно-приходских школах детей инородцев способствовала не только распространению Слова Божьего и русского языка, но и в целом интеграционным процессам [6, с. 142].

Одним из элементов государственной политики по упрочению православия на окраинах империи было миссионерство. Русская православная церковь использовала различные методы и способы христианизации населения региона, связанные с накоплением опыта и знаний, основными из которых стала просветительская, переводческая и духовно-учебная деятельность. Подготовка кадров миссионеров для Восточной Сибири с середины XIX века осуществлялась на миссионерском отделении Казанской духовной академии, где помимо изучения «инородческих» языков в учебный план были включены дисциплины по этнографии, религиозным верованиям и миссионерская педагогика. Общегосударственной миссионерской структурой стало образованное в 1865 году Всероссийское православное миссионерское общество, которое оказывало поддержку и финансовую помощь миссиям.

Особенностью распространения православия в Сибири, получившего благословение от государства, стало введение практики

богослужения на языках местного населения. Якутскими священнослужителями с XIX века проводилась работа по переводу и изданию богослужебных книг на якутском языке, что также выступало как одно из средств вовлечения якутов в православную традицию. В 1907 году Синодом было разрешено проводить богослужение на «инородческих языках», но учёт местных особенностей и ментальности предоставили возможность проведения служб на якутском языке на полвека ранее официального разрешения (1859 г.), что свидетельствует об особом отношении к православию в «якутской окраине».

Ко второй половине XIX века у народов Якутии уже сложились передаваемые из поколения в поколения православные традиции. Обязательным элементом жизненного уклада стало посещение церковных служб, прихожане жертвовали на храмовые нужды, искали утешение в молитве. В отчётах благочинных отмечалось, что даже в «голодные годы», годы неурожая хлеба и травы якуты, «прибив наполовину свой скот, терпят во многом недостаток – усердие их к благолепию храмов Господних нисколько не оскудело». Источники свидетельствуют, что «якуты благочестивы... нет ни одной юрты, где бы не было святых икон и нет почти ни одного дома, где бы в праздничные дни перед иконами не возжигались свечи и не курился фимиам»; «детей стараются крестить, хотя по отдалённости многие остаются некрещёными до 2 лет и более». Свадьбы в наслегах также старались «приурочить» к визиту священника¹.

Источники указывают, что прихожане якуты добры, гостеприимны, к «церкви усердны» и к священникам «уважительны», живут, в основном по-христиански. Но посты не соблюдают («что попадётся, то и едят»), чтят православные праздники и «к святому Воскресению приезжают издалека в церковь»².

Данные сведения подтверждают и итоги Первой Всероссийской переписи (1896–1897 гг.), согласно которой более 98 % населения Якутской области причисляли себя к православным³. Понятно, что перепись фиксировала только формальную принадлежность к религии, не учитывая уровня религиозности и не признавая внеисповедного состояния, но, несомненно, что в конце XIX – начале XX века

¹ НА РС(Я). – Ф. 225-и. – Оп. 1. – Д. 1579. – Л. 1.; Д. 2448. – Л. 11–12.

² НА РС(Я). – Ф. 225-и. – Оп. 1. – Д. 2448. – Л. 33.

³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Центр. Стат. комитетом М-ва внутренних дел; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб., 1897–1905. – 608 с.

Православная Церковь располагала в Якутии самой массовой аудиторией.

К началу XX века в Якутской епархии действовала разветвлённая структура органов и учреждений Русской Православной Церкви, в том числе – духовная консистория, епархиальное попечительство о бедных духовного звания, епархиальный ревизионный комитет, комитет Православного миссионерского общества, церковно-миссионерское Братство Христа, епархиальный училищный Совет с шестью отделениями, женское епархиальное училище, духовная семинария и училище, отдел православного Палестинского общества, свечные и книжные склады, многочисленные духовные комиссии и т. д.⁴

Заключение. Таким образом, региональная политика государства была ориентирована как на политическую и экономическую интеграцию, так и на социальную, правовую и административную однородность. Вместе с тем, учитывались региональные особенности, результатом чего стала поливариантная окраинная политика.

Русская цивилизация, пришедшая в Якутский край в XVII веке, уже представляла собой цивилизационный конгломерат, вместивший в себя русскую культуру, включающую элементы и Запада, и Востока. Эта отшлифованная многовековым историческим развитием мозаика вступила во взаимодействие со специфическими условиями феномена арктической цивилизации, в том числе и условиями религиозными, в отношении которых без конфликтов и кровопролитий были найдены мудрые решения перманентной христианизации народов Якутии.

Укрепление государственного строя империи поставило перед Русской Православной Церковью новые задачи, в том числе, культурно-идеологическую. Восточная Сибирь и, в частности, Якутский край имели региональную специфику распространения и укрепления христианства. Отсутствие православных традиций, наличие ярко выраженной ментальности местного населения изначально приводили к тому, что церковь стала не только духовным, но и социальным институтом. Интенсивная миссионерская политика и просветительская деятельность духовенства направляла вектор христианизации инородческого населения, монастыри и храмы служили одним из способов приобщения инородцев к духовным ценностям христианства,

⁴ РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 355, 406, 455, 507, 561, 613, 665, 718, 767, 822, 860, 915, 988, 1010, 1060, 1115, 1169, 1219, 1270, 1321, 1431, 1488, 1544, 1602, 1705, 1818, 1968, 2190, 2253, 2314, 2370.

знакомству с церковной архитектурой и живописью.

Религиозная (православная) идентификация народов Якутии представляется уникальным элементом интеграции в российскую цивилизацию, когда этническая языческая ментальность заменяется передаваемыми из поколения в поколение традициями

православия, органично встраиваемыми в ментальность народов Якутии. Православная церковь, выполняя роль доминирующего идеологического института, оказывала значительное влияние на основные процессы жизнедеятельности якутского социума, привнося цивилизационные начала христианской культуры и образа жизни.

Список литературы

1. Барсуков И. П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. М.: Синодальная типография, 1883. 819 с.
2. Гимельштейн А. В., Дамешек Л. М., Сенина Е. А. Образ «инородцев» на страницах периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.). Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. 320 с.
3. Зензинов В. М. Старинные люди у холодного океана. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1912. 133 с.
4. Иванов В. Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII века. Новосибирск: Наука, 1979. 386 с.
5. Майнов И. И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб., 1912. 357 с.
6. Пуховская Е. Ю. Сибирский инородец и африканский туземец: «встреча» цивилизаций // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – нач. XX в.) / отв. ред. И. Л. Дамешек, Ю. А. Петрушин. Сер. Азиатская Россия. Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2008. С. 142–162.
7. Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII – нач. XX в.). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1961. 484 с.
8. Стефанович Я. В. От Якутска до Аяна. Путевые наблюдения // Записки ВСОРГО. Иркутск, 1896. Т. 2, вып. 3. С. 8–16.
9. Тревпалов В. В. «Белый царь»: образ монарха в представлении о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 256 с.
10. Широков С. Валаамский монастырь и американская православная миссия. История и духовные связи. М.: Либрис, 1996. 114 с.
11. Якутский Спасский монастырь. Краткий исторический обзор (1644–1904 гг.). СПб., 1904. 16 с.

Статья поступила в редакцию 11.09.2016; принята к публикации 15.01.2017

Библиографическое описание статьи

Юрганова И. И. Особенности религиозной идентификации национальной окраины империи на примере Якутии // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 122–127. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-122-127.

Inna I. Yurganova,

*Candidate of History, Senior Researcher,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(1 Petrovskogo st., Yakutsk, 677007, Russia),
e-mail: inna.yurganova@mail.ru*

Features of Religious Identity of National Outskirts of the Empire: the Case of Yakutia¹

The article discusses the mechanism of occurrence of the Orthodox religious identification in the national pagan outskirts of the Russian state on the example of Yakutia. We note the slow pace of economic development of the region and the Christianization associated with the objective (harsh climate, significance of territory, lack of communications) and subjective (mentality of the local population, paganism) reasons. It is emphasized that, despite the commitment to paganism, the transition of the peoples of Yakutia in Orthodoxy was less complex than the representatives of other monotheistic religions. The conclusion is about the special role of Orthodoxy as a state religion in the integration of the Yakut outskirts in the Russian state in connection with the small size and territorial dispersion of the bureaucracy and peasantry. It is obvious that the missionary, the organization of parish life, education of the Yakut of the clergy became important elements of religious identification of the population of Yakutia and contributed to the fact that by the end of the 19th century, the vast majority of residents of the area related themselves with Orthodoxy, and consequently religious (Orthodox) identity of the peoples of Yakutia is a unique element of integration into the Russian civilization, when ethnic pagan customs were replaced, transmitted from generation to generation, traditions of Orthodoxy, organically embedded in the mentality of the peoples.

Keywords: religious (Orthodox) identity, Yakutia, Yakutsk suburb, integration, missionary

¹ This article was prepared under the Grant of the FFR of the Presidium of the RAS "The Republic of Sakha (Yakutia): places of memory and the diversity of identities in history and modernity". No. 0379-2015-0008.

References

1. Barsukov I. P. Innokentii, mitropolit Moskovskii i Kolomenskii. Po ego sochineniyam, pis'mam i rasskazam sovremennikov. M.: Sinodal'naya tipografiya, 1883. 819 s.
2. Gimel'shtein A. V., Dameshek L. M., Senina E. A. Obraz «inorodtsev» na stranitsakh periodicheskoi pechati (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). Irkutsk: Vost.-Sib. izd. kompaniya, 2007. 320 s.
3. Zenzinov V. M. Starinnye lyudi u kholodnogo okeana. M.: Tip. P. P. Ryabushinskogo, 1912. 133 s.
4. Ivanov V. F. Pis'mennyye istochniki po istorii Yakutii XVII veka. Novosibirsk: Nauka, 1979. 386 s.
5. Mainov I. I. Russkie krest'yane i osedlye inorodtsy Yakutskoi oblasti. SPb., 1912. 357 s.
6. Pukhovskaya E. Yu. Sibirskii inorodets i afrikanskii tuzemets: «vstrecha» tsivilizatsii // Rossiya i Sibir': integratsionnye protsessy v novom istoricheskom izmerenii (XVIII – nach. XX. v.) / otv. red. I. L. Dameshek, Yu. A. Petrushin. Ser. Aziatskaya Rossiya. Irkutsk: Vost.-Sib. izd. kompaniya, 2008. S. 142–162.
7. Safronov F. G. Russkie krest'yane v Yakutii (XVII – nach. XX v.). Yakutsk: Yakut. kn. izd-vo, 1961. 484 s.
8. Stefanovich Ya. V. Ot Yakutska do Ayana. Putevye nablyudeniya // Zapiski VSORGO. Irkutsk, 1896. T. 2, vyp. 3. S. 8–16.
9. Trevalov V. V. «Belyi tsar'»: obraz monarkha v predstavlenii o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv. M.: Vost. lit., 2007. 256 s.
10. Shirokov S. Valaamskii monastyr' i amerikanskaya pravoslavnaya missiya. Istoriya i dukhovnye svyazi. M.: Libris, 1996. 114 s.
11. Yakutskii Spasskii monastyr'. Kratkii istoricheskii obzor (1644–1904 gg.). SPb., 1904. 16 s.

Received: September 11, 2016; accepted for publication January 15, 2017

Reference to the article

Yurganova I. I. Features of Religious Identity of National Outskirts of the Empire: the Case of Yakutia // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP.122–127. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-122-127.

АРХЕОЛОГИЯ

ARCHEOLOGY

УДК 902:903.7(571.55)

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-128-136

Александр Васильевич Константинов,
доктор исторических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30),
e-mail: konstant1956@mail.ru

Археологические работы на территории церкви Успения Пресвятой Богородицы в селе Калинино Забайкальского края

В статье освещены предварительные результаты археологических исследований территории прилегающей к Успенской церкви в с. Калинино (Монастырское) Нерчинского района Забайкальского края. Церковь, построенная в 1712 году по указу Петра I, является уникальным памятником истории и культуры, самым древним каменным сооружением на территории от Байкала до Тихого океана. Данная территория представляет собой значительный интерес, поскольку предположительно на этом месте казаками П. Бекетова в 1653 году был построен первый Нерчинский острог, а затем здесь было поселение и Нерчинский Успенский монастырь. В монастыре нашли приют первые землепроходцы Забайкалья, одновременно монастырь использовался для заточения особо опасных государственных преступников. Здесь «под строгим караулом» в 1730-х годах содержался опальный иерарх Русской Православной Церкви Гедеон (Г. Дашков). Археологические работы позволили установить характер культурного слоя, получить разнообразные артефакты, выявить захоронения и предварительно наметить границы некрополя. К северу от храма ведутся целенаправленные поиски могилы Гедеона. Дальнейшее проведение археологических работ накануне предстоящей реконструкции церкви представляется крайне необходимым. Это позволит составить более полное представление о храме, который является одним из символов Забайкальского края, а также о характере одного из первых в крае русских поселений, определить границы охранной зоны.

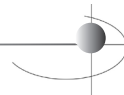
Ключевые слова: село Калинино (Монастырское), Нерчинский Успенский монастырь, церковь Успения Пресвятой Богородицы, Гедеон (Г. Дашков), культурный слой, артефакты, некрополь

Вводная часть. В 2016, 2017 годах волонтерским археологическим отрядом Забайкальского государственного университета под руководством автора статьи при поддержке Забайкальского регионального отделения ВОО «Русское географическое общество» проводились разведывательные работы на территории церкви Успения Пресвятой Богородицы в селе Калинино Нерчинского района Забайкальского края.

В настоящее время церковь хорошо известна. Она расположена на правом берегу Шилки в селе Калинино. Её можно видеть и с поезда, который идёт по левому берегу в районе ст. Приисковая, и с автомобиль-

ной трассы, идущей от станции на г. Балей. Церковь уже издавна привлекает людей архитектурными формами, а вблизи своими разрушениями – наклонившимися куполами, обвалившимся сводом, трещинами по стенам и т. д. Церковь отражает все сложные перипетии нашей истории.

Широкою известностью церковь получила в 1980-х годах благодаря исследованиям, проведённым известным специалистом по историко-архитектурному наследию Н. П. Крадиным. Он первый собрал сведения по истории церкви, обратил внимание на её уникальность как памятника архитектуры начала XVIII века, а также оценил масштаб раз-

рушений и поставил вопрос о необходимости срочной реконструкции здания. Оценивая значение церкви, построенной в 1712 году по указу Петра I, он особо подчёркивал, что она является единственным примером каменного церковного зодчества на территории к востоку от Байкала того времени [10, с. 53–54]. Однако в практическую плоскость вопрос, к сожалению, так и не перешёл. Автор впервые посетил церковь в 1984 году. В это время она не имела никакого ограждения, скот свободно заходил в храм и он в буквальном смысле напоминал «авгиевы конюшни».

Интерес к церкви резко возрос в начале 2000-х годов. Усилиями волонтеров церковь была освобождена от мусора, а вокруг церкви на расстоянии 5–8 м установлена ограда. Об её истории, архитектуре, необходимости реконструкции в это время были написаны десятки статей в различных периодических изданиях. Подчёркивая значимость памятника для Забайкалья, её изображение помещали на обложках ряда научных изданий, посвящённых истории и охране историко-культурного наследия в крае.

Поэтому не удивительно, что по итогам конкурса «7 чудес Забайкалья», проведённом в Забайкальском крае в 2010 году, наибольшее количество голосов получила именно Успенская церковь. В целях организации её реконструкции был создан попечительский совет, председателем которого стал губернатор края Р. Ф. Гениатулин. В 2011 году была разработана проектно-сметная документация – «Проект консервации объекта культурного наследия» и «Реконструкция церкви Успения Пресвятой Богородицы в с. Калинино, Нерчинского района». В крае начался сбор средств на реконструкцию, работы планировалось начать к 300-летию церкви в 2012 году. Однако осуществить задуманное из-за нехватки средств так и не удалось. Заметим, что вопрос о проведении археологических исследований на территории, прилегающей к церкви, в принятых документах даже не был обозначен. Церковь внесена в реестр Забайкальского края как памятник архитектуры.

Результаты исследования. Само местоположение и история церкви примечательны. Церковь расположена в с. Калинино (бывшее Монастырское) на правом берегу Шилки напротив устья Нерчи в непосредственной близости от старинного сибирского города Нерчинска – административного центра «земли Даурской». Как известно Нерчинский (Нелюдский) острог был основан в 1953 году М. Урасовым – казачьим десятником в

отряде П. Бекетова. Построенный им «малый острожек» был поставлен на правом берегу Шилки, и вполне вероятно, на месте современного села Калинино. Это подтверждает анализ карты окрестностей. Выше по течению по правобережью широкая пойма и нет удобных мест для поселения. В районе села южная протока Шилки выходит к террасе, удобной для поселения. Острог просуществовал совсем недолго и был сожжён тунгусами в 1656 году. В 1658 году острог был заново отстроен А. Пашковым, но уже в 6 км выше прежнего на левом берегу Шилки при впадении в неё Нерчи. Таким образом, церковь и острог в течение XVIII века находились в пределах видимости в нескольких километрах друг от друга (в начале XIX в. Нерчинск из-за наводнений вновь был перенесён выше по Нерче). Заметим, что оба отряда землепроходцев и П. Бекетова – казачьего сотника, и А. Пашкова – енисейского воеводы, формировались в Енисейске, откуда и отправились за Байкал в таинственную Даурию. В отряде А. Пашкова находился с семьёй опальный протопоп Аввакум. В плане нашей темы важно добавить, что на территории Нерчинского острога, отстроенного А. Пашковым, или как он именуется местными жителями – Старый город (ныне с. Михайловское) под руководством А. Р. Артемьева проводились археологические раскопки [1]. Так что проведение археологических работ в селе Калинино может приоткрыть страницы истории не только связанные с Успенской церковью, но и с первым Нерчинским острогом.

Строительство церкви связано с созданием Нерчинского мужского монастыря. По просьбе первых забайкальских землепроходцев на имя Петра I была подана челобитная. В ней они молили государя об устройении обители: «И те престарелые отставленные служилые люди желают постричься. А в Нерчинске де монастыря не бывало, и по се время нет» [4; 5]. В 1706 году Петром I был издан указ о начале строительства Успенской церкви, получено благословление тобольского митрополита Иоанна Максимовича и уже в 1712 году храм был построен. Мы не будем останавливаться на архитектуре церкви, которая представляет несомненный интерес. Эта работа проведена другими исследователями¹ [2; 10]. Заметим только, что церковь по своему типу относится к бесстолпным храмам, с традиционной осевой композицией:

¹ Бушуева Е. С. Нерчинская Успенская церковь: архитектура и внутреннее убранство начала XVIII века (к 300-летию со дня окончания строительства и освящения): учеб. пособие. – Чита: ЗабГУ, 2012. – 169 с.

алтарь, четверик храма, трапезная и трёхъярусная колокольня. Основной объём завершен пятью главами. Композиция колокольни традиционна: восьмерик на четверике, с шатровым завершением (рис. 1).

Отметим также, что каменный храм сам по себе уже уникален, поскольку указом Петра I сооружение каменных зданий было запрещено в связи со строительством новой

столицы – Петербурга. Как уже говорилось, Н. П. Крадин отмечал, что она является древнейшей каменной церковью от Байкала до Тихого океана. По поводу строительства Успенской церкви Иркутские епархиальные ведомости ещё за 1883 год (№ 44) отмечали, что Спасская церковь в Иркутске была освящена на год позже – в 1713 году. Всё это ещё раз подчёркивает значимость церкви.

Рис. 1. Нерчинская Успенская церковь (1902 г.). Вид с севера

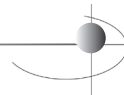
Fig. 1. Nerchinsk Church of Dormition (1902). Northern view

Из кирпича был построен не только храм, но и ограда, которая огораживала территорию монастыря (8×57 сажень), а также кельи монахов. Внутри ограды помимо каменной церкви располагалась и деревянная во имя Богоявления Господня (строилась в 1707–1710 гг.). Здесь же были амбары, кладовые, «магазинны», погреб, монастырская кухня-поварня [4, с. 31]. К востоку от ограды за ключом (в настоящее время он пересох) располагались несколько изб, кожевня, дубня, конный двор, поварня, баня, гумно, два овина (сейчас на этом месте территория школы). Известно, что деревянная церковь сгорела в 1729 году, а уже в 1731 году была восстановлена [9, с. 564].

Монастырь был обителью не только монахов. Здесь содержали особо опасных государственных преступников. Среди монастырских узников самым известным был Гедеон (Георгий Дашков) – один из иерархов Русской

Православной Церкви начала XVIII века, вице-президент Св. Синода, архиепископ Ростовский и Ярославский, обвинённый в государственной измене и сосланный в 1735 году в Нерчинский монастырь с наказом «содержать его там до смерти не исходно под крепким караулом и никого к нему не допускать» [3, с. 15–24; 6, с. 260]. В 1738 году монастырь посетил епископ Иркутский преосвященный Иннокентий Нерунович, прибывший незадолго до этого из Петербурга. Одна из целей посещения – «навестить горького узника-собрата, томившегося в Нерчинском монастыре, Георгия Дашкова» [8, с. 568].

Монастырский период в истории церкви закончился в 1773 году, когда Нерчинский Успенский монастырь был упразднён. Утварь и имущество перевезли в Иркутск, оставшихся трёх монахов перевели в Киренский монастырь, а монастырские земли передали крестьянам. Спустя два года крестьяне селений

Монастырское, Закаменное, Матусово и Кирочинское просили открыть приход и дать им священника. Просьба была удовлетворена, и в 1775 году приход был учреждён, его первым настоятелем стал Иосиф Титов. В 1781 году было получено разрешение на разборку каменных келий и стен. В 1798 году вновь горела деревянная церковь.

При священниках Солнцева и Знаменском в 1880-х годах церковь на средства прихожан была отремонтирована. Крыша была покрыта листовым железом, окрашенным в зелёный цвет, полы перестелены, обновлены иконостасы, престолы с жертвенниками вновь освящены, вокруг церкви появилась металлическая ограда. От старых вещей времени монастыря в церкви в конце XIX века мало что осталось. Сохранилась фотография церкви 1902 года (рис. 1). В церкви в это время долго служил священник Иоанн Знаменский, положивший начало династии священнослужителей. За годы существования церкви рядом с ней образовался православный некрополь. По воспоминаниям местных жителей могилы располагались с восточной (алтарной) и южной сторон храма. За алтарём располагалась могила упомянутого И. Знаменского и его жены.

В 1923 году село Монастырское посетил один из руководителей партии и советского государства или как его называли «всесоюзный староста» – М. И. Калинин. В селе перед церковью в честь приезда высокого гостя была построена трибуна, с которой М. И. Калинин выступил перед крестьянами окрестных сёл. После этого село и было переименовано в его честь. В 1930 году после ареста настоятеля Успенской церкви Н. И. Знаменского храм был закрыт и использовался под разные нужды, а с 1970-х годов стал полностью бесхозным и в результате стал быстро разрушаться.

Разведывательные археологические работы на территории Успенской церкви решено было провести, чтобы ещё раз привлечь внимание властей и общественности к необходимости проведения срочной реконструкции церкви и организации целенаправленных археологических изысканий. В настоящее время территория вокруг церкви свободна от застроек, что создаёт благоприятные возможности для проведения археологических работ. За современной церковной оградой из штакетника валяются, давно утратив своё первоначальное положение, несколько надгробий, напоминая о существовании православного некрополя. В результате осмотра церкви на колокольне в слое мусора была обнаружена

медная прямоугольная накладка, видимо, от церковной книги. Она украшена сферическим выступом, от которого в разные стороны расходятся лучи.

Раскопки проводились у северной, обращённой к Шилке, стены храма внутри современной ограды. С этой стороны в стене имеется окно, а ближе к алтарю двухстворчатая дверь, перед которой расположены плиты песчаника. Раскоп шириной в четыре метра и площадью около 100 м² вытянулся вдоль всей стены от главного входа в храм с западной стороны до алтаря. Раскопки позволили выявить стратиграфию памятника, получить набор артефактов, понять характер их распространения, выявить неизвестные прихрамовые структуры. Все находки связаны с верхней частью отложений (почвенно-дерновый слой) и залегают в нём до глубины в 15–20 см. Ниже идёт другой литологический слой – тёмный (до черноты) почвенный слой времени атлантического оптимума (8–4 тыс. л. н.), который не содержит находок.

В ходе раскопок найдено 326 предмета. Среди них 124 фрагмента керамики, 13 обломков фаянсовых и 8 фрагментов стеклянных сосудов, 174 кованых железных гвоздей и их частей, 5 фрагментов слюды. Особый интерес представляет медный нательный крестик размером 3,5×5,3 см и скорняжная черешковая провёртка. Керамика преимущественно лепная, неорнаментированная, средняя толщина фрагментов 0,5–0,7 см. Цвет от светло- до тёмно-коричневого. Тесто пористое, обожжено неравномерно, отощено мелкозернистым песком и дресвой. Обнаружено 15 фрагментов венчиков, из которых 3 прямых гладко срезанных и 12 слегка отогнутых наружу.

Фрагменты фаянсовой посуды преимущественно белого и голубого цвета имеют среднюю толщину 0,3–0,5 см. Толщина осколков стеклянных сосудов от 0,5 до 1,2 см, стекло полупрозрачное зелёного цвета. Обнаружено доньшко из стекла зелёного цвета толщиной 1 см. Все кованые железные гвозди в сечении четырёхгранные или круглые, длиной от 4 до 10 см при диаметре шляпки от 0,7 до 1 см. Находки в целом распространены по площади равномерно. Обнаруженный материал датируется XVIII – началом XX века.

Раскопом по всей линии стены был вскрыт и фундамент церкви, который расположен ниже линии современной дневной поверхности. Установлено, что первоначально под фундамент рылись траншеи, в которые укладывались массивные гранитные блоки.

Наиболее крупный блок размерами 0,56 × 2,5 м был выявлен ближе к алтарной части. Ниже его обозначился другой такой же мощный блок, однако сезонная мерзлота не позволила полностью изучить фундамент (рис. 2).

В 3 м от входа и в 2 м от стены на глубине в несколько сантиметров была выявлена хорошо сохранившаяся выкладка из небольших плиток алевролита толщиной в 1–3 см. Выкладка ориентирована вдоль стены и име-

ет длину 1,85 м при ширине 0,5 м (с западной стороны) и 0,35 м (с восточной). Внешне по форме она напоминала крышку гроба и, казалось, свидетельствовала о наличии в этом месте захоронения. Однако такового не оказалась, что подтвердила небольшая траншея, прорытая параллельно выкладке (сама выкладка не разбиралась). Можно предположить, что выкладка играла роль своеобразного кенотафа (рис. 3).

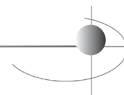
Рис. 2. Фрагмент фундамента церкви (северная сторона, приалтарная часть)

Fig. 2. Church foundation fragment (northern side, altar area)

Рис. 3. Каменная выкладка (кенотаф) у северного входа

Fig. 3. Stone plates (cenotaph) by the northern gate

Известно, что рядом с церковью в апреле 1739 года был похоронен упомянутый выше опальный церковный иерарх Гедеон. Его похоронили не за алтарём, как это было принято, а с северной стороны храма, недалеко от входа без какого-либо обозначения могилы (он был государственный преступник). Высочайший указ от 23 октября 1740 года «О помиловании невиннососланных в предшествующее царствование» уже не застал схимонаха Гедеона в живых. О возведении после указа какого-либо надгробного сооружения на его могиле сведений нет. Возьмем на себя смелость высказать предположение, что могила Гедеона была потеряна, а затем возникла идея её символически отметить. В результате

и появилась выявленная нами выкладка. Известно только, что в XIX веке нерчинцы (в то время они именовались нерчугане) хорошо помнили, что у северной стены храма похоронен Гедеон, о нахождении его могилы напоминал разросшийся куст бузины, по преданию, посаженный им самим [3, с. 24]. В пределах вскрытой площади вдоль северной стены храма никаких могильных пятен не выявлено. Заметим, что ширина раскопа составляет 4 м и не доходит до современной церковной ограды. На фотографиях церкви начала XX века видна церковная ограда и разросшиеся кусты бузины. При этом ограда находится на несколько большем удалении от церкви по сравнению с современной (рис. 4).

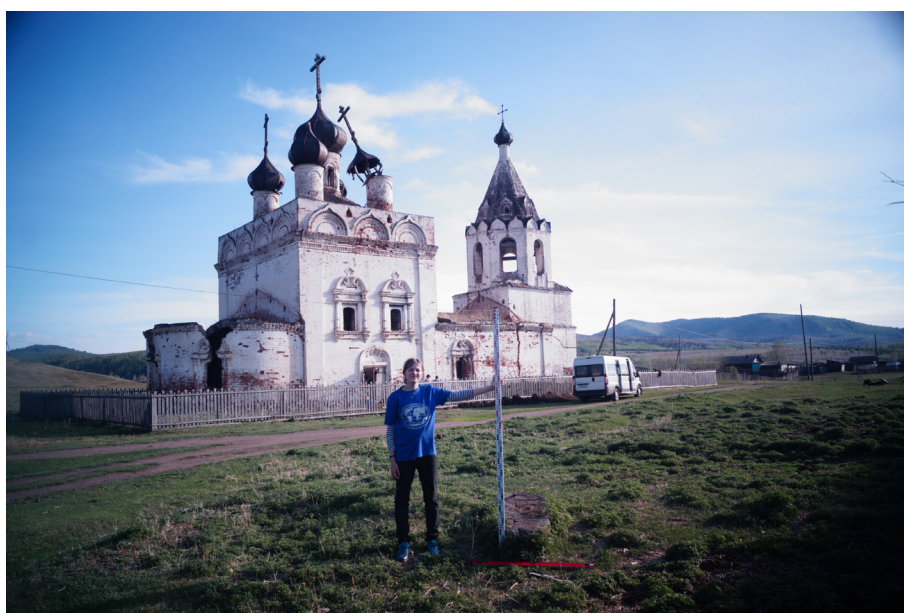

Рис. 4. Нерчинская Успенская церковь. Современный вид с северо-востока

Fig. 4. Nerchinsk Church of Dormition. Modern view from north-east

По свидетельству местных жителей, ещё в 1970-е годы у храма с восточной и южной сторон сохранялись могильные сооружения некрополя. В 2014 году с южной стороны храма за церковной оградой построили часовню, которая попала на захоронения. Это подтверждают человеческие кости, оказавшиеся на поверхности при заложении фундамента часовни. С целью изучения некрополя с восточной стороны, за алтарём и сразу за пределами современной церковной ограды перпендикулярно раскопу была заложена разведывательная траншея, которая вписывалась в общую разметку. Траншеей выявлено семь плотно расположенных захоронений. При этом мы не ставили цель их вскрытия (проводилась только их зачистка по поверхности).

Это позволило выявить контуры шести могильных ям. Рядом с ними на глубине в несколько сантиметров обнаружена массивная погребальная плита из песчаника размерами 0,6×1,5 м и толщиной до 30 см. При зачистке поверхности могильных ям выявлены отдельные человеческие кости. Вероятно, они оказывались на поверхности при заложении очередной могилы. Можно предположить, что хронологически все захоронения относятся к XVIII – началу XX века (рис. 5).

По инициативе академика М. И. Эпова к археологическим поискам были подключены геофизические исследования методами электротомографии и георадиолокации. Последние выполнялись сотрудниками Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН

(Новосибирск), Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (Чита) и студентами-геофизиками ЗабГУ. Целью геофизических исследований было обнаружение церковного некрополя и выявление особенности геофизических полей при поисках подобных объектов. Исследования проводились методами электротомографии – ЭТ (сплошные электрические зондирования) и георадиолокации. На первом этапе для выявления могил и контуров некрополя была проведена площадная георадарная съёмка на

четырёх участках, прилегающих к церкви общей площадью больше 300 м². Однако обработка этих данных не дала желаемого результата, хотя аномалии проявлялись, но они не носили какого-либо упорядоченного характера. Разделить аномалии от искомым объектов (могилы) от ложных аномалий, обусловленных литологическим неоднородностями верхней части разреза, не представлялось возможным. Одновременно с георадиолокацией проводилась площадная съёмка методом ЭТ на участке к северу и востоку от церкви.

Рис. 5. Изучение монастырского некрополя

Fig. 5. Monastery necropolis research

Другой задачей была оценка инженерно-геокриологических условий на территории и в основании церкви. Для этого были проведены измерения методом ЭТ через здание церкви в направлениях юг – север и запад – восток. На рис. 6 приведён геоэлектрический разрез, полученный в результате инверсии данных ЭТ по одному из таких профилей. На разрезе в основании церкви с глубины 1,5 м выделяется область очень высокого электро-

сопротивления. Эта аномалия интерпретируется как линза многолетнемёрзлых пород, сформированная в результате многолетнего воздействия среднегодовых отрицательных температур в затенённом здании. Очевидно, что в разрушении церкви большую роль сыграло морозное пучение грунтов. В связи с этим обнаруженные особенности геокриологического строения основания церкви должны учитывать при восстановительных работах [8].

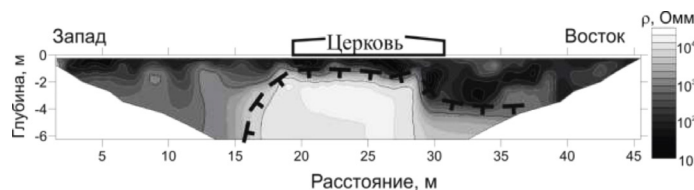
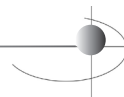

Рис. 6. Геоэлектрический разрез через церковь по данным электротомографии (пунктиром показана граница мёрзлых пород)

Fig. 6. Geoelectric profile of the church based on electrical tomography data (dotted lines show the outlines of frozen rock)

Заключение. Археологические работы на территории Успенской церкви только начаты и предстоит сделать ещё очень многое. Тем не менее уже сейчас можно сделать ряд выводов и рекомендаций. Несомненно, что археологические работы необходимо провести на значительной площади, которую занимал Нерчинский Успенский монастырь. Это позволит выявить особенности сооружения церкви, различные монастырские структуры, а также, возможно, обнаружить более ранние находки, связанные со строительством Нерчинского острога.

Предстоит обосновать границы охранной зоны. Как уже упоминалось, в настоящее время церковь обнесена оградой. Однако в результате большая часть некрополя оказалась за её пределами. Также представляется, что охранная зона должна обеспечить пространственное восприятие памятника. За пределами охранной зоны должна быть стоянка для транспорта и т. д.

Уже сейчас можно говорить о различиях культуросодержащих остатков. За алтарём и с южной стороны выявляются следы мно-

гочисленных захоронений. Значительное количество артефактов с северной стороны храма (прежде всего кованых гвоздей), подтверждает сведения о ремонте храма в конце XIX века. Следов могильных ям на этой территории при ширине раскопа в 4 м не выявлено.

При реконструкции следует учесть необходимость установки памятных знаков. За алтарём необходимо поставить знак о том, что в этом месте находится православный некрополь, где упокоились, в том числе, первые землепроходцы Забайкалья. Стоило бы отдельно обозначить место захоронения священника И. Знаменского и его супруги. И, конечно, с северной стороны храма следует обозначить хотя бы примерно место захоронения Гедеона – крупнейшего деятеля Русской Православной Церкви, похороненного в Сибири. Представляется, что археологическое изучение территории Успенской церкви позволит существенно дополнить её историю, предоставить важные сведения для реконструкции и приданию церкви статуса памятника федерального значения.

Список литературы

1. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1999. 336 с.
2. Бушуева Е. С. История строительства Нерчинской Успенской церкви в материалах архива Забайкальского края // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 7. С. 160–162.
3. Георгий Дашков в ссылке в Нерчинске // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1867. № 2. 14 янв. С. 15–24.
4. Казакова Т. П. Нерчинский Успенский монастырь (1706–1764) // Нерчинское Забайкалье. Архивный вестник. 2003. № 6. С. 82–87.
5. Казакова Т. П., Литвинцев С. Ю. Успенский монастырь // Нерчинск. Альбомная сер. Энциклопедии Забайкалья. Чита: ЗабГУ, 2013. С. 31–39.
6. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. Патриарший период. М.: Харвест, 2007. 370 с.
7. Константинов А. В., Оленченко В. В., Шеин А. Н. Археогеофизические исследования на территории Успенской церкви в селе Калинино (Забайкальский край) // Регион в историческом развитии: приграничный формат: материалы междунар. конф. (г. Чита, 23–25 сент. 2017 г.). Чита: ЗабГУ, 2017.
8. Корелин И. Нерчинский Успенский монастырь // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1883. № 44. 29 окт. С. 557–569.
9. Корелин И. Нерчинский Успенский монастырь // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1883. № 45. 5 нояб. С. 571–579.
10. Крадин Н. П. Нерчинск // Памятники Отечества. Альманах ВООПИК. 1984. № 1. С. 50–53.

Статья поступила в редакцию 11.05.2017; принята к публикации 30.05.2017

Библиографическое описание статьи

Константинов А. В. Археологические работы на территории церкви Успения Пресвятой Богородицы в селе Калинино Забайкальского края // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 125–136. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-125-136.

Aleksandr V. Konstantinov,

Doctor of History, Professor,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: konstant1956@mail.ru

Archaeological Excavations in the Territory of the Church of Dormition of the Mother of God in Kalinino village, Transbaikalia

The paper presents preliminary results of archaeological excavations conducted on the territory near the Church of Dormition in Kalinino village (Monastyrskoye), Nerchinsk region, Transbaikalia. The church built in 1712 by the order of Peter I is a unique historical and cultural monument and the oldest stone construction on the territory from Lake Baikal to the very Pacific Ocean. This territory is of great interest as it is presumed that P. Beketov's Cossacks built the first Nerchinsk ostrog (military outpost) in 1653 here. The territory then had a settlement and Nerchinsk Dormition monastery. The monastery was a safe haven to the pioneers of Transbaikalia. At the same time, it was used as a prison for incarcerating dangerous state criminals. In 1730, a disgraced hierarch of the Russian Orthodox Church Gedeon (G. Dashkov) was kept here under strict supervision. Archaeological excavations allowed us to establish the character of the cultural horizon, obtain various archaeological artifacts, uncover burials and draw initial borders of the necropolis. To the north of the church there are archaeological excavations which search for Gedeon's grave. Further archaeological excavations are of great necessity. They will allow us to create a fuller image of the church which is one of the symbols of Transbaikalia, as well as of the character of one of the first Russian settlements in the region and outline preservation borders of the historical site.

Keywords: Kalinino village (Monastyrskoye), Nerchinsk Monastery of Dormition, Church of Dormition of the Mother of God, Gedeon (G. Dashkov), cultural horizon, artifacts, necropolis

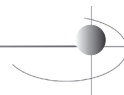
References

1. Artem'ev A. R. Goroda i ostrogi Zabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII–XVIII vv. Vladivostok: In-t istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka, 1999. 336 s.
2. Bushueva E. S. Istoriya stroitel'stva Nerchinskoi Uspenskoj tserkvi v materialakh arkhiva Zabaikal'skogo kraja // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 7. S. 160–162.
3. Georgii Dashkov v ssylke v Nerchinske // Irkutskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya. 1867. № 2. 14 yanv. S. 15–24.
4. Kazakova T. P. Nerchinskii Uspenskii monastyr' (1706–1764) // Nerchinskoe Zabaikal'e. Arkhivnyi vestnik. 2003. № 6. S. 82–87.
5. Kazakova T. P., Litvintsev S. Yu. Uspenskii monastyr' // Nerchinsk. Al'bomnaya ser. Entsiklopedii Zabaikal'ya. Chita: ZabGU, 2013. S. 31–39.
6. Kartashev A. V. Ocherki po istorii russkoj tserkvi. T. 2. Patriarshii period. M.: Kharvest, 2007. 370 s.
7. Konstantinov A. V., Olenchenko V. V., Shein A. N. Arkheogeofizicheskie issledovaniya na territorii Uspenskoj tserkvi v sele Kalinino (Zabaikal'skii kraj) // Region v istoricheskom razvitii: prigranichnyi format: materialy mezhdunar. konf. (g. Chita, 23–25 sent. 2017 g.). Chita: ZabGU, 2017 (v pečati).
8. Korelin I. Nerchinskii Uspenskii monastyr' // Irkutskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya. 1883. № 44. 29 okt. S. 557–569.
9. Korelin I. Nerchinskii Uspenskii monastyr' // Irkutskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya. 1883. № 45. 5 noyab. S. 571–579.
10. Kradin N. P. Nerchinsk // Pamyatniki Otechestva. Al'manakh VOOPiK. 1984. № 1. S. 50–53.

Received: May 11, 2017; accepted for publication May 30, 2017

Reference to the article

Konstantinov A. V. Archaeological Excavations in the Territory of the Church of Dormition of the Mother of God in Kalinino village, Transbaikalia // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 125–136. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-125-136.

УДК 902

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-137-144

Михаил Васильевич Константинов,

доктор исторических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: mk-rus@mail.ru

Археолог И. И. Кириллов: первый план полевых исследований (к 80-летию учёного)

Статья приурочена к 80-летию юбилею археолога Игоря Ивановича Кириллова (14.12.1937–18.06.2008). Анализируется начальный этап полувекового творчества учёного, пришедшийся на 1960-е – начало 1970-х годов. Излагается история археологических разведок по рекам Ингода, Онон, Хилок, Чикой, проводимых последовательно в соответствии с самостоятельно составленным планом полевых исследований. Особо отмечается работа над кандидатской диссертацией под руководством академика А. П. Окладникова. Сообщаются важнейшие результаты исследований, в том числе существенное наполнение региональной археологической карты, создание более детальной и обоснованной периодизации древней истории Забайкалья. Представляется краткая характеристика выявленных И. И. Кирилловым памятников археологии и археологических культур за полвека научной деятельности. Отмечается, что материалы раскопок древних памятников составили основу экспозиции Музея археологии Забайкалья, открытого 1 октября 1969 года на историко-филологическом факультете Читинского пединститута. Ныне музей носит имя его создателя. Научные труды И. И. Кириллова публиковались не только в отечественных издательствах, но и в США, и Китае. Исследователь в 1981 году защитил докторскую диссертацию по теме «Восточное Забайкалье в древности», заслужил звание профессора. Он награждён орденом «Знак Почёта» и медалью «За заслуги перед Читинской областью».

Ключевые слова: археология, разведки, раскопки, древние памятники, И. И. Кириллов, план, академик А. П. Окладников, Музей археологии Забайкалья

Игорь Иванович Кириллов,
доктор исторических наук, профессор

Igor Ivanovich Kirillov,
Doctor of History, Professor

Введение. Игорь Иванович Кириллов – известный сибирский археолог, энтузиаст, наставник студенчества. За полвека полевых исследований в Забайкалье им открыто множество памятников древности, датированных

от палеолита до нового времени. Научные труды И. И. Кириллова публиковались не только в отечественных издательствах, но и в США, и Китае [1]. По его инициативе создан единственный в Забайкалье специализированный Музей археологии. Ныне этот музей носит его имя.

Методология и методы исследования. Данная тема раскрывается в соответствии с принципами такой дисциплины, как история науки, предполагающими внимание к личности учёного и его научным заслугам. Нередко начальный этап в творчестве исследователя остаётся малоизвестным в силу недостаточности источников. Вместе с тем он представляет немалый интерес для создания полной биографии учёного. Такой подход позволяет показать не только потенциальные возможности формирующихся исследователей, но и реальный вклад молодых пытливых умов в науку. На примере биографии И. И. Кириллова отчётливо видно, как важна и результативна взаимосвязь научной и педагогической деятельности, как дополняют и обогащают друг друга молодой вузовский учёный и объединённые им студенты. Очень важно и то, что ученики сохраняют память о своём наставнике, методах и

последовательности в его работе, вплетающейся в общую ткань истории и историографии науки. Весьма полезны для понимания творчества молодого учёного его статьи в забайкальских газетах. Биографические данные о жизни и творчестве И. И. Кириллова опубликовал его сын, археолог Олег Игоревич Кириллов [1; 2].

Основная часть. Игорь Иванович Кириллов (14.12.1937, с. Сухобозимо Красноярского края – 18.06.2008, г. Чита) окончил историко-филологический факультет Читинского пединститута (ЧГПИ) в 1963 году. Был оставлен на кафедре истории. Ему была предложена специализация по новой истории, поскольку в студенческие годы он занимался этим временем под руководством Якуба Иосифовича Дразниаса. Через год кафедра разрешила своему ассистенту переориентироваться на преподавание археологии и древнего мира, что было связано с отъездом в 1962 году в Новосибирский университет Михаила Иосифовича Рижского. (В течение учебного 1963/1964 года лекции по археологии читала выпускница Иркутского университета Л. Б. Соколовская). В 1964 году молодому исследователю представилась возможность пройти стажировку в экспедиции

на Амуре под руководством Алексея Павловича Окладникова, выдающегося советского учёного. Это было весьма своевременно, поскольку с 1965 года Министерством просвещения вводилась археологическая практика для студентов-историков пединститутов, завершающих обучение на 1-м курсе. Первая практика для читинских студентов началась на Титовской сопке, где находится мастерская каменного века и откуда открывается прекрасный вид на излучину Ингоды и панораму Читы, а затем была продолжена на реке Онон, в окрестностях с. Чинданта, на раскопках неолитического поселения и погребений эпохи металла. Оба памятника – и Титовская сопка и Чинданта – были открыты А. П. Окладниковым. Непосредственно на ононских раскопках студентами руководили вузовский преподаватель И. И. Кириллов и молодой учёный из Новосибирска Р. С. Васильевский. Студенты вернулись с практики воодушевлёнными и полными стремлений глубоко постигать науки, о чём с восторгом сообщали в стенной газете [3]. После успешных раскопок в Чинданте А. П. Окладников пригласил Игоря Ивановича Кириллова в аспирантуру Новосибирского госуниверситета. Аспирантура была заочной по форме.

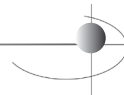

Участники раскопок в Чинданте в 1966 г.

И. И. Кириллов – в центре в первом ряду. Справа от него – А. П. Окладников, И. В. Асеев. Слева от него – Р. С. Васильевский, А. Е. Конюхова. В составе группы – студенты 1-го и 2-го курсов истфака ЧГПИ

Chindant excavation participants in 1966.

I. I. Kirillov is in the centre, in the front row. To the right – A. P. Okladnikov, I. V. Aseev. To the left – R. S. Vasil'evskiy, A. E. Konukhova. Group participants – 1st and 2nd year students, History Faculty, Chita State Pedagogical Institute

В 1966 году практика проводилась в тех же местах. Как студенту-первокурснику мне довелось принимать участие в этой практике. Сначала Игорь Иванович взял меня с собой на разведку по юго-восточным склонам Титовской сопки. Поиск артефактов по распаханным участкам позволил выделить особо насыщенный участок. В праздничный день – 9 Мая – И. И. Кириллов организовал раскопки на этом местонахождении. Студенты участвовали в разметке раскопа и изучении культурного слоя. Поселение получило название Сухотино-1. В раскопе на площади 49 м² оказалось возможным выявить 542 каменных изделия [4]. После их тщательного и длительного изучения, сопровождаемого дискуссиями, поселение было отнесено к началу верхнего палеолита. В том же мае Игорь Иванович со студентами Иваном Асеевым и Валерием Правильным осуществили сплав по Ингоде на плоту от пос. Ленинского до пос. Улёты, и по её берегам нашли ряд стоянок каменного века. После экзаменов наша студенческая группа выехала на грузовой машине в Чиндант. Участвуя в раскопках, мы на своём опыте поняли, что значит вскрывать лопатами отложения до глубины 6 м, с тем, чтобы выйти на чёрный по цвету культурный слой с очагами, обогревавшими людей 6 тысяч лет назад. Слой был насыщен обломками керамических сосудов и каменными изделиями [5].

С осени 1966 года И. И. Кириллов организовал студенческий кружок по археологии. Его старостой стал Иван Асеев, учившийся на курс старше меня. В корпусе на улице Бабушкина (отмеченном установленным у фасада памятником студенту В. Ульянову), в одной из факультетских аудиторий отделили шкафами тыловую часть – там разместилась археологическая камералка. Однажды Игорь Иванович, советуясь со студентами, стал составлять план археологических исследований. В него вошли последовательные разведки по основным рекам Забайкалья. В списке оказались Ингода, Онон, Хилок, Чикой. По прикидкам на каждую реку выходило по летнему сезону. В процессе разведок предстояло найти памятники древности, а на самых интересных объектах провести раскопки.

Этот план стал успешно осуществляться. В мае 1967 года группа разведчиков, теперь уже не на тяжеловесном плоту, а на лёгких и быстрых байдарках стартовала с устья малой речки у с. Доронинского. Сразу же, неподалёку от этого села, была зафиксирована группа интересных по материалу древних стоянок. Вниз по Ингоде, лавируя меж брёвен, отправ-

ленных в дальний путь таёжными лесорубами, байдарки успешно доставляли исследователей до береговых террас, подходящих для поиска древних стоянок. Они были найдены у сёл Горека и Арта. Водная разведка дополнялась походами в окрестностях Читы, в район сёл Засопка, Ерёмино и Сивяково. Из них археологи всегда возвращались с многочисленными находками. Вместе со студентами в походах участвовали и школьники [6].

Особая удача ждала И. И. Кириллова во время выезда в Тангу, откуда поступило сообщение о находке тяжёлых костей крупного древнего животного. Их обнаружил местный житель в 2 км от села, на дне оврага. Оказалось, что кости принадлежали носорогу. Тщательный осмотр оврага с зачисткой обрывистых стенок позволил обнаружить палеолитический слой возрастом около 20 тыс. л. н.

Для первых раскопок в 1967 году была избрана стоянка Доронинское-4, открытая годом ранее. В её культурном слое оказалась керамика с вафельными оттисками, весьма редкими для нашего края, и каменный инвентарь, также отличающийся своеобразием, объясняющийся тем, что у древнего человека уже появился металл, и потому оформлению орудий из камня уделялось меньше внимания. Впрочем, всё это становилось понятным постепенно, по мере изучения коллекции и накопления материала с других стоянок.

Раскапывая стоянку Доронинское-4, не забывали про разведки, и нашли новую стоянку. Она затаилась в укромном месте на противоположном, правом берегу Ингоды, вверх по речке Громатухе. Через реку приходилось переплываться на бревнах, вылавливая их каждый раз из реки, располагаясь верхом и подгребая лопатами. На стоянке Громатуха работала вторая группа студентов. Культурный слой стоянки оказался связанным с подерновой каштановой супесью, а керамика и каменные изделия существенно отличались от первого памятника. Так размечались хронологические рубежи забайкальских древностей.

Через 20 дней третья группа студентов отправилась в окрестности с. Будулан, на Онон. Древняя стоянка под названием Арын-Жалга была открыта двумя годами ранее А. П. Окладниковым. Он и сам прибыл на раскопки, полагая, что стоянка даст выразительный материал, характеризующий культуру степных охотников на куланов и сайгаков. Сопровождал академика молодой учёный А. П. Деревянко, в будущем также академик.

Под руководством учёных студенты, кроме раскопок на стоянке, с большим интересом участвовали в изучении плиточных могил в пади Хусотуй [7]. Через некоторое время академическая группа отправилась на разведку в Монголию.

Завершив стационарные работы на Арын-Жалге, И. И. Кириллов пошёл сплавом на байдарках по Онону, реке весьма бурливой и водоворотной. Это была первая водная разведка по этой реке. Такой способ передвижения позволял осматривать оба берега в любом месте, к которому, подчас, и на машине не доберёшься. Однотипных стоянок на береговых песчаных выдувах было немало. Но совершенно особенным оказался памятник у с. Кирочи. В известковом гроте, на белых стенах были замечены рисунки, выполненные красной охрой. Эти рисунки были перенесены на кальку. Они вошли в книгу А. П. Окладникова «Петроглифы Забайкалья», изданную в 2 частях в Ленинграде в 1969–1970 годах. Завершился сплав там, где Онон соединяется с Ингодой, образуя Шилку.

Полевой сезон 1968 года начался, как обычно, с выездов в ближние и дальние окрестности Читы. Самым результативным был маршрут до села Ченгурук на речке Аблатукан, левобережном притоке Ингоды. Найденная стоянка позволила И. И. Кириллову заполнить хронологическую лауну между палеолитом и неолитом. Тогда же им были начаты исследования распадков с речками в пределах Яблонового хребта. Первым стал распадок с речкой Сестреницей. В дальнейшем подобные распадки дали замечательные результаты в плане поисков поселений и погребений разных эпох.

Большую часть того полевого сезона, с мая и до середины августа, читинские студенты под руководством И. И. Кириллова раскапывали поселение Санный мыс на реке Уде в Бурятии. Десятилетием ранее это поселение открыл А. П. Окладников. Раскопки увенчались обнаружением в толще отложений замечательного палеолитического жилища, первого на территории от Байкала до Тихого океана. От жилища сохранилось основание из крупных каменных глыб, обрамляющих пространство с тремя очагами. Вход в жилище прикрывал череп шерстистого носорога. С каменной стенкой оказались связаны рога винторогой антилопы и череп с рогами горного козла. Жилище располагалось у основания скального останца, которое защищало его от северного ветра. По завершению раскопок

археологи закрепили жилище цементным раствором, что позволило сохранить уникальный исторический объект на несколько десятилетий [8].

После возвращения с раскопок в Бурятии И. И. Кириллов вновь ушёл в разведку по Ингоде, на этот раз сразу от Читы до станции Карымской. Этот водный сплав позволил нанести на археологическую карту Александровку, Туринскую. Самый интересный памятник был найден в окрестностях ст. Дарасун, в 4 км ниже по реке, в правобережном распадке. Там был поставлен первый шурф на обширном неолитическом поселении, которое в дальнейшем И. И. Кириллов обстоятельно изучил.

Весь учебный год, начавшийся с 1 сентября 1968 года, И. И. Кириллов упорно трудился над завершением кандидатской диссертации по теме «Каменный век Восточного Забайкалья». В мае 1969 года молодой учёный успешно защитил диссертацию на заседании секции Объединённого учёного совета по гуманитарным наукам при Новосибирском госуниверситете [9].

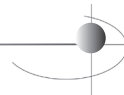
Окрылённый успехом, И. И. Кириллов без промедления в летние месяцы 1969 года продолжил исследования. На Титовской сопке он совместно со студентами открыл стоянки Сухотино-2 и 3 и провёл масштабные раскопки на мастерской каменного века [10]. Вслед за этим выдвинулся в Тангу, где провёл раскопки, по материалам которых выделил тангинский этап верхнего палеолита [11].

Далее настал черёд реки Хилок. Несмотря на наводнение, руководимый им отряд на трёх байдарках прошёл маршрут от ст. Сохондо до ст. Хохотуй, открыв серию стоянок каменного века, в том числе Сангу, Укурик, Жипхеген [12].

Замечательные материалы разведок и раскопок позволили создать на истфаке Музей археологии. Вернувшиеся с колхозных полей студенты начали в нём занятия с 1 октября 1969 года.

В 1970 году И. И. Кириллов провёл студенческую практику на ононской Арын-Жалге, расширив старый раскоп. А затем выехал на Чикой, в район Ядрихино. Оттуда стартовал на байдарках в длительный и опасный маршрут до с. Усть-Урлук. Это путешествие позволило открыть такие памятники, как Усть-Аца, Фомичёво, Качёны, Нижний Нарым [13].

Полевой сезон 1971 года был начат весьма рано. Уже 2 мая археологический десант высадился на ст. Хохотуй, там, где двумя годами раньше закончилось хилокское путе-

шествие. Теперь отсюда оно продолжилось, и вновь на байдарках. Буквально через день были найдены древние кости и орудия в оврагах на окраине Толбаги. На большой речной петле длиной почти 6 км со всех сторон удалось обозреть красивую Кукунскую скалу. На ней были замечены наскальные рисунки. Ещё одно местонахождение петроглифов

оказалось на неприметных скалках между Усть-Обором и Алентуем. С большим успехом был поставлен шурф на мысе близ с. Черёмушки. Богатый костеносный овраг оказался у с. Кандобаево. Сплав закончился в Малете, где директором школы был выпускник истфака С. П. Лаптиев, самостоятельно нашедший древнюю стоянку.

Разведка по Ингоде на байдарках в 1968 г.
На переднем плане – И. И. Кириллов.

На втором плане (слева направо: студенты Михаил Константинов, Михаил Савватеев, Иван Асеев).

The Ingoda kayaking survey in 1968.

I. I. Kirillov is in the foreground. In the background (from left to right): students Mikhail Konstantinov, Mikhail Savvateev, Ivan Aseev)

Практика в том году вновь была проведена на Арын-Жалге, что позволило яснее представить черты ононского неолита. Это было в июле, а в августе впервые разведчики разделились на два отряда. И. И. Кириллов возглавил сплав по Онону от границы с Монголией до устья реки. Самым существенным достижением этого сплава стало открытие комплекса памятников в пади Амогolon. Вторая группа продолжила исследования на Хилке со стартом от Толбаги и сплавом до устья реки, а затем по Селенге до города Улан-Удэ [14]. Тем самым было положено начало формированию двух вузовских экспедиций, которые назывались Восточной и Западной, а в дальнейшем, соответственно, Верхнеамурской и Чикойской.

Так был реализован первый план полевых археологических исследований, чётко

сформулированный и блестяще выполненный И. И. Кирилловым. Его итогом стала существенно обогащённая региональная археологическая карта и новая периодизация древней истории Забайкалья. Эти открытия нашли отражение в академических и вузовских публикациях, а также в учебном пособии «Очерки древней истории Забайкалья», подготовленном совместно с М. И. Рижским [15].

Первые достижения стали основой для дальнейших исследований. Уже осенью 1971 года благодаря инициативным студентам было открыто поселение Сухотино-4. Оно стало базовым для изучения верхнего палеолита. После многолетних раскопок на этом поселении было изучено 18 культурных слоёв [16]. Аккумулируя полевой опыт, И. И. Кириллов успешно открывал и исследовал погребения культуры плиточных могил, бурхотуйской

культуры и монгольского средневековья. Им выделены дворцовая культура эпохи бронзы и ундугунская культура эпохи средневековья. Успешно изучались памятники русской археологии, такие, как Засопошное и Иргенский острог. Новый уровень исторического обобщения был достигнут И. И. Кирилловым в докторской диссертации по теме «Восточное Забайкалье в древности». Диссертация была защищена в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР в 1981 году [17]. Затем были экспедиции на Шилку и Аргунь, позволившие открыть уникальные ритуальные комплексы ранних номадов и погребальные сооружения хунну и сяньби, а также новые памятники каменного века.

Научные, педагогические и общественные успехи профессора И. И. Кириллова отмечены орденом «Знак Почёта», медалями, в т. ч. «За заслуги перед Читинской областью».

Заключение. Игорь Иванович Кириллов ушёл из жизни после тяжёлой болезни 18 июня 2008 года. Его дело продолжают ученики и последователи, работающие в вузе,

школах и учреждениях культуры. Опубликовано сборник статей «Древнее Забайкалье: культура и природа», посвящённый памяти И. И. Кириллова [18]. Персоналия учёного нашла достойное место в академической «Энциклопедии Забайкалья» [19; 20]. В 2013 году оформлена новая экспозиция в вузовском археологическом музее. На базе музея изучают археологию новые поколения студентов, магистрантов и аспирантов. Каждое лето они отправляются в экспедиции по маршрутам, проложенным профессором И. И. Кирилловым, или же совершенно новым, тем, по которому видный учёный, учитывая огромные территории нашего края, не успел пройти. Но и в последнем случае в багаже знаний молодых исследователей заложены принципы разведок и раскопок древних памятников, разработанные применительно к забайкальским условиям археологом И. И. Кирилловым.

В декабре 2017 года 80-летний юбилей Игоря Ивановича Кириллова торжественно отмечается историческим факультетом, с которым связана вся творческая жизнь замечательного вузовского учёного.

Список литературы

1. Библиография доктора исторических наук, профессора И. И. Кириллова / сост. О. И. Кириллов // Древнее Забайкалье: Культура и природа: сб. ст. Чита: ЗабГГПУ, 2009. С. 15–25.
2. Кириллов О. И. Искатель и хранитель старины глубокой // Древнее Забайкалье: Культура и природа: сб. ст. Чита: ЗабГГПУ, 2009. С. 7–15.
3. Кириллов И. И. Были древнего Онона // Забайкальский рабочий. 1965. 3 дек.
4. Константинов М. В. Археология Забайкальского края: эпохи, памятники, первооткрыватели // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей: материалы LVI Рос. археолого-этнографической конф. студентов и молодых учёных. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 32–43.
5. Кириллов И. И., Васильевский Р. С. Археологические исследования в долине р. Онон // Археологические открытия 1966 года. М., 1967. С. 171–172.
6. Кириллов И. И. Стоянки древних на Ингоде // Забайкальский рабочий. 1967. 1 сент.
7. Кириллов И. И. Древние памятники Онона // Забайкальский рабочий. 1968. 12 янв.
8. Константинов М. В. Тайны минувшего // Забайкальский рабочий. 1969. 7 янв.
9. Кириллов И. И. Каменный век Восточного Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1969. 18 с.
10. Кириллов И. И. Палеолитические стоянки Сухотино (Титовская сопка) // Вопросы краеведения Забайкалья. Чита, 1973. Вып. 1. С. 168–173.
11. Кириллов И. И. Седые дали тысячелетий // Забайкальский рабочий. 1970. 23 янв.
12. Константинов М. В. Древние памятники р. Хилок // Археологические открытия 1969 года. М.: Наука, 1970. С. 186–187.
13. Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Исследования в Читинской области // Археологические открытия 1970 года. М.: Наука. С. 186–188.
14. Кириллов И. И., Константинов М. В. Работы в Читинской области // Археологические открытия 1971 года. М., 1972. С. 256–258.
15. Кириллов И. И., Рижский М. И. Очерки древней истории Забайкалья: учеб. пособие. Чита, 1973. 135 с.
16. Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. 176 с.
17. Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1981. 38 с.
18. Древнее Забайкалье: Культура и природа: сб. ст. Чита: ЗабГГПУ, 2009. 143 с.
19. Кузнецов И. И. Кириллов Игорь Иванович // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т. 3. И – Р. Новосибирск: Наука, 2006. С. 79–80.

20. Константинов М. В. Кириллов Игорь Иванович // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск: Наука, 2011. С. 163–164.

Статья поступила в редакцию 12.05.2017; принята к публикации 30.05.2017

Библиографическое описание статьи

Константинов М. В. Археолог И. И. Кириллов: первый план полевых исследований (к 80-летию учёного) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 127–144. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-137-144.

Mikhail V. Konstantinov,

*Doctor of History, Professor,
Transbaikal State University*

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: mk-rus@mail.ru

Archeologist I. I. Kirillov: Forefront of Field Research (to the Scientist's 80th Anniversary)

The article is devoted to the 80th anniversary of the archaeologist Igor Ivanovich Kirillov (14.12.1937–18.06.2008). The initial stage of the scientist's semicentennial work of the 1960s – early 1970s is analyzed. The article states the history of the archaeological exploration of the Ingoda, Onon, Khilok, Chikoy Rivers which was carried out consistently according to an independently made field research plan. Special attention is given to the work on the candidate's thesis under academician A. P. Okladnikov's supervision. The most important research results, including the substantial completing of the regional archaeological map, the creation of a more detailed and grounded Transbaikalia ancient history periodization are reported. The article briefly describes the archaeological monuments and cultures identified by I. I. Kirillov during his semicentennial scientific activity. It is noted that the materials of the excavations of the ancient monuments made a basis of an exposition of the Transbaikalia Museum of Archaeology which was opened on October 1, 1969, at the Faculty of History and Philology of the Pedagogical Institute in Chita. Nowadays the museum bears the name of its creator. I. I. Kirillov's scientific works were published not only in domestic publishing houses, but in the USA and China as well. In 1981 the researcher defended the doctoral thesis on the subject "Eastern Transbaikalia in the Ancient Times", and was bestowed the title of professor. He is awarded the order "Badge of Honor" and the medal "For Service to Chita Region".

Keywords: archaeology, exploration, excavations, ancient monuments, I. I. Kirillov, plan, academician A. P. Okladnikov, Transbaikalia Museum of Archaeology

References

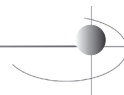
1. Bibliografiya doktora istoricheskikh nauk, professora I. I. Kirillova / sost. O. I. Kirillov // Drevnee Zabaikal'e: Kul'tura i priroda: sb. st. Chita: ZabGGPU, 2009. S. 15–25.
2. Kirillov O. I. Iskatel' i khranitel' stariny glubokoi // Drevnee Zabaikal'e: Kul'tura i priroda: sb. st. Chita: ZabGGPU, 2009. S. 7–15.
3. Kirillov I. I. Byli drevnego Onona // Zabaikal'skii rabochii. 1965. 3 dek.
4. Konstantinov M. V. Arkheologiya Zabaikal'skogo kraya: epokhi, pamyatniki, pervootkryvateli // Sibirskaya arkheologiya i etnografiya: vklad molodykh issledovatelei: materialy LVI Ros. arkheologo-etnograficheskoi konf. studentov i molodykh uchenykh. Chita: ZabGU, 2016. S. 32–43.
5. Kirillov I. I., Vasil'evskii R. S. Arkheologicheskie issledovaniya v doline r. Onon // Arkheologicheskie otkrytiya 1966 goda. M., 1967. S. 171–172.
6. Kirillov I. I. Stoyanki drevnikh na Ingode // Zabaikal'skii rabochii. 1967. 1 sent.
7. Kirillov I. I. Drevnie pamyatniki Onona // Zabaikal'skii rabochii. 1968. 12 yanv.
8. Konstantinov M. V. Tainy minuvshogo // Zabaikal'skii rabochii. 1969. 7 yanv.
9. Kirillov I. I. Kamennyi vek Vostochnogo Zabaikal'ya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Novosibirsk, 1969. 18 s.
10. Kirillov I. I. Paleoliticheskie stoyanki Sukhotino (Titovskaya sopka) // Voprosy kraevedeniya Zabaikal'ya. Chita, 1973. Vyp. 1. S. 168–173.
11. Kirillov I. I. Sedye dali tsysacheletii // Zabaikal'skii rabochii. 1970. 23 yanv.
12. Konstantinov M. V. Drevnie pamyatniki r. Khilok // Arkheologicheskie otkrytiya 1969 goda. M.: Nauka, 1970. S. 186–187.
13. Kirillov I. I., Kovychev E. V. Issledovaniya v Chitinskoj oblasti // Arkheologicheskie otkrytiya 1970 goda. M.: Nauka. S. 186–188.
14. Kirillov I. I., Konstantinov M. V. Raboty v Chitinskoj oblasti // Arkheologicheskie otkrytiya 1971 goda. M., 1972. S. 256–258.
15. Kirillov I. I., Rizhskii M. I. Ocherki drevnei istorii Zabaikal'ya: ucheb. posobie. Chita, 1973. 135 s.

16. Okladnikov A. P., Kirillov I. I. Yugo-vostochnoe Zabaikal'e v epokhu kamnya i rannei bronzy. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1980. 176 s.
17. Kirillov I. I. Vostochnoe Zabaikal'e v drevnosti: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Novosibirsk, 1981. 38 s.
18. Drevnee Zabaikal'e: Kul'tura i priroda: sb. st. Chita: ZabGGPU, 2009. 143 s.
19. Kuznetsov I. I. Kirillov Igor' Ivanovich // Entsiklopediya Zabaikal'ya: Chitinskaya oblast': v 4 t. T. 3. I – R. Novosibirsk: Nauka, 2006. S. 79–80.
20. Konstantinov M. V. Kirillov Igor' Ivanovich // Malaya entsiklopediya Zabaikal'ya: Arkheologiya. Novosibirsk: Nauka, 2011. S. 163–164.

Статья поступила в редакцию 12.05.2017; принята к публикации 30.05.2017

Reference to the article

Konstantinov M. V. Archeologist I. I. Kirillov: Forefront of Field Research (to the Scientist's 80th Anniversary) // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 127–144. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-137-144.

УДК 902.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-145-152

Алексей Михайлович Мамкин¹,

научный сотрудник,

Центр охраны и сохранения объектов
культурного наследия Забайкальского края
(672000, Россия, г. Чита, ул. Анохина, 53),
e-mail: alex010272@yandex.ru**Сергей Александрович Афанасьев²,**

начальник отдела исследований,

учёта и охраны памятников,
Центр охраны и сохранения объектов
культурного наследия Забайкальского края
(672000, Россия, г. Чита, ул. Анохина, 53),
e-mail: centr-zabkr@mail.ru

Стоянка Хоктонга – стратифицированный объект эпохи финальной бронзы – раннего средневековья в горно-таёжной зоне Восточного Забайкалья

В статье представлены итоги изысканий на разновременной стоянке Хоктонга. По материалам археологических полевых работ установлена датировка и стратификация культурных горизонтов археологического объекта. В результате раскопок на западной периферии стоянки, представленной шлейфом, примыкающим к склону горной возвышенности, имеющим юго-восточную экспозицию зафиксировано два культурных горизонта. Авторами дана обобщённая характеристика найденных артефактов, представленных каменными орудиями, фаунистическими находками, керамическими фрагментами сосудов. Орудийный набор представляет коллекцию в 176 единиц, включающую нуклеусы, концевые скребки, скребла, заготовки стрел. Установлено, что среди выявленных костных остатков 3 относятся к костяным орудиям, 66 имеют следы намеренного скалывания или расщепления, как для употребления в пищу, так и для изготовления орудий труда. Керамика представлена флотированными скоплениями эпизодически апплицирующихся фрагментов сосудов двух типов: культуры плиточных могил и более многочисленная группа бурхотуйской культуры. По материалам раскопок установлено наличие частично переотложенного культурного слоя, представленного несколькими культуросодержащими горизонтами, датируемыми в диапазоне бронзовый век – этнографическая современность. В культурных горизонтах можно выделить две группы агентов-маркеров, прямо указывающих на принадлежность к культуре плиточных могил и бурхотуйской культуре. Авторами предпринята попытка функциональной интерпретации стоянки Хоктонга.

Ключевые слова: Хоктонга, Восточное Забайкалье, археологический объект, культура плиточных могил, бурхотуйская культура

Вводная часть. Разновременный объект – стоянка Хоктонга – обнаружена в 2003 году в ходе разведки, проводимой отрядом государственного учреждения культуры «Центр охраны и сохранения объектов культурного наследия» Забайкальского края (Центр) в зоне строительства автодороги Р-297 «Амур»¹. В 2004 году Центр провёл археологические спасательные полевые работы на территории, разрушаемой дорожным строительством, периферийной зоны объекта [3, с. 403–404]. Стоянка расположена 8,5 км севернее ж. д. станции Улей, на 8–15-метровом

мысовидном делювиальном уступе, на левостороннем приустьевом борту долины р. Хоктонга, которая является правым притоком р. Улей (рис. 1) [2, с. 318–319].

Цель. На основе анализа культурных горизонтов и найденных в них артефактов определить принадлежность стоянки Хоктонга к типу археологической культуры.

Методология и методы исследования. В ходе полевых исследований авторами произведён первичный осмотр, паспортизация и фиксация объекта на карте. Произведены раскопки на основе открытого листа, вы-

¹ А. М. Мамкин – определение научной концепции, методов исследования, проведение полевых, камеральных работ.

² С. А. Афанасьев – определение научной концепции, составление плана исследования, проведение полевых, камеральных работ.

³ Мамкин А. М. Проведение археологических спасательных мероприятий на объекте бурхотуйской культуры Олов в Чернышевском районе Читинской области: науч. отчёт. – Чита, 2004–2005. – 77 с.

данного на имя С. А. Афанасьева. На основе стратиграфического метода определены культурные горизонты. На этапе камерально-лабораторной работы применялся сравнительно-типологический метод, посредством которого классифицированы артефакты, определены способы обработки, выделены признаки археологических культур. Трасологический метод позволил определить функциональную принадлежность каменных и костяных орудий.

Таким образом, совокупность частнонаучных археологических методов позволила провести археологическое исследование стоянки Хоктонга. При подготовке результатов исследования к публикации авторы на основе принципов научной объективности, историзма и системности использовали комплекс общенаучных методов, представленных проблемно-хронологическим, системно-функциональным, статистическим методами.

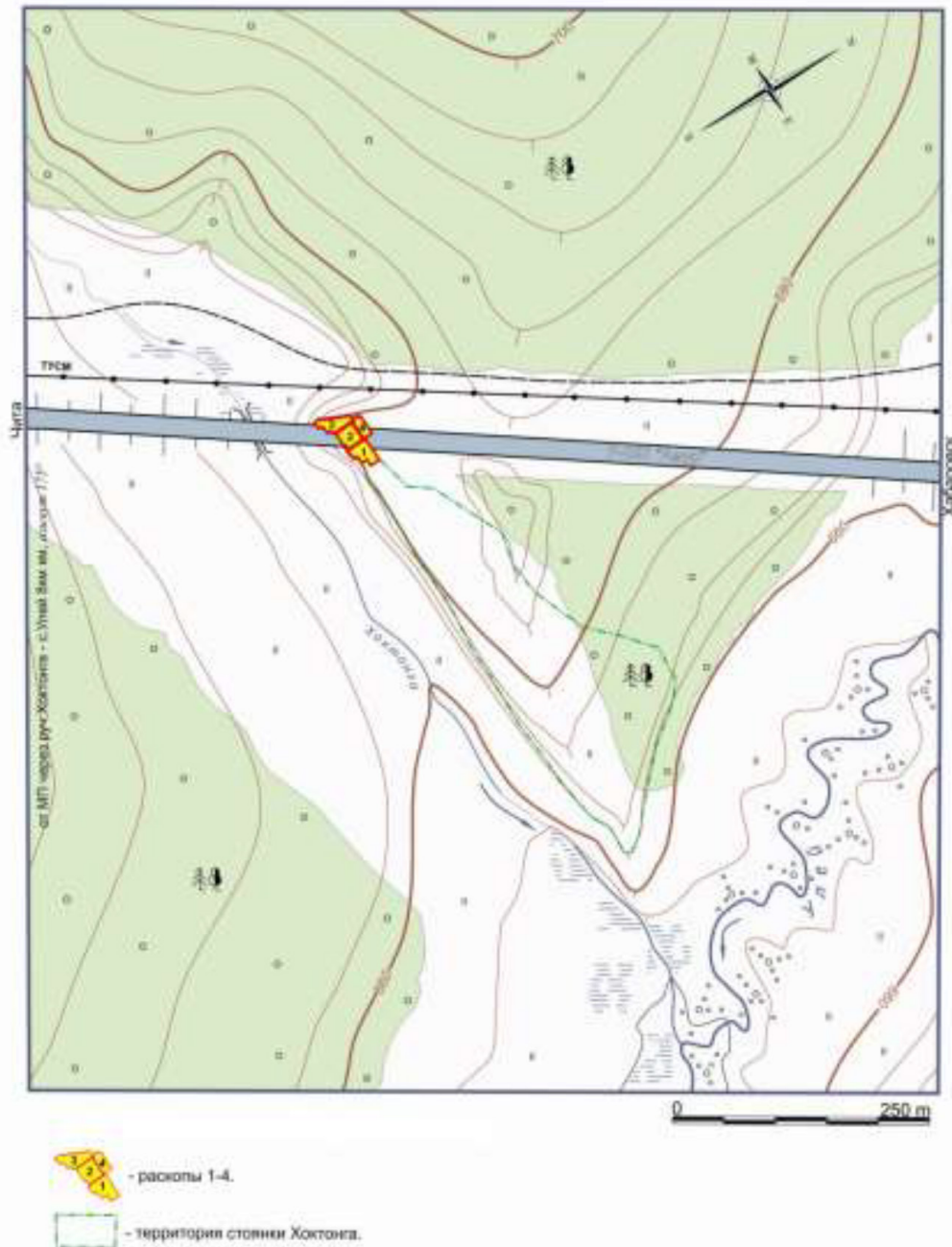
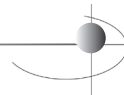

Рис. 1. Топоплан. Стоянка Хоктонга

Fig. 1. Topoplan. Khoktonga site

Результаты исследования и их об- суждение. В ходе раскопок на западной пе- риферии стоянки, представленной шлейфом, примыкающим к склону горной возвышенно- сти, имеющим юго-восточную экспозицию, за- фиксировано 2 культурных горизонта:

Культурный горизонт 1 связан с литоло- гическим горизонтом 1А (мощностью 3–6 см), представленным тёмно-серой супесью – дер- ниной, растительный дендрит.

Культурный горизонт 2 размещён на кон- такте литологических горизонтов 1Б (мощно- стью до 16 см), представленном тёмно-бурой супесью с включением дресвы и 1В (мощно- стью до 24 см), представленном светло-бурой супесью с прослойками жёлто-серого суглин- ка, с включением дресвы и щебня, в основа- нии плотный жёлто-серый суглинок с глыбо- во-валунниковыми линзовидными включения- ми, щебнистыми слоями и линзами – кровля дезинтеграции скальника – цоколь.

В культурном горизонте 1 зафиксированы 2 фрагмента абразива из песчаника и антро- поморфная личина (рис. 3.1), выполненная на бронзовой (медной?) тонкой пластинке, многоугольной ассиметрично-эллипсоидной формы, с пробоями – стилизованным конгре- вом личины (круглые глаза, рубленные нос и рот). Вероятно всего, данное изделие являет- ся элементом ритуальной шаманской одеж- ды. Культурный горизонт может датироваться в хронодиапазоне позднее средневековье – этнографическая современность.

В культурном горизонте 2, расположен- ном на контакте литологических горизонтов 1Б и 1В, имеющих сильные повреждения в виде полигональных клиньев горизонтальной солифлюкции и ям, образовавшихся в резуль- тате падения крупных деревьев. Данный вид эрозии наиболее распространён в покровных мерзлотных грунтах, характерных для север- ных территорий Забайкальского края. Неред- ко артефакты флотировались в заглублениях «дневной поверхности» литологического го- ризонта 1В.

Всего зафиксирован 731 артефакт. Ос- новная их часть размещена в верхней кон- тактной части литологического слоя 1В. Вы- явлено 2 культурно-хозяйственные зоны с двумя зольными пятнами – линзовидными примазками. Максимальная мощность золь- ных пятен не превышает 4–6 см. Незначи- тельная мощность зольных пятен, вероятно, свидетельствует о кратковременном и сезон- ном (в летний период времени) пребывании людей на стоянке. Вокруг зольного пятна в раскопе № 1 зафиксированы валуны, кото-

рые, возможно, были элементами жилого (жилищного комплекса). Вокруг зольного пят- на находились десятки артефактов, в основ- ном фаунистические остатки, часть из них имели следы расщепления. На вскрытой пло- щади обнаружено 7 хозяйственных зон, где производилось расщепление камня и кости с целью изготовления орудий, их подправки и дальнейшего хозяйственного использования [3, с. 403–404].

Материалы раскопок включают фау- нистическую коллекцию, представленную 202 определяемыми фрагментами костей животных. Из них 3 определены как костя- ные орудия – это проколка, скребло, тесло- видно-скребловидное орудие. Преобладаю- щая часть фаунистических находок фикси- ровалась на контакте литологических слоев 1Б/1В, а также в верхней и средней части слоя 1В. На основании проведённых иссле- дований установлено, что среди выявленных костных остатков 66 имеют следы намерен- ного скалывания или расщепления как для употребления в пищу, так и для изготовления орудий труда. Следы скалывания и расще- пления наблюдаются преимущественно на костях косули сибирской (*Capreolus pygargus*). Естественная сохранность материала средняя. Некоторые фрагменты обожжены. Цвет бурый и жёлто-коричневый.

Необходимо отметить, что в эпоху ран- него железного века и тем более средневеко- вья кроме загонной охоты большое значение имело полуседлое скотоводство и коневод- ство [1, с. 134]. В коллекции преобладают ко- сти косули сибирской (*Capreolus pygargus*) и лошади (*Eguus (Eguus) sp*), также обнаруже- ны кости неопределённого вида крупного жи- вотного отряда *Artiodactyla* (свинья, корова?). Анатомическое расположение отдельных астрагалов указывает как минимум на три особи этих животных. Имеется 4 астрагала косули сибирской, используемые, вероятно, как игровые кости. Большую часть остеологи- ческих находок представляют кости конечно- стей и черепов. В коллекции нет позвонков и тазовых костей, единичны ребра. Это может говорить о том, что в контексте планиграфии раскопана периферийная часть стоянки, куда выбрасывались пищевые отходы. Отделение и выбрасывание «малосъедобных» частей скелета позволяет предположить «обильный на добычу» сезон обитания стоянки. Опре- делённые части скелета лошади (минимум одна особь) – части одной конечности и зубы с фрагментами челюстей подтверждают сде- ланные выводы.

Каменный инвентарь представлен коллекцией в 176 единиц: фрагмент торцово-клиновидного нуклеуса, сработанные торцово-клиновидные нуклеусы-скребки – 4 из них: халцедоновых – 2, яшмы – 2; орудия на микропластинках: ретушированные микропластинки – 2, концевые скребки – 2; орудия на отщепках: заготовка и фрагмент наконечников стрел, скребло с продольно выпуклым лезвием, скребок концевой – 2, скребок – срединный резец, проколки: концевая – 2, угловая – 1, резец пряморетушный, долото и фрагмент долота, отщепы с эпизодической ретушью – 23, отщепы с протяжённой ретушью – 2, отщеп с ретушью утилизации, отщепы с шлифовкой – 14, тесловидно-скребловидное орудие – 1 (рис. 2).

В основном орудия выполнены на отщепках. Орудия, изготовленные из пластинчатых форм, единичны. Техника обработки орудий на отщепках неоднозначна, при наличии «изящной» (тонкой) обработки наконечника

стрелы из халцедона или комбинированного орудия типа скребок-резец срединный. В то же время имеется большое количество орудий из отщепов с прерывистой или протяжённой, мелкой, краевой ретушью, нанесённой на дистальном конце со спинки. Многие орудия имеют мелкую ретушь со следами шлифовки рабочего края. Данные орудия, возможно, использовались как скобели. Некоторые из орудий приобрели рабочую поверхность в результате ненамеренного ретуширования рабочего края, т. е. утилизации. Орудия на микропластинах в сравнении с орудиями, выполненными на отщепках, представлены в соотношении 4/56.

Из металлических предметов зафиксирована бронзовая комбинированная пряжка подпрямоугольной формы с подвижным железным язычком, закреплённым при помощи петли, также найден фрагмент железной пластинки (рис. 3.2).

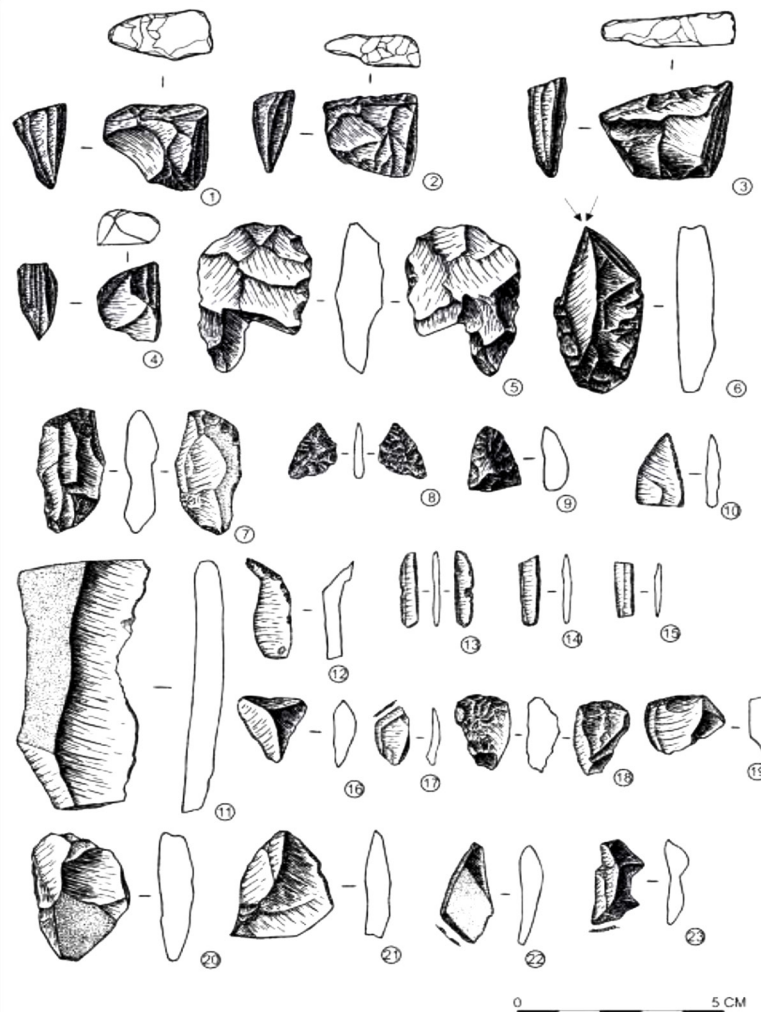

Рис. 2. Археологический инвентарь стоянки Хоктонга

Fig. 2. Archaeological inventory of Khoktonga site

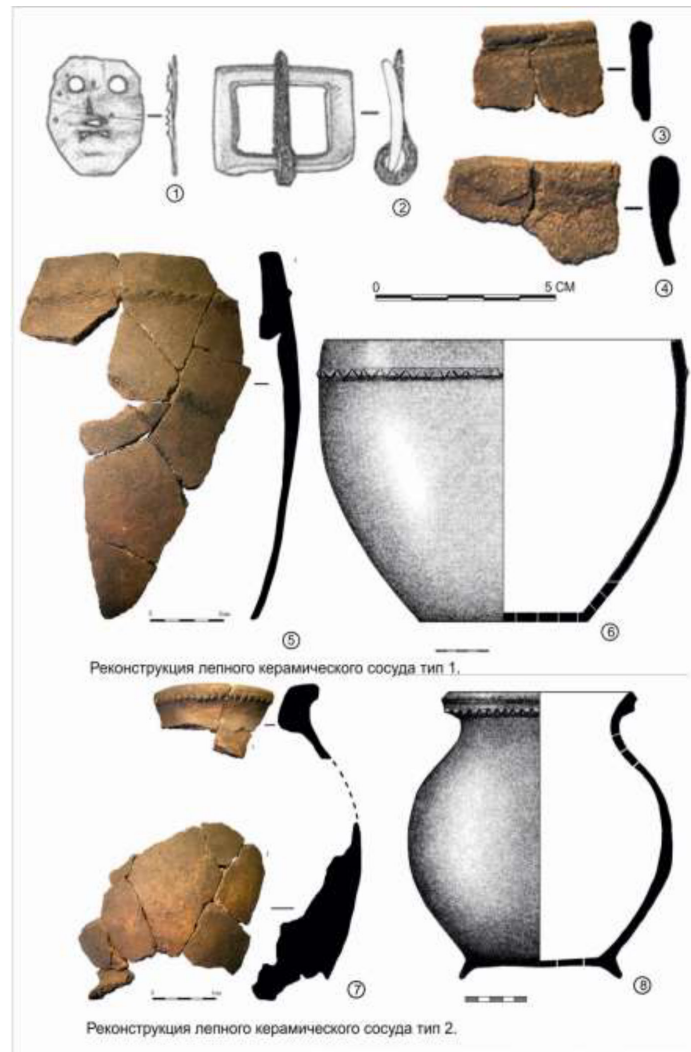
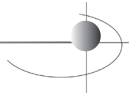

Рис. 3. Археологический инвентарь стоянки Хоктонга

Fig. 3. Archaeological inventory of Khoktonga site

Керамический комплекс стоянки (рис. 3), представленный флотированными скоплениями эпизодически апплицирующихся фрагментов сосудов (348 единиц), разделяется на 2 типологически и хронологически не связанные друг с другом группы (тип 1–2). Сосуды первого типа (рис. 3.5, 6) – лепные, толсто-стенные (толщина стенок до 7–9 мм), баночной формы, плоскодонные, горло открытое, способ формовки кольцевым налепом. Тесто отощено мелкодроблёной дресвой, тонкозернистым песком, травянистыми волокнами, шамотом. Обжиг неровный, цвет от тёмно-серого до светло-коричневого, с внутренней стороны стенки бурого цвета. Венчики прямые, с внешней стороны на расстоянии 2,5 см от верхнего края венчика налепной валик, рассечённый встречными наклонными линзовидными оттисками (расщеплённой?) лопаточкой. Внешняя и внутренняя сторона стенок залощена. В раскопах 2, 3, 4 найде-

но 110 фрагментов данного типа. Первый тип сосудов хронологически сопоставим с памятниками, датируемыми периодом поздней бронзы и раннего железа [5, с. 35]. В степных и лесостепных районах Забайкалья подобная гончарная техника (банки – лепные, толсто-стенные, плоскодонные, с рассечённым горизонтальным налепным валиком) наиболее часто фиксируется в погребальных объектах Ацайского этапа культуры плиточных могил, около VIII–VI веков до н. э. [7, с. 64–81].

Сосуды второго типа (около 70 % находок керамики) – толсто-стенные (толщина стенок 6–12 мм), лепные, горшковидной формы, плоскодонные или с поддоном, горло открытое, способ формовки кольцевым налепом (рис. 3.7, 8). Венчик отогнут наружу, карнизообразный. Часто внешний край венчика украшен по всей длине рассечёнными вертикальными оттисками плоской прямой лопаточки или ромбовидными вдавлениями. Тесто ото-

щено мелкодроблёной дресвой, травянистыми волокнами, тонкозернистым песком. Обжиг неровный, цвет пёстрый с внутренней стороны тёмно-серый – тёмно-коричневый, с внешней стороны от светло-коричневого до жёлто-серого градиента. На обоих фасах

стенок сосудов отчётливо фиксируются следы лощения, нагар. Второй тип имеет многочисленные аналоги в коллекциях из объектов бурхотуйской культуры IV–VIII веков (могильник Онохтыча [4, с. 158, 68], Малый Жирекенчик, стоянка Олов (рис. 4) и т. д. [7, с. 20–24]).

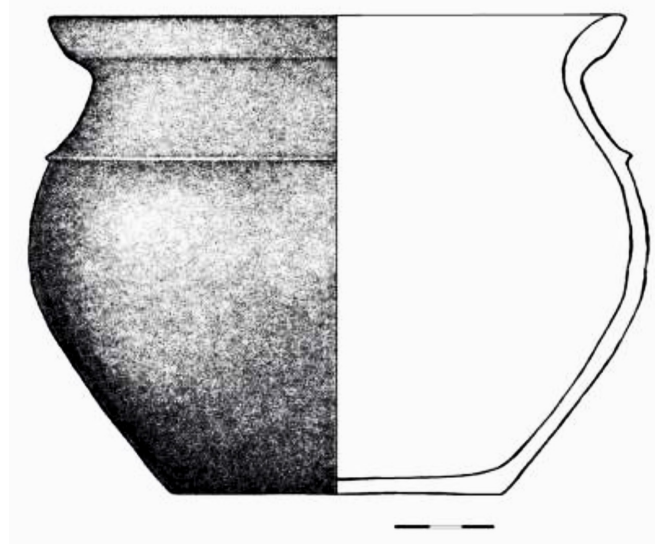

Рис. 4. Реконструкция керамического сосуда. Стоянка Олов

Fig. 4. Reconstruction of a ceramic vessel. Olov site

Таким образом, зафиксированный на стоянке Хоктонга, археологический инвентарь – разновременный и принадлежит как минимум к двум разным археологическим культурам. Артефакты культурного горизонта 1, размещённые в литологическом горизонте 1А, крайне малочисленны, достоверно определить данный культурный горизонт не представляется возможным.

Артефакты культурного горизонта 2, размещённые на контакте литологических горизонтов 1Б и 1В, залегают в общей гипсометрической ситуации. Хроноопределение 2 культурного горизонта осложнено стратиграфической интерференцией. Если наиболее точно определяются керамические комплексы стоянки: от VIII–VI веков до н. э. (сосуды первого типа) до IV–VIII веков н. э. (сосуды второго типа), то датировка других находок затруднительна. Единичное комбинированное орудие скребок-срединный резец из яшмы, найденное в культурном горизонте 2, может относиться к более раннему времени, определяемому ранним неолитом [5, с. 107]. Исходя из того, что процент изделий из камня в раскопанных плиточных погребениях достигает 26 % [7, с. 71], с некоторым допущением каменный инвентарь можно датировать временем КПМ. Вместе с тем находки

клиновидных торцевых нуклеусов, орудий на микропластинах могут указывать на более ранний – неолитический возраст.

Выводы. Таким образом, на стоянке Хоктонга можно констатировать наличие фрагментарно переотложенного культурного слоя. Он представлен несколькими культуросодержащими горизонтами, в которых можно выделить две группы агентов-маркеров, прямо указывающих на принадлежность к культуре плиточных могил и бурхотуйской культуре.

Несмотря на то, что в укладе бурхотуйцев были достаточно развиты охота, рыболовство и, вероятно, присутствовали элементы земледелия, однако основным видом хозяйственной деятельности необходимо признать полуседлое и кочевое скотоводство¹. Что же касается плиточников, то это, бесспорно, классические номады скифско-тагарского мира [8, с. 247–254]. Остаётся открытым вопрос, по какой причине кочевники сочли возможным и удобным периодически селиться в пределах горной тайги северо-восточного Забайкалья.

Становление ландшафтов современного типа (после чередования суббореальных фаз аридизации, потепления и похолодания про-

¹ Ковычев Е. В. История Забайкалья I – сер. II тыс. н.э.: учеб. пособие. – Иркутск: ИГПИ, 1984. – С. 9-34.

должительностью в 250–500 лет) происходило главным образом в субатлантический климатостратиграфический период [6, с. 54–73]. В то же время сложно дифференцированная морфометрия востока, северо-востока Забайкалья явилась причиной чередования горной тайги, степи, лесостепи. Здесь, в условиях глубоко расчленённой орографии, по долинам рек, степные и лесостепные ландшафты глубоко проникают в северный горно-таёжный массив [6, с. 67]. Долина р. Улей,

относящаяся к Шилкинскому водосборному бассейну, разрезает южные отроги покрытого горной тайгой Алеурского хребта и является ярким примером такой ландшафтной диффузии. Стоянка Хоктонга, расположенная в Улейской речной долине, может иметь различное назначение как поселенческий объект: от лесного рефугиума от враждебных соседей, до пункта-фактории на контактной зоне у северных границ ареала обитания древних кочевников восточного Забайкалья.

Список литературы

1. Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984. 201 с.
2. Афанасьев С. А. Хоктонга, стоянка // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. Новосибирск: Наука, 2011. С. 318–319.
3. Афанасьев С. А., Рафибеков Э. М. Спасательные работы на стоянке Хоктонга // Археологические открытия 2004 года. М.: Наука, 2005. С. 403–404.
4. Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 175 с.
5. Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
6. Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия на заре бронзового века. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. 236 с.
7. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. 305 с.
8. Членова Н. Л. Культура плиточных могил // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. 493 с.

Статья поступила в редакцию 10.05.2017; принята к публикации 30.05.2017

Библиографическое описание статьи

Мамкин А. М., Афанасьев С. А. Стоянка Хоктонга – стратифицированный объект эпохи финальной бронзы – раннего средневековья в горно-таёжной зоне Восточного Забайкалья // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 145–152. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-145-152.

Alexey M. Mamkin¹,

Researcher,

*Center for Conservation and Preservation
of Cultural Heritage of Trans-Baikal Territory*

(53 Anokhina st., Chita, 672000, Russia),

e-mail: alex010272@yandex.ru

Sergey A. Afanas'ev²,

Head of Research Department, Registration and Protection of Monuments,

*Center for Conservation and Preservation
of Cultural Heritage of Trans-Baikal Territory*

(53 Anokhina st., Chita, 672000, Russia),

e-mail: centr-zabkr@mail.ru

Khoktonga Site – a Stratified Object of the Final Bronze Age – the Early Middle Ages in Mountain-Taiga Zone of Eastern Transbaikalia

The article presents the research results on the multi-temporal Khoktonga site. On the basis of archaeological work, the dating and stratification of the archaeological site cultural horizons have been determined. The excavations on the western periphery of the site presented by the downslope apron adjacent to the southeastern mountain height have revealed two cultural horizons. The authors have given the generalized characteristics of the found arti-

¹ A.M. Mamkin – the definition of scientific concepts, research methods, conducting field, laboratory works.

² S.A. Afanas'ev – the definition of a scientific concept, planning the study, conducting field, laboratory works.

facts presented by stone tools, faunal findings, ceramic vessel fragments. The tool set presents a collection of 176 units including nuclei, edge scrapers, scrubbers, arrow pieces. Three of the found fossil bones have been established to belong to bone tools and 66 bones have traces of intentional shear or splitting both for food and for tools. The ceramics is presented by fluted accumulation of incidentally applied vessel fragments of two types: culture of tiled graves and, more numerous group, Burkhotuisky culture. The excavations have revealed the existence of partially re-deposited cultural layer presented by several cultural horizons dated in the range of the Bronze Age to the ethnographic present. In the cultural horizons, two groups of agents – markers directly indicating the belonging to tiled grave culture and Burkhotuisky culture can be found. The authors have made an attempt to give functional interpretation of Khoktonga site.

Keywords: Khoktonga, Eastern Transbaikalia, archaeological object, culture of tiled graves, Burkhotuisky culture

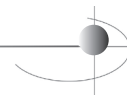
References

1. Aseev I. V., Kirillov I. I., Kovychev E. V. Kochevniki Zabaikal'ya v epokhu srednevekov'ya (po materialam pogrebenii). Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1984. 201 s.
2. Afanas'ev S. A. Khoktonga, stoyanka // Malaya entsiklopediya Zabaikal'ya. Arkheologiya. Novosibirsk: Nauka, 2011. S. 318–319.
3. Afanas'ev S. A., Rafibekov E. M. Spasatel'nye raboty na stoyanke Khoktonga // Arkheologicheskie otkrytiya 2004 goda. M.: Nauka, 2005. S. 403–404.
4. Kirillov I. I., Kovychev E. V., Kirillov O. I. Darasunskii kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov. Vostochnoe Zabaikal'e. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2000. 175 s.
5. Okladnikov A. P., Kirillov I. I. Yugo-vostochnoe Zabaikal'e v epokhu kamnya i rannei bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1980. 176 s.
6. Tsybiktarov A. D. Tsentral'naya Aziya na zare bronzovogo veka. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2006. 236 s.
7. Tsybiktarov A. D. Kul'tura plitochnykh mogil Mongolii i Zabaikal'ya. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 1998. 305 s.
8. Chlenova N. L. Kul'tura plitochnykh mogil // Stepnaya polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. M.: Nauka, 1992. 493 s.

Received: September 10, 2017; accepted for publication May 30, 2017

Reference to the article

Mamkin A. M., Afanas'ev S. A. Khoktonga Site – a Stratified Object of the Final Bronze Age – the Early Middle Ages in Mountain-Taiga Zone of Eastern Transbaikalia // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 145–152. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-145-152.

УДК 903 (571.55)

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-153-161

Сергей Викторович Маслодудо,

аспирант,

Забайкальский государственный университет

(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30),

e-mail: grinhcVC@yandex.ru

Многослойное поселение Усть-Менза-2 (новый этап изучения)

Чикойская археологическая экспедиция ЗабГУ проводит систематические полевые исследования на территории Забайкальского края, Республики Бурятия и Монголии. Их целью является поиск и раскопки древних памятников. Особую ценность представляют многослойные поселения. С 1980 года изучается поселение Усть-Менза-2. На поселении выявлен 31 культурный слой. Поселение входит в Усть-Мензенский археологический комплекс, расположенный в Красночикойском районе Забайкальского края, в горно-таёжной местности, при впадении р. Менза в Чикой (бассейн реки Селенги). В 2016 году на поселении Усть-Менза-2 поставлен новый обширный по площади раскоп. Изучено три верхних культурных слоя. Наибольший интерес представляет слой 2, относящийся к эпохе ранней бронзы. В слое выявлен хозяйственный комплекс, состоящий из очагов и кострищ. Каменная индустрия представлена большими сериями микронуклеусов и микропластинок, а также орудиями труда в виде скребел, скребков, резцов, проколов. Из крупных изделий выделяются молоты и отбойники, предназначенные для добычи и переработки руды. В пределах раскопа выявлено 2 погребения эпохи ранней бронзы в виде грунтовых ям с камнями на поверхности. В погребальном обряде использовалась красная охра. В погребальном инвентаре присутствовали наконечники стрел. Антропологический материал практически не сохранился. Поселение Усть-Менза (слой 2) относится к Хэнтэйской культуре, существовавшей в горно-таёжной местности юго-западного Забайкалья на заре бронзового века.

Ключевые слова: Усть-Менза-2, многослойное поселение, Юго-Западное Забайкалье, ранний бронзовый век, микронуклеус, хозяйственный комплекс, погребение

Вводная часть. Чикойская археологическая экспедиция ЗабГУ проводит систематические полевые исследования на территории Забайкальского края, Республики Бурятия и Монголии. Выявлены и исследованы многочисленные памятники археологии, в том числе поселения, погребения, мастерские, петроглифы, жертвенники и др. Особую

ценность представляют комплексы объектов древности, расположенные на локальных природных участках [1; 5; 6].

К числу наиболее информативных относится Усть-Мензинский археологический комплекс в Красночикойском районе, в 17 км к западу от села Архангельское, расположенный в Усть-Мензинском урочище (рис. 1).

Рис. 1. Усть-Мензинское урочище. Древнее поселение Усть-Менза-2 (указано стрелкой)

Fig. 1. Ust-Menza. An ancient settlement of Ust-Menza-2 (Indicated by an arrow)

Его обрамляет правый берег р. Мензы, левый берег р. Чикой, ручей Воровской – левый приток р. Чикой (бассейн реки Селенги) и Мензинский хребет с возвышенностями Крестовая и Крестьянская, которые относятся к Хэнтэй-Даурскому нагорью. Для горно-таёжной зоны местности характерен смешанный лес с сосной, берёзой, осиной¹. Археологические исследования на Усть-Мензе проводятся с 1980 года. Руководителями раскопок являются доктор исторических наук М. В. Константинов, доктор исторических наук А. В. Константинов, кандидат исторических наук Л. В. Семина (Екимова). За эти годы выявлено 17 поселений². На этих поселениях зафиксировано более 100 культурных слоёв [8].

Самым многослойным памятником этого комплекса является поселение Усть-Менза-2, связанное со II надпойменной террасой высотой 10–11 м. В его пределах на площади 1196 м² выявлен 31 культурный слой. Слои 1–4 связаны с покровными отложениями, 5–27 – с аллювиальными отложениями. На основании стратиграфической позиции и технологико-типологических характеристик археологического материала слои 1, 2 отнесены к бронзовому веку, слой 3 – к мезолиту, слои 4–8, 9а, б, 10а, б, в, г, 11–27 – к позднему палеолиту [4, с. 27].

Для некоторых слоёв получены радиоуглеродные датировки:

- слой 2 – 4700±50 (ГИН-6116);
- слой 17 – 15400±400 (ГИН-5478), 16900±150 (ГИН-6117);
- слой 20 – 16980±150 (ГИН-5465);
- слой 21 – 17190±120 (ГИН-5464); 17600±250 (ГИН-5464).

Наиболее интересные материалы были получены из палеолитических слоёв. Так, в слое 21 выявлено жилище овальной формы размерами 2,6×4 м. В его конструкцию входят очаг, камни внешней обкладки, а также артефакты и фаунистические остатки. В слое 20 изучены остатки сложносоставных жилищ в культурном слое 20, где у двух жилищ имеется по три очага. Первое жилище размером 3×8 м, второе – 3×9,5 м. В жилищах по большому скоплению дебитажа определены рабочие площадки. В слое 17 обнаружен выразительный овальный очаг размерами 1×1,55 м, с обкладкой из крупных камней, тщательно

¹ Забайкалье / М. В. Константинов, В. С. Кулаков, Ю. Т. Руденко, Г. А. Юргенсон // Малая энциклопедия Забайкалья: природное наследие / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 188.

² Усть-Менза / М. В. Константинов, А. В. Константинов, Л. В. Екимова, И. И. Разгильдеева // Малая энциклопедия Забайкалья: археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 302-306.

подобранных по размеру и плотно уложенных по периметру. В нём были выявлены отщепы, микропластинки, мелкие осколки костей. [3, с. 51–52, 91–94].

Методология и методы исследования. В 2016 году исследования поселения Усть-Менза-2 были возобновлены с целью более точного определения территории поселения и выявления перспективного участка. Площадь раскопа составляет 372 м² (рис. 2).

В раскопе выявлено три культурных слоя, связанных с тремя верхними литологическими слоями. В табл. 1 представлено описание стратиграфии (сверху вниз).

Таблица 1

Описание стратиграфии

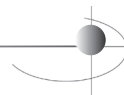
№ п/п	Характеристика	Мощность (в м)
1	Дерново-почвенный слой, гумусированный, чёрный, пронизанный корнями древесной и травянистой растительности. Нижняя граница резкая, чёткая. Длительное время (до 1930-х годов) распаивался. Культурный слой 1	0,2
2	Супесь каштановая, красновато-коричневая, неслоистая. В основании – две тонких прослойки ожелезнения. Нижняя граница с постепенно угасающей яркостью цвета, определяемого влиянием верхнего почвенного слоя. Культурный слой 2	0,2–0,3
3	Песок светло-жёлтый, разнородный, неслоистый с неясной границей подошвы. Культурный слой 3	0,2–0,3

Изучение поселения производилось в соответствии с выделенными слоями.

Слои разбирались тонкими вертикальными и горизонтальными срезами. Весь грунт просеивался в мелкоячеистых ситах. Культурно-хозяйственные комплексы тщательно расчищались и фиксировались на плане и разрезе. В дальнейшем проводились типологическое и статистическое изучение материала, составлялось описание и выполнялись рисунки.

Результаты исследования. Культурный слой 1 включает в себя археологический материал позднего бронзового века. Материал представлен торцово-клиновидным микронуклеусом, 2 фрагментами микропластин, чоппером, 8 отщепами, 12 фрагментами керамики, железным обушковым однолезвийным ножом, 3 фрагментами обломками кости. Всего обнаружено 27 артефактов.

Накопление материала происходило в рамках I тысячелетия до н. э., при этом железный нож относится к более позднему време-

ни. Слой подвергался крестьянской распашке в новое время, поэтому хозяйственных структур в нём сохраниться не могло. Культурный слой 2 имеет мощность 20–30 см. Он изучался двумя горизонтами мощностью по 10–15 см каждый. Количественный состав находок:

горизонт 1 – 3955 экз.; горизонт 2 – 4278 экз. Всего – 8233 экз.

Характер находок в обоих горизонтах слоя 2 однозначен, в связи с чем составлена их обобщённая типологическая характеристика (табл. 2).

Рис. 2. Раскопки на древнем поселении Усть-Менза-2

Fig. 2. Excavations on the ancient settlement of Ust-Menza-2

Таблица 2

Археологический материал из культурного слоя 2. Статистика

№ п/п	Наименование археологического материала	Горизонт 1		Горизонт 2		Общее кол-во	Процент
		Кол-во	Процент	Кол-во	Процент		
I	Нуклеусы	85	100	91	100	176	100
1	Подпризматические нуклеусы	1	1,18	-	-	1	0,57
2	Торцово-клиновидные микронуклеусы	56	65,88	56	61,54	112	63,64
3	Торцовые микронуклеусы	2	2,35	-	-	2	1,14
4	Конические микронуклеусы	1	1,18	4	4,4	5	2,84
5	Призматические микронуклеусы	2	2,35	-	-	2	1,14
6	Заготовки микронуклеусов	17	20	23	25,27	40	22,73
7	Нуклеусы-дрилы	6	7,06	8	8,79	14	7,94
II	Пластины	1233	100	1119	100	2352	100
1	Пластины крупные	8	0,65	6	0,54	14	0,6
2	Микропластины	82	6,65	60	5,36	142	6,04
3	Фрагменты микропластин	1143	92,7	1053	94,1	2196	93,36
III	Орудия на первичной основе	13	100	28	100	41	100
1	Молоты	1	7,69	1	3,57	2	4,88
2	Отбойники	1	7,69	-	-	1	2,44
3	Чоперы	6	46,16	4	14,29	10	24,39
4	Скребла	4	30,77	13	46,44	17	41,45
5	Песты	-	-	2	7,14	2	4,88
6	Топоры	-	-	2	7,14	2	4,88
7	Тесла	-	-	2	7,14	2	4,88

Окончание табл. 2

№ п/п	Наименование археологического материала	Горизонт 1		Горизонт 2		Общее кол-во	Процент
		Кол-во	Процент	Кол-во	Процент		
8	Абразивные камни	1	7,69	3	10,71	4	9,76
9	Шлифованные орудия	-	-	1	0,7	1	2,44
IV	Орудия на вторичной основе	163	100	142	100	305	100
1	Скребки округлые из отщепов	9	5,52	3	2,11	12	3,93
2	Скребки концевые из отщепов	3	1,84	16	11,28	19	6,23
3	Наконечники стрел	2	1,23	1	0,7	3	0,98
4	Наконечники копий	-	-	1	0,7	1	0,33
5	Микропластины с ретушью	20	12,27	10	7,04	30	9,84
6	Фрагменты микропластин с ретушью	120	73,62	108	76,06	228	74,75
7	Угловые резцы из микропластин	-	-	2	1,41	2	0,66
8	Проколки из микропластин	3	1,84	-	-	3	0,98
9	Скребки концевые из пластинок	6	3,68	1	0,7	7	2,3
V	Дебитаж	2021	100	2483	100	4504	100
1	Отщепы	1315	65,07	1930	77,73	3245	72,05
2	Чешуйки	706	34,93	553	22,27	1259	27,95
VI	Фрагменты керамических изделий	440	100	415	100	855	100
	Всего	3955	100	4278	100	8233	100

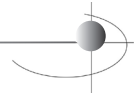
Примечание: Процент для каждого типа внутри категории.

Преобладают отщепы и чешуйки – 4504 экз. Их происхождение связано с оформлением нуклеусов и орудий. Индустрия характеризуется микропластинчатой техникой, унаследованной от эпохи неолита. Основной тип микронуклеуса – торцовый клиновидный. Микропластинки снимались с узкого торца, покрытого узкими фасетками, похожими на каннелюры. С противоположной стороны оформлялся клин, имеющий различные модификации и предназначенный для зажима нуклеуса в процессе снятия микропластин. Форма микронуклеуса в процессе снятия микропластин видоизменялась, благодаря чему появлялись такие типы как торцовые (рис. 3.12, 14; 4.11–13), конические (рис. 3.13; 4.15), призматические. Всего найдено 175 микронуклеусов, включая заготовки. Микропластинки и их фрагменты представлены 2608 экз. (рис. 3.2, 3, 9; 4.4–9), что составляет второй показатель после отщепов. Микропластинки в большинстве своём использовались как лезвия для вкладышевых основ. Только немногие микропластинки ретушировались по краям (рис. 3.4–8). Из микропластинок изготовлено 2 угловых резца и 3 проколки.

Крупный нуклеус – единственный. Вместе с тем в коллекции представлено 14 пластинок, в основном, неправильных. Из отщепов средних и малых размеров изготовлены концевые и округлые скребки (31 экз.) (рис. 3.1, 10, 15, 16; 4.1–3, 16). Выявлено 3 наконечника стрелы из отщепов, из них 2 заготовки и 1 обломок. Осо-

бым видом мелких орудий являются сильно сработанные микронуклеусы, оформленные с опорного конца резцовыми сколами. Они определены как нуклеусы-дрилы (14 экз.) (рис. 3.11; 4.10). Крупные отщепы служили основами для скрёбел и скобелей (17 экз.) (рис. 4.20). К числу редких орудий относится шлифованное изделие, сохранившееся в виде обломка (обушок), и бифасиально оформленный наконечник копья (медиальная часть). Для массивных орудий использовались первичные основы в форме речных галек. Определены 2 массивных молота, 5 отбойников, 10 чопперов (рис. 3.19; 4.21), 2 песта (рис. 4.18), 2 топора (рис. 4.19), тесло, наковаленка, 4 абразивных камня (рис. 3.20). Они оформлялись в технике оббивки или пикетажа.

Состав и характер каменных изделий свидетельствует, с одной стороны, о глубинных неолитических традициях, с другой – о возможном использовании бронзовых орудий. Последнее обстоятельство в косвенной форме отражается в наличии массивных орудий (молотов, отбойников и др.), скорее всего, предназначенных для дробления руды, в использовании абразивных камней, подходящих для заточки металлических орудий, а также в малочисленности мелких инструментов из камня (резцы, проколки), поскольку они могли быть вытеснены металлическими изделиями. Вместе с тем, если изделия из металла и были известны, то они были малочисленные и к тому же бережно хранимые.

Сломанные орудия из металла могли вновь использоваться после перековки или новой отливки. По-прежнему сохранялась потребность в длиннолезвийных вкладышевых ножах с наборным лезвием из микропластинок, а также каменных рубящих инструментах, таких как чопперы, топоры, тёсла.

Фрагменты керамики весьма многочисленны (855 экз.) (рис. 3.17; 4.17), но разрозненны и почти не поддаются склейке. Подавляющее большинство фрагментов принадлежит тонкостенным сосудам, изготовленным техникой выколачивания с использованием

колотушки, обмотанной нитями. Формы сосудов простые, с открытым верхом, прямыми венчиками и округлым дном. Сосуды украшались штамповым орнаментом, чаще всего образующим желобчатые ряды. Некоторая часть сосудов окрашивалась красной охрой. Незначительная часть фрагментов принадлежит толстостенным сосудам с плоским дном и утолщённым венчиком с рассечённым горизонтальным налёпом. Выявлены единичные обломки от плоских глиняных плиток овальной формы. Характер керамики соответствует эпохе ранней бронзы.

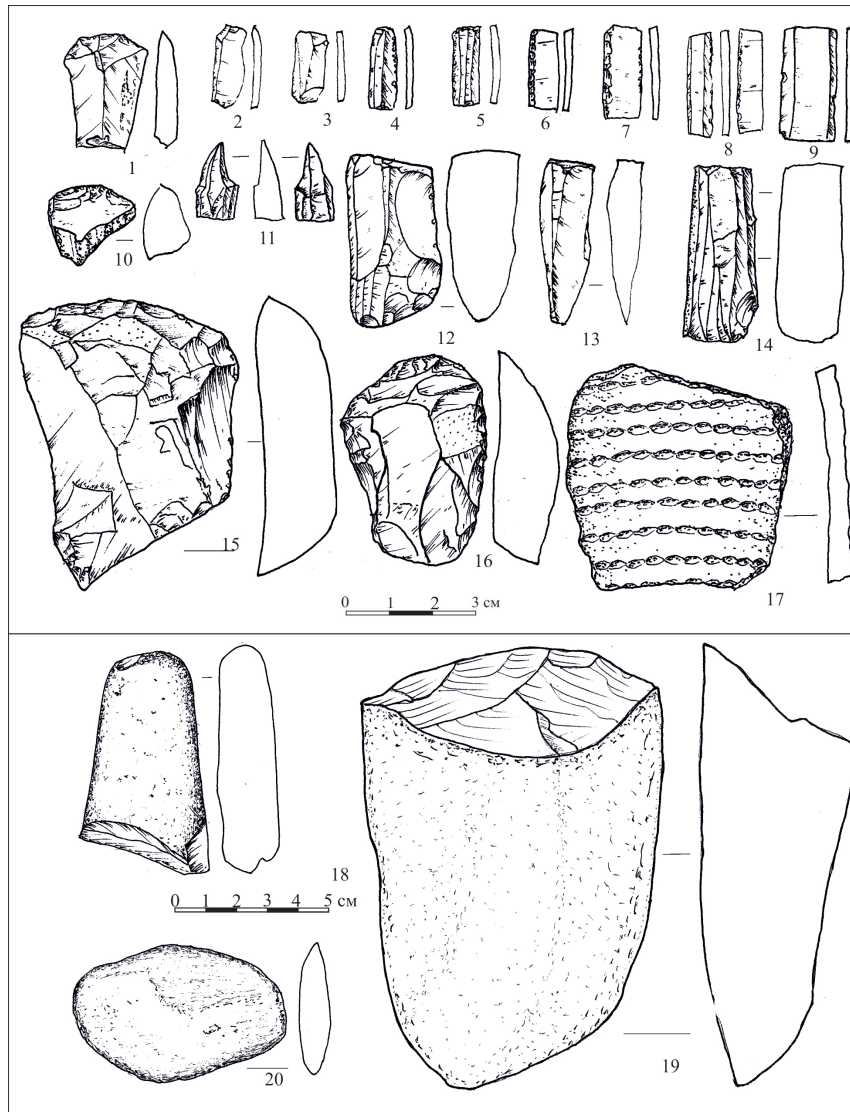

Рис. 3. Усть-Менза-2. Слой 2. Горизонт 1. 1 – скребок; 2, 3, 9 – фрагменты микропластинок; 4–8 – фрагменты микропластинок с ретушью; 10 – концевой скребок; 11 – нуклеус-дрель; 12, 14 – торцово-клиновидные микронуклеусы; 13 – конический микронуклеус; 15, 16 – скребки; 17 – фрагмент керамики; 18 – обломок шлифованного орудия; 19 – чоппер; 20 – абразивный камень

Fig. 3. Ust-Mensa 2. Layer 2. Horizon 1. 1 - end-scrapers; 2, 3, 9 - fragments of microblades, 4-8 - fragments of retouched microblades; 10 - single end-scrapers; 11 - drill core; 12-14 - front wedge-shaped microcores; 13 - conical microcore; 15, 16 - end-scrapers; 17 - fragment of ceramics; 18 - piece of polished tool; 19 - chopper; 20 - abrasive stone

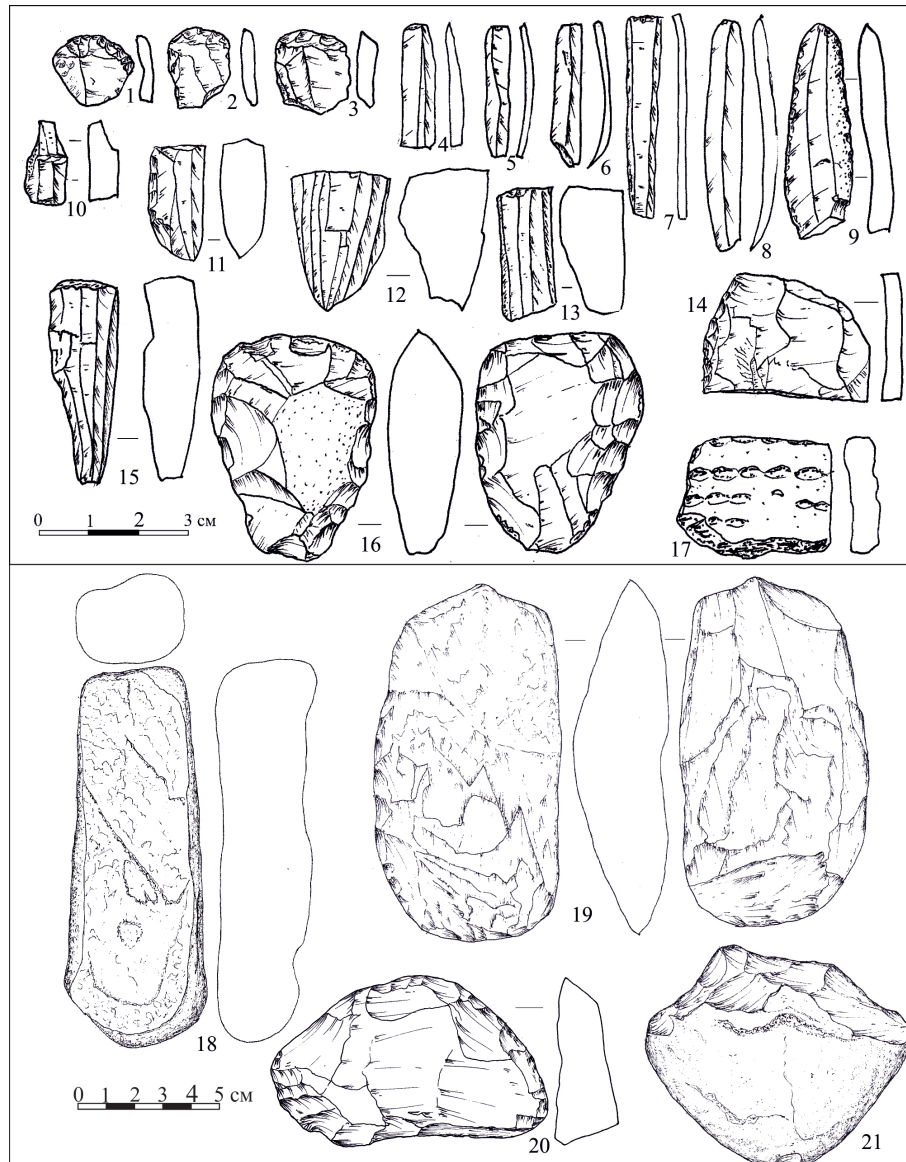

Рис. 4. Усть-Менза-2. Слой 2. Горизонт 2. 1–3 – скребки; 4–9 – микропластинки; 10 – нуклеус-дрель; 11–13 – торцово-клиновидные микронуклеусы; 14 – фрагмент пластины; 15 – конический микронуклеус; 16 – скребок; 17 – фрагмент керамики; 18 – пест; 19 – топор; 20 – скребло; 21 – чоппер.

Fig. 4. Ust-Mensa-2. Layer 2. Horizon 2. 1–3 – end-scrapers; 4–9 – microblades; 10 – drill core; 11–13 – front wedge-shaped microcores; 14 – fragment of blade; 15 – conical microcore; 16 – end-scraper; 17 – fragment of ceramics; 18 – pestle; 19 – axe; 20 – side-scraper; 21 – chopper

В горизонте 1 слоя 2 выявлен очаг. Он по форме округлый, диаметр 85 см. В обкладке очага находились 29 обожжённых камней, размерами по 10–30 см. Мощность заполнения 25 см. Очаг заполнен красно-коричневой прокалённой супесью. Около очага концентрировалось 765 артефактов, представленных микронуклеусами, микропластинками, нуклеусом-дрилем, отщепами, мелкими фрагментами керамики с оттисками нитей или штамповым орнаментом. Из орудий найдено 2 скребка из отщепов, тесло с оббитыми краями, чоппер, молот из кварцитового жел-

вака, а также весьма редкое для забайкальских поселений шлифованное орудие.

В горизонте 2 слоя 2 изучен хозяйственный комплекс, состоящий из очага и кострища. Очаг прямоугольной формы, его размеры 105×70 см. Выложен гальками длиной от 10 до 35 см. Под кладкой – очажное заполнение красного прокала с сажей. Мощность заполнения до 5–6 см. В заполнении обнаружено 9 фрагментов керамики и отщеп. В 1 м от очага находится кострище овальной формы размерами 125×65 см, с двумя камнями по краям. Заполнение кострища – красная про-

калённая супесь с сажей, мощность 42 см. В верхней части заполнения найдены: скребок из отщепа, 7 пластинок, 2 микропластинки, 4 фрагмента микропластинок, 21 отщеп. В средней части заполнения найден крупный фрагмент керамики, а под ним, как подпорка, – небольшой камень.

Скорее всего, очаг предназначался для нажига древесного угля, а кострище в виде ямы являлось местом обжига (горячей просушки) керамических сосудов. Они могли устанавливаться в яме и засыпаться горячей золистой массой из очага.

В процессе изучения слоя 2, горизонт 2 были выявлены два погребения.

Погребение № 1. Размеры овального пятна 162×72 см. На его поверхности располагался приметный крупный камень. Размеры в плане 30×35×25 см. Представляет собой весьма увесистый слабоокатанный валун из гнейсо-гранита. Он явно принесён с берега реки. Камень расположен посередине пятна, под ним скрывалось золлистое пятно округлой формы размерами 20×25 см и глубиной 7–8 см. Вероятно, здесь разводился небольшой ритуальный огонь. Рядом с камнем выявлено пятно красной охры длиной 30 см, шириной 10 см и высотой до 20 см. Охра окрашивает борт ямы, при этом красный цвет отчётливо виден на фоне светлой супеси.

В погребении обнаружены 2 наконечника, из отщепов подтреугольной формы с тонким прямым сечением. Они являются погребальным вариантом данных изделий, т. е. имитацией настоящих наконечников, допускающей упрощённое оформление. В заполнении также оказался торцовый клиновидный микронуклеус. Зафиксирован слабый тлен от эпифиза и от ободка черепного свода.

Ранее такая ситуация с останками человека зафиксирована на Усть-Мензинских памятниках в нескольких погребениях [7]. Возраст погребения, в соответствии с позицией в структуре слоя, может быть определён эпохой ранней бронзы, возможно, её началом.

Погребение № 2. В основании слоя 2 обнаружена кладка из камней. Судя по тому, что камни располагались с разницей по вертикали в 40 см, возможно предположить, что они обозначали поверхность невысокого грунтового кургана. Камни, в основном, окружали пространство со сложно смешанной гаммой песков каштановой и светло-жёлтой супеси, обозначающую могильную яму округлой формы. Размеры ямы по поверхности 230×210 см. На 10 см ниже кровли погребальной ямы выявлена яркая красная охристая

прослойка мощностью 3–5 см. На её поверхности оказался каменный наконечник стрелы подтреугольной формы с бифасиальной обработкой поверхности. Полная расчистка ямы показала, что её глубина 55 см, боковые стенки слабонаклонные, дно – плоское. Антропологического материала не выявлено.

О возможности характеристики комплекса как погребения свидетельствуют намеренность кладки, чётко выраженная погребальная яма, красная охристая прослойка и наконечник стрелы (в культурном слое поселений они встречаются крайне редко). Исходя из того, что погребение связано с культурным слоем 2 его можно отнести к ранней бронзе [2; 10].

Культурный слой 3 представлен немногочисленными находками, рассеянными по всему раскопу в количестве 70 артефактов. Большинство находок – отщепы, пластинки и микропластинки. Найдено 2 микронуклеуса и скребок. Керамика в слое отсутствует. Данное обстоятельство с учётом характера каменных изделий позволяет отнести этот слой к эпохе мезолита.

Обсуждение результатов исследования. По результатам полевых исследований составлен научный отчёт, включающий в себя текст, планы, чертежи. Общий объём отчёта – 300 стр. Над отчётом работали руководители раскопок с участием аспирантов и студентов. Отчёт прошёл рецензирование в ОПИ Института археологии РАН (г. Москва). Получена положительная рецензия, открывающая возможность для дальнейшего изучения памятника. Автор статьи принимал непосредственное участие в полевых исследованиях, камеральной обработке материала и составлении отчёта.

Новые результаты исследования представлены автором в статье «Техника микронуклеуса эпохи ранней бронзы таёжного Забайкалья (по материалам поселения Усть-Менза-2)», опубликованной в материалах 55-й международной научной студенческой конференции (Новосибирск – НГУ, 2017), а также в виде доклада «Древнее поселение Усть-Менза-2: итоги и перспективы исследований» представленного на VI Кузнецовских чтениях (Чита – ЗабККМ, 2017).

Выводы. Благодаря новым исследованиям площадь поселения Усть-Мензы-2 расширилась в два раза, что открывает перспективы для дальнейших исследований. Подтверждён многослойный характер поселения. Установлено, что в послеледниковое время наиболее полно исследуемый объект

был освоен людьми в эпоху ранней бронзы. Весьма существенно расширена база данных о каменной индустрии и керамическом производстве. Особый интерес представляют погребальные и хозяйственные комплексы, позволяющие составить представление об

образе жизни и верованиях обитателей тайги в начале эпохи металла [9].

Следует особо отметить, что Усть-Менза-2 (со слоя 1–2) входит в широкий круг забайкальских памятников, относящихся к Хэнтэйской культуре эпохи ранней бронзы [11; 12].

Список литературы

1. Базаров Д. Б., Константинов М. В., Именхенов А. Б., Базарова Л. Д., Савинова В. В. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья: Новосибирск: Наука, СО АН СССР, 1982. 163 с.
2. Базарова Л. Д., Семина Л. В. Алтан – многослойный памятник позднего антропогена Забайкалья // Природные орудия и древний человек в позднем антропогене. Улан-Удэ: БНЦ СО АН ССР, 1987. С. 167–179.
3. Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.
4. Константинов М. В., Екимова Л. В., Верещагин С. Б. Таёжный Чикой на рубеже камня и бронзы / отв. ред. В. Я. Шумкин. Чита: ЗабГУ, 2016. 247 с.
5. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ: ИОН БНЦ СО РАН; Чита: ЧГПИ, 1994. 265 с.
6. Константинов М. В. Провинциальная археология. Чита: ЗабГГПУ. 296 с.
7. Константинов М. В., Семина Л. В. Таёжные племена на восточной окраине скифо-сибирского мира // Скифо-сибирская культурно-историческое единство: материалы I Всесоюзной археологической конф. Кемерово, 1980. С. 96–104.
8. Константинов М. В., Константинов А. В., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И. Студёное // Человек, среда, время: материалы науч. семинаров полевого лагеря «Студёное». Чита: ЗабГГПУ, 2003. С. 8–20.
9. Семина Л. В. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1986. 16 с.
10. Семина Л. В. Кристинкина пещера – памятник раннего металла Южного Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск, 1983. С. 61–70.
11. Цыбиктаров А. Д. Хэнтэйская культура эпохи раннего металла севера Центральной Азии // Социогенез в Северной Азии: материалы конф. (г. Иркутск, 29 марта – 1 апреля 2009 г.). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. 241 с.
12. Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия на заре бронзового века (конец III – первая половина II тыс. до н. э.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. 236 с.

Статья поступила в редакцию 04.04.2017; принята к публикации 30.05.2017

Библиографическое описание статьи

Маслодудо С. В. Многослойное поселение Усть-Менза-2 (новый этап изучения) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 153–161. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4153-161.

Sergey V. Maslodudo,

Postgraduate Student,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: grinhcVC@yandex.ru

Ust-Menza-2 Multilayer Settlement (New Stage of Research)

The Chikoy archaeological expedition of Transbaikal State University conducts systematic field studies in the Trans-Baikal Territory, the Republic of Buryatia and Mongolia. Their goal is to search and excavate ancient monuments. Of particular value are multi-layered settlements. The settlements of Ust-Menza-2 have been studied since 1980. Thirty-one cultural layers have been identified at the location of the settlement. The settlement is part of the Ust-Menza archaeological complex located in the Krasnochikoysky district of the Trans-Baikal Territory, in the mountain-taiga area, at the confluence of the Menza in Chikoy Rivers (the Selenga River basin). In 2016, a new large excavation site was set up on the Ust-Menza-2 settlement. The top three cultural layers were studied. Of greatest interest is layer 2, which refers to the Early Bronze Age. In the layer, an economic complex is identified, consisting of foci, fireplaces. The stone industry is represented by a large series of micronuclei and micro plates, as well as tools in the form of scrapers, incisors, and piercings. The large items are hammers and bumpers intended for mining and processing of ore. Within the excavation area, 2 Early Bronze Age burials were found in the form of soil pits. In the funeral rite, a red ochre was used and in the funerary inventory there were arrowheads. Anthropological

material is practically not preserved. The settlement of Ust-Menza (layer 2) refers to the Khentei culture existed in the mountain-taiga area of south-western Transbaikalia at the dawn of the Bronze Age.

Keywords: Ust-Menza-2, multilayer settlement, South-Eastern Transbaikalia, Early Bronze Age, micro core, economic complex, burial

References

1. Bazarov D. B., Konstantinov M. V., Imenkhenov A. B., Bazarova L. D., Savinova V. V. Geologiya i kul'tura drevnikh poselenii Zapadnogo Zabaikal'ya: Novosibirsk: Nauka, SO AN SSSR, 1982. 163 s.
2. Bazarova L. D., Semina L. V. Altan – mnogoslownyi pamyatnik pozdnego antropogena Zabaikal'ya // Prirodnye orudiya i drevnii chelovek v pozdnem antropogene. Ulan-Ude: BNTs SO AN SSR, 1987. S. 167–179.
3. Konstantinov A. V. Drevnie zhilishcha Zabaikal'ya (paleolit, mezolit). Novosibirsk: Nauka, 2001. 224 s.
4. Konstantinov M. V., Ekimova L. V., Vereshchagin S. B. Tazhnyi Chikoi na rubezhe kamnya i bronzy / otv. red. V. Ya. Shumkin. Chita: ZabGU, 2016. 247 s.
5. Konstantinov M. V. Kamennyi vek vostochnogo regiona Baikal'skoi Azii. Ulan-Ude: ION BNTs SO RAN; Chita: ChGPI, 1994. 265 s.
6. Konstantinov M. V. Provintsial'naya arkheologiya. Chita: ZabGGPU. 296 s.
7. Konstantinov M. V., Semina L. V. Tazhnye plemena na vostochnoi okraine skifo-sibirskogo mira // Skifo-sibirskaya kul'turno-istoricheskoe edinstvo: materialy I Vsesoyuznoi arkheologicheskoi konf. Kemerovo, 1980. S. 96–104.
8. Konstantinov M. V., Konstantinov A. V., Ekimova L. V., Razgil'deeva I. I. Studenoe // Chelovek, sreda, vremya: materialy nauch. seminarov polevogo lagerya «Studenoe». Chita: ZabGGPU, 2003. S. 8–20.
9. Semina L. V. Epokha neolita i paleometalla Yugo-Zapadnogo Zabaikal'ya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.06. L., 1986. 16 s.
10. Semina L. V. Kristinkina peshchera – pamyatnik rannego metalla Yuzhnogo Zabaikal'ya // Po sledam drevnikh kul'tur Zabaikal'ya. Novosibirsk, 1983. S. 61–70.
11. Tsybiktarov A. D. Khenteiskaya kul'tura epokhi rannego metalla severa Tsentral'noi Azii // Sotsiogenez v Severnoi Azii: materialy konf. (g. Irkutsk, 29 marta – 1 aprelya 2009 g.). Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 2009. 241 s.
12. Tsybiktarov A. D. Tsentral'naya Aziya na zare bronzovogo veka (konets III – pervaya polovina II tys. do n. e.). Ulan-Ude: Izd-vo BGU, 2006. 236 s.

Received: April 04, 2017; accepted for publication April 30, 2017

Reference to the article

Maslodudo S. V. Ust-Menza-2 Multilayer Settlement (New Stage of Research) // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 153–161. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-153-161.

УДК 902.2 (571.55)

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-162-171

Павел Валерьевич Мороз,
кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30),
e-mail: frostius.81@mail.ru

Стоянка Сахюрта-1 и её место в схеме палеолита Забайкалья¹

Статья посвящена изучению стоянки каменного века Сахюрта-1, обнаруженной автором в Агинском Бурятском округе Забайкальского края. В работе даётся анализ ситуации с размещением стоянок каменного века на территории Восточного Забайкалья в сравнении с западной частью территории. Автором анализируется причина практически полного отсутствия этих объектов на археологической карте Восточного Забайкалья и выдвигается концепция связи пространственного размещения стоянок с палеовулканами региона. Во второй части публикации характеризуется стоянка Сахюрта-1, связанная с естественным выходом сырья в Агинском Бурятском округе, представляющим собой палеовулкан Дунда-Ага. В статье подробно характеризуется история открытия этого объекта каменного века, даётся описание стратиграфического разреза и каменной индустрии. В итоге делаются выводы об уникальности выявленного памятника и близости третьего культурного компонента к индустрии стоянки Куналей, расположенной в Западном Забайкалье на расстоянии не менее 500 км от Сахюрты-1. Также автором высказывается идея о создании методики поиска стоянок каменного века на территории Восточного Забайкалья, основанной на дислокации источников камнесамоцветного сырья и, прежде всего, палеовулканов. Примером применения этой идеи может являться обнаружение стоянки Сахюрта-1.

Ключевые слова: петроархеология, палеовулканы, каменный век, палеолит, Восточное Забайкалье, Сахюрта-1

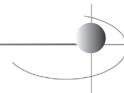
Вводная часть. Территория Восточного Забайкалья на административной карте современного Забайкальского края существенно превосходит западную часть (рис. 1), а традиционным «водоразделом» между ними у географов является Яблоновый хребет. При этом Петровск-Забайкальский, Красночуйский и Хилокский районы вместе с территорией современной Республики Бурятия иногда относят к Западному Забайкалью исключительно по географическому признаку. Учитывая более чем столетнюю историю археологических исследований в регионе [7, с. 117], показательна подобная «неравномерность», наблюдающаяся и в размещении археологических памятников каменного века.

Западное Забайкалье, а в особенности, если трактовать это понятие широко, включая сюда и Республику Бурятия, насыщено различными объектами каменного века, включая и всемирно известные памятники [1; 2; 11]. На этом фоне Восточное Забайкалье не может похвастаться большим числом выявленных объектов каменного века, и это связано с рядом причин, освещению и анализу которых следует уделить отдельную публикацию. По-

мимо «человеческого фактора» и несколько иных условий осадконакопления в позднем неоплейстоцене и голоцене большинством исследователей каменного века Забайкалья практически не обращалось внимания на роль высококачественного сырья для производства орудий труда как фактора географической привязки стоянок и мастерских. Нам же, в контексте Восточного Забайкалья, она видится одной из ключевых [6; 15].

На территории Забайкальского края уже более десяти лет ведутся петроархеологические исследования [12], благодаря которым удалось серьёзно продвинуться в понимании взаимодействия древних обитателей региона с доступной минерально-сырьевой базой. В качестве основного полигона этих исследований были выбраны именно западные районы Забайкальского края, так как именно там наблюдается максимальная концентрация стратифицированных памятников верхнего и финального палеолита [5; 8]. При этом территория Восточного Забайкалья, кратно превосходящая западные районы до недавнего времени представляла *Terra incognita* в плане наличия стратифицирован-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 16-06-00003 «Источники минерального сырья в каменном веке Забайкалья: минералого-геохимические критерии и геолого-археологическое картирование».

ного палеолита с небольшими исключениями, что и отмечалось некоторыми исследователями [3; 4].

Методология и методы исследования. Начиная с 2009 года нами была составлена программа поиска памятников каменного века в восточных районах Забайкальского края, с целью устранения явной «исторической несправедливости». В основу работ была положена концепция связи челове-

ских коллективов и источников минерального сырья. Предполагая однозначную зависимость древних коллективов от камня высокого качества, нами, совместно с доктором геолого-минералогических наук Г. А. Юргенсоном, на территории Восточного Забайкалья были выделены потенциально возможные «точки притяжения» древнего населения, представляющие собой выходы минерального сырья высокого качества.

Рис. 1. Соотношение между Восточным и Западным Забайкальем на карте Забайкальского края

Fig. 1. The ratio between the Eastern and Western parts of Transbaikalia on the map of the Trans-Baikal Territory

Наиболее перспективными районами для поиска памятников каменного века оказались палеовулканы, весьма широко представленные на территории Восточного Забайкалья. Сами по себе палеовулканы Восточного Забайкалья привлекли внимание археологов уже достаточно давно, но оно было крайне опосредованным. Примером этому может служить знаменитый комплекс археологических памятников каменного века на Титов-

ской сопке в непосредственной черте г. Читы. Несмотря на наличие трёх мастерских и около десяти стратифицированных памятников верхнего – финального палеолита, включая уникальный комплекс Сухотино-4, исследователи практически не придавали значения сырьевому фактору в вопросе размещения стоянок и мастерских сухотинской группы [10]. В это же время в зарубежной археологии роль сырья и его источников становилась всё

более значимым фактором в исследованиях, посвящённых каменному веку [13], а на рубеже XXI века эти работы оформились в самостоятельное научное направление – петроархеологию [14].

Таким образом, имея перед собой пример палеовулкана, как своего рода сырьевого кластера, который притягивал древние коллективы в каменном веке, нами были проанализированы подобные вулканические постройки на территории Восточного Забайкалья. Следует сказать, что палеовулканы в позднем неоплейстоцене и голоцене могли продуцировать различные горные породы, как то – эффузивы кислого и среднего состава, кремь, халцедон и яшму, и все они активно использовались древним человеком для расщепления с целью производства орудий труда. Установлено, что для памятников финального плейстоцена – раннего голоцена Западного Забайкалья характерно изменение сырьевого баланса. От эффузивов, на которых были основаны индустрии поздней поры верхнего палеолита, к высококачественным халцедону, вулканическому кремню и яшме, древние коллективы переходят примерно с 20 т. л. н. При этом эффузивы не исчезают из индустрий полностью, но частота использования существенно сокращается. Их место занимают существенно кремнистые породы, а с повсеместным распространением микротехники халцедон, кремь и яшма становятся доминирующим сырьём [5, с. 105; 15, с.107].

И если для Западного Забайкалья подобная картина имеет подтверждения в материалах стратифицированных памятников, восточные районы Забайкальского края до недавнего времени не предоставляли материалов для решения этой проблемы. Поэтому, прежде всего, наше внимание было обращено на палеовулканы, продуцирующие именно камнесамоцветное сырьё. Подобный источник сырья был указан Г. А. Юргенсоном в пределах Агинского Бурятского округа [6, с. 449; 9, с. 52].

Результаты исследования. Благодаря консультациям доктора геолого-минералогических наук Г. А. Юргенсона в 2013 году был выделен наиболее благоприятный район для поисков памятников каменного века в районе с. Сахюрта (рис. 2).

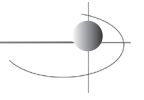
Территория, расположенная северо-восточнее села, представляет собой во многом уникальный, с точки зрения геологии, район. На площади порядка 1000 га расположены 3 мезозойских палеовулкана Пунцук на севере и два конуса палеовулкана Дунда-Ага се-

верней и южнее с. Сахюрта. Последний вулкан представляет собой известное с XIX века месторождение кремня, халцедона и яшмы. Название села Сахюрта происходит от бурятского «сахюрт» – т. е. кремь. Таким образом, эта территория представляет собой самостоятельный сырьевой район, а наличие р. Хойто-Ага и вулканического озера Цаган-Нур делает эту территорию привлекательной для посещения человеческими коллективами в древности.

Исследовав террасовидную поверхность высотой 6 м над уровнем долины р. Хойто-Ага, прислонённую к кальдере вулкана в 100 м юго-восточнее фермы (рис. 2) и пространство ниже этого уровня, в 2013 году удалось обнаружить каменный подъёмный материал. Характер его сохранности был неодинаков, что может говорить о смешанности комплекса и о специфике его залегания в погребённом/непогребённом состоянии. На большинстве артефактов наблюдается чрезвычайно высокая дефляция обеих поверхностей. Причём эта высокая степень разрушения не может быть следствием длительного пребывания на дневной поверхности, а скорее всего, появилась благодаря интенсивному и долгому воздействию водного потока или, исходя из понимания геоморфологической ситуации, является следствием перемещения материала в геологическом теле во время течения вечномёрзлых грунтов при образовании солифлюксия. Наличие подъёмного материала позволило предположить присутствие стратифицированного комплекса. При осмотре поверхности террасовидного шлейфа было обращено внимание на 2 оврага, прорезающих шлейф (рис. 2). В конусе выноса одного из них был обнаружен подъёмный материал и принято решение заложить разведочный шурф. Координаты шурфа 2013 года в системе WGS-84: N 51°03.378' E 114°13.331'

В полевой сезон 2015 года было принято решение расширить разведочный шурф до пикета, размерами 4×4, с общей площадью вскрытия 16 м², а в сезон 2016 года к нему было прирезано ещё 4 м².

В результате проведения работ на данном памятнике было принято решение отказаться от термина «культурный слой» и использовать понятие «культурный компонент». Это сделано в связи с тем, что террасовидный уровень, на котором заложен шурф 2013 года и пикет 2015 года, в геологическом плане имеет чрезвычайно сложное строение. Литологические слои в период своего формирования и в более позднее время претерпели многочислен-

ные изменения, вызванные мощнейшей солифлюкцией, видоизменившей палеорельеф. Поэтому говорить о полной «инситуности» археологического материала на конкретно этом участке памятника, к сожалению, не приходится. Более того, индустрия Сакхурты-1 претерпела серьёзные постседиментационные изменения, а ввиду высокого содержания щебня и сланца это напрямую сказалось на облике артефактов. Поверхность большинства орудий

сколов и нуклеусов деформирована, вплоть до сглаживания рёбер негативов, что практически полностью исключает применение функционального анализа и затрудняет технико-типологическую атрибуцию артефактов.

По состоянию на 2016 год получен полный профиль рыхлых отложений по северо-западной стенке раскопа мощностью до 400 см (рис. 3). Описание северо-западной стенки разреза показано в таблице.

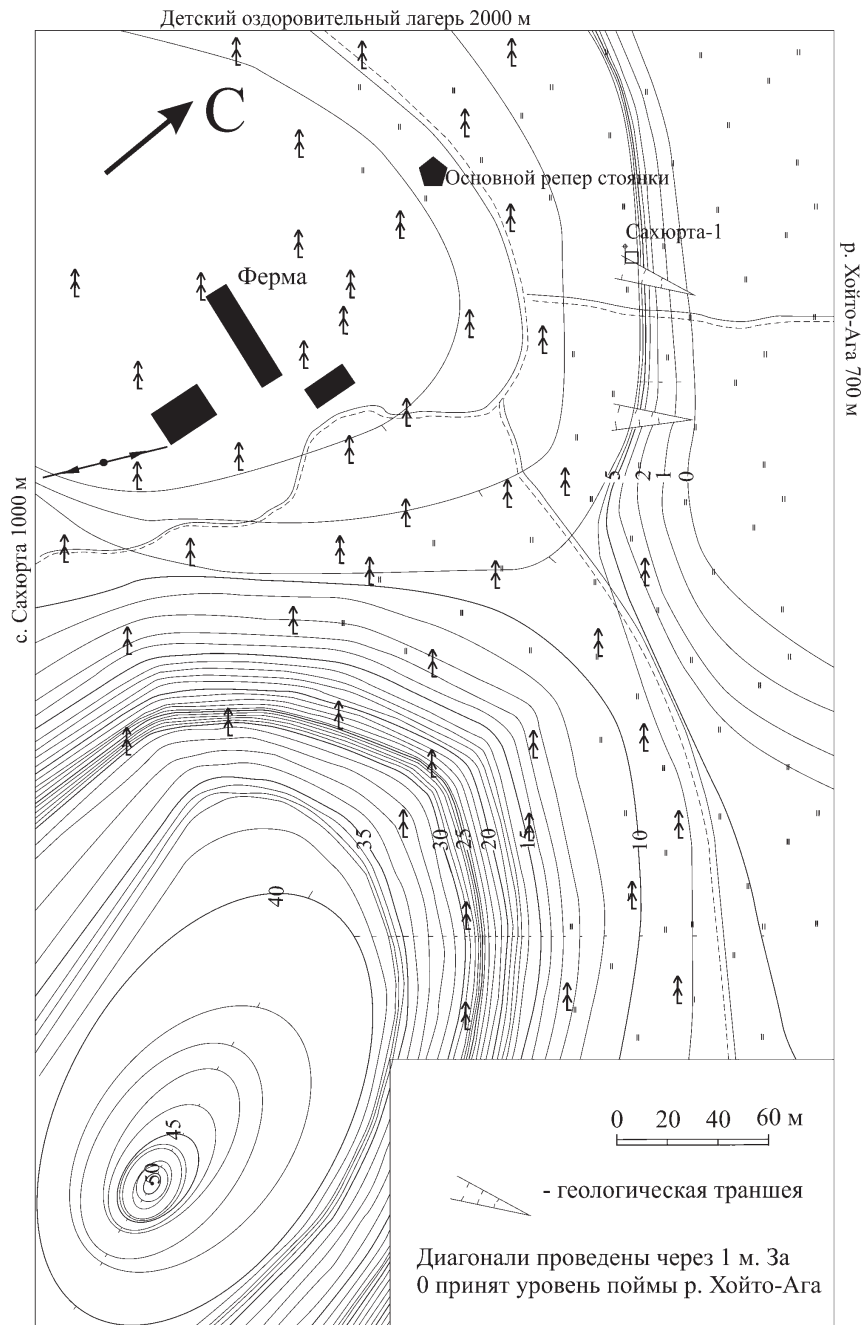

Рис. 2. Топоплан стоянки Сакхурта-1

Fig. 2. Topographic plan of the Sakhurta-1 site

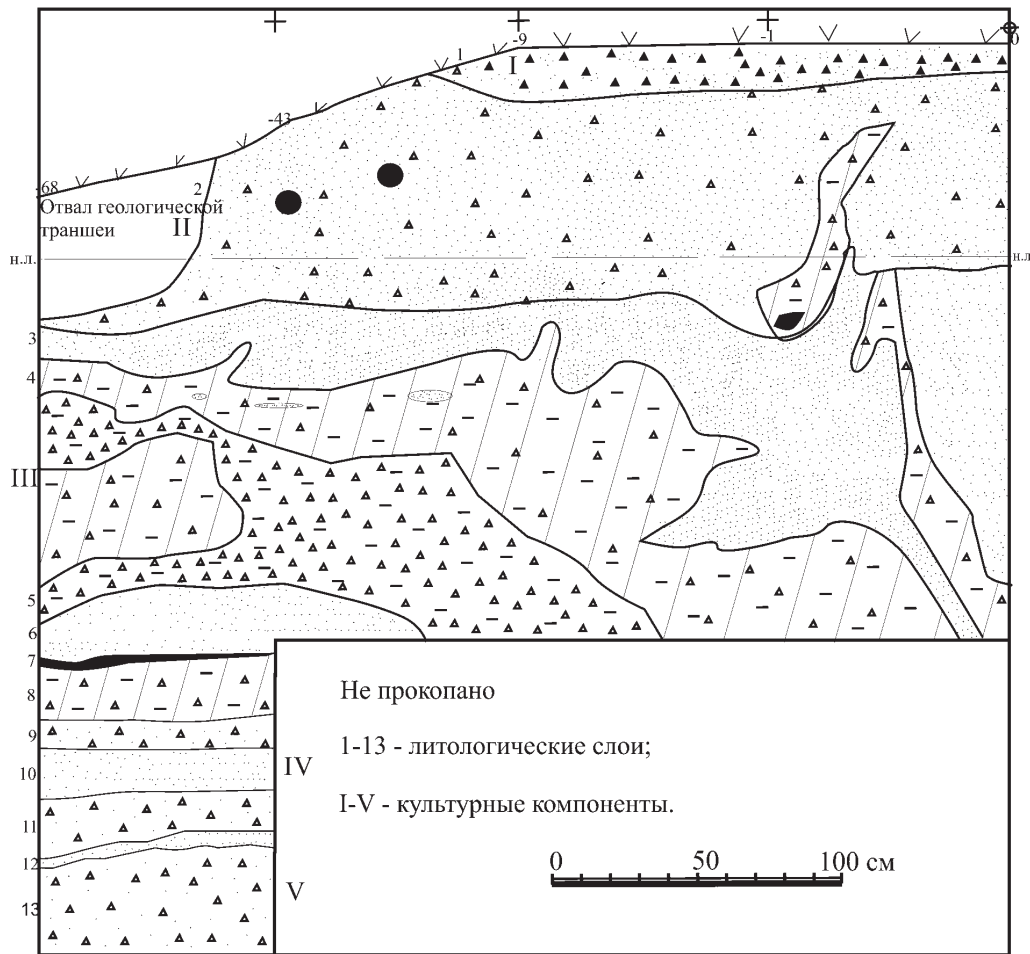

Рис. 3. Стоянка Сахурта-1. Профиль северо-западной стенки

Fig. 3. The Sakhurta-1 site. Profile of the northwest wall

Описание северо-западной стенки разреза

Л/с	Описание	Мощность в см
1	Современная почва, покрытая маломощной растительностью, смешанная с подпочвенным слоем. Плотный, серого цвета, содержит в большом количестве щебень, сланец и прочий обломочный материал. Представляет собой пылеватую супесь серого цвета. Содержит в себе культурный компонент 1, по характеру полностью идентичный подъёмному материалу	до 15
2	Супесь плотная, содержит в большом количестве щебень, сланец и прочий обломочный материал, наиболее концентрированный в подошве слоя. Сцементирован пылеватой супесью. Максимальная мощность в центральной части стенки до 95 см. Содержит культурный компонент 2	до 95
3	Толща жёлтого песка эолового происхождения, сцементированного обломочным материалом, начиная от мелкого щебня и заканчивая валунчиками яшмы. В стенке прирезки литологический слой представлен в редуцированном виде. В верхней части (по разрезу 2015 года) содержит культурный горизонт 2, а также верхний уровень культурного компонента 3, расположенного на кровле гумусированного суглинка на глубине порядка 120–130 см от дневной поверхности	до 15
4	Тяжёлый плотный гумусированный светло-коричневый суглинок с высоким содержанием мелкого обломочного материала. И кровля, и подошва литологического слоя неровные. Содержит линзы отмытого песка в правой части разреза. По всей видимости, крайне неравномерное залегание связано с солифлюкционными процессами. Мощность до 100 см в центральной части разреза. Содержит артефакты, отнесённые к культурному компоненту 3	до 100
5	Плотный тёмно-коричневый до чёрного гумусированный суглинок (палеопочва?). Слоистый, содержит обломочный материал, кровля и подошва неровные. Также отчётливо заметно влияние солифлюкции. Слои 4 и 5 можно объединить в рамках единого педокомплекса и охарактеризовать его как каргинскую палеопочву. Содержит артефакты культурного компонента 3. Максимальная мощность в средней части разреза, по прирезке 2016 г., до 20 см	до 20

6	Светло-жёлтый до пепельного пролювиальный песок, содержащий мелкий обломочный материал. Мощность до 20 см в правой нижней части стенки	до 20
7	Гумусированный прослой мощностью до 10 см	до 10
8	Слой практически идентичный литологическому слою 4. Содержит отдельные находки из культурного компонента 3. Менее подвержен солифлюкционным процессам, может рассматриваться как нижняя часть каргинского педокомплекса	до 30
9	Горизонт контакта нижележащего литологического слоя 10 и вышележащего 8, более песчанистый с меньшим количеством щебня. Находок не содержит	до 15
10	Песок пролювиального генезиса не подвержен криотурбационным нарушениям, ритмичный, светлый. Содержит находки культурного компонента 4	до 30
11	Песчанисто-щебнистая масса светло-серого цвета, также пролювиального генезиса. Содержит единичные находки культурного компонента 4	до 35
12	Тонкий линзовидный прослой, по цветности и составу идентичный литологическому слою 10	до 10
13	Песчанисто-щебнистая масса светло-серого цвета пролювиального генезиса, близкая по цветности и составу литологическому слою 11. Единственным отличием является наличие в слое крупных отдельностей (глыбы, валунник). Содержит находки культурного компонента 5	до 50

Артефакты культурного компонента 1 представлены в количестве 42 экземпляров. Большинство артефактов представляют собой отщепы и мелкие сколы, но среди дебритажа можно выделить отдельные орудия. Особо интересны долотовидные орудия и комбинированное орудие на пластинчатом сколе. Разборка второго литологического слоя выявила существенно меньшее количество артефактов и показала их более широкую «развеску» в разрезе. Орудийный набор второго культурного компонента относительно беден и представлен несколькими экземплярами, из которых следует выделить комбинированное и долотовидные орудия и скребок. Следует отметить, что принципиальной разницы в индустрии и применяемом сырье между материалом первого и второго культурных горизонтов нет.

Артефакты культурного компонента 3 были выявлены на контакте третьего и четвертого литологических слоёв, на и вблизи кровли четвертого литологического слоя. Третий культурный компонент отделён от второго стерильным прослоем мощностью не менее 20–25 см. О значительном угле падения литологического слоя 4 и 5 свидетельствует разрез (рис. 3). Наиболее значительный угол падения отмечается с запада на восток. Следует отметить весьма значительную глубину этого падения, достигающего Г 100–120 см. Этот естественный процесс привёл к частичному смешиванию литологических слоёв 4 и 5, а также вовлечению в солифлюкционное течение подошвы литологического слоя 3. Принимая во внимание эти факты, на этом участке памятника невозможно расчленить находки, связанные с этими литологическими слоями. Поэтому артефакты были объединены в единый культурный компонент 3, так как расчленение материала на культурные слои

по технико-типологическим признакам также не представляется возможным.

В целом индустрия третьего культурного компонента отличается от второго и первого. Если в последних, в результате раскопок 2013 года, были обнаружены элементы микротехники в виде фрагментов микропластин, микронуклеусов и технических сколов, индустрия третьего культурного компонента этих признаков лишена. Отмечается значительное количество нуклеидных сколов, что вполне оправдывается расположением стоянки на естественном выходе сырья. Сырьевой набор всех культурных компонентов идентичен. Всего обнаружено 103 артефакта за сезон 2013 и 21 экз. в прирезке 2016 года. Основу коллекции составляют отщепы и сколы.

Микронуклеусы в третьем культурном компоненте полностью отсутствуют, зато представлены массивные отдельности на начальных стадиях расщепления, а также нуклеусы ортогонального принципа расщепления, выполненные на отдельностях местного кремня и яшмы. Анализ нуклеарного расщепления свидетельствует, скорее, об отщеповой направленности индустрии, основанной на ситуационном и ортогональном принципе расщепления, чему не противоречит и орудийный состав коллекции, демонстрирующей отщеп в качестве орудийной основы. Наиболее интересна серия проколов, включающая в том числе и комбинированные орудия (рис. 4.1–4) совмещающие в себе проколку и скребок. Долотовидные орудия и обушковые инструменты также представлены (рис. 4.5–6). Скрепки единичны.

Индустрия четвертого культурного компонента весьма показательна. Как и артефакты третьего культурного компонента, она полностью основана на местном сырье высокого качества – вулканическом лиловом кремне

и яшме. Всего выявлено 12 артефактов. Из них 4 экз. – орудия и один нуклеус. Наблюдается присутствие как мелких орудий на пластинчатой основе, проколка на фрагменте пластинки, так и массивных орудий. Это орудие представляет собой блок ремонтажа, состоящий из 2 фрагментов. Типологически орудие может быть определено как боковое

скребло с выемкой. Найдено два фрагмента на расстоянии 30 см друг от друга (рис. 5.1). Отдельно стоит отметить массивность орудия, 14,5 см по длинной оси. Это связано с тем, что в качестве основы использован не скол, а естественная плитка кремня. Выемка оформлена уплощающими снятиями и краевой ретушью.

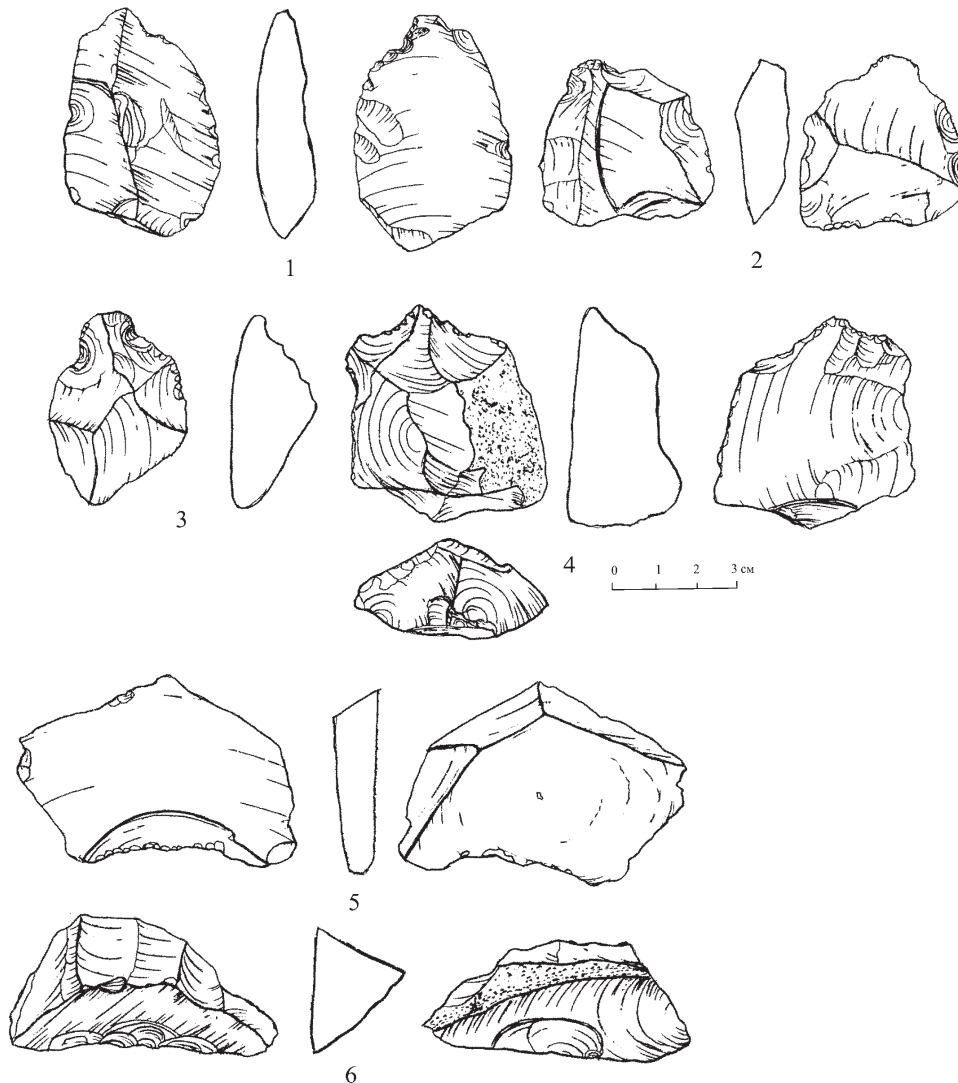

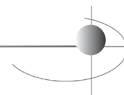
Рис. 4. Стоянка Сахюрта-1: культурный компонент 3. Орудия. 1–4 – проколки; 5–6 – обушковые инструменты

Fig. 4. The Sakhurta-1 site: Cultural component 3. Tools. 1–4 – borers; 5–6 – backed knives

Пятый культурный компонент был выявлен на отметке – 356 см от промежуточного репера памятника и включает 5 артефактов. При этом выявлено два показательных типологически выраженных орудия и нуклеус. Обушковый нож, выполненный на массивной отдельности светлого кремня, лезвие уплощённое снятием по обоим маргиналам. Конвергентное скребло на отщепе (рис. 5.2) на плитчатой отдельности лилового кремня де-

монстрирует минимальную подправку естественной отдельности. Массивный нуклеус из зеленоватого кремня представляет собой образец ортогональной техники расщепления.

Подводя итоги, следует сказать, что индустрия стоянки Сахюрта-1 уникальна для Восточного Забайкалья и не имеет географически близких аналогий. В то же время индустрия третьего культурного компонента Сахюрты-1 близка до идентичности извест-

ному памятнику Куналей, расположенному в 500 км к юго-западу в Западном Забайкалье. Культурные компоненты 4 и 5 предвари-

тельно можно датировать временем порядка 30 т. л. н. и отнести к раннему верхнему палеолиту.

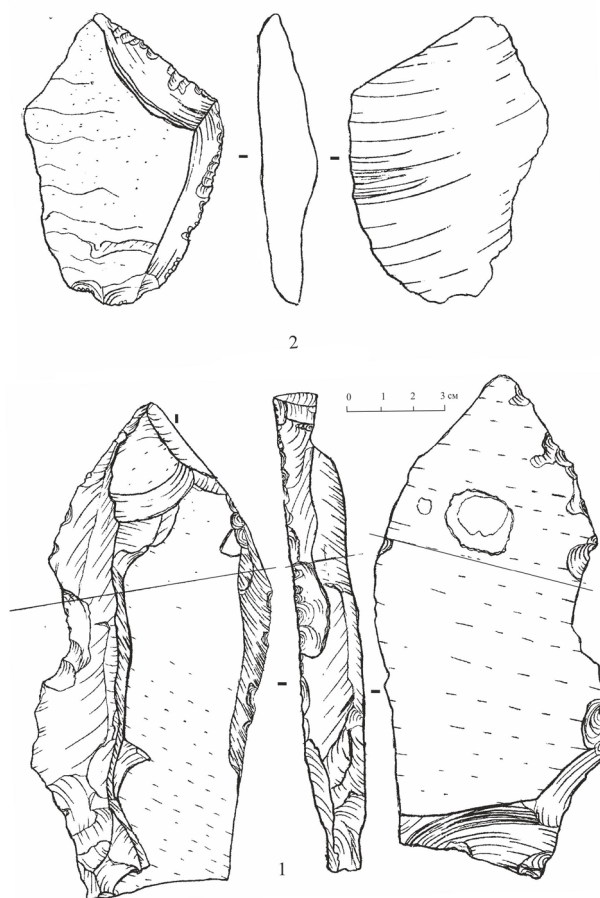

Рис. 5. Стоянка Сахюрта-1: 1 – культурный компонент 4. Скребло с выемкой; 2 – культурный компонент 5. Конвергентное скребло

Fig. 5. The Sakhurta-1 site: Cultural component 4. Side-scraper with use notch; 2 – Cultural component 5. Convergent scraper

Обсуждение результатов исследования. В настоящее время стоянка Сахюрта-1 представляет собой единственный стратифицированный памятник восточнее г. Читы, демонстрирующий сложный, но информативный разрез, включающий каргинский педокомплекс, содержащий материал не моложе средней поры верхнего палеолита, а выявленные в полевой сезон 2016 года культурные компоненты 4 и 5 однозначно древнее и их следует отнести ко времени РВП. Данный факт трудно переоценить, так как опорных объектов, включающих индустрии как ранней, так и средней поры верхнего палеолита в рамках одного памятника, до сегодняшнего дня выявлено не было. Другим немаловажным обстоятельством является подтверждение авторской гипотезы о прямой связи древних коллективов с пале-

овулканами региона, что даёт возможность создания методологии поиска объектов каменного века на территории Восточного Забайкалья.

Заключение. Подводя итоги, следует сказать, что стоянка Сахюрта-1, выявленная на коренных выходах минерального сырья высокого качества, связанных с палеовулканом Дунда-Ага, представляет собой многослойный памятник, включающий как минимум 5 культурных компонентов. При раскопках более широкими площадями и применении микростратиграфических методов, возможно расчленение нижних культурных компонентов на самостоятельные культурные горизонты. Тем не менее, даже вскрытие 20 м² дало уникальный для Восточного Забайкалья материал, коррелируемый с технокомплексами Западного Забайкалья.

Список литературы

1. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: Изд-во БНЦ СО РАН, 1994. 180 с.
2. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье) / Л. В. Лбова [и др.]. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 208 с.
3. Мещерин М. Н. Средняя пора верхнего палеолита в Забайкальской региональной схеме периодизации (состояние изучения) // Российская археология. 2010. № 3. С. 5–13.
4. Мороз П. В. Работы в Кыринском районе Забайкальского края // Археологические открытия 2009 года. М.: ИА РАН, 2013. С. 316–317.
5. Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. Чита: Экспресс-изд-во, 2014. 181 с.
6. Мороз П. В. Минеральное сырьё и древний человек на территории Забайкалья // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 43–45.
7. Мороз П. В. Этапы изучения каменного века Забайкалья: прошлое и настоящее // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 4. С. 117–124.
8. Мороз П. В., Юргенсон Г. А. Применение минерального сырья в палеолите Забайкалья: культурная преемственность или технологическая необходимость? // Stratum Plus. 2016. № 1. С. 65–76.
9. Мороз П. В., Лапердина Е. Ю., Сахновская Я. А., Яковлева А. Е., Туманова А. А. Палеолитическая стоянка Сахюрта (предварительные данные) // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 52–54.
10. Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
11. Ташак В. И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 130 с.
12. Юргенсон Г. А., Мороз П. В. О технологической археоминерации // Теория, история, философия и практика минералогии: материалы междунар. минералогического семинара. Сыктывкар: Геопринт, 2006. С. 89–90.
13. Demars P. Y. L'utilisation du silex au Paléolithique supérieur: choix, approvisionnement, circulation // Cahiers du Quaternaire. 1982. No. 5. 253 p.
14. Miller R. Lithic resource management during the Belgian Early Upper Paleolithic: effects of variable raw material context on lithic economy // ERAUL. 2001. No. 91. 220 p.
15. Moroz P., Yurgenson G. The importance of raw material factor for Final Paleolithic investigations in Trans-Baikal region (Russia) // ERAUL. 2014. No. 140. P. 94–107.

Статья поступила в редакцию 12.04.2017; принята к публикации 10.05.2017

Библиографическое описание статьи

Мороз П. В. Стоянка Сахюрта-1 и её место в схеме палеолита Забайкалья // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 162–171. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-162-171.

Pavel V. Moroz,

*Candidate of History, Associate Professor,
Transbaikal State University*

*(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: frostius.81@mail.ru*

Sakhyurta 1 Site and its Place in the Paleolithic Scheme of Transbaikalia¹

The article is devoted to the study of the Stone Age site of Sakhyurta-1 discovered by the author in Aginsk Buryat District in the Trans – Baikal region. The paper analyzes the situation with the location of the Stone Age sites in Eastern Transbaikalia in comparison with the western part of this territory. The author analyzes the reason for the almost complete absence of these sites on the archaeological map of Eastern Transbaikalia and proposes a concept of the connection of the spatial arrangement between sites with paleovolcanoes in the region. In the second part of the publication we characterize the Sakhyurta 1 site associated with the natural raw material yield in Aginsk Buryatsk District, constituting Dunda-Aga paleovolcano. The article characterizes in detail the history of the discovery of this object of the Stone Age, it describes stratigraphic section and the stone industry. As a result, conclusions are drawn about the uniqueness of the identified site and the proximity of the third cultural component to the Kunali site area located in Western Transbaikalia at a distance of more than 500 km from the Sakhyurta 1. The author also expresses the idea of creating a technique for searching the Stone Age sites on the territory of Eastern

¹ The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 16-06-00003 “The raw materials sources in the Stone Age of Trans-Baikal region: mineralogical and geochemical criteria, geological and archaeological mapping”.

Transbaikalia based on dislocation of sources of stone-colored raw materials and, above all, paleovolcanoes. An example of the application of this idea may be the discovery of the Sakhyurta 1 site.

Keywords: petroarcheology, paleovolcanoes, Stone Age, Paleolithic, Eastern Transbaikalia, Sakhyurta-1

References

1. Konstantinov M. V. Kamennyi vek vostochnogo regiona Baikal'skoi Azii. Ulan-Ude; Chita: Izd-vo BNTs SO RAN, 1994. 180 s.
2. Prirodnaya sreda i chelovek v neopleistotsene (Zapadnoe Zabaikal'e i Yugo-Vostochnoe Pribaikal'e) / L. V. Lbova [i dr.]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2003. 208 s.
3. Meshcherin M. N. Srednyaya pora verkhnego paleolita v Zabaikal'skoi regional'noi skheme periodizatsii (sostoyanie izucheniya) // Rossiiskaya arkheologiya. 2010. № 3. S. 5–13.
4. Moroz P. V. Raboty v Kyrinskom raione Zabaikal'skogo kraja // Arkheologicheskie otkrytiya 2009 goda. M.: IA RAN, 2013. S. 316–317.
5. Moroz P. V. Kamennye industrii rubezha pleistotsena i golotsena Zapadnogo Zabaikal'ya. Chita: Ekspress-izd-vo, 2014. 181 s.
6. Moroz P. V. Mineral'noe syr'e i drevnii chelovek na territorii Zabaikal'ya // Sibirskaya arkheologiya i etnografiya: vklad molodykh issledovatelei. Chita: ZabGU, 2016. S. 43–45.
7. Moroz P. V. Etapy izucheniya kamennogo veka Zabaikal'ya: proshloe i nastoyashchee // Gumanitarnyi vektor. 2016. T. 11, № 4. S. 117–124.
8. Moroz P. V., Yurgenson G. A. Primenenie mineral'nogo syr'ya v paleolite Zabaikal'ya: kul'turnaya preemstvennost' ili tekhnologicheskaya neobkhodimost'? // Stratum Plus. 2016. № 1. S. 65–76.
9. Moroz P. V., Laperdina E. Yu., Sakhnovskaya Ya. A., Yakovleva A. E., Tumanova A. A. Paleoliticheskaya stoyanka Sakhyurta (predvaritel'nye dannye) // Sibirskaya arkheologiya i etnografiya: vklad molodykh issledovatelei. Chita: ZabGU, 2016. S. 52–54.
10. Okladnikov A. P., Kirillov I. I. Yugo-Vostochnoe Zabaikal'e v epokhu kamnya i rannei bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1980. 176 s.
11. Tashak V. I. Paleoliticheskie i mezoliticheskie pamyatniki Ust'-Kyakhty. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2005. 130 s.
12. Yurgenson G. A., Moroz P. V. O tekhnologicheskoi arkheomineragenii // Teoriya, istoriya, filosofiya i praktika mineralogii: materialy mezhdunar. mineralogicheskogo seminara. Syktyvkar: Geoprint, 2006. S. 89–90.
13. Demars P. Y. L'utilization du silex au Paléolithique supérieur: choix, approvisionnement, circulation // Cahiers du Quaternaire. 1982. No. 5. 253 p.
14. Miller R. Lithic resource management during the Belgian Early Upper Paleolithic: effects of variable raw material context on lithic economy // ERAUL. 2001. No. 91. 220 r.
15. Moroz P., Yurgenson G. The importance of raw material factor for Final Paleolithic investigations in Trans-Baikal region (Russia) // ERAUL. 2014. No. 140. P. 94–107.

Received: April 12, 2017; accepted for publication May 10, 2017

Reference to the article

Moroz P. V. Sakhyurta 1 Site and its Place in the Paleolithic Scheme of Transbaikalia // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 162–171. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-162-171.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ORIENTAL STUDIES

УДК 94 (47)

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-172-178

Борис Ванданович Базаров¹,
доктор исторических наук, профессор,
действительный член Российской академии наук,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670041, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: bazarov60@mail.ru

Леонид Владимирович Курас²,
доктор исторических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670041, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: kuraslv@yandex.ru

Базар Догсонович Цыбенков³,
кандидат исторических наук,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670041, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: bazar75@mail.ru

Монгольская делегация на Калининском фронте (по материалам сборника «О фронте»)⁴

Статья посвящена изучению такой формы помощи Монгольской Народной Республики СССР в годы Великой Отечественной войны как моральная поддержка. Она выражалась в отправке монгольских делегаций с подарками на фронт. На основе анализа материалов монгольского источника «О фронте» авторами исследованы вопросы пребывания монгольской делегации во главе с Председателем Президиума Малого Хурала МНР Г. Бумцэндом на советско-германском фронте в декабре 1942 года. В начале работы выяснены данные о делегатах: их количество, профессия, национальная принадлежность. Установлены время и место прибытия делегатов МНР на Калининский фронт, а также дальнейший маршрут делегации по воинским подразделениям. Изучены встречи делегатов с местным населением, немецкими военнопленными. Выяснены все воинские подразделения, посещённые делегацией МНР. Авторы отмечают, что большое впечатление на делегатов произвело новейшее вооружение Красной Армии, в частности, советская боевая машина реактивной артиллерии «Катюша». Особое внимание уделено посещению делегатов 8-й гвардейской дивизии имени генерала Панфилова. Получены новые данные о подвиге 28 панфиловцев, биографии Панфилова и его дочери, литературе для бойцов Красной Армии на разных языках. Выявлены имена некоторых солдат и офицеров, награждённых от имени Малого Хурала Монголии орденами и медалями МНР.

Ключевые слова: Монгольская Народная Республика, СССР, монгольская делегация, Бумцэнд, Красная Армия, Калининский фронт

¹ Б. В. Базаров – анализ источников, систематизация материала, методология исследования.

² Л. В. Курас – анализ источников, систематизация материала, разработка основных положений исследования, оформление статьи.

³ Б. Д. Цыбенков – анализ источников, систематизация материала, оформление статьи.

⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РГНФ-МинОКН Монголии № 15-2103005 а/м «Монголия во Второй мировой войне».

Вводная часть. Вопросы моральной и материальной помощи МНР Советскому Союзу продолжают вызывать интерес у научной общественности. Обнаруживаются новые, ранее не изученные источники, свидетельствующие об укреплении советско-монгольского сотрудничества в годы Великой Отечественной войны. Так, ценным источником, обнаруженным исследовательским коллективом в 2015 году, стал документальный сборник «О фронте» на старомонгольской письменности, посвящённый пребыванию монгольских делегаций на советско-германском фронте. Первые два параграфа сборника были обработаны и изданы в журнале «Вестник Бурятского научного центра СО РАН» (2015, № 4).

Методология и методы исследования. В настоящей статье особое внимание уделено переводу и анализу параграфа «Делегаты во главе с Председателем Президиума Малого Хурала Г. Бумцэндом на Калининском фронте». Для более полного восстановления хроники событий нами использован ряд научных изданий.

Результаты исследования и их обсуждение. В начале параграфа отмечается, что монгольская делегация выехала на Калининский фронт 11 декабря 1942 года (в источнике год прибытия ошибочно записан как 1943 г. – *авт.*), чтобы вручить подарки от монгольских граждан и граждан СССР, проживавших в МНР. Сведения о составе делегации в источнике не приводятся. Но известно, что третий подарочный состав был отправлен 27 ноября 1942 года со станции Наушки. Он состоял из 236 вагонов: полушубки – 30 115, меховые жилеты – 31 090, рукавицы – 31 257, шубы-дохи – 3050, шерстяные свитера – 2290, кожаные пальто – 150, поясные ремни – 33 300, одеяла из овчины – 2011, шапки для лыжников – 900, валенки – 30 500 пар, унты – 240, бурки – 2335, сапоги из тонкой кожи – 150, кирзовые – 300, лазаретные тапочки – 7158 пар; юрты – 150, войлок – 2428 метров, казачьи седла – 600 шт.; конверты – 56 050, записные книжки – 27 875, а также часы, ножи. Продовольственная часть состояла из 316 т мяса, 26 758 туш дзеренов, 92 т масла, 84,8 т колбасы, 12 954 кг варенья, 36 900 кг конфет и сладостей, 70 400 кг печенья и кондитерских изделий, 480 ящиков водки. Здесь же было 127 ящиков общих подарков и 22 176 индивидуальных посылок. Общая стоимость подарочного состава по курсу того времени оценивалась в 9 252 340 тугриков [3, с. 31]. Третью партию подарков от монгольских трудящихся на советский фронт сопровождала делега-

ция МНР во главе с премьер-министром МНР Х. Чойбалсаном. В состав делегации вошли Председатель Президиума Малого Хурала Г. Бумцэнд, командующий добровольными кавалерийскими отрядами народной обороны Ч. Мижид, секретарь ЦК МНРП Ч. Сурэнжав, историк Б. Ширендыб, Герой МНР Ш. Гонгор, партизан Б. Тогтох, командир 7-й кавдивизии Одсүрэн, редактор газеты «Үнэн» («Правда») Ц. Дамдинсүрэн и другие партийные руководители, представители интеллигенции, рабочих, скотоводов [14, с. 175]. Данные о делегатах, сопровождавших 1-й эшелон подарков, обнаружены нами в Центральном архиве внешних связей Монголии (ГХТА). Так, в состав делегации входили Председатель Президиума Малого Хурала Г. Бумцэнд, редактор газеты «Үнэн» Ц. Дамдинсүрэн, председатель Центрального аймака Лувсангомбо, председатель сомона Аргаланту Южно-Гобийского аймака Нагмин-Батор, заместитель председателя Баян-Ульгийского аймака Хайсенбей, представитель от китайских рабочих, проживавших в МНР Ан-Шан-Чин, Шарбин Дулгар, председатель 4-го отделения Казахского хошуна Гоби-Алтайского аймака Лувсангийн Аракча, рабочий-ударник артели Кустпромсоюза г. Улан-Батор Гардин Доржи, председатель Совета советских граждан Поздняков, от трудящихся русского поселка Мандал Центрального аймака Афанасьев, врач инфекционной больницы Бажиев [15, с. 126].

Маршрут делегации пролегал через города Калинин, Лихославль, Торжок, Кувшиново, Андреаполь, Торопец и завершился прибытием в окрестности городов Холм и Великие Луки. Проезжая через освобождённые районы, делегаты были потрясены масштабами разрушения городов и сёл. Гнетущее впечатление у них вызвали руины зданий больниц, детских садов, театров и школ. Город Торжок, по свидетельству делегатов, был полностью разрушен в результате ударов вражеской авиации [12, с. 129]. Как отмечено в источнике: «Многие сёла и деревни были сожжены и на их пепелищах остались лишь остовы печей». По пути следования делегация МНР имела короткие встречи с местным населением. Судя по рассказам сельчан, в основном преклонного возраста, фашистские солдаты проводили тотальную реквизицию. Так, в деревне Петухово все жители лишились лошадей, скота и домашней птицы. Лишь один старик по фамилии Максимов сумел сохранить свою корову, пряча её в лесу. Возмущение делегатов вызвали факты сбора немецкими солдатами одежды у местного населения.

По сообщению одной старушки, двое немецких солдат зашли к ней в дом и отобрали всю одежду, включая даже юбку, заявив, что одежда ей уже не потребуется. Как отмечала Л. А. Болокина, люди среднего и старшего поколений прифронтовых территорий Калининской области пытались разобраться в причинах трагедии [6, с. 289–295]. Воочию увидев реалии войны и услышав полные страданий и горя рассказы местных жителей, делегаты МНР пришли к мнению о том, что фашистские войска стремятся уничтожить советский народ, превратить цветущую советскую землю в безжизненную пустыню. В тексте приведены сведения о многих погибших бойцах Красной Армии. Чтобы отдать дань памяти погибшим, монгольская делегация посетила могилы восьми павших бойцов. Делегаты справедливо отметили, что «все они отдали жизни за нашу счастливую свободную жизнь. Если фашисты победят, то Монголия потеряет независимость и суверенитет». Действительно, ситуация с суверенитетом МНР была довольно непростой, ибо китайские лидеры Мао Цзэдун и Чан Кайши продолжали считать Монголию составной частью Китая [13, с. 66].

Во время пребывания делегации на Калининском фронте шли ожесточённые сражения в районе с г. Великие Луки. Участник этой операции генерал армии А. П. Белобородов писал в мемуарах, что начиная с 3 декабря 1942 года противник трижды пытался прорвать оборону войск Калининского фронта и деблокировать окружённый в Великих Луках гарнизон [5].

Наряду с Великолукской операцией войска Калининского фронта осенью 1942 года приняли участие в стратегической операции «Марс», призванной ликвидировать Ржевский выступ. Потери Красной Армии были большими, но своим наступлением они не дали фашистам перебросить свои войска под Сталинград [11, с. 15]. Заметим, что Калининская область была освобождена от фашистских захватчиков лишь в середине июля 1944 года [9, с. 15].

Делегации МНР была предоставлена возможность побеседовать с немецкими военнопленными. Так, захваченный в плен неподалёку от г. Великие Луки рядовой Вальтер Хегнес сообщил: «Наш полк воевал на территории Бельгии, Голландии, Франции. Сражаясь в Западной Европе, мы прошли 20 тысяч километров, и потеряли лишь 1 солдата убитым, 6 солдат ранеными. Сейчас, прибыв к русскому городу Великие Луки, в течение нескольких недель наш полк полностью унич-

тожен. Вероятно, попав в плен, я являюсь единственным выжившим из нашего полка». После этой беседы делегаты пришли к выводу о том, что Красная Армия разведала миф о непобедимости немецких войск. Делегаты каждый день слышали по радио известия об успешном наступлении Красной Армии на Южном фронте, о боях под Сталинградом.

Недалеко от г. Холм, находившегося в руках фашистов, делегаты побывали на передовых позициях 2-го корпуса. По данным очевидца, немецкое командование придавало г. Холму особое значение. Его потеря влекла за собой неминуемый отход фашистов на линию железной дороги Дно – Великие Луки [10]. Как отмечено в источнике, «командующий 2-м корпусом генерал-майор Кутузов с почётом встретил монгольских делегатов», после чего они отправились в расположение 38-го артиллерийского полка. Командующий этим полком гвардии майор Хмелев? (Kemilov) показал на карте места дислокации противника и задал вопрос главе монгольской делегации Бумцэнду: «В какое место дислокации противника лучше нанести артиллерийский удар?» Когда Бумцэнд ответил, чтобы нанесли удар по району большого скопления немецких войск, то с одобрения делегатов МНР было решено подвергнуть обстрелу окраины г. Холм. На одном снаряде глава делегации МНР написал «Даём смертельный подарок фашистам!» и отдал артиллеристам. При этом некоторые делегаты приняли участие в стрельбе по позициям врага. Корректировщики стрельбы сообщили о разрушении двух блиндажей, а также о вероятной гибели и ранении 33 чел. противника. Делегация МНР от имени монгольского народа поблагодарила командира и солдат и вручила подарки отличившимся бойцам. Через несколько дней делегаты получили письмо-наказ из артиллерийского полка, в котором говорилось: «Прибытие на огневой рубеж артополка монгольской делегации... явилось свидетельством советско-монгольского боевого содружества. В результате артобстрела мы нанесли большой урон противнику в людях и технике. Монгольские делегаты сами писали на снарядах и стреляли из пушек. Всё это показало отношение монгольского народа к немецким захватчикам». Такие же обстрелы вражеских позиций в честь прибытия монгольских делегаций проводились и на Западном фронте [4, с. 180].

Делегация МНР присутствовала и на допросе немецких военнопленных. Как записано в источнике, «они были в изношенной

одежде, в волосах были заметны гниды». Но часть немецких офицеров и солдат продолжала верить в идеи нацистов. Например, младший офицер Фихик был убежден, что «победа Германии будет в горах трупов и море крови», что соотносилось с надписью на одной из фотографий «Жизнь немецкого народа – гибель других народов», увиденной ранее монгольскими делегатами на выставке в Москве. Заметим, что в тексте монгольского источника фашистов называют «немецкая волчья стая», «животные в образе человека» и т. д. В целом следует заметить, что делегация МНР посетила один из ключевых участков Великой Отечественной войны. Линия фронта проходила здесь в течение трёх лет войны, когда немецкие пропагандисты пытались убедить красноармейцев в бесперспективности осады г. Орши [18, с. 78].

Во время пребывания на Калининском фронте делегация МНР посетила 8-ю гвардейскую дивизию имени генерала Панфилова. В источнике большое место уделено событиям, связанным с подвигом 28 героев-панфиловцев. Об этом сражении делегатам рассказал комиссар, политрук Логвиненко [17, с. 11]. В целом в Московской битве было разбито около 50 немецких дивизий, которые потеряли более 1300 танков, 2500 орудий, 500 тыс. солдат и офицеров¹. В источнике отмечается, что эта дивизия была сформирована в Казахстане, где были сформированы 12 стрелковых, 4 кавалерийских дивизий, 7 бригад, 50 полков [1, с. 20]. Делегаты отмечали, что солдаты много рассказывали о Панфилове, ставшем для них отцом. В источнике приводится его краткая биография [2, с. 54]. Здесь же имеются сведения о дочери Панфилова, которая работала медсестрой в полевом госпитале дивизии. Делегаты писали о встречах и знакомствах с солдатами разных национальностей, которые находились в составе дивизии: казахом Момышулы (Mamajši Uli), русским Воронковым, украинцем Загубенко, бурятом Сультимовым, плечом к плечу сражавшихся за свою великую советскую родину. По данным источника, в казармах солдат можно было найти произведения Пушкина, казаха Джамбула, белоруса Янки Купалы, киргизский эпос «Манас». Имелись газеты, изданные на русском, белорусском, казахском, татарском, узбекском языках в издательствах Красной Армии. Как свидетельствует источник, делегаты передали 8-й

¹ Девярых С. Ю. Дети и подростки страны Советов в годы Великой Отечественной войны: историко-публицистический очерк. – Минск: РИВШ, 2015. – С. 94.

дивизии знамя МНРП и знамя Правительства МНР. От имени трудящегося монгольского народа были вручены подарки отличившимся солдатам дивизии.

Делегация МНР также посетила бронетанковый корпус, миномётный дивизион, где некоторые из них стреляли из миномётов. Подобная практика имела место и на других фронтах. Например, 15 декабря 1942 года делегаты МНР Гонгор и Токтохо во главе с Чойбалсаном, посетив зенитные батареи, стреляли из зенитных орудий (по 10 снарядов каждый)². Отмечается также, что они видели удивительное оружие под названием «Катюша», когда в течение 1–2 мин в направлении вражеского укрепрайона было выпущено 64 снаряда. Как отмечено в источнике, немцы называют её «адской машиной» (для обозначения слова «ад» в источнике приводится буддийский термин “*tam*”, обозначающий ад в буддизме). Делегаты посетили авиационную эскадрилью и полк связи. В полку связи было много женщин-военнослужащих, которым делегаты вручили подарки от женщин МНР.

Особое впечатление на делегатов произвели героизм и мужество красноармейцев. В источнике приведены имена бойцов и командиров, с честью выполнивших свой воинский долг, награждённых от имени Малого Хурала Монголии орденами и медалями МНР. Среди награждённых были и военнослужащие 8-й дивизии имени генерала Панфилова, участники боев на р. Халхин-Гол. Удалось обнаружить сведения о нашем земляке, награждённом монгольской наградой – боец 21-й гвардейской стрелковой дивизии 43-й армии Калининского фронта Аюша Сультимов, уроженец с. Исинга Еравнинского района Бурят-Монгольской АССР. Из приказа войскам 43-й армии Калининского фронта от 7 ноября 1942 года за № 091 явствует, что А. Сультимов был награждён и медалью «За отвагу»³.

В источнике сохранились сведения о посещении монгольскими делегатами полевого госпиталя, где ими были вручены раненым бойцам и командирам письма-наказы от трудящихся МНР и подарки. В источнике отмечается, что узнав о прибытии монгольской делегации, даже тяжело раненые стремились увидеть их. Председатель Президиума Малого Хурала Бумцэнд наградил многих от-

² Российско-монгольское военное сотрудничество от Халхин-Гола до линкора «Миссури» (1939-1946 гг.): сб. документов / науч. ред. Б. В. Базаров, Ч. Дашдаваа. – Улан-Удэ; Улан-Батор: Оттиск, 2011. – С. 85.

³ Подвиг народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.podvignaroda.mil.ru> (дата обращения: 30.01.2017).

личившихся медицинских работников. Среди них был спасший многие солдатские жизни военврач Трошин (Trošin).

21 декабря 1942 года содержимое 46 вагонов государственных подарков, включая тёплую одежду, мясо, масло, водку, колбасу, печенье (boobo) и юрты, было доставлено в штаб фронта. Тем самым поставленная перед делегацией МНР задача была выполнена. Во время прощального ужина от имени бойцов и командиров Калининского фронта делегации было передано письмо, адресованное монгольскому народу. В нём говорилось: «Ваша делегация во главе с Председателем Президиума Малого Хурала Бумцэндом посетила многие части нашего фронта. Тот факт, что ваши делегаты прибыли в части действующей Красной Армии, является новым свидетельством неослабевающей мон-

гольско-советской дружбы. В последующих сражениях рядом с нашим прославленным гвардейским знаменем будет развеваться и монгольский красный флаг. Мы будем высоко нести это знамя. А Праздник, который в скором времени придёт на нашу улицу, пусть станет и праздником на монгольской земле».

Заключение. Приезд монгольской делегации во главе с Председателем Президиума Малого Хурала МНР Г. Бумцэндом на Калининский фронт в декабре 1942 года имел большое значение как фактор реальной поддержки и оказал сильное влияние на моральное состояние бойцов и командиров фронта.

Таким образом, нами введён в научный оборот оригинальный источник, дающий дополнительные сведения о советско-монгольском сотрудничестве в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Айтмухамбетов А. А., Абуев К. К. Вклад народов Казахстана в победу в Великой Отечественной войне (на примере Северного Казахстана) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2005. № 4. С. 20–23.
2. Акматова А. Т. Рождение Панфиловской дивизии // Известия вузов Кыргызстана. 2015. № 5. С. 54–56.
3. Базаров Б. В., Курас Л. В. Монголия во Второй мировой войне // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2015. Т. 12. С. 30–39.
4. Базаров Б. В., Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Монгольские делегации на Западном фронте // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2015. № 4. – С. 177–189.
5. Белобородов А. П. Всегда в бою [Электронный ресурс] // Военная литература. Режим доступа: <http://www.militera.lib.ru/memo/russian/beloborodov2/index.html> (дата обращения: 28.01.2017).
6. Болокина Л. А. Восприятие войны населением Калининской области в 1941 г. // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (К столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф. 2014. С. 289–295.
7. Дроздов К. Героев было не только двадцать восемь // Родина. 2012. № 5. С. 6–11.
8. Ермолов И. Г., Цветков А. В. Немецкая пропаганда в советском тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны (на примере Калининской области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9–2. С. 76–80.
9. Никитенко Н. В. Калининские комбриги: люди и судьбы // Псков. 2010. № 32. С. 15–32.
10. Семёнов Г. Г. Наступает ударная [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.militera.lib.ru/memo/russian/semenov_gg/index.html (дата обращения: 28.01.2017).
11. Туманик Г. Н. Мемориальный комплекс сибирякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны (город Белый Тверской области) // Региональная юбилейная научно-практическая конференция, посвящённая 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: материалы конф. Новосибирск, 2015. С. 9–17.
12. Фёдорова З. А. К изучению политических настроений населения Калининской области во время немецко-фашистской оккупации // Новый исторический вестник. 2014. № 40. С. 127–137.
13. Цыбенков Б. Д. Монголия: от статус-кво до юридического признания // Известия Восточного института. 2015. № 3. С. 64–72.
14. Монгол ба Орос Дэлхийн хоёрдугаар дайны жилуудэд (Эрдэм шинжилгээний өгүүллийн эмхтгэл) / ред. Ч. Дашдаваа, Л. В. Курас. Улаанбаатар: Бэмби сан, 2011. 264 с.
15. Монголын ард түмэн: бүхнийг фронтод, бүгдийг ялалтын төлөө (Монгольский народ: всё для фронта, всё для победы) / гл. ред. С. Чулуун; сост. Н. Хишигт, Ч. Дашдаваа, Ч. Болд, Ч. Баасанжаргал. Улаанбаатар: Адмон, 2015. 384 с.

Статья поступила в редакцию 18.01.2017; принята к публикации 15.02.2017

Библиографическое описание статьи

Базаров Б. В., Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Монгольская делегация на Калининском фронте (по материалам сборника «О фронте») // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 172–178. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-172-178.

Boris V. Bazarov¹,

*Doctor of History, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 6670041, Russia),
e-mail: bazarov60@mail.ru*

Leonid V. Kuras²,

*Doctor of History, Professor,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 6670041, Russia),
e-mail: kuraslv@yandex.ru*

Bazar D. Tsybenov³,

*Candidate of History, Associate Professor,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 6670041, Russia),
e-mail: bazar75@mail.ru*

The Mongolian Delegation on the Kalinin Front (According to the Materials of the Collection “On the Front”)⁴

The article is devoted to the study of moral support of the Mongolian People's Republic, which it provided to the Soviet Union during the Great Patriotic War. First of all, moral support of the MPR was in sending Mongolian delegations with gifts to the front. The study is based on the Mongolian source “On the front”. The authors investigated the issues of the visit of the Mongolian delegation headed by Chairman of the Presidium of Small Khural of the MPR G. Bumtsende on the Soviet-German front in December 1942. The article includes information about the delegates: their number, profession, nationality. The researchers examined such topical issues as the time of arrival of the Mongolian delegation to the Kalinin front and the routes of the delegation. The authors paid special attention to brief meetings with local people and German prisoners of war. For the first time researchers have studied in detail the route of the delegates of the MPR to various military divisions of the front. The authors found out that the latest weapons of the Red Army, in particular, the Soviet war machine rocket artillery “Katyusha” made a great impression on the delegates. Scientists have carefully studied the visit of the delegates to the 8th Guards Division named after General Panfilov. They got new data about the feat of 28 soldiers of this division, biographies of Panfilov and his daughter, about the literature for the Red Army soldiers in different languages. They also revealed for the first time the names of the soldiers and commanders of the Red Army, who met with Mongolian delegates and were awarded orders and medals of the MPR.

Keywords: Mongolian People's Republic, the USSR, Mongolian delegation, Bumtsende, the Red Army, Kalinin front

References

1. Aitmukhambetov A. A., Abuev K. K. Vklad narodov Kazakhstana v pobedu v Velikoi Otechestvennoi voine (na primere Severnogo Kazakhstana) // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii. 2005. № 4. S. 20–23.
2. Akmatova A. T. Rozhdenie Panfilovskoi divizii // Izvestiya vuzov Kyrgyzstana. 2015. № 5. S. 54–56.
3. Bazarov B. V., Kuras L. V. Mongoliya vo Vtoroi mirovoi voine // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. 2015. T. 12. S. 30–39.
4. Bazarov B. V., Kuras L. V., Tsybenov B. D. Mongol'skie delegatsii na Zapadnom fronte // Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN. 2015. № 4. – S. 177–189.
5. Beloborodov A. P. Vsegda v boyu [Elektronnyi resurs] // Voennaya literatura. Rezhim dostupa: <http://www.militera.lib.ru/memo/russian/beloborodov2/index.html> (data obrashcheniya: 28.01.2017).
6. Bolokina L. A. Vospriyatie voyny naseleniem Kalininskoi oblasti v 1941 g. // Voina i povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii XVII–XX vv. (K stoletiyu nachala Pervoi mirovoi voiny): materialy mezhdunar. nauch. konf. 2014. S. 289–295.
7. Drozdov K. Geroev bylo ne tol'ko dvadtsat' vosem' // Rodina. 2012. № 5. S. 6–11.

¹ B. V. Bazarov – analysis of sources, organization of material, research methodology.

² L. V. Kuras – analysis of sources, organization of material developed by the main provisions of the research, design of the article.

³ B. D. Tsybenov – analysis of sources, organization of material, preparation of the manuscript.

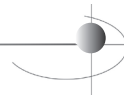
⁴ Work is financially supported by the project RFH-Minocin Mongolia No. 15-2103005 vehicles “Mongolia in World War II”.

8. Ermolov I. G., Tsvetkov A. V. Nemetskaya propaganda v sovetskom tylu i na fronte v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na primere Kalininskoj oblasti) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 9–2. S. 76–80.
9. Nikitenko N. V. Kalininskie kombrigi: lyudi i sud'by // Pskov. 2010. № 32. S. 15–32.
10. Semenov G. G. Nastupaet udarnaya [Elektronnyi resurs] // Rezhim dostupa: http://www.militera.lib.ru/memo/russian/semenov_gg/index.html (data obrashcheniya: 28.01.2017).
11. Tumanik G. N. Memorial'nyi kompleks sibiryakam, pogibshim na frontakh Velikoi Otechestvennoi voiny (gorod Belyi Tverskoj oblasti) // Regional'naya yubileinaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 70-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.: materialy konf. Novosibirsk, 2015. S. 9–17.
12. Fedorova Z. A. K izucheniyu politicheskikh nastroenii naseleniya Kalininskoj oblasti vo vremya nemetsko-fashistskoj okkupatsii // Novyi istoricheskii vestnik. 2014. № 40. S. 127–137.
13. Tsybenov B. D. Mongoliya: ot status-kvo do yuridicheskogo priznaniya // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2015. № 3. S. 64–72.
14. Mongol ba Oros Delkhiin khoerdugaar dainy zhiluuded (Erdem shinzhilgeenii egyylliin emkhtgel) / red. Ch. Dashdavaa, L. V. Kuras. Ulaanbaatar: Bembi san, 2011. 264 s.
15. Mongolyn ard tymen: bykhniig frontod, bygdiig yalaltyn telee (Mongol'skii narod: vse dlya fronta, vse dlya pobedy) / gl. red. S. Chuluun; sost. N. Khishigt, Ch. Dashdavaa, Ch. Bold, Ch. Baasanzhargal. Ulaanbaatar: Admon, 2015. 384 s.

Received: January 18, 2017; accepted for publication February 15, 2017

Reference to the article

Bazarov B. V., Kuras L. V., Tsybenov B. D. The Mongolian Delegation on the Kalinin Front (According to the Materials of the Collection "On the front") // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 172–178. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-172-178.

УДК 930.2 (093) (510)

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-179-189

Цымжит Пурбуевна Ванчикова¹,*доктор исторических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: vanchikova_ts@mail.ru***Суржана Борисовна Миягашева²,***кандидат исторических наук,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: surjana@yandex.ru*

Летопись О. Амаржаргала «О происхождении и историческом развитии барга-бурят» как источник интерпретации этнической истории традиционной культуры барга-бурятской общности

Целью статьи является исследование летописи «О происхождении и историческом развитии барга-бурят», впервые вводимой в научный оборот как источник по истории баргутов, автором которой является краевед и собиратель, баргут по происхождению О. Амаржаргал. Написанная на основе многих редких письменных источников и документальных материалов, большей частью уже недоступных современным исследователям, и собственных записей устных сведений, летопись представляет собой уникальный источник по этнической истории и традиционной культуре баргутов и бурят Хулун-Буира. В работе полномерно отражены основные этапы исторического развития баргутов и бурят, которых О. Амаржаргал рассматривает как единую барга-бурятскую общность. Авторами статьи осуществлён выборочный перевод летописи со старомонгольского на русский язык, введены в научный оборот новые этнографические данные. Проведён комплексный анализ материалов, которые могут способствовать в возможном решении многих дискуссионных вопросов этнической истории монгольских народов. Выявлено, что приведённые в работе разнообразные сведения о путях миграции, исторических вехах, о присоединении к Цинской империи, расселении в Хулун-Буире, религии, административном устройстве, традиционной культуре, выдающихся исторических деятелях и национальных героях баргутов и бурят АРВМ, помогут заполнить «пробелы» и «белые пятна» в истории барга-бурят.

Ключевые слова: барга-буряты Китая, Хулун-Буир, новые баргуты, старые баргуты, шэнэханские буряты, история монгольязычных народов

Вводная часть. Для воссоздания подлинной картины истории и культуры монгольских народов представляется весьма важным исследование периферийных этнических групп монгольской общности и особенностей их традиционной культуры. В связи с этим большой интерес для изучения представляет этническая группа «старых баргутов» (самоназвание «хуушан барга») и новых баргутов (самоназвание «шинэ барга»), проживающих в Хулун-Буирском аймаке Автономного района Внутренняя Монголия.

Научный интерес к баргутам обусловлен тем, что исследование их этнической и этнокультурной истории важно для понимания многих проблем не только общемонгольской, в том числе бурятской, но и тюркской исто-

рии и этнографии, так как район Байкала, где ранее обитали баргуты, на протяжении всего периода средневековья был зоной интенсивного монголо-тюркского взаимодействия.

Ранняя история баргутов связана с этническими процессами в Центральной Азии второй половины I – первой половины II тыс. н. э., в которых фигурируют племенные названия байегу//баегу китайских летописей и байырку//байирку рунических текстов мемориальных стел древнетюркских каганов. Однако, исследователи не пришли к единому мнению, что все эти этнонимы являются названием одного и того же племенного образования, спорным остаётся вопрос об этнической принадлежности байегу/байырку – ряд исследователей относят их к тюркским

¹ Ц. П. Ванчикова – основной автор, является инициатором исследования, ею выполнен источниковедческий анализ летописи, сформулированы основные положения и выводы статьи.

² С. Б. Миягашева – основной автор, ею выполнен источниковедческий анализ летописи, сформулированы основные положения и выводы статьи.

народам, другие – к монгольским [1; 2; 10; 14; 20; 17].

В бурятских летописях, в воспоминаниях баргузинских эвенков и старожильского населения Забайкалья, а также в исторических хрониках говорится о некоем народе, именовавшемся монгол-баргу, аба-хорчин, солон-барга или барга, населявшем территорию близ озера Байкал, но исчезнувшем с этих мест ещё в древности [3; 13; 16]. До настоящего времени окончательно не определены и остаются не установленными их происхождение, взаимосвязь между этими этнонимами. Немаловажно, что этногенез баргутов тесно связан с генеалогией бурятско-ойратской общности и с родословием царского рода монголов, «Алтан уруг» Чингисхана. В X-XIV веках они представляли собой союз племён под этнонимом «баргут», населявших легендарную страну Баргуджин-Тукум во главе с Барга-батыром.

В свете перечисленных вопросов изучение истории и этногенеза баргутов поможет в разработке многих научных проблем, и поэтому представляется весьма актуальным.

В трудах отечественных исследователей наибольшее внимание уделено байкальскому периоду истории ранних баргутов, отождествляемой с историей племени байегу/байырку. Сведения же об истории и культуре баргутов, относящихся ко времени их исхода в Хулун-Буир до современности, можно найти в немногочисленных публикациях учёных и краеведов Внутренней Монголии. В связи с этим особый интерес представляет летопись под названием «О происхождении и историческом развитии барга-бурят», поступившая в фонды Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН в 2008 году¹. Её автор О. Амаржаргал – краевед и собиратель, по происхождению из рода галзут, проживает в сомоне Шинэ-Булаг Восточного хошуна Новой Барги Хулун-Буира.

Подготовленная им летопись на 601 странице малого формата состоит из двух книг, имеющих сквозную пагинацию (1-я книга – с 1-й по 290-ю страницу, 2-я книга – с 291-й по 601-ю страницу). Она написана на старомонгольском письме, и включает введение, 15 разделов, заключение и список использованной литературы и источников. Летопись снабжена многочисленными иллюстрациями в виде газетных и журнальных вырезок и фотографий. Автор трудился над рукописью

¹ Название на монгольском языке: *Barγu buriyadčud-un būriildūče ba kūgijite qubiralta*. Хранится в ОАФ ЦВРК ИМБТ СО РАН под шифром № 2876, на 5 л., экспертное заключение Ц. П. Ванчиковой от 2008 г.

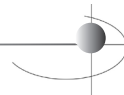
летописи более десяти лет, с 1997 по июнь 2008 года.

Данная работа представляет собой компендиум самых разнообразных сведений о баргутах и барга-бурятах, и посвящена их этнической истории, обычаям и традициям, культуре и жизненному укладу. В работе полномерно отражены основные этапы исторического развития баргутов и бурят, которых О. Амаржаргал рассматривает как единую барга-бурятскую общность: история происхождения, пути миграции, исторические вехи, присоединение к Цинской империи, расселение в Хулун-Буире, религия, административное устройство, традиционная культура, выдающиеся исторические деятели и герои.

Результаты исследования. Далее приводим синопсис содержания рукописи с кратким анализом.

Происхождение барга-бурят. В первом разделе, посвящённом этногенезу, автором приведено описание генеалогической традиции барга-бурят, согласно которой они ведут происхождение от легендарного владельца страны Баргуджин-Токум Барга-батыра/Баргудай мэргэна. У Барга-батыра и его жены Асухан, которая была родом из ойратского племени, было двое сыновей – Бурядай и Хоридой. От первого сына произошли буряты, а от второго сына – хори. Бурядай, старший сын Барга батыра, поселился к северу от Байкала. У второго сына, Хоридай мэргэна, оставшегося в отцовских кочевьях, от первой жены Баргуджин-Гоа родилась дочь Алангоа, ставшая прародительницей царского рода чингисидов *Алтан уруг*, от второй жены Шаралдай родились пятеро сыновей – Галзут, Хуасай, Шарнууд, Хубдууд, Гушад, и от третьей жены Нагадай – шестеро сыновей – Харгана, Худай, Бодонгууд, Халбин, Цагаан и Батунай. Размножившись, они образовали одиннадцать хоринских родов [Амаржаргал, с. 77]. Такова в народном сознании роль баргутов как предковой межплеменной общности, олицетворённой в эпическом имени Барга-батыра/Баргудай мэргэн. Данные материалы передавались из уст в уста представителями многих поколений, хотя они идентичны по содержанию, но вместе с тем имеют и определённые различия. Например, по другой версии, у Барга-батыра был третий сын Илюдай/Оледой, ставший родоначальником ойратов [6; 14].

Затрагивая тему этногенеза, О. Амаржаргал пишет, что баргуты имели монгольское происхождение – они входили в состав союза дунхусских племен. Дунху неоднократно воевали с тюркоязычными хунну, и после пораже-

ния в 206 году до н. э., бежали в местность, называемую Эргунэ кун. Спустя несколько веков монгольский народ под предводительством Буртэ-Чино покинул Эргунэ кун и прибыл к горе Бурхан Халдун, в окрестностях которой и расселился [Amarjargal, с. 15–17]. Интерес представляет предположение автора о том, что название «хунну» происходит от тюркского слова, и означает «хучитэй хумуус», т. е. «сильные люди/народ» а «дунху», которые проживали восточнее – «хамнигачин хэлтэн», т. е. «тунгусоговорящие» [Там же, с. 18].

Большинство баргутских и российских авторов, напротив, доказывая монголоязычность баргутов, связывали их с племенем ба-ей-гу, входившим в состав телеских племен хунну [11; 20; 21; 22]. Отметим, что дунху считаются протомонголами, они были родственными племенами с хунну и происходили из Южной Маньчжурии [5; 15].

Ранняя история баргутов связана с племенем ба-ей-гу, которые селились южнее оз. Байкал, по Орхону и Туле. Оказавшись с 555 года в подданстве тюрков, они стали проживать близ озера Буир в местности Ю-Лин-Пу. В конце VII века ба-ей-гу вышли из подданства Тюркского каганата и присоединились к государству Сюй-Янь-То (628–647 гг.), а после его распада перешли к государству Тан. В этот период, как отмечает автор, они занимались охотой, используя в зимнее время самодельные лыжи, а также занимались земледелием, выращивали просо. В 660 году байегу вышли из подданства Тан, и в начале VIII века вернулись на свои исконные территории близ Байкала [Amarjargal, с. 18–20, с. 70].

Относительно происхождения этнонима «баргут» автор указывает, что слово «байиргу» происходит от тюркского «богатеть/баяжиха», в этом слове слог «ий» затерялся, и осталось «баргу» [Там же, с. 73]. Подобную версию выдвигал Ц. Б. Цыдемдамбаев, который указывал, что тюрки называли баргутов «*bayiyarki*», что происходит от раннетюркского слова *bayarγu*. В тюркском словаре слово *bayar* означает *bayajiku*, т. е. «богатеть» [17, с. 15].

Барга-буряты в эпоху империи Чингисхана. В конце IX – начале X века лесные племена, населявшие огромную территорию от долины на юго-востоке Байкала до нижнего течения Селенги, имели общее название «барга». В их состав входили буряты, хори, тумэты, туласы и другие, а во главе стояли баргуты, по названию которых крупное племенное объединение получило название «баргутский союз». Предводителем союза баргутов являлся Баргудай Мэргэн. Мест-

ность расселения баргутов именовалась Хул Баргуджин-Токум, и располагалась южнее оз. Байкал [Amarjargal, с. 21].

Вопрос о том, где эта прародина баргутов, очень сложен, и среди учёных нет единого мнения: одни располагают её по обе стороны Байкала, другие – в Баргузинской котловине и низовьях Селенги. Баргутские исследователи располагают Баргуджин-Токум в окрестностях озера Байкал близ реки Баргузин. К этимологии Баргуджин-Токум часто присоединяется приставка *хул/кул* или *хол* – Хул/Хол Баргуджин-Токум. Большинство учёных соотносят это слово с тюркским «күйль» – «озеро»; этим словом монголы обозначали устье реки, конец чего-либо. Например, «*ой модны хул*» – «окраина леса», «*уулын хул*» – «вершина горы», «*усны хул*» – «устье реки» [19, с. 102–103].

На рубеже XII–XIII веков шло формирование монгольской этнической общности, в свете этих событий такому же процессу были подвержены и баргуты. В 1207 году Чингисхан отправил своего старшего сына Джучи с войском Правой руки для завоевания лесных народов. Баргуты, буряты, тумэты вошли в подданство Монгольской империи, в их главе встал Кадан Аян. Лесные народы в знак покорности Чингисхану преподнесли белых кречетов, белых коней и чёрных соболей. Вошедшие по своей воле в состав нового государства баргуты пользовались у Чингисхана полным доверием, он оказывал им личное покровительство. Баргуты находились в побратимских отношениях с монголами [Amarjargal, с. 30–32]. Монголы не забывали, что в Баргуджин-Токуме обитало племя чино, к которому принадлежала правящая монгольская элита, и оттуда родом была Алангоа – прародительница Золотого рода¹.

Стоит отметить, что баргуты в составе монгольских войск принимали участие в дальних зарубежных походах Чингисхана, и, очевидно, именно с этого момента начинается распад племени баргутов – многие были разбросаны по странам Востока и Запада.

Национальные герои барга-бурят. В данном разделе автором приводятся имена героев-баторов и краткое описание их героических поступков. Среди них числятся военачальники, прославившиеся в период захватнических войн Чингисхана, чиновники и полководцы, отличившиеся административными и боевыми заслугами перед Цинской империей, политические деятели, боровшие-

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – Т. 1, кн. 2. – М.; Л., 1952. – С. 32.

ся за автономию Внутренней Монголии. Так как материал, приводимый в разделе, представляет существенный интерес, приведём его дословно:

«Одним из народных героев барга-бурят был Буту-баатар, который служил тысячником в монгольских войсках и сражался против чжарчидов, солонгутов, найманов. В 1216 г. в войне против китайской династии за проявленный героизм он получил высшее военное звание «Барс», был награжден золотой пайзой и дослужился до темника. Сам Чингисхан заметил его героизм, и в знак благодарности за проявленную отвагу отдал ему в жёны свою младшую сестру Тэмулэн.

Также прославились Анмухай-баатар и его сын Тэмудэр, которые много сделали для укрепления военной силы монголов, для улучшения вооружения, что способствовало успеху монгольской армии. Анмухай-баатар происходил из рода баргужин, с 1211 года вместе со своим отцом Бухэчу служил в войсках Чингисхана, участвовал в многочисленных походах против Золотого государства. В 1214 году он был награжден золотой пайзой за участие в походах на джурчидов в качестве командира пушкарей (метателей камней). Он участвовал в захвате сотен городов, являлся темником, был назначен учителем военного дела. В 1252 году за свои боевые заслуги Анмухай был награжден знаком «Барс» и званием *юаньшуай до*. В последующем он участвовал в походах на Самарканд, ведя за собой войска монголов и тюрков.

Его сын, Тэмудэр-хорчи проявил мужество и храбрость, служа в войсках Субэдэй-баатара. С 1232 года он участвовал в походах против империи Сун, за проявленный героизм был награжден золотой пайзой, а в 1278 году за особые заслуги ему присвоили высокое звание предводителя войск *эхэ жанжун* и наградили высшим военным знаком «Барс». Сын Тэмудэр хорчи Хотудар также прославился как выдающийся военачальник. Он являлся владельцем тысячи семей.

Выходец из рода хуасай Хара Овохой-баатар служил в войсках Чингисхана и был награжден званием «баатар».

Позднее, после распада Монгольского государства, в историю вошли выдающиеся воины, такие, как баргутский Турий-ноен и бурятский Бабжи-баатар. Одним из известных героев барга-бурят являлся Шилийн Галзуу-баатар. Он считается основателем баргутского рода хуйцлэг.

Наиболее титулованным и известным героем является цзянцзюнь/жанжин Дугар

(1821–1886 гг.). Он являлся выходцем из рода халбин, Шулуун хухэтэ хошуна Восточного хошуна новых барга и с 16 лет служил в войсках империи Цин. В период правления Туру Гэрэлтэ-хана он проявил мужество при защите западных границ и за военные заслуги получил звание «занги». За проявленный героизм он был награжден званием «табан барсын занчин», с 1864 года был назначен мерен-занги Наньшаня, с 1866 года – мерен-занги Мукдена. Долгое время он проживал в Улясутае, был награжден званием героя. После его смерти новые баргуты построили в его честь храм-усыпальницу, в котором хранится его сулдэ.

Ещё одним из прославленных сыновей баргутского народа являлся Манлай Дамдинсурэн-ван. Он был родом из *хуйцлэг хала*¹, Шулуун цагаан Восточного хошуна новых баргутов. Он боролся за независимость Внутренней Монголии и предпринимал попытки вхождения в состав Монгольского государства. Собрав большое войско, он дошел до Улясутая, освободил Кобдо от маньчжурско-китайских гарнизонных войск. За боевые подвиги в 1913 году он был награжден званием «Манлай баатар» – «Передовой баатар». Манлай-баатар Дамдинсурэн возглавлял конные тысячные войска, состоящие из баргутов, бурят, халха, солон, дагуров, олет, гучитов, чахаров, суннитов. В 1913 году указом Жибзундамба-хутухту-хана он был объявлен первым советником военного министра и заместителем министра иностранных дел. Позднее, в период гоминдановской агрессии, Дамдинсурэн сотрудничал с монгольскими революционерами Д. Сухэ-Батором и Х. Чойбалсаном. В 1920 году Дамдинсурэна, Хатан-баатар Максаржава, писаря Жамьяна и других арестовали гоминдановские власти по подозрению в контактах с группами сопротивления. В этом же году, в декабре, в возрасте 49 лет Манлай скончался от пыток в заключении [Амаржаргал, с. 79–93].

Чжунгарское ханство и экспансия русских. Разделение барга-бурят. Начиная с конца XIV – начала XV века среди монгольских народов наступило смутное время, эпоха внутренних раздоров и междоусобиц. Данный период характеризуется многочисленными перемещениями кочевых народов, которые оказывались втянутыми в распри между западными и восточными монголами. Как отмечает О. Амаржаргал, после распада Юаньской империи в конце XIV века баргуты, буряты и урянха оказались под влиянием ойратов,

¹ Маньчжурский термин, означающий «род».

которые основали в 1399 году государство под предводительством Угэчи-кашка-хана. Они, совершив военный поход на запад, захватили земли близ Эргунэ Кун и озера Байкал, подчинив тем самым лесные племена.

С конца XIV – начала XVI века, в период правления Мандухай-хатун, которая сумела вновь объединить раздробленные монгольские племена, барга-буряты стали подчиняться Даян-хану Батомункэ и их часть вошла в состав аймаков его потомков Тушэту-хана, Дзасагту-хана и Цэцэн-хана.

В 1678 году престол Джунгарского ханства занял Галдан Бошогту-хан. Он вёл многочисленные сражения, и земли на востоке вплоть до Хулун-Буира были присоединены им. В его владения вошли чоросы, хойты, торгуты, урянха, баргуты и буряты, проживавшие близ озера Байкал [Амаржаргал, с. 54]. Таким образом, можно судить о том, что баргуты и буряты в начале XVI века кочевали близ озера Байкала и входили в состав как джунгарского ханства, так и во владения халхасских ноенов.

В 1630–1640-х годах началась экспансия русских казаков в Сибирь. Баргуты, буряты, хори и тумэты оказали им сопротивление, однако были покорены и стали выплачивать ясак. Халхасские Тушэту-хан и Цэцэн-хан отправляли в Москву послов в 1667, 1672, 1675 годах с требованием вернуть захваченные земли и подданных бурят, а также с ультиматумом о прекращении строительства острогов на монгольской земле.

В 1641 году русские казаки жестоко истребили 30 мужчин чивчин-барга [Амаржаргал, с. 59]. По упоминанию Г. Тубшинимы, то были буряты из рода Чивчигуй. Сам Чивчигуй, возглавляя сопротивление, героически погиб [14; 21, с. 69–70; 19, с. 103]. Считается, что впоследствии его имя вошло в название баргутской народности чивчины [11, с. 81, 162]. Однако, вполне возможно, что данное название имеет связь с тунгусским этнонимом *шившин* (*чипчин*) – так назывался род конных тунгусов [7, с. 154].

«Чивчин» является названием одного из старобаргутских родов, однако по непонятной причине это название обозначает всех старых баргутов Хулун-Буира. О. Амаржаргал этим этнонимом, обозначает восточную группу барга-бурят, которые проживали близ Амура, а затем направились к Цицикару и Муқдену, и в 1685 году вошли в ведение маньчжуров. Как отмечает автор, их говор отличается и имеет дагурское влияние [Амаржаргал, с. 99]. Возможно, что к приходу русских каза-

ков в Сибирь одна часть барга-бурят, составивших позднее старых баргутов/*чивчин барга*, откочевала на восток, к берегам Амура. Подтверждением является то, что название «барга» перестаёт появляться в исторических источниках с XIV века, и к приходу русских служивых людей баргуты исчезли с этих мест [21, с. 55].

Помимо того, что барга-буряты сталкивались с нападениями со стороны русских, началась междоусобная война между ойратами и халхасцами. В это трудное время одна часть баргутов под предводительством Бадмы и Сонома перекочевала на запад, последовав за халха-монголами, и с 1690 году вошла в состав цэцэнхановского аймака [Амаржаргал, с. 104].

В сложившихся непростых исторических обстоятельствах барга-бурятская общность распалась – одна часть барга-бурят, оставшихся в местах прежних кочевий, вошла в подчинение России, а другие расселились по бескрайней степи от западного побережья Байкала и до Амура.

Баргуты эпохи Цинской империи.

В данном разделе автором описывается период, когда цинское правительство начало формировать военные отряды из баргутов, дагуров, звенков и ороченов для защиты государственных границ. Все они были зачислены в цинские войска по маньчжурскому военно-административному делению.

Баргуты-чивчины, расселившись близ Амура, оказались в эпицентре исторических событий. С середины 70-х годов XVII века Цинская империя проводила агрессивные действия в Приамурье, направленные против русской колонизации края, и пыталась обеспечить безопасность границ своего государства. Поэтому вместе с дагурами и другими малочисленными коренными народностями Приамурья баргуты были мобилизованы в ряды цинских отрядов.

В 1732 году для укрепления русской границы по приказу императора Найралта-туб-хана из земель Бутхи в Хулун-Буир вместе с 1636 солонями и 730 дагурами, были переселены 275 барга. Они образовали старых баргутов. Небольшая группа баргутов осталась в Цицикаре и Чахарском аймаке, и в настоящее время они именуются чахар-барга.

Согласно маньчжурскому военно-административному делению, все кочевые племена были разбиты на знамёна, с правом кочевать только на определённой территории, называемой *хошун*. Баргуты были вклю-

чены в состав 8 солонских хошунов, которые делились на западное и восточное крыло, и составляли 50 сомонов. Они несли воинские повинности и сторожили границу с Россией, расселившись по рекам Хайлар и Имин. Баргуты относились к левому крылу и составляли Шулуун хухэ, Хубоотэ цагаан хошуу (115). Каждый хошун имел своё знамя установленного цвета, и по цвету своего знамени отличался от другого хошуна в разговорах и письмах. Правым и левым крылом правил угурда, под ним находился правитель 8 хошунов – галида, 50 сомонами – занги. Все они имели свои печати и знаки отличия.

В 1734 году из Монголии прибыли новые баргуты, количество которых достигало примерно четыре тысячи человек. По приказу маньчжурской администрации их включили в 8 солонских хошунов, разделив на правый и левый крылья, и расселили вдоль Оршон гол, которая соединяет два озера. Они сторожили монгольскую границу, образовав 6 караулов. Из-за того, что чивчин-барга прибыли ранее, их называли старые баргуты, а баргутов, прибывших из Монголии – новые баргуты. Новые баргуты, которых поселили на правом берегу реки Оршон, составляли правое крыло, в который входило четыре хошуна: шулуун шара, шулуун улан, хубоотэ улан, хубоотэ хухэ. Левое крыло составляли новые баргуты, селившиеся восточнее от Оршон гол, и составлявшие: хубоотэ шара, хубоотэ цагаан, шулуун цагаан, шулуун хухэ хошуны.

Так как баргуты перекочевали в Хулун-буир для охраны границ, они несли караульную службу, и проживали в установленных приграничных местах вместе с семьями. Возраст военной службы составлял с 16 до 50 лет. Периодически два месяца весной, один месяц осенью проводились военные учения, они тренировались в стрельбе из лука. Баргуты принимали участие во многих военных действиях маньчжуров. Солон-баргутские войска сражались против Амурсаны, войска под предводительством солонца Хайланча сражались против конокрадов и бунтовщиков, войска под предводительством Дугара оспаривали власть в 12 провинциях Китая [Amarjargal, с. 121–137].

История вхождения баргутов такова, что первая часть, прибыв в Цицикар и Муьден, сразу же вошла в состав Цинской империи, а другая часть, от которых произошли новые баргуты, пришли к цинам вместе с халха.

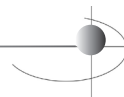
О буддизме баргутов Хулун-Буира. Баргуты с древности являлись шаманистами, они поклонялись онгонам, которых угощали

белой пищей, чтили очаг, духов огня, почитали Небо и Землю, звёзды, горы и воды [Amarjargal, с. 72]. Баргуты, образовавшие старых баргутов, и дагуры в период присоединения к Цинской империи являлись шаманистами. Однако со времен правления шестого маньчжурского императора Цзянь-Луна (1711–1799 гг.) шаманизм малочисленных племён в связи с широким распространением буддизма в Хулун-Буирском аймаке стал подвергаться гонениям [8, с. 35].

Новые баргуты приняли буддийскую веру, ещё проживая в халхасских хошунах, они прибыли в Хулун-Буир с 157 ламами. В 1741 году угурда Сэрэн и Дугар обратились к амбаню Хулун-Буира ноен Мэрбэй с просьбой напечатать 108 томов «Ганджура». Прошение было исполнено, у баргутов появилась величайшая святыня – «Ганджур», текст которого был написан на позолоченных страницах. Баргуты привезли его в местность Чиндамаани толгой, где установили для него войлочную юрту, в которой несколько лам оберегали святыню, и стали проводить хуралы (146). При поддержке маньчжурской администрации началось активное строительство буддийских храмов, росло и количество лам. Так, если в 1741 году в 8 баргутских хошунах насчитывалось 309 лам, в 1781 – более 400, а в 1809 году, когда были построены Чойра-дацан, лам стало 940 человек, хуваракон – 300, а по большим хуралам набиралось более 2000 лам. Ламы освобождались от налоговых повинностей, им разрешалось держать скот. С 1781 по 1784 год шло строительство храма для «Ганджура», получившего название «Олзий Энхэжуулэчэ» – «Устанавливающий мир и спокойствие», также называемый «Ганджур сумэ». В 1785 году «Ганджур сумэ» получил официальную печать. С каждым годом количество буддийских храмов возрастало, их строительство продолжалось вплоть до 1924 г.

У чивчинов, т. е. старых баргутов, буддизм внедрялся насильственными мерами: на шаманов начались массовые гонения, отбирались и уничтожались культовые шаманские предметы. Все шаманские обряды общественного и родового характера были введены в сферу культовых действий лам, а основные божества включены в буддийский пантеон. Моления на обоо, местах поклонения шаманским духам, духам земли, гор и очага стали проводиться по новым канонам [Amarjargal, с. 141–157].

О добавлении бурятского хошуна. В летописи имеется небольшая, но довольно

интересная глава о приходе в Хулун-Буир бурят и хамниганов, бежавших из России.

В 1917 году в земли Хулун-Буира прибыли более 1000 семей бурят и хамниганов из России. Бурятский ноен Базарын Намдаг, переговорив с хулунбуирским амбанем, получил разрешение кочевать по реке Хэрлэн и в местности Мэнэ тала. Вплоть до 1920 года продолжалось прибытие бурят и хамниганов. Они расселились на западе, в районе озера Хулун, реки Хэрлэн, Мэнэн тала, на востоке – возле горы Уурчим и по реке Хайлар.

Буряты Базарын Намдаг, Жамсараны Аюша, Арданы Абида весной 1921 года обратились к амбану. 1 июня того же года угурда ноен Жибсэнгэ, ноен Эрхимбато и другие чиновники прибыли к реке Хэрлэн в местность Алтан эмээл, создали совет предводителей и старейшин бурят и хамниганов. Выслушав бурят и хамниганов, они взялись выполнить их прошение, направив документы на рассмотрение в администрацию. В 1921 году вышел указ, согласно которому был образован бурятский хошун: бурят, разделив на четыре сомона, расселили в солонском западном крыле. Ими управлял галида. Так как они расселились по обеим берегам реки Шэнэхэн, потому и получили название «шэнэхэнские буряты».

Прибывшие вместе с бурятами хамниганы (тунгусы), которых насчитывалось более 140 семей, численностью 700 человек, в 1921 году по приказу маньчжурской администрации распределили в солонское восточное крыло, разделив на два сомона. Они расселились по реке Хайлар и Тэнихею и сторожили русско-китайскую границу.

В 1928 году буряты основали буддийский храм «Дамбадаржилинг», в котором служило более 100 лам [Амаржаргал, с. 160–162].

О количестве населения и хозяйства.

Скотоводство является основным занятием и занимает основное значение в жизни баргутов Хулун-Буира. В старину оно обеспечивало население не только пищей, но и материалами для изготовления одежды и обуви, меховых одеял, войлока для спальных принадлежностей и покрытия юрт, шерстяных веревок, кожаных мешков, перемётных сум для выючивания верховых лошадей и т. д. Баргуты разводят пять видов скота: крупный рогатый скот, лошадей, овец, коз и верблюдов.

В 1732 году, когда старых баргутов переселили в Хулун-Буир, их насчитывалось более 300 семей, что примерно равно 1380 человек. Маньчжуры выделили им 1500 кобылиц, 900 коров, 9000 овцематок. В 1897 году их насчи-

тывалось более 700 семей, из них 2163 мужчин, 2315 женщин, вместе 4478 человек. Количество скота достигало до 4500 лошадей, 3700 коров, 27 000 овец, вместе 35 200 голов скота.

Прибывшие в Хулун-Буир в 1734 году новые баргуты насчитывали более 1000 семей, они имели 7 тысяч лошадей, 10 тысяч коров, 5 тысяч верблюдов, 60 тысяч овец, 8 тысяч коз. В 1897 году их насчитывалось 2024 семьи, без учёта ламского сословия мужчин – 4653, женщин – 7044, вместе 11 697 человек. Число скота значительно увеличилось: лошадей – 15 тысяч, более 10 тысяч коров, 10 тысяч верблюдов, 105 тысяч мелкого рогатого скота. Поэтому новых баргутов называли «баян барга» – «зажиточные, богатые баргуты».

В процентном соотношении приоритетными являлись овцы, которые составляли 80 % от общего количества скота, КРС составлял 12–13 %, лошади 7–8 % и верблюды – 1 % [Амаржаргал, с. 197].

Японская оккупация Хулун-Буира.

В 1931 году японские войска оккупировали Маньчжурию, в том числе и восточную часть Внутренней Монголии, и создали на этих территориях государство Маньчжоу-Го, которое было марионеточным. Оккупация Внутренней Монголии японскими войсками продолжалась четырнадцать лет. В годы военных действий, в том числе в Номунханском сражении 1939 года (война на Халхин-Голе) власти привлекали население Хулун-Буира. Был принят закон об обязательной службе в возрасте от 20–23 лет. Если человек не проходил по показателям здоровья, тогда он был обязан пройти учения от 12 месяцев до 3 лет. Они обязаны были рыть окопы, выполняли разные хозяйственные поручения, строили, пилили лес, стригли шерсть овец. В 1943 году множество молодых людей из новых баргутов было уведено на подобные полевые работы [Амаржаргал, с. 240].

Район Хулун-Буира стал ареалом повышенного интереса, так как находился на стыке трёх государств – России, Монголии и Китая. Политические действия этих государств привели к активизации разведывательной деятельности Японии и России в этом регионе.

Как отмечает О. Амаржаргал, баргуты – старые и новые, дагуры и другие малочисленные племена, которые вели пограничную службу, были объектом пристального внимания японских спецслужб. С 1943 года начались массовые аресты, за один раз были схвачены шестнадцать человек из западного крыла Хубэтэ цагаан хошуна и сданы япон-

ским оккупантам. Их обвинили в шпионских связях с русскими, так как они хорошо знали границу. Жамбал-занги и его писарь были обвинены в составлении секретных карт, сводок. Три писаря Содномдампил, Ширибу, Нэгжид и Жамбал-занги были отправлены в Хайлар для допросов. Жамбал-занги через год скончался в тюрьме, два писаря пропали бесследно, третий скончался позже в Монголии. Остальных арестованных отпустили, шестеро из них бесследно пропали, среди них был один лама и шаман по имени Пурбо.

В годы японской оккупации был взят курс на «ояпонивание за 50 лет». Для этого в трёх баргутских хошунах (один старобаргутский, два новобаргутских) в школах с начальных классов уроки стали проводить на японском языке. Мужчин мобилизовали в армию, призывались все без исключения, даже ламы, были распространены обвинения в шпионаже, многих людей арестовывали и пытали.

Помимо того, что мужчин забирали в армию, оставшихся заставляли трудиться для оказания трудовых работ в армии, а население обязано было выдавать скот из своего хозяйства. Так, от 30 лошадей выделяли 1 лошадь, от 20 коров, от 100 овец – по 10 голов. От каждых 30 коров необходимо было отдавать 1 выделанную кожу, от 10 овец – 1 шкуру [Амаржаргал, с. 241–247].

Второй том летописи О. Амаржаргала посвящён вопросам современной истории, экономики и социально-культурного развития баргутского общества в XX веке. В ней затрагиваются демократические преобразования, движение по созданию кооперативов, «культурная революция», состояние культуры, скотоводства и хозяйства баргутов. Автором составлены подробные таблицы и сравнительные показатели развития аратского хозяйства, уровня жизни населения и т. д. Ввиду ограничения объёма статьи представляется невозможным привести полное содержание раздела. Следует отметить, что социально-экономические данные, приведённые автором, могут послужить хорошим подспорьем для аналитических исследований разных сторон жизни и деятельности барга-бурят.

Игры и развлечения баргутов. Цагалган. Особый интерес представляет глава, посвящённая домашним и уличным играм и развлечениям баргутов Хулун-Буира, так как они представляют собой историческую традицию и являются элементом этнографического источника. Наиболее популярной настольной игрой среди баргутов считаются шахматы

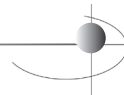
шатар. Как отмечает автор, баргуты переняли их у монголов и играли с 1400 года.

Шахматные фигуры имеют следующие названия: король – ноён (нойон), ферзь – бэрс (видимо, от слова «ферзь»), ладья – тэрэг (телега), слон – тэмээ (верблюду), конь – морь (конь), пешка – хуун (человек). Когда объявляют шах королю пешкой, говорят: «Цод!», когда объявляют шах королю другими фигурами, говорят: «Шаг!», а когда объявляют шах королю верблюдом, говорят: «Дуг!».

Не менее популярной игрой как для взрослых, так и для детей, является *шагаа наадан*. У баргутов существует множество способов игр с альчиками: 1) таа бариха – разгадать количество шагай в кулаке; 2) буляалдан оролдохо – отбирать шагаа; 3) мори уралдаха – «конные скачки»; 4) бухэ барилдаха – «борьба»; 5) дуу угуй тоолол – «устный счёт»; 6) шагаа шаалажаха; 7) халхин сарбаха – необходимо маленькой шагаа сбить альчик покрупнее и тяжелее, называемый *буга* – «олень»; 8) шагаа сомолохо – собирать в кучки. Разновидностью *шагаа наадан* является игра *бугу наадам/буга тавих*, что переводится как «оленья игра»/«загонять оленя». Для неё требуется некоторое количество *шагаа*, игральная доска, на которой нарисована схема передвижения фигур.

Не менее популярными являются уличные игры, которые чаще всего проводятся во время праздников и свадеб. Их насчитывается огромное количество, приведём наиболее интересные и традиционные: 1) зээрэгчи – нужно установить палку, под которой необходимо пройти, не касаясь земли, с каждым этапом она опускается ниже; 2) соо хаяха – один кидает в круг деревянную палку соо, и по его команде все начинают искать, кто нашёл, кричит: «Ололо!» – «Нашёл!», и остальные кидаются к нему в попытках отобрать; 3) чоно хурээс – одного человека назначают волком, участники игры разбегаются от него, волк должен всех переловить [Амаржаргал, с. 481–500].

В канун нового года цагаалгана в *бутуний удэр* принято наводить чистоту в домах, готовят новую одежду, над изображениями буддийских божеств устанавливают шелковый балдахин *лабри*, на алтарь ставят различные угощения: в обилии должна присутствовать молочная пища, в 8 чашках – чистая вода, рис, водка, молоко. Также устанавливают *торма* – фигурку, вылепленную из теста, зажигают лампадку *зула* и жгут благовония *хужэ*. У баргутов существует обычай варить ритуальное блюдо в виде каши: рис или дру-

гую крупу вместе с изюмом и сахаром варят на молоке с добавлением топленого масла и добавляют крупные куски мяса. Считается, что это блюдо предназначено для угощения духов неба, земли и гор, духов предков и устанавливается на праздничный стол, расположенный на почётной северной стороне *хоймор*. Рядом с ним на блюде ставят баранью голову, мясо, лопатки, рёбра и курдюк. Вечером все угощения съедаются, произиосятся благопожелания, почитают старших, угощая водкой (*аха захасаа хундэлдэг*).

Утром цагаалгана встают рано, надевают новую одежду, гостят у старших, если есть возможность, отправляются на места поклонения предкам (*сулдэ обоо*) и зажигают *хужэ*, подносят *хадаки*, возносят молитвы. По возвращению домой заваривают чай, поздравляют друг друга с новым годом, приветствуют друг друга (*мэндэчилэхэ*).

У баргутов существует интересный обычай почитания старших – их усаживают на почётной северной стороне юрты, две руки кладут на левое колено, правую ногу вытягивают назад и сгибают в колене – *хол абаха*. Затем, привстав, подают на двух руках белый *хадак*, затем низко кланяются, прикасаясь головой к их подоле – *мургэжэ хундэлхэ*. Приветствие сопровождается словами: «*Амар уу!*», что означает: «Благополучно ли», в ответ старики отвечают: «*Мэндээ!*» – «Благополучно» и прикасаются щеками к их щекам (*унсэн талалаха*). Молодые люди, проводя приветствие между собой, также обмениваются *хадаками*, но не поклоняются, лам также не принято приветствовать образом *мургэжэ хундэлхэ*.

В первый день цагаалгана принято «оживить» хийморь. Для этого, определив по системе «восемь местоположений» (*найман суудал*), означающих восемь направлений света ту, с которой должны прибыть благодать и счастье, хозяин дома обходит свою юрту по солнцу три раза, оживляя тем самым хийморь, и затем проходит в дом [Амаржаргал, с. 502–509].

Заключение. Ценность рукописной работы О. Амаржаргала заключается в том, что она написана на основе многих письменных источников и документальных материалов, а также собственных записей устных сведений, сохранившихся в памяти нескольких поколений населения этого региона.

Учитывая, что историки неоднозначно подходят к вопросу о происхождении и ранней истории барга-бурят, работа автора представляет собой точку зрения представителя данной этнической общности, вид «изнутри» и в полной мере раскрывает этнические особенности истории и традиционной культуры баргутов и бурят Хулун-Буира. Представленное им описание истории и культуры барга-бурятского общества как единого целого позволяет утверждать о древних исторических связях баргутов и бурят, имевших общие прибайкальские этнические корни.

Летопись О. Амаржаргала является бесценным материалом, имеющим практическую значимость для этнографов, антропологов, историков. Она должна быть введена в научный оборот и стать доступной для самого широкого круга читателей.

Список литературы

1. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Периодическое издание отделения этнографии Русского географического общества. СПб., 1896. Вып. III–IV. С. 277–456.
2. Бернштам А. Н. Заметки по этногенезу народов Северной Азии // Советская этнография. 1947. № 2. С. 60–66.
3. Дамбаев Г. Э. Из прошлого и настоящего баргузинских бурят: историко-этнографический очерк. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 92 с.
4. Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI–XIII вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. 85 с.
5. Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 214 с.
6. Коновалов П. Б. Баргуджин-Токум и этническая генеалогия бурят // Баргуты и современность: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2016. С. 3–14.
7. Миягашева С. Б. К вопросу об этнониме шившин/чивчин у старых баргутов // Баргын туух, соелын судалгаа: олон улсын шинжилгээний бага хурал. Улаанбаатар: Тоонотпринт, 2011. С. 152–154.
8. Миягашева С. Б. Обряд почитания обоо старых баргутов как фактор этнической идентификации // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2016. Т. 15. С. 35–48.
9. Нанзатов Б. З. К проблеме курыкан и баргу (этимологические заметки) // Санжеевские чтения-5: материалы науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. Ч. I. С. 201–204.
10. Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск: Радан, 2005. 159 с.

11. Нимаев Д. Д. О средневековых хори и баргутах // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1993. С. 144–164.
12. Нимаев Д. Д. Барга и баргуты // Цыбиковские чтения-7. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. С. 44–45.
13. Румянцев Г. Н. Баргузинские летописи. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское кн. изд-во, 1956. 101 с.
14. Румянцев Г. Н. Происхождение хори-бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 268 с.
15. Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984. 486 с.
16. Тихонова Е. Л. Русские предания Восточной Сибири о заселении и освоении края. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 220 с.
17. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Республиканская тип., 2001. 256 с.
18. Buyandelger J. Eligen qayiratu qayučin baryu. Tungliao: Temür jam-un keblekü üyiledbüri, 1999. 279 с.
19. Norjin J. Qayučin baryu qamiy-a-aca iregsen bui? // Uyalja Mergel-ün teüketü ucir-uud. qayučin baryu soyal teüke material-1. Өвөр Монгол. 2004. № 128. С. 99–105.
20. Sundui S. Erten-ü baryu yasutan. Tungliao: Jegün qoyitu-yin negüresü yajar šinjilgen-ü mergejil-ün surqayuli-yin keblekü üyiledbüri, 2005. 233 с.
21. Tubshinima G. Baručud-un teüke irelte (История происхождения баргутов). Өвөр Монгол, 1985. 151 с.
22. Өлзий Ж. Барга монголын түүх. Улаанбаатар: Сорхон Цагаан, 2009. 346 с.

Статья поступила в редакцию 28.01.2017; принята к публикации 25.02.2017

Библиографическое описание статьи

Ванчикова Ц. П., Миягашева С. Б. Летопись О. Амаржаргала «О происхождении и историческом развитии барга-бурят» как источник интерпретации этнической истории традиционной культуры барга-бурятской общности // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 179–189. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-179-189.

Tsymzhit P. Vanchikova¹,

Doctor of History, Professor,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies

Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

(6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia),

e-mail: vanchikova_ts@mail.ru

Surzhana B. Miyagasheva²,

Candidate of History,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies

Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

(6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia),

e-mail: surjana@yandex.ru

Chronicle by O. Amarjargal “On the Origin and Historical Development of the Barga-Buryats” as a Source of Interpretation of Ethnic History and Traditional Culture of the Barga-Buryats

The article is aimed at studying the manuscript chronicle “On the origin and historical development of the Barga-Buryats” as the source for the history of Barga-Buryats that has not yet been the subject of scholarly interest. It was compiled by O. Amarzhargal, a local historian and collector of various information, who has used many rare sources and documentary materials, largely no longer available now to modern researchers, and on his own records of oral information. The chronicle is a unique source on ethnic history and traditional culture of the Barguts and the Buryats of the Hulun Buir region. The work reflects the main stages of the historical development of the Barguts and the Buryats, which O. Amarzhargal regards as a single Barga-Buryat ethnic group. The authors of this article on the basis of translation of the chronicle from old Mongolian into Russian revealed new ethnographic data and introduced it into the scientific turnover. It has been revealed that various information on migration routes, historical milestones, accession to the Ch’ing empire, resettlement in the Hulun Buir region, religion, administrative structure, traditional culture, national heroes of the Barguts and Buryats of China is kept in this chronicle. A comprehensive analysis of this data can contribute to the possible solution of many debatable issues of the ethnic history of the Mongolian peoples in general.

Keywords: Barga-Buryats of China, Khulun-Buir, new Barguts, old Barguts, shenehen Buryats, history of Mongolian speaking peoples

¹ Ts. P. Vanchikova is the main author, the initiator of the study, she performed source analysis of the chronicle, formulated the basic provisions and conclusions of the article.

² S. B. Miyagasheva is the main author who performed source analysis of the chronicle, formulated the basic provisions and conclusions of the article.

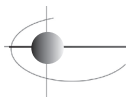
References

1. Aristov N. A. Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskikh plemen i narodnostei i svedeniya ob ikh chislenno-sti // Zhivaya starina. Periodicheskoe izdanie otdeleniya etnografii Russkogo geograficheskogo obshchestva. SPb., 1896. Vyp. III–IV. S. 277–456.
2. Bernshtam A. N. Zametki po etnogenezu narodov Severnoi Azii // Sovetskaya etnografiya. 1947. № 2. S. 60–66.
3. Dambaev G. E. Iz proshlogo i nastoyashchego barguzinskih buryat: istoriko-etnograficheskii ocherk. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1970. 92 s.
4. Zoriktuev B. R. Pribaikal'e v seredine VI–XIII vv. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 1996. 85 s.
5. Konovalov P. B. Etnicheskie aspekty istorii Tsentral'noi Azii (drevnost' i srednevekov'e). Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 1999. 214 s.
6. Konovalov P. B. Bargudzhin-Tokum i etnicheskaya genealogiya buryat // Barguty i sovremennost': sb. nauch. st. Irkutsk: Ottisk, 2016. S. 3–14.
7. Miyagasheva S. B. K voprosu ob etnonime shivshin/chivchin u starykh bargutov // Bargyn tuukh, soelyn sudalгаа: olon ulsyn shinzhilgeenii бага khural. Ulaanbaatar: Toonotprint, 2011. S. 152–154.
8. Miyagasheva S. B. Obryad pochitaniya oboo starykh bargutov kak faktor etnicheskoi identifikatsii // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya. Irkutsk: Izd-vo IGU. 2016. T. 15. S. 35–48.
9. Nanzatov B. Z. K probleme kurykan i bargu (etimologicheskie zametki) // Sanzheevskie chteniya-5: materialy nauch. konf. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2004. Ch. I. S. 201–204.
10. Nanzatov B. Z. Etnogenez zapadnykh buryat (VI–XIX vv.). Irkutsk: Radian, 2005. 159 s.
11. Nimaev D. D. O srednevekovykh khori i bargutakh // Etnicheskaya istoriya narodov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii. Novosibirsk: Nauka, 1993. S. 144–164.
12. Nimaev D. D. Barga i barguty // Tsybikovskie chteniya-7. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 1998. S. 44–45.
13. Rumyantsev G. N. Barguzinskie letopisi. Ulan-Ude: Buryat-Mongol'skoe kn. izd-vo, 1956. 101 s.
14. Rumyantsev G. N. Proiskhozhdenie khori-buryat. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1962. 268 s.
15. Taskin V. S. Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov gruppy dunkhu. M.: Nauka, 1984. 486 s.
16. Tikhonova E. L. Russkie predaniya Vostochnoi Sibiri o zaselenii i osvoenii kraya. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2006. 220 s.
17. Tsydendambaev Ts. B. Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye. Ulan-Ude: Respublikanskaya tip., 2001. 256 s.
18. Buyandelger J. Eligen qayiratu qayučin baryu. Tungliao: Temür jam-un keblekü üyiledbüri, 1999. 279 s.
19. Norjin J. Qayučin baryu qamiy-a-aca iregsen bui? // Uyalja Mergel-ün teüketü ucir-uud. qayučin baryu soyal teüke material-1. Өбөр Mongyol. 2004. № 128. S. 99–105.
20. Sundui S. Erten-ü baryu yasutan. Tungliao: Jegün qoyitu-yin negüresü yajar šinjilgen-ü mergejil-ün suryayuli-yin keblekü üyiledbüri, 2005. 233 s.
21. Tubshinima G. Baryučud-un teüke irelte (Istoriya proiskhozhdeniya bargutov). Өбөр Mongyol, 1985. 151 s.
22. Өlzii Zh. Barga mongolyn tykh. Ulaanbaatar: Sorkhon Tsagaaan, 2009. 346 s.

Received: January 18, 2017; accepted for publication February 25, 2017

Reference to the article

Vanchikova Ts. P., Miyagasheva S. B. Chronicle by O. Amarjargal "On the Origin and Historical Development of the Barga-Buryats" as a Source of Interpretation of Ethnic History and Traditional Culture of the Barga-Buryats // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 179–189. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-179-189.

УДК 391/393 (571.54)

Игорь Валентинович Рассадин,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: rassadin.73@mail.ru

Животноводство у сойотов и бурят: сравнительно-сопоставительный анализ

Статья посвящена исследованию истории и современного состояния традиционных видов животноводства одного из малочисленных народов Сибири – сойотов. Автор исследовал вопрос в исторической перспективе и достаточно полно представил источниковедческую базу исследуемого вопроса. Важно сказать, что при рассмотрении особенности животноводства автор показал тесную взаимосвязь двух разных народов, их обмен опытом, а также сходства и различия до совместного проживания в Саянском регионе, им особо подчеркнута сходство оленеводства у сойотов с оленеводством цаатанов Монголии. Исследования традиционных видов животноводства у саянских народностей, в том числе сойотов, проводились и ранее, но не в достаточной мере. Современные сойоты на протяжении длительного времени контактировали с бурятами, вследствие чего традиционное животноводство окинских бурят проникло в хозяйствование сойотов. Олени сойотами использовались как источник пищи, материала для изготовления одежды, вьючного и верхового транспортного средства на охоте, при переездах. По общим признакам оленеводство у окинских сойотов, цаатанов, тофаларов и тувинцев-тоджинцев можно объединить в один саянский тип оленеводства. В работе также рассматриваются особенности разведения мелкого и крупного рогатого скота, коневодство.

Ключевые слова: окинские сойоты, оленеводство, традиционное животноводство, сезонные перекочёвки

Вводная часть. Малые народы на протяжении своей этнической истории сохранили немало знаний об окружающем мире, они умели жить и слушать природу, что позволяло жить в гармонии с ней. «Народы, проживающие в Республике Бурятия, являются наследниками и носителями самых разнообразных культурных традиций, что служит причиной постоянного интереса к культуре и искусству Республики. Сама природа этих мест со священным Байкалом является источником сильного эстетического чувства»¹. Этот вопрос актуален, особенно сейчас, когда становится очевидным разрушительное антропогенное воздействие на природу. Современные условия жизни, рыночная нестабильность привели к появлению мелких и крупных фермерских хозяйств. Поэтому вопрос заимствования опыта животноводства у народов, у которых данный тип хозяйствования на протяжении столетий был одним из основных, является чрезвычайно актуальным.

Методология и методы исследования. В работе над данной статьёй были использованы материалы, полученные в ходе научных экспедиций, которые проводились в Окинском районе РБ, в Тункинском районе РБ,

¹ Хамарханов А. З. Культура и искусство Республики Бурятия // Республика Бурятия: краткий энцикл. справ. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. – С. 7.

в Баунтовском районе РБ, а также в Иркутской области в Тофаларии. В экспедициях при сборе научных материалов применены и использованы следующие методы исторических исследований: метод включённого наблюдения, который позволил увидеть быт, хозяйственно-культурные связи и заимствования описанных выше народов в естественной среде, бытовании. Метод проведения опроса местного сойотского населения старшего поколения позволил выявить способы и характер ведения сойотами животноводческого хозяйства. При анализе было выявлено, что с древнейших времен окинские буряты и сойоты занимаются экстенсивным кочевым скотоводством с вертикальной системой кочевания.

Результаты исследования и их обсуждение. Сойоты на современном этапе. Современные сойоты являются вместе с бурятами основным населением долины реки Оки в Окинском районе Республики Бурятия. Сойоты – один из малочисленных народов России, проживают на территории Окинского и Тункинского районов Республики Бурятия Российской Федерации. До 1993 года официально не выделялись из числа бурятского населения.

Со стариками ушёл сойотский тюркский язык и национальная культура. Стало забы-

ваться и название народа. Хотя многие сойоты помнили не только о своей принадлежности к самостоятельному народу, но и к трём родам – хаазут, онхот, иржит. Начавшееся в 1990-е годы в России национально-культурное возрождение малочисленных народов затронуло и сойотов. Завершилось это тем, что 24 марта 2000 года Правительство России Постановлением № 255 включило сойотов Бурятии в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. В этом документе численность сойотов указана в 1973 чел. По данным на 2001 год – 2002 чел. Правительством РБ разработаны и принимаются меры по возрождению у сойотов традиционного охотничье-оленьеводческого хозяйства и национальной культуры, в том числе и языка. В 1993 году создан Сойотский национальный сельский совет, ныне администрация, с центром в селе Сорок, создана и официально зарегистрирована в Минюсте Республики Бурятия Ассоциация сойотов Окинского района Республики Бурятия.

Оленеводство. Сойоты-оленьеводы переселились в Оку в местность Ильчир на водораздельный хребет в верховьях реки Иркут, где продолжали вести традиционный охотничье-оленьеводческий образ жизни. Б. Э. Петри отмечал, что сойоты-оленьеводы осуществляли сезонные перекочёвки по тайге с оленями, на которых ездят верхом, кормятся охотой, добывая пушных и копытных зверей, сохраняют свои традиционные жилища – чумы, свою культуру и свой язык, близкий к урянхайско-сойонскому (т. е. тувинскому – *И. Р.*) [2, с. 15]. В 1926 году Б. Э. Петри застал их занимающимися разными видами хозяйственной деятельности, ведущими разный образ жизни. Сойоты, осевшие в Тунке и оставившие оленеводство из-за отсутствия географических условий, стали перенимать у тункинских бурят хозяйственно-культурный тип и этнически слились с ними. Сойоты стали заниматься животноводством местного бурятского типа, разводя яков (сарлыков), хайныков, коров, лошадей и немного овец, переняв у бурят и их образ жизни.

В 1930-е годы оленеводство у сойотов стало приходить в упадок. Кроме того, в 1930-е годы в СССР активно проходил процесс образования колхозов и перевод кочевых малочисленных народов Сибири на оседлость. Это привело к обобществлению оленей и переход сойотов к оседлому образу жизни в посёлках Сорок, Хурга, Боксон, а также в Орлике и на многочисленных мелких животноводческих фермах. Стадо оленей в кол-

хозах сохранялось для транспортных нужд и для обеспечения охотников во время зимнего охотпромысла в горной тайге. Однако в 1963 году по решению Правительства Бурятской АССР оленеводство в Оке было ликвидировано как якобы нерентабельная отрасль животноводства. С утратой оленеводства ушёл в прошлое и традиционный сойотский образ жизни. Для возрождения оленеводства в 1994 году в Оку из Тофаларии были пригнаны 60 оленей, тофаларские пастухи делились опытом с сойотскими пастухами [8, с. 214–215].

Разведение крупного рогатого скота. Животноводство у Окинских сойотов и бурят издревле является одним из основных видов хозяйственной деятельности, дающим им средства к существованию. Как уже известно, с древнейших времен окинские буряты и сойоты [6, с. 4] занимаются экстенсивным кочевым животноводством с вертикальной системой кочевания. Это обуславливается характером географической зоны, климатическими условиями, характером местности, которая представляет собой высокогорную тайгу, узкие речные долины и высокогорные альпийские луга. В связи с этими трудными, суровыми условиями жизни окинские буряты и сойоты не могли, подобно забайкальским бурятам, осуществлять дальние горизонтальные сезонные перекочёвки со своим скотом в целях смены пастбищ. Поэтому одной из особенностей высокогорного скотоводства Окинского края и является наличие четырёхразового вертикального кочевания [1, с. 101].

Так, в мае у окинских бурят и сойотов начиналась перекочёвка с зимника на весенние пастбища. При этом нужно отметить, что зимние пастбища окинских бурят и сойотов располагались в речных долинах, где обычно из-за сильных ветров было мало снега, и скот легко мог себе добывать корм. В начале июля они совершали перекочёвки на летники или летние стойбища в высокогорье на альпийские луга, где летом прохладно, дует ветер, гнус не докучает скоту, и скот чувствует себя вольготно. А уже с середины сентября сойоты перекочёвывали на осенние пастбища. На зимник же возвращались уже в конце ноября. Так выглядит восстановленная со слов старожилов края схема кочевания окинцев ещё в недавнем прошлом. Поскольку население горной Оки живёт в настоящее время в основном в небольших посёлках оседло, сохранилась лишь перекочёвка со скотом на летние пастбища, которые закреплены за определёнными семьями, имеющими на этих

пастбищах летние усадьбы. Далее мы представляем более подробное описание разведения и использования конкретных видов домашних животных. Коневодство у окинских сойотов то же, что и у окинских бурят, разводят и используют тот же скот, что и буряты.

Окинские буряты традиционно разводили лошадей бурят-монгольской породы. Как указывал профессор Б. Э. Петри, это типичная монгольская лошадь [2, с. 12], низенькая, короткая, на плотных ногах, копыта «стаканом», с широкой грудью, относительно короткой шеей и крупной головой. Характер этой лошади более дикий и злой, чем у русской. «Окинский конь хорошо в тайге ходит, лучше на подножном корму стоит». «Братский (бурятский, окинский) конь зимой сам себя кормит, а русского надо отдавать кормить». – «Братский конь крепкий, по горам ходит, всё равно как олень». – «Русский конь скорее спину набьёт», – «скорее в тайге устанет». Как видим, окинские буряты и сойоты разводили лошадей бурят-монгольской породы как более выносливых. Коневодство у окинских сойотов, как и окинских бурят, является табунным. Поскольку они переняли его у окинских бурят, разводят и используют тот же скот, что и буряты. Выявлено различное использование лошадей в хозяйстве. Яловую кобылицу обычно откармливают на убой. Существует верховое использование лошадей и использование лошадей под вьюк для перевозки различных грузов как в тайге, так и в личном хозяйстве.

Крупный рогатый скот, независимо, бык это или корова, носит общее название «ухэр». При этом различают быков-производителей и кастрированных быков-волово. Волово используют для перевозки тяжёлых грузов, запрягая их в сани, причём как летом, так и зимой. Наиболее сильные и выносливые вола получают из быков-хайныков.

Традиционной породой крупного рогатого скота в Оке является монгольская порода коров, которая хотя и не даёт много молока и мелковата телом, зато весьма вынослива, морозоустойчива и неприхотлива в пище, довольствуется подножным кормом, что для условий горной Оки является немаловажным. Эту породу окинцы обычно скрещивают с яком, по-местному – сарлыком, получая высокопродуктивное потомство, о котором будет сказано далее. Крупный рогатый скот круглый год пасётся на подножном корму, лишь зимой укрываясь в большие морозы и ветра в стайках (хотон, дал) и получая в виде подкормки сено. Телят выращивают без привязи. Они пасутся вместе с коровами. Но

чтобы телёнок не высасывал дойки молока у коровы, на него надевают специальный намордник. Их бывает несколько типов. Для привязывания коровы в стайке используют специальный ошейник.

Молоко – ежедневный важнейший продукт, получаемый от коров. Существуют различные способы переработки молока и получаемые из него разные молочные продукты. В настоящее время молоко обычно сепарируют и заготавливают на зиму сметану, масло. Делают также курунгу и арсу. Традиционной породой крупного рогатого скота в Оке являются яки или сарлыки, как их называют местные русские, в окинском говоре носят название «нарлаг». Это общее название. Когда нужно различить взрослых яков по полу, применяют терминологию, сложившуюся в отношении крупного рогатого скота: бык яка, корова яка. Половозрастные названия в принципе те же, что и крупного рогатого скота.

Сарлыки резко отличаются от остального рогатого скота внешними признаками – длинным волосяным покровом и густой шерстью. Волосяной покров яка характеризуется очень хорошими теплоизолирующими свойствами. Особо важное значение имеет большая густота волос и наличие пухового подшёрстка. По бокам яка волос свисает почти до земли, такой же длинный, густой волосяной покров и на ногах.

Яки различались по масти, но преобладал чёрный окрас волос. Часто встречалась чёрная окраска с белым шерстным покровом на нижней части ног, белой широкой полосой под хвостом и по бокам, а также с белым концом хвоста. Яки с чёрной мастью и с чёрной мастью с белыми пятнами составляли подавляющее большинство стада сойотов. У остальных особей встречался бурый и серый волос различных оттенков, а также попадались яки голубой и голубо-чалой масти.

Отличительной особенностью сарлыков является их выносливость и приспособленность к высокогорным районам. Высокогорные районы отличаются более низкими температурами в летний период, чем низменности. Характерной чертой поведения яка является стремление избежать воздействия высокой температуры. На повышение температуры воздуха животные реагируют резким учащением дыхания. В поисках корма они зачастую взбираются и пасутся на таких крутых склонах гор, на каких не встретишь других домашних животных.

Важным является нетребовательность яка к условиям кормления и содержания.

Он может оставаться на пастбищах круглый год почти без подкормки. Як, ввиду особенностей питания, в меньшей степени повреждает травяной покров пастбища, чем лошадь. Он способен держаться крупными стадами. Это животное устойчиво к различного рода заболеваниям и имеет более совершенные механизмы выживания. Хорошие рабочие качества и выносливость яка дают возможность использовать его как вьючное животное.

От сарлыков берут шерсть и волос. С одного животного в среднем собирается шерсти 1–2 кг, волоса 0,3–0,5 кг. Стрижка происходила обычно весной в период линьки животного. Стриглись, главным образом, телята раннего отёла и молодняк в возрасте 1–2 лет. Волос и шерсть на лицевой части головы, ноги, бахрома внизу живота в большинстве случаев не стриглись. Шерсть и волос яка использовался сойотами для хозяйственных надобностей. Например, из волоса хвоста изготовлялись веревки, а из шерсти изготовляли войлок.

Молочная продуктивность сарлычек невелика, они дают за удой 3–3,5 л молока, хотя и высокой жирности (12 %). Доеание яков, как и коров, производилось с подпуском телят. Поэтому часть молока не выдаивалась, а шла на кормление телят. Для повышения продуктивности быков-яков скрещивают с коровами, получая приплод, который носит специальное название – «хайнаг». Коровы-хайнычки дают в среднем 5–7 л молока за удой, причём достаточно высокой жирности. Бычков-хайнычков обычно кастрируют. Кастрированные быки-хайныки – это очень сильные и выносливые животные, обычно используемые для перевозки тяжёлых грузов. Они намного сильнее обычных волов крупного рогатого скота. Дальнейшие помеси с хайныком обычно непродуктивны и их специально не получают.

Коневодство у сойотов и бурятов Окинского района. Для ловли коня-неуча из табуна используют разные типы арканов. Во-первых, это аркан, прикреплённый к длинной жерди. Называют его «урга». Урга состоит из длинной жерди и длинной веревки, которая бывает либо кожаной, ременной, либо волосистой. Петля этого аркана прикреплена на тонком конце жерди. При поимке лошади за шею жердь отбрасывают, и табунщик удерживает пойманного коня этим арканом. Во-вторых, применяется аркан-лассо, называемый «салма». Он состоит из тех же составных частей, что и урга, но только петлю этого аркана табунщик кидает, а веревка аркана при этом свёрнута в кольцо. Данный аркан используют и для ловли лошади за ногу, расстелив пет-

лю на земле. Этот способ применяют там, где нет возможности применять аркан набросом.

Пойманного дикого коня обучают. Прирученного коня уже не выпасают в табуне, а пасут отдельно, используя различного типа путы: на обе передние ноги; на две ноги с одной стороны (обычно с левой); треноги. Путы состоят из различных частей. Так, путы на обе передние ноги (*тушаа*) состоят из веревки, к обоим концам которой прикреплены поперечные чеки, сделанные либо из дерева, либо из кости. Сбоку, чуть пониже этих палочек, прикреплены на каждом конце пут специальные петли. Путы-треноги в принципе состоят из пут (*тушаа*), к которым посередине привязана ещё одна, на этот раз длинная веревка, на конце которой тоже имеется палочка-чека и петля. Окинцы разводят и крупный рогатый скот, без которого немислима жизнь, ведь от него они получают и мясо, и различные молочные продукты, и шкуры. Остановимся на этом более подробно.

Мелкий рогатый скот. Овцы не очень распространены в горной Оке, поскольку для них мало подходящих пастбищ. Но всё же скотоводы держали и держат определённое количество овец как для мяса в летнее время, так и для шкур и шерсти, весьма необходимых в скотоводческом хозяйстве. Овчины шли на изготовление одеяла и одежды, а шерсть – для изготовления войлока и шерстяных ниток, из которых вязали разные вещи. Традиционной породой овец в Оке была монгольская овца с чёрной головой и круглым курдюком. Тонкорунные овцы непопулярны, ибо их мясо невкусно, а овчины нехороши. Сейчас их становится все больше, а монгольской породы овец почти нет. Также держат немного коз [7, с. 50].

Окинские буряты в хозяйстве активно используют навоз. Им удобряют пастбища или утепляют хлев. Слой коровьего навоза называют *шэбхэ* (ср. х.-монг. *шивх, отог* – «навоз»), а овечий навоз – *хоргоокон* (ср. х.-монг. *хоргол* – «помёт овец, верблюдов»). Этот навоз обычно собирают в конусообразные, закрытые со всех сторон кучи. Перегоревший за лето и высохший в кучах навоз называют словом *хии* (ср. х.-монг. *шивх, отег* – «навоз»; в эхирит-булагатском же и аларском говорах представлен термин *хий* с тем же значением, что и в окинском говоре). Такой навоз хорошо использовать зимой в качестве подстилки в хлевах для крупного рогатого скота. На ощупь *хии* очень пористый и легко крошится, по весу лёгкий. Его также используют летом для разжигания дымокуров, чтобы отпугивать кома-

ров и мух во время дойки коров. Другой вид навоза, который высох в степи, называют аргаакан (ср. зап.-бур. *аргаакан*, вост.-бур., х.-монг. *аргал* – «кизяк, сухой помёт»). Этот навоз используют в качестве топлива и специально собирают на пастбищах.

Результаты данного и других исследований по данной тематике обсуждались на различных конгрессах, конференциях, круглых столах и т. д. Высказывались мнения, подтверждающие наши выводы, что сойоты широко контактировали с окинскими и тункинскими бурятами и заимствовали у них животноводческое кочевое хозяйство, сохраняя

при этом свои традиционные виды хозяйствования.

Выводы. В ходе исследования установлено, что жители саянского региона, тюркоязычные и монголоязычные племена, несмотря на быстро меняющиеся экономические условия жизни, сохранили свой специфический культурно-хозяйственный тип жизни и исконно экологические знания обращения с домашними животными. Исключительно важным является возрождение оленеводства. Это один из главных показателей возрождения угасающей культуры, связанной с традиционным типом хозяйствования.

Список литературы

1. Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1951. № 1. С. 63–87.
2. Волков К. Олени от мистера // Правда Бурятии. 1995. 15 июня.
3. Керцелли С. В. Карагасский олень и его хозяйственное значение // Северная Азия. 1925. № 3. С. 87–92.
4. Павлинская Л. Р. Кочевники голубых гор (Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью). СПб.: Европейский дом, 2002. 260 с.
5. Петри Б. Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах. Иркутск, 1927. 22 с.
6. Помишин С. Б. Оленеводство Тофаларии // Сельское хозяйство Сибири. 1960. № 1. С. 65–67.
7. Помишин С. Б. О транспортном использовании оленя тофаларами // Советская этнография. 1971. № 5. С. 128–131.
8. Полторадин П. Г. Тункинские сойоты // Жизнь Бурятии. 1929. № 1, 2. С. 21–27.
9. Рассадин И. В. О характере оленеводства у окинских сойотов // Гуманитарный вектор. 2012. № 4. С. 214–217.
10. Рассадин И. В. Хозяйство, быт и культура тофаларов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 203 с.
11. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. Новосибирск: Наука, 1980. 114 с.
12. Рассадин В. И., Цыренова Д. Б. Лексика материальной культуры окинских сойотов // Проблемы бурятской диалектологии. Улан-Удэ, 1996. С. 58–99.
13. Рассадин В. И. Лексические особенности говора окинских бурят // Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1985. С. 3–19.
14. Рассадин В. И. Животноводческая лексика в языке окинских бурят и сойотов // Проблемы бурятской диалектологии: сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. С. 45–57.
15. Рассадин В. И. Промысловая лексика в говоре окинских бурят // Диалектная лексика в монгольских языках. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. С. 3–19.
16. Тулуев К. Живут в Оке сойоты // Бурятия. 1993. 9 апр.

Статья поступила в редакцию 09.03.2016; принята к публикации 28.04.2016

Библиографическое описание статьи

Рассадин И. В. Животноводство у сойотов и бурят сравнительно-сопоставительный анализ // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 190–195.

Igor V. Rassadin,
 Candidate of History, Researcher,
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
 Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
 (6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia),
 e-mail: rassadin.73@mail.ru

Comparative Analysis of the Soyots and Buryats Livestock Breeding

The article is devoted to research of history and modern state of traditional types of stock-raising of one of smaller peoples of Siberia – the Soyots. An author investigated a question in a historical prospect and full enough presented the sources base of the investigated question. It is important to say that considering the features of stock-raising, the author showed close intercommunication of two different peoples, their exchange by experience and also likenesses and distinctions in the joint residence in Sayans region. In particular, the study presents likeness in reindeer breeding of the Soyots and reindeer breeding of the Caftanses in Mongolia. Researches of traditional types of stock-breeding of the Sayans, including the Soyots have been conducted before, but not sufficiently. Modern Soyots contacted with the Buriyats for a long time, and the traditional stockbreeding of the Oka Buryats penetrated into stockbreeding of the Soyots. The deer were used as a source of food, material for making clothing, pack and up-river transport vehicle during hunting by the soyots. In general, reindeer breeding of the Oka Soyots, Tsaatans, Tofalars, and Tyva-todzhines can be united into one type of the reindeer breeding, i. e. the Sayan one. Breeding of small cattle and cattle and horse breeding are also examined in the paper.

Keywords: Oka Soyots, deerbreeding, traditional livestock breeding, seasonal migrations

References

1. Vasilevich G. M., Levin M. G. Tipy olenevodstva i ikh proiskhozhdenie // Sovetskaya etnografiya. 1951. № 1. S. 63–87.
2. Volkov K. Oleni ot mistera // Pravda Buryatii. 1995. 15 iyunya.
3. Kertselli S. V. Karagasskii olen' i ego khozyaistvennoe znachenie // Severnaya Aziya. 1925. № 3. S. 87–92.
4. Pavlinskaya L. R. Kochevniki golubykh gor (Sud'ba traditsionnoi kul'tury narodov Vostochnykh Sayan v kontekste vzaimodeistviya s sovremennost'yu). SPb.: Evropeiskii dom, 2002. 260 s.
5. Petri B. E. Etnograficheskie issledovaniya sredi malykh narodov v Vostochnykh Sayanakh. Irkutsk, 1927. 22 s.
6. Pomishin S. B. Olenevodstvo Tofalarii // Sel'skoe khozyaistvo Sibiri. 1960. № 1. S. 65–67.
7. Pomishin S. B. O transportnom ispol'zovanii olenya tofalarami // Sovetskaya etnografiya. 1971. № 5. S. 128–131.
8. Poltoradnev P. G. Tunkinskie soioty // Zhizn' Buryatii. 1929. № 1, 2. S. 21–27.
9. Rassadin I. V. O kharaktere olenevodstva u okinskikh soiotov // Gumanitarnyi vektor. 2012. № 4. S. 214–217.
10. Rassadin I. V. Khozyaistvo, byt i kul'tura tofalarov. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2005. 203 s.
11. Rassadin V. I. Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskikh tyurkskikh yazykakh. Novosibirsk: Nauka, 1980. 114 s.
12. Rassadin V. I., Tsyrenova D. B. Leksika material'noi kul'tury okinskikh soiotov // Problemy buryatskoi dialektologii. Ulan-Ude, 1996. S. 58–99.
13. Rassadin V. I. Leksicheskie osobennosti govora okinskikh buryat // Leksiko-frazeologicheskoe svoeobrazie buryatskogo yazyka. Ulan-Ude: BF SO AN SSSR, 1985. S. 3–19.
14. Rassadin V. I. Zhivotnovodcheskaya leksika v yazyke okinskikh buryat i soiotov // Problemy buryatskoi dialektologii: sb. st. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 1996. S. 45–57.
15. Rassadin V. I. Promyslovaya leksika v govore okinskikh buryat // Dialektnaya leksika v mongol'skikh yazykakh. Ulan-Ude: BF SO AN SSSR, 1987. S. 3–19.
16. Tuluev K. Zhivut v Oke soioty // Buryatiya. 1993. 9 apr.

Received: March 09, 2016; accepted for publication April 28, 2016

Reference to the article

Rassadin I. V. Comparative Analysis the Soyots and Buryats Livestock Breeding // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 190–195.

УГОЛ ЗРЕНИЯ

POINT OF VIEW

УДК 30(008)

Марат Равгатович Шагиахметов,
кандидат юридических наук
(454080, Россия, г. Челябинск, ул. Энгельса, 36а),
e-mail: maratchel@mail.ru

Системный взгляд на процесс исторического развития

Автор, указывая на связь мировоззренческих представлений с характером мышления и методологией познания, обосновывает необходимость системного подхода для преодоления фрагментарности и раздробленности гуманитарных наук. Используя системный подход, автор даёт свою интерпретацию процесса исторического развития как развития человека во взаимодействии с окружающей его действительностью, как процесс формирования системы «человек и природа». Опираясь на вывод о том, что взаимодействие человека и природы опосредуется системой «общественное сознание и общественная практика», автор предлагает интерпретацию основных этапов процесса исторического развития как взаимообусловленное развитие системы индивида, общественного сознания и общественной практики. Системная интерпретация процесса исторического развития позволяет по-новому взглянуть на глобальные проблемы современного мира, в котором сталкиваются представители обществ, находящихся на различном уровне развития. Проявлениями таких столкновений является «миграционный кризис» в Западной Европе и противостояние стран Запада с Россией. В соответствии с проведённым системным анализом общество стран Запада находится в состоянии дуалистического тупика между субъективизмом утилитарного индивидуализма и объективизмом трансцендентальной истины. Благодаря большому единству объективного над субъективным в материалистическом мировоззрении, 70 лет его господства в нашей стране были периодом ускоренного развития человека, а происходящие в России изменения – проявления нового качества разума.

Ключевые слова: дуализм, субъективное и объективное, системное единство, индивид, общественное сознание, общественная практика

Особенности методологии. Раздробленность современных гуманитарных наук и фрагментарность используемых ими подходов связаны с дуалистическим характером мировоззрения, господствующего в странах Запада и доминирующего в нашей философии. В самом общем виде структура этого мировоззрения состоит из двух разделённых и противопоставленных элементов: трансцендентальная истина (или бог) и мир природы. В наиболее завершённом виде этот дуализм нашел выражение в философии И. Канта, разделившего «умопостигаемый мир», где обитает бог и автономия «чистого разума», и «чувственно воспринимаемый мир», где господствуют законы природы [4]. Эта

кантовская традиция является господствующей в западной философии и считается не подлежащей пересмотру, несмотря на явный архаизм представлений о «чистом разуме», противостоящем природе, как «существованию вещей». С этим дуализмом мировоззрения связан линейный характер мышления, противопоставляющий одну часть реальности другой, как истинное и ложное, духовную и материальную субстанции, субъект и объект, разум и действительность и т. д. С этим же дуализмом связана оторванность философии от реальности, фрагментарность и раздробленность наук о человеке: индивида изучает психология, социальные отношения – социология, политические процессы –

политология, знания которых не сводятся во едино.

Качественно новым уровнем методологии познания является системный подход, как проявление системного характера мышления, связанного с мировоззренческим представлением о системном единстве мира [9]. Более высокая по сравнению с дуалистическим мировоззрением точка зрения проявляется в способности преодолеть разделение и противопоставление субъекта и объекта, разума и действительности, сознания и материи. Системный подход рассматривает эти противоположности в единстве, как элементы процесса познания, взаимодействие которых является движущей силой развития. Адекватность системного подхода проявляется в способности преодолеть отрыв теоретического мышления от реальности. И цель данной статьи состоит в том, чтобы показать возможности осмысления реальной действительности, которые предоставляет системный подход.

Понимание развития связано с пониманием человека. К примеру, идеализм определяет сущность человека через внутреннее: разум или дух, соответственно и развитие понимается как восхождение духа от мира природы к «абсолютному духу» (Г. В. Ф. Гегель) [2]. Материализм, определяя человека через внешнее, как «совокупность общественных отношений» (К. Маркс) [7], понимает и развитие как смену оторванных от человека внешних, материальных факторов, как «общественно-экономических формаций». Системный подход, охватывая внутреннее и внешнее в системном единстве, позволяет и процесс исторического развития осмыслить как развитие человека, но не изолированного, а во взаимодействии с окружающей его действительностью.

Общая картина процесса исторического развития. Неопределённость и противоречивость представлений о процессе исторического развития современной философии также связаны с дуализмом мировоззрения, противопоставляющего субъективное и объективное. В соответствии с системной методологией, рассматривающей эти противоположности в единстве, объективность процесса исторического развития является проявлением незавершённости процесса познания и сохраняющегося разрыва между неадекватностью представлений и реальностью. Процесс исторического развития настолько объективен, насколько субъективны наши представления о нём.

Системный подход впервые позволяет осмыслить процесс исторического развития не как «саморазворачивание идеи» (Г. В. Ф. Гегель) и не как объективный ход истории в виде смены «общественно-экономических формаций» (К. Маркс), а как развитие человека, но не изолированного, а во взаимодействии с окружающей его действительностью, как процесс формирования системы «человек и природа», который в самом общем виде выглядит следующим образом.

Предки человека, так же, как и другие виды животных, являлись элементом системы локального биогеоценоза, а формирование с появлением разума вида *homo sapiens* связано с выходом за его границы и расселением по планете. Однако такое расселение по планете означает, что первобытный человек перестал быть элементом системы локального биогеоценоза, а стал элементом взаимодействия с природой планеты в целом, начав формирование новой природной системы «человек и природа».

С появлением разума основным детерминантом поведения становятся не инстинкты и рефлексy, а представления, формируемые мышлением. На месте первобытного стада формируется общество, объединённое не только общим отношением к окружающей среде, но и общими представлениями, а деятельность общества закономерно становится общественной практикой. Выход человека на уровень взаимодействия с природой планеты в целом связан с формированием системы, опосредующей взаимодействие человека с окружающей его действительностью: «общественное сознание и общественная практика».

Уровни взаимодействия человека и природы общеизвестны, но при системном рассмотрении выявляется их единство:

1. Этап единства первобытного человека и природы. Это состояние равновесия, отсутствия противоречий вследствие того, что человек ещё не сформировался в качестве автономного элемента взаимодействия, он ещё не отделяет себя от природы. Единство с природой связано с ощущением «мистической сопричастности» (Л. Леви-Брюль) [5] со всеми элементами окружающей действительности.

2. Этап зависимости от природы. Человек сформировался как автономный субъект мышления, преобразуя окружающую действительность в объект осмысления. Возникающий разрыв субъективного и объективного преодолевается мистицизмом веры, связанной с мифологическим и религиозным

мировоззрением, с обожествлением объективных сил, решающих судьбы мира и человека.

3. Этап господства человека над природой. Человек становится субъектом активной познавательной и преобразующей деятельности, ставит собственные представления над природой, которая становится объектом нещадной эксплуатации.

4. Этап диалектического единства с природой. Этот этап формируется в наше время, об этом свидетельствует распространение представлений о единстве с природой, о необходимости её сохранения, появление экологического законодательства.

Эти четыре этапа явно образуют единый цикл формирования системы «человек и природа»: от единства первобытного человека через два этапа противоречий к единству осмысленному, диалектическому на новом уровне качества человека. С другой стороны, несложно заметить, что все четыре перечисленных этапа формирования системы «человек и природа» возникли вполне закономерно. Эта закономерность определяется взаимодействием двух элементов, образующих единство, один из которых – изменчивый, активно развивающийся, а второй – консервативный, четыре перечисленных этапа – это все возможные варианты их взаимодействия.

Некоторые выводы. В представленной картине системного единства человека и природы, которая охватывает и процесс исторического развития, нет новых фактов, ранее неизвестных науке, но есть новый уровень их понимания. Однако такое рассмотрение в системном единстве человека и природы влечёт за собой целый ряд выводов, которые, с одной стороны, вступают в противоречие с представлениями современной философии, с другой – позволяют разрешить их противоречивость, преодолевая при этом отрыв философии от реальности.

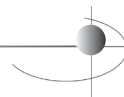
Процесс исторического развития является продолжением процесса эволюции природы, в которой все процессы имеют циклический характер. При этом впервые процесс исторического развития предстаёт как развитие **человека**, как активного элемента взаимодействия с окружающей его действительностью.

В представленной картине процесса исторического развития каждый новый уровень взаимодействия человека и природы, как элемент общественной практики, связан с развитием общественного сознания, как системы взаимодействия характера мышле-

ния и мировоззренческих представлений. Основное содержание процесса формирования системы «человек и природа» – преодоление разрыва субъективного и объективного в процессе развития мышления, формирующего всё более адекватные реальности мировоззренческие представления, с которыми связана общественная практика. Процесс исторического развития – это процесс познания человеком самого себя и окружающей его действительности. Противоречивость и неадекватность мировоззрения, характер мышления, противопоставляющий одну часть реальности другой, связаны с противоречиями общественной практики, человека и природы. Завершение формирования системы «человек и природа» проявляется в общественной практике единства, при которой человек взаимодействует с окружающей действительностью диалектически, как активное с консервативным, сознавая своё единство с природой. Общественная практика диалектического единства связана с доминированием в общественном сознании соответствующего мировоззрения единства, элементом которого является и предложенная картина системного единства человека и природы.

Как и любой другой процесс познания, процесс исторического развития – это взаимодействие субъективного и объективного, и чем активнее это взаимодействие, тем быстрее идёт процесс, напротив, при разделении и разведении субъективного и объективного, как несовместимых противоположностей, процесс познания тормозится, как и процесс исторического развития.

В процессе исторического развития меняется и место мировоззрения в жизни человека, и связанное с ним отношение к реальной действительности. Мифологическое и религиозное мировоззрение носят объясняющий характер, связанный с этапом зависимости человека от природы, с иерархией объективного над субъективным в общественной практике. На следующем этапе господства человека над природой, связанного с развитием рационального разума, человек ставит над природой собственные представления, рассматривая её как объект познания и преобразования в своих интересах. Человек переходит от иерархических отношений с природой к диалектическому взаимодействию, когда это взаимодействие опосредуется адекватными реальности системным мировоззрением, на основе которого строится общественная практика единства человека и природы.

С учётом этого призывы и попытки некоторых политиков и исследователей сформировать «национальную идею», которая как истина ставится над реальностью – проявление уходящего этапа развития. Наступление следующего этапа связано с новым качеством человека, который, отказываясь от иерархического характера отношений, становится адекватным творческим реалистом, стремящимся не ставить над реальностью в качестве догмы идеи коммунизма или либеральной демократии и свободного рынка, а исходя из реальных проблем, искать наиболее эффективные способы их решения.

Система общества – это взаимодействие активности и изменчивости индивида и консервативности коллектива. В процессе этого взаимодействия формируется и развивается общественное сознание, являющееся активным и изменчивым элементом взаимодействия с общественной практикой. В элементах общественного сознания: господствующей системе представлений и характере мышления закрепляется достигнутый обществом уровень развития. Индивид в процессе развития, усваивая, в той или иной степени, характер мышления и господствующую систему представлений, получает и достигнутый обществом уровень развития. Но в силу своей индивидуальности индивид является носителем преобразований мышления и представлений и, взаимодействуя с коллективом, вносит свой вклад в развитие общественного сознания.

Этот выявленный системным подходом механизм развития общества указывает и на взаимную связь уровня развития системы индивида, общественного сознания и общественной практики, совокупность которых и даёт картину каждого общества. Взаимный характер связи выявляет неадекватность абсолютизации отдельных элементов, как «универсальных ценностей», в качестве которых в западном обществе декларируются свобода личности и демократия.

Неадекватность представлений об «универсальных ценностях», игнорирование связи уровня развития индивида, общественного сознания и общественной практики оборачивается миграционным кризисом, который в настоящее время переживает Западная Европа. Для лучшего понимания уровня развития мигрантов, нахлынувших в Европу, напомним кратко часть выявленного системным подходом процесса исторического развития, как эволюции взаимосвязанных систем: индивида, общественного сознания и общественной практики.

Цикл формирования системы индивида «душа и тело». Первобытное общество культурологи называют «традиционным», в нём отсутствует государство, жизнь регламентирована обычаями и традициями, нет противопоставления личного и общественного. Это объясняется тем, что в системе индивида возникший разум ещё не является автономным элементом взаимодействия с телесной организацией, не противоречит инстинктам и рефлексам, а формирует представления на их основе, мышление ещё не развито, вследствие чего господствуют обычаи и традиции. Разум един с телесной организацией, личность – с коллективом, человек – с природой. Это этап единства разума и телесной организации в системе индивида.

На следующем этапе развитие индивидуального мышления ослабляет власть обычаев и традиций, индивид становится свободнее и активнее. Усиление и возросшая автономность разума проявляются в противоречиях с телесной организацией, осознаваемых как противоречия «души» и «тела», в формировании представлений, с одной стороны, – о личных интересах, с другой – об объективных силах, божествах, вершащих судьбы мира и человека в мифологическом мировоззрении. Это этап зависимости разума от телесной организации, которая проявляется в стремлении к власти, богатству, в алчности и кровожадности – в утилитарном индивидуализме страстей, который разрушает единство первобытного общества, приводит к нарастанию противоречий, к междоусобным войнам, постоянной борьбе за власть, к расслоению общества, к возникновению государства как объективной силы, стоящей над индивидами. Иррационализм утилитарного индивидуализма страстей связан с репрессивным характером авторитарного государства, они взаимообусловлены, как субъективизм и объективизм.

Следующий этап – господства разума над телесной организацией – проявляется в стремлении усилившегося разума к полному подавлению страстей, опираясь на авторитет бога, путём аскетизма и отшельничества, жизнь представляется неискоренимо порочной, что проявляется в общественной практике ухода от реальности, монашества и монастырского существования. Дуализм системы индивида проявляется в дуализме общественного сознания и общественной практики.

Дуализм общественного сознания, при котором выбор представляется между господством субъективизма утилитарного ин-

дивидуализма страстей и объективизмом служения богу и жизнеотрицания, заводит в тупик, в котором оказались некоторые цивилизации. К примеру, Индия, Китай, Монголия, в которых на этапе господства разума над телесной организацией в системе индивида, в общественном сознании господствующими стали представления жизнеотрицания – буддизм, который по выражению Н. О. Лосского, «проповедует абсолютное неприятие мира; его идеал – полное уничтожение мира и, прежде всего, уничтожение личного бытия, самоуничтожение» [6]. Дуализм при этом не преодолевается, взаимодействие субъективного и объективного сводится к минимуму, развитие индивида осуществляется в виде перехода от одной противоположности к другой, от субъективизма – к объективизму, проявляясь в реальной жизни в пассивности и в стремлении к уходу от реальности у значительной части общества, которое при этом приходит в упадок.

Дуализм представлений преодолевается представлениями христианского монизма, объединившего противоположности в единой иерархии объективного над субъективным, противоположности предстают как ступени развития: «телесного, духовного и божественного» – Бонавентура [1]. Доминирование христианства в общественном сознании усиливает взаимодействие субъективного и объективного, оказывает поддержку разуму в подавлении страстей, утверждает позитивное отношение к реальности. С утверждением христианства связано изменение характера мышления, которое, преодолевая циклический характер, становится линейным, ориентированным на представление об истине, стоящей над реальностью.

С утверждением представлений христианского монизма происходит относительная стабилизация западноевропейского общества в рамках феодальных государств. Государство ограничивает индивидуализм внешне, христианство – внутренне, это стимулирует усиление разума, который учится подавлять и контролировать страсти. Постепенно с усилением разума происходит и трансформация представлений, продиктованных телесной организацией: страсти утрачивают неконтролируемый, иррациональный и порочный характер, приобретая вид контролируемых эмоций. Разум переходит от иерархического взаимодействия с телесной организацией к диалектическому взаимодействию. Цикл формирования системы «душа и тело» завершается с одновременным развитием разума нового уровня качества – раци-

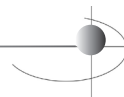
онального разума, который, вступая во взаимодействие со сформировавшейся системой «душа и тело», начинает новый цикл формирования системы индивида.

Этот механизм развития системы индивида, имеющий циклический характер, аналогичный процессу формирования системы «человек и природа», приводит к формированию в системе индивида различных уровней сознания, выявленных З. Фрейдом [8], с которыми связано развитие общественного сознания и общественной практики.

А теперь вернемся к кризису в Европе, связанному с потоком миграции. Полуфеодалное устройство североафриканских и ближневосточных авторитарных государств, общественное сознание, в котором доминируют религиозные представления и то, как мигранты – не лучшая часть общества, ведут себя порой в Западной Европе – это взаимосвязанные элементы. Вырвавшись из-под давления репрессивного авторитарного государства, из привычных условий, регламентированных религией, оказавшись в толпе индивидов того же уровня, они проявляют иррационализм страстей, непреодоленное варварство. А общество Западной Европы, исповедующее свободу и неприкосновенность личности, оказывается деморализовано таким несоответствием собственных представлений и реальным обликом этих людей. Это же варварство проявляет другая часть этих обществ, которой внешние спонсоры дают деньги и оружие и объявляют джихад против неверных, превращая их в «безбашенных» бандитов «Исламского государства».

Другая сторона миграционного кризиса в Западной Европе – это кризис неадекватности мировоззрения западного общества, которое рассматривает реальность как вторичную по отношению к «универсальным ценностям», наивно предполагая, что оказавшись в обществе «свободы и демократии», мигранты моментально станут такими же, как западноевропейцы. Чтобы лучше понять состояние западного общества, обратимся вновь к системному анализу развития взаимосвязанных систем: индивида, общественного сознания и общественной практики.

Формирование рациональной системы индивида. Благодаря христианству западноевропейское общество преодолело дуализм «души» и «тела» в системе индивида и сделало рывок в развитии с появлением рационального разума. Этап диалектического единства «души» и «тела» является одновременно этапом единства рационального

разума с этой системой. На этом этапе рациональный разум не вступает в противоречие с господствующими представлениями, развиваясь в сферах, не регулируемых религией, разделяя вопросы разума и веры. Понятие бога признаётся обоснованием единства мира, философии тождества как условия возможности и необходимости процесса познания. Однако линейный характер мышления, связанный с представлением об абсолютной истине (боге), стоящей над реальностью, закономерно формирует представление о противопоставлении одной части реальности другой, как истинного и ложного, духовной и материальной субстанций, при этом понятие бога совпало с духовной субстанцией и постепенно утратило характер обоснования единства мира. Рациональный разум, развиваясь, вытеснил понятие бога в сферу потустороннего, трансцендентального, но рационального обоснования единства ещё не выработал. Мировоззрение приобрело дуалистический характер: трансцендентальной истины над природой, духовной и материальной субстанций, «умопостигаемого мира» и «чувственно воспринимаемого» (И. Кант).

Дуализм в общественном сознании связан с дуализмом системы индивида, в котором рациональный разум формируется в качестве автономного элемента, влияющего на поведение, но находящегося в зависимости от системы «душа и тело». Зависимость проявляется в доминировании представлений системы «душа и тело», которые лишь рационализируются. В системе индивида сочетаются представления о трансцендентальной религиозности «души» и представления утилитарного индивидуализма с его жадной наживы, иррациональной в неутолимости, но осуществляемой рациональным путём. Субъективное и объективное вновь разрываются, и их взаимодействие сводится к минимуму. Чем объективнее и трансцендентальнее понятие бога или истины, тем меньше влияние они оказывают на практическую деятельность, предоставляя полную свободу субъективизму утилитарного индивидуализма «буржуазного» типа индивида, который утверждает субъект-объектный характер отношений, при которых другие люди и природа становятся объектом нещадной эксплуатации. Утилитарный индивидуализм разрушает феодальные государства, но приводит к нарастанию противоречий: между индивидами, между бедными и богатыми, между классами, между нациями, государствами, проявляется в расизме и национализме, приводит к коло-

ниализму, борьбе за рынки сбыта, к колониальным войнам, перерастающим в мировые. Этот этап иногда называют периодом «дикого капитализма». Рациональный разум на данном этапе играет обслуживающую роль по отношению к иррационализму страсти к наживе, к узколобому национализму, к расизму и колониализму. Узость сознания утилитарного индивидуализма сочетается со стремлением строить отношения доминирования и подчинения. Государство, обслуживая интересы экономически господствующего класса буржуазии, подавляет протесты, ведёт войны с поработёнными народами и конкурентами.

Примеры сочетания: с одной стороны, – рациональной организации экономики с использованием достижений науки, с другой – иррациональности страсти к наживе, к власти, к господству – не только в истории растущего капитализма, колониальных захватов и войн стран Запада, они есть и в новейшей истории. Зависимое подчинённое положение рационального разума явно проявляется в иррационализме украинского национализма, в оголтелой русофобии прибалтийских государств. При этом представители правящих кругов этих стран вполне рационально рассчитывают на дивиденды от Евросоюза и США, но узость сознания утилитарного индивидуализма проявляется в заикленности на своих личных меркантильных интересах, в игнорировании интересов собственного народа, которые прикрываются крайним национализмом и русофобией. Иррационализм турецкого руководства проявляется в стремлении решить курдский вопрос только путём грубого силового подавления и даже уничтожения части собственного населения.

Западное общество в значительной степени уже преодолело этот этап «дикого капитализма». Наступление следующего этапа господства рационального разума над системой «душа и тело» проявляется в формировании и распространении двух форм мировоззрений: идеализма и материализма. Формируя противоположные иерархии одних и тех же элементов: духа над природой или материи над сознанием, эти формы мировоззрений делают шаг к единству, но это единство ещё не диалектическое, это – иерархическое единство, в котором «первичное» линейно и односторонне определяет «вторичное». При этом идеализм и материализм закономерно становятся взаимоотрицающими, но и взаимозависимыми противоположностями. С распространением этих двух форм мировоззрений связано формирование

и двух противоположных социальных систем: западного общества и социализма, которые развиваются в противоречивом взаимодействии. Однако идеализм, вынося единство за рамки реальности, в область «абсолютного духа» (Г. В. Ф. Гегель), сохранил дуалистическую разорванность мировоззренческих представлений, трансцендентальной истины над реальной действительностью, лишь перенося акцент с субъективизма на объективизм истины и «духовных ценностей». Разрыв между объективизмом истины и реальностью сохраняется. Чем выше мораль, тем ниже практика. С этим связаны лживость и лицемерие, двойные стандарты внутренней и внешней политики западных стран.

Усиление рационального разума проявляется в способности преодолеть иррационализм и узость сознания утилитарного индивидуализма и снять остроту порождаемых им противоречий. В западном обществе классовые противоречия уже не грозят революцией, государство вмешивается в деятельность рынка, как его регулятор, несёт на себе значительные социальные обязательства перед гражданами, идут интеграционные процессы. Противоречия: между личностью и обществом, между бедностью и богатством, между нациями и отдельными государствами – не разрешаются окончательно, но их острота снижается. Отношения доминирования и подчинения становятся не столь откровенными, прикрываясь законностью, ограбление слабых маскируется принципами свободного рынка, подавление тех, кто не подчиняется, прикрывается необходимостью внедрения «универсальных ценностей» и идеалами «свободы и демократии».

По отношению к системе индивида общественная практика и общественное сознание противоречат друг другу: государство подавляет проявления крайнего индивидуализма внешне, как преступления против общества, а идеалистическая идеология культивирует его, абсолютизируя права и свободы личности. Идеализм отрицает и декларативно осуждает представления утилитарного индивидуализма, но в качестве альтернативы предлагает лишь уход от реальности, формы которого многообразны: религиозность, алкоголизм и наркомания, погоня за чувственными наслаждениями, искусство для искусства, профессиональная замкнутость и т. д. Эта дуалистическая логика: от крайнего субъективизма к трансцендентальному объективизму – определяет ход развития западного общества, которое бурно развивалось при

господстве утилитарного индивидуализма с нарастанием порождаемых им противоречий, но, преодолевая эти противоречия, всё более переходит к неадекватности объективизма и уходу от реальности, всё более погружаясь в застой и упадок. Это состояние дуалистического тупика, в котором находится западное общество.

В США значительная доля индивидов на уровне утилитарного индивидуализма проявляется в высокой предпринимательской активности, а также в высоком уровне преступности и коррупции, в нескрываемом стремлении к мировому господству, в выстраивании отношений доминирования и подчинения как внутри страны, так и на международной арене. В Западной Европе доминирование типа индивида на этапе господства рационального разума над системой «душа и тело» проявляется в большей приверженности законности и порядку, моральным «ценностям». Но оторванность от реальности этих «ценностей» проявляется в неспособности адекватно реагировать на возникающие проблемы, в нарастающей пассивности и отстранённости от реальной действительности. В состоянии дуалистического тупика развитие системы индивида состоит в переходе от одной крайности к другой: от узости сознания утилитарного индивидуализма к неадекватности объективизма «духовных ценностей», от узколого национализма к всеобъемлющей толерантности, прикрывающей снобизм и высокомерие.

Нынешнее геополитическое противостояние западных стран с Россией является проявлением дуалистического мировоззрения, разделяющего и противопоставляющего одну часть реальности другой, характера мышления, выстраивающего отношения доминирования и подчинения, а также высокомерного убеждения, что западная цивилизация является самой передовой и продвинутой.

Развитие и состояние российского общества. Иначе складывается взаимодействие системы общественного сознания и общественной практики с системой индивида при господстве материалистического мировоззрения. Чтобы понять состояние российского общества, вновь обратимся к системному анализу развития индивида, общественного сознания и общественной практики.

Отличие материалистической иерархии представлений в большем единстве иерархии объективного над субъективным. Объективная истина, в качестве которой представляется марксизм-ленинизм, утрачивает транс-

цендентальный характер, максимально сблизается с реальной действительностью как руководство по её преобразованию. Поэтому идеализм лишь декларативно осуждает утилитарный индивидуализм, а материализм подавляет его практически. Рациональный характер материалистического мировоззрения и его высшего проявления – марксизма, направленного на разрешение острейших проблем капиталистического общества, вызывает большее доверие и интенсивность веры. Единство материалистической иерархии объективного над субъективным усиливает их взаимодействие, утверждая позитивное отношение к реальности, направляя мышление на познание и преобразование действительности. Проявлением усилившегося взаимодействия объективного и субъективного является появление личных убеждений, руководствуясь которыми, индивид считает своим долгом подавление своего и чужого индивидуализма ради общего дела. В системе индивида материалистическое мировоззрение и связанная с ним общественная практика социализма, подавляя религиозность и иррационализм страсти к наживе, стимулировали развитие рационального разума. 70 лет господства материалистической идеологии в нашей стране были периодом ускоренного развития человека.

Высшее достижение теоретического мышления западного общества – марксизм, отвергнутый западным обществом по идеологическим мотивам, был подхвачен революционным движением в России, и это было вполне закономерно: мыслящие люди искали пути разрешения противоречий, раздиравших общество России, в которой начал развиваться капитализм при сохранении пережитков феодализма, и находили их в марксизме. Однако общественное сознание определяется не только господствующей идеологией, но и представлениями и характером мышления массового сознания. В начале XX века российское общество отставало от западноевропейского на 400–500 лет, если опираться на такие внешние проявления, как отмена крепостного права и начало развития капитализма. В обществе доминировал тип индивида на этапе единства разума и телесной организации, при котором рациональный разум только начал развиваться и ещё не выделился в автономный элемент. С этим связана сословная структура общества, монархическая форма правления, но уже появилась прослойка буржуазии на этапе господства утилитарного индивидуализма и прослойка интеллиген-

ции, где активно распространялся марксизм, который сам связан с этапом господства рационального разума над системой «душа и тело». Наивно полагать, что принятие после революции 1917 года диалектического материализма в качестве господствующего мировоззрения сразу ставило население страны на другой уровень развития. Вполне закономерно общественное сознание сложилось как двухуровневое, с этим связаны противоречия общественной практики. Руководствуясь марксизмом, большевики провели социалистические преобразования в интересах трудящихся, а религиозное мышление большинства народа веру в бога и царя сменило на веру в вождя революции. Этот характер мышления стал основой сталинской диктатуры и репрессий в отношении рационально мыслящих членов партии большевиков и интеллигенции, для которых верность мировоззрению и собственным убеждениям была важнее, чем верность вождю. Но репрессии не остановили начавшийся процесс взаимодействия субъективного и объективного, процесс развития познания, стимулируемый материалистическим мировоззрением, при этом марксизм предоставлял готовые формы осмысления реальности во взаимосвязи и развитии. Необходимо было лишь время для перехода от догматического отношения к мировоззрению к творческому.

Близость к реальности материалистического мировоззрения, воспринимаемого как объективная истина, преобразуемого в личные убеждения, иерархия коллектива над индивидом, приоритет общественных интересов над личным в общественном сознании создавало условия для подавления как религиозности, так и утилитарного индивидуализма в системе индивида и укрепляло единство общества. Это единство проявилось в Великой Отечественной войне в массовом героизме на фронте и в тылу. Усиление рационального разума проявлялось в переходе от веры в вождя к вере в рациональное мировоззрение, такая более высокая точка зрения позволяла критически оценивать руководителей страны. Это позволило развенчать культ личности Сталина, реабилитировать жертв репрессий, демократизировать политический режим. 1960-е годы прошлого века – это период полного соответствия господствующего мировоззрения и доминирующего типа системы индивида на этапе господства рационального разума над системой «душа и тело». Об этом свидетельствуют социологические исследования, обобщённые Б. А. Грушиным:

«"Социализму – да, капитализму – нет!" – таков был их дружный без колебаний вердикт, относившийся ко всем обсуждавшимся сферам жизни общества» [3]. Примерно за 40 лет было преодолено отставание от западного общества. При этом от индивида западного общества, на данном этапе впадающего в пассивность и уход от реальности, индивид советского общества отличался позитивным отношением к реальности, оптимизмом, жаждой знаний. Это был период ударного труда, ярких достижений: первая атомная электростанция, первый спутник, первый космонавт и т. д.

Но прошло ещё 15–20 лет, и ускоренное развитие индивида привело к кризису идеологии. Идея коммунизма стала рассматриваться как возможное, но очень отдалённое будущее, материалистическое мировоззрение стало приобретать характер объективной и даже трансцендентальной истины, которая уже мало влияет на поведение индивида. Развитие рационального разума закономерно стало вытеснять веру в объективную истину, хоть и приближённую к реальности, но всё же стоящую над ней. С разрывом единства иерархии объективного над субъективным связан отказ от отрицания противоположности, как ложного, от противопоставления личного и общественного, индивидуальности и коллектива, западное общество перестало восприниматься как враждебное, даже привлекало качеством товаров, правами и свободами. Мышление стало приобретать системный характер, охватывая в единстве то, что ранее казалось антагонистически несовместимым.

С этим связаны изменения в системе индивида. Иерархия рационального разума над системой «душа и тело» привела к трансформации этих элементов. Религиозность утратила явно мистический характер и, воспринимаясь как элемент культуры, не вступает в противоречие с рациональным разумом. Утилитарные устремления утратили иррациональный неутолимый характер, преобразуясь в рациональное стремление жить обеспеченно и достойно. Рациональный разум при этом не видит необходимости в подавлении системы «душа и тело» и переходит к диалектическому взаимодействию с ней. Цикл формирования рациональной системы индивида завершился с одновременным формированием разума нового уровня качества – системного разума.

Системный разум на первоначальном этапе не вступает в противоречие с рациональной системой. Его наличие проявляется

в системном характере мышления, которое не приемлет догматизма, не воспринимает представления идеализма и материализма и другие в качестве абсолютной истины, противоречия представлений уже не способны развести по разные стороны баррикад, они взаимодействуют в общественном сознании. Формируясь в качестве автономного элемента взаимодействия, системный разум вновь приводит к индивидуализму, но на данном этапе – это индивидуализм мышления, ничего не принимающий на веру, стремящийся к выработке собственного понимания действительности. Разрушение иерархии в системе индивида и в общественном сознании, нарастающий индивидуализм мышления закономерно привели к разрушению иерархического политического режима во главе с КПСС. Мы не проиграли в «холодной войне», мы в силу собственного развития вышли из состояния войны.

Период перестройки. Перестройка общественной практики в нашей стране в начале 1990-х годов прошлого века связана с изменениями в общественном сознании и в системе индивида. В системе индивида системный разум сформировался в качестве автономного элемента, влияющего на поведение индивида, но находящегося в зависимости от рациональной системы. С противоречиями системного разума и рациональной системы в системе индивида связан дуалистический характер общественного сознания. Этап зависимости системного разума проявляется, с одной стороны, в том, что представления рациональной системы уже не воспринимаются в качестве абсолютной истины, с другой – противоречивые представления идеализма и материализма доминируют в общественном сознании, культивируя линейно-иерархический характер мышления.

Индивидуализм мышления закономерно привел к разрыву единства иерархии объективного над субъективным, к отказу от материалистического мировоззрения в качестве господствующего, к разрушению иерархического политического режима во главе с КПСС. А рациональная система с линейно-иерархическим характером мышления сформировала представление об историческом поражении материализма и необходимости следовать противоположности – примеру западного общества. Примерно за 20 лет российское общество прошло путь, пройденный западным обществом за 300–400 лет. В 1990-х годах с усилением дуалистического мировоззрения, заимствованного на Западе, мы окунулись в

«дикий капитализм», на первые роли в обществе вышли маргинальные индивиды «буржуазного» типа, вскормленные хищнической приватизацией госсобственности, одержимые жаждой наживы. Активизация утилитарного индивидуализма сопровождается явной деградацией общества: разрывом между бедностью и богатством, ростом преступности, коррупции, нарастанием противоречий в обществе, олигархическим характером государства. Примерно к 2000 году общество стабилизировалось, остановлен рост преступности, государство стало активнее вмешиваться в деятельность рынка как его регулятор, социальные противоречия утратили остроту. Ещё лет за 10 было построено социально ориентированное государство с рыночной экономикой по типу западных стран. В общественной практике российское общество приблизилось к западным странам, но отличается уровнем развития системы индивида и общественного сознания.

Дуализм рациональной системы с линейным характером мышления ставит перед выбором между идеализмом и материализмом, между капитализмом и социализмом. По отношению к системе индивида рациональная система ставит перед выбором между субъективизмом утилитарного индивидуализма и объективизмом ухода от реальности. Отказавшись от материализма, следуя примеру западного общества, мы фактически воспро-

изводим состояние дуалистического тупика, в который нас заводит дуализм рациональной системы.

Следующий качественно новый этап развития нашего общества связан с развитием системного разума, для которого этот период с начала 1990-х годов прошлого века до настоящего времени был не только перестройкой общественной практики, но и периодом осмысления опыта западного общества и нашего социалистического прошлого в единстве. Об этом свидетельствует то, что общественное сознание современной России совмещает противоположные представления идеализма и материализма, создавая условия для их взаимодействия. Системный характер мышления, свободный от абсолютизации и догматизма, позволяет не противопоставлять эти формы мировоззрений и связанные с ними социальные системы, а совмещать их и брать всё лучшее из их опыта. Этот характер мышления, опираясь на мировоззренческое представление о системном единстве мира, отказывается от иерархических отношений доминирования и подчинения, стремится не к истине, стоящей над реальностью, а к адекватности с окружающей его действительностью. Он не противопоставляет индивидуальность и коллектив, личность и общество, человека и природу, либерализм и консерватизм, рассматривая их взаимодействие как движущую силу развития.

Список литературы

1. Бонавентура. Путеводитель души к Богу. М.: АСТ, 2003. 800 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. М.: Мысль, 1975. 695 с.
3. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 624 с.
4. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
5. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. В. Петухова. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 130–140.
6. Лосский Н. О. Христианство и буддизм // Христианство и индуизм. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1994. С. 25–64.
7. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. 629 с.
8. Фрейд З. Некоторые замечания относительно понятия бессознательного в психоанализе // Психоанализ и русская мысль. М.: Республика, 1994. С. 29–34.
9. Шагиахметов М. Р. Основы системного мировоззрения. Системно-онтологическое обоснование. М.: КМК, 2009. 263 с.

Статья поступила в редакцию 22.06.2016; принята к публикации 25.02.2017

Библиографическое описание статьи

Шагиахметов М. Р. Системный взгляд на процесс исторического развития // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 196–206.

Marat R. Shagiakhmetov,

Candidate of Law

(36a Engelsa st., Chelyabinsk, 454080, Russia),

e-mail: maratchel@mail.ru

System View of the Process of Historical Development

The author indicating the relationship of the philosophical views of the nature of thinking and the methodology of knowledge justifies the need for a systematic approach to overcome the fragmentation and disunity of the Humanities. Using a systematic approach, the author gives his interpretation of historical development, as human development in interaction with the surrounding reality, as the process of forming the system of "man and nature". Based on the finding that the interaction of humans and nature is mediated by a system of "public consciousness and public practice", the author offers an interpretation of the main stages of historical development as the interdependent development of the system of the individual, social consciousness and social practice. System interpretation of the process of historical development allows us to have a fresh look at global problems of the modern world, in which the representatives of societies at different levels of development meet. Manifestation of such clashes is the "migration crisis" in Western Europe and the confrontation of Western countries with Russia. In accordance with the conducted system analysis, the society of the West is in the state of dualistic impasse between subjectivism of utilitarian individualism and objectivism of transcendental truth. Due to the greater unity of the objective over the subjective in a materialistic world, 70 years of its dominance in our country were a period of accelerated human development, and what is happening in Russia, changes are manifestations of a new quality of mind.

Keywords: dualism, the subjective and the objective, a system of unity, the individual, social consciousness, public practice

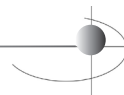
References

1. Bonaventura. Putevoditel' dushi k Bogu. M.: AST, 2003. 800 s.
2. Gegel' G. V. F. Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 2. Filosofiya prirody. M.: Mysl', 1975. 695 s.
3. Grushin B. A. Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'tsina: v 4 kn. Zhizn' 1-ya. Epokha Khrushcheva. M.: Progress-Traditsiya, 2001. 624 s.
4. Kant I. Kritika chistogo razuma // Sochineniya: v 6 t. T. 3. M.: Mysl', 1964. 799 s.
5. Levi-Bryul' L. Pervobytnoe myshlenie // Psikhologiya myshleniya / pod red. Yu. B. Gippenreiter i V. V. Petukhova. M.: Izd-vo MGU, 1980. S. 130–140.
6. Losskii N. O. Khristianstvo i buddizm // Khristianstvo i induizm. M.: Izd-vo Svyato-Vladimirskogo bratstva, 1994. S. 25–64.
7. Marks K. Tezisy o Feierbakhe // K. Marks i F. Engel's. Sochineniya. 2-e izd. M.: Izd-vo polit. lit., 1955. T. 3. 629 s.
8. Freid Z. Nekotorye zamechaniya otnositel'no ponyatiya bessoznatel'nogo v psikhoanalize // Psikhoanaliz i russkaya mysl'. M.: Respublika, 1994. S. 29–34.
9. Shagiakhmetov M. R. Osnovy sistemnogo mirovozzreniya. Sistemno-ontologicheskoe obosnovanie. M.: KMK, 2009. 263 s.

Received: June 22, 2016; accepted for publication February 25, 2017

Reference to the article

Shagiakhmetov M. R. System View of the Process of Historical Development // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 196–206.

УДК 778.5.01.067.2

Сергей Николаевич Ильченко,
доктор филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., 26),
e-mail: tv_and_radio@mail.ru

Парадоксы интерпретации истории в пространстве экранных коммуникаций (на материале фильмов и сериалов о Великой Отечественной войне)

В статье анализируются интерпретации идеологемы «Великая Отечественная война» в российской экранной продукции последнего времени. Основу обширного эмпирического материала для исследования заявленной проблематики составили более дюжины художественных фильмов и телесериалов, премьеры которых состоялись в 2014–2016 годах. Для этого периода была характерна активизация в массовом сознании общества исторической тематики, связанной с празднованием юбилея Победы, что и предопределило научную актуальность заявленной в статье проблематики. На основе метода сравнительного анализа постулируются эстетические, концептуальные и коммуникативные черты каждой из единиц научного исследования, каковыми в данной статье являются отдельные фильмы. Научная новизна данного материала заключается в соединении в структуре одной статьи различных единиц эмпирической базы исследования, имеющих общую тематику и единую хронологию. Сравнение осуществляется в статье по двум векторам: вертикальному и горизонтальному. В первом случае процесс изучения базируется на попытке выявления коннотаций с традициями военно-патриотической тематики, характерных для отечественного кинематографа советского периода. Во втором случае «горизонтальность» сравнения позволяет выявить синонимичные подходы к трактовке событий Великой Отечественной войны (реальным и вымышленным), которые и формируют в массовом сознании кино- и телеаудитории соответствующие концепты и идеологемы. Подобный подход позволяет выявить в исследуемом кинематографическом и телевизионном контенте неадекватность интерпретации ряда обстоятельств, связанных с хроникой исторических событий, сюжетов, персоналий, которые характеризуют данный период. Автор приходит к выводу о противоречивом разнообразии интерпретаций сложившихся представлений о военной теме. Одной из главных причин подобного состояния постулируется игнорирование фактологической достоверности тех исторических событий, которые являются контекстом для воссоздаваемых на экране вымышленных и реальных военных сюжетов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мифология, исторические события, кинематограф, телевидение, достоверность

Вводная часть. Вопрос об исторической правде и смыслах случившегося в середине XX века глобального противостояния во время Второй мировой войны породил напряжённые дискуссии не только в науке, но и в медиапространстве. Кинематограф и телевидение как родственные и взаимодополняющие виды экранного освоения эмпирической реальности не могли игнорировать потребность аудитории в узнавании подробностей исторического процесса, который двигался и движется от прошлого к настоящему и далее – в будущее. В этом смысле для молодого поколения в силу его техногенности сознания и дискретности мышления отсутствие целостной картины войны более адекватной выглядит не эпическая и масштабная их интерпретация средствами художественной коммуникации в экранном пространстве, а локализованная сюжетно и ограниченная конкретным хронотопом история, произошедшая «где-то когда-то». Подобный подход вполне

мог быть воспринят как некая продуктивная идея для экранного креатива, с помощью которого авторы фильмов о войне и про войну могли бы надеяться привлечь молодёжную аудиторию в залы и к телеэкранам.

Характерно, что в российском медийном пространстве указанное ключевое событие по-прежнему интерпретируется как военно-политический контекст более важного для национального события, известного как Великая Отечественная война (далее – ВОВ). В этом смысле она неоспоримая по смыслу и значению трагическая страница истории. К её мифологической версификации тяготеет советско-российская (постсоветская) цивилизация. Она и хранилище, и источник сюжетов, героев, тем и смыслов событий, которые преобразовывались и преобразуются в медиатексты всех видов и типов при творческом освоении реальности. Если принять тезис о нынешнем развитии общества по модели «шоу-цивилизация», то перманентное

присутствие ВОВ в медийном и в культурном пространстве России есть осознаваемая потребность. Проще говоря, априорное наличие в романе, фильме или сериале обстоятельств времени, определяемых как «война», должно изначально вызывать доверие и уважение потенциальной аудитории.

Однако результаты творческого освоения времени-пространства ВОВ как территории вымысла с базисным основанием, опирающимся на конспективное изложение магистральной событийной канвы «войны», объективно продуцирует совершенно новые повороты в классической проблематике отечественного искусства, посвящённого давним и трагическим событиям. Их стоит проанализировать.

Отбор объектов для анализа в данной статье был фактически спродуцирован целой серией кино- и телепродукции, тематически и сюжетно ориентированной на хронологические рамки ВОВ. В немалой степени на увеличение количества лент о войне оказала влияние подготовка к 70-летию юбилею Победы, который отмечался в 2015 году. Фактически впервые в структуре одного научного материала анализируются единицы экранного контента, имеющую общую тематическую направленность и хронологическую датировку.

Результаты исследования. Предшествующий юбилею 2014 год был отмечен премьерными несколькими фильмами о войне. Каждый из них оказался по-своему показателем с точки зрения демонстрации смыслов и мифологией аудитории. Надо ли говорить о том, что тематически историческое пространство, заключённое в хронологические рамки ВОВ, в большинстве своём оказалось освоенным всей предыдущей историей отечественного кино. По меткому замечанию режиссера Юрия Быкова, «о войне столько снято, сколько она не шла». Это и вынудило российских мастеров экрана искать нестандартные и непривычные сюжеты и ситуации в летописи ВОВ.

Сразу две картины в 2014 году вызвали споры, спровоцировали скандальные ситуации. Обе они случились на телеканале НТВ. Сначала, накануне Дня Победы, руководители компании решили не раздражать ветеранов и отменили премьерный показ фильма «4 дня в мае». А в День памяти и скорби – 22 июня – на том же НТВ состоялась не менее скандальная премьера. Был показан фильм «Служу Советскому Союзу», который вызвал ещё до демонстрации резкую критику министра культуры РФ Владимира Мединского.

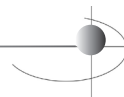
Стоит обратить внимание на причины случившегося. В первом случае совершенно очевидно, что история о четырёх майских днях 1945 года кажется чрезмерно радикальной, ибо в её финале советские солдаты вместе с немцами отбиваются от... частей Красной Армии. Отбиваются они, защищая обительниц детского дома от домогательств.

Режиссёр Ахим фон Боррис в фильме «4 дня в мае» сумел превратить сюжет почти мифологический в реалистическую и временами очень эффектную мелодраму о превратностях человеческих чувств на войне. В подобной конструкции соответствие исторической правде не есть главный вопрос содержания. Вся суть – в самой парадоксальности и невероятности происходящего, заставляющая вспомнить предыдущие советские фильмы на подобную тему – от «Мира входящему» до «Александра Маленького».

История, рассказанная в ленте «Служу Советскому Союзу», совсем иного рода. Молодой режиссёр Александр Устюгов взялся экранизировать сценарий своего старшего коллеги Леонида Менакера. В нём изложен сюжет о том, как в самом начале войны на побережье Белого моря высадился немецкий десант. Заключённые находившегося неподалеку советского лагеря с оружием в руках дают отпор захватчикам, так как вся охрана лагеря скрылась. Когда десант был уничтожен, вернувшиеся в лагерь чекисты расстреливают тех, кто сопротивлялся немцам. Более надуманного сюжета в кино на темы войны за последние годы не приходилось видеть. И потому протесты относительно фильма выглядели вполне обоснованными, вынуждая всерьёз задуматься: для чего нынче берутся режиссёры снимать фильмы о Великой войне?

После скандалов с фильмами на НТВ стало очевидно: экзотичность обстановки и трагическая неповторимость человеческих отношений, каковыми всегда чревата война, – вот что привлекает нынешних кинематографистов. Ради этого игнорируются историческая достоверность и бытовое правдоподобие. Складывается устойчивое ощущение, что режиссёры и актёры сегодняшнего «военного» кино снимают его не на основе документов и свидетельств очевидцев, а на основе пересказанных кем-то когда-то сюжетов ВОВ.

Кино- и телезрителям категории «40+» хорошо известен реальный исторический сюжет о младшем сержанте Мелитоне Кантария, который, согласно официальной версии,

водрузил знамя Победы над фашистским рейхстагом вместе с сержантом Михаилом Егоровым. Но вот появляется сериал «Туман-2», где группа современной молодёжи, благодаря фантазийному допущению, оказывается в прошлом и пытается спасти случайно найденного ею раненого бойца, которого зовут... Мелитон Кантария. Некоторые зрители в Сети назвали этот сериал «Спаси рядового Кантарию». Подобная трактовка может кому-то показаться извинительной, а то и любопытной, ибо позволяет смотреть на стереотипы старого кино о войне более свежим взглядом. Но без учёта жанрового опыта советского кино в современном освоении военной тематики всё же не обойтись.

Влияние традиций можно обнаружить, например, в сериале «Снайпер-2. Тунгус», рассказывающем о спецподразделении девушек-снайперов, где явно прочитываются содержательные отсылки к классической картине «А зори здесь тихие...» Станислава Ростоцкого. При том, что главный персонаж фильма – снайпер поневоле – действительно имел реальный прототип во время Великой Отечественной войны. Создатели «военных» картин, судя по их творчеству, считают, что присутствие исторических персонажей на экране может служить гарантией достоверности. Что и продемонстрировал Тигран Кеосаян в мини-сериале «Ялта-45», где детективная интрига разворачивается на фоне совещания лидеров антигитлеровской коалиции в Крыму в феврале 1945 года. Любопытно, что сами они в кадре так и не появляются. А потому сюжетный интерес смещается в сторону выдуманных персонажей, переживающих происходящее по законам мелодрамы и детектива.

И тем не менее, приз(н)рак подобной вторичности в освоении темы ВОВ с трудом поддаётся эстетической «маскировке». Но не каждый режиссёр может позволить себе поступать так, как Квентин Тарантино обошёлся с конкретными историческими фактами времён Второй мировой войны в «Бесславных ублюдках». Тем самым иронически интерпретируя на экране известные исторические сюжеты. Однако для российской аудитории «наша война» слишком болезненная тема, имеющая столь массовую и мощную традицию, что её никакой иронией или мелодраматическим сюжетом не преодолеешь.

Показательным для эстетики современного кино о ВОВ было появление фильма «Сталинград» Федора Бондарчука. Точная датировка сюжетных перипетий парадоксальным образом порождает не ощущение досто-

верности происходящего в кадре, а чувство фантастичности фабулы. В прологе картины зрителям демонстрируют постановочные кадры последствий землетрясения в Японии в 2011 году. Именно там оказывается взрослый герой картины, российский спасатель, от лица которого ведётся затем повествование о событиях осени 1942 года. Элементарный арифметический подсчёт показывает, что придуманная конструкция с закадровым голосом героя не выдерживает никакой проверки. В 68 лет в МЧС уже никто не служит. Маленькая неправда порождает придирчивый взгляд заинтересованного равнодушного зрителя, «спотыкающийся» о другие неясности.

Внеэкранные объяснения, комментарии относительно того, что фильм адресован молодёжи, является данью памяти – не более чем ритуальные фигуры речи. Не говоря уже о попытках максимально достоверно рассказать о том, что происходило там, где решалась судьба не только страны, но и всего человечества. Если не держать в уме, что фильм назван «Сталинград», то молодёжь вряд ли поймет, где разыгрывается сюжет, а уж о военно-политических реалиях и о важности этого сражения после просмотра ленты она вряд ли узнает что-либо конкретное. За два часа экранного времени слово «Сталинград» так и не звучит в кадре.

Проблема достоверности показанного на экране в фильме Федора Бондарчука достойна отдельного научного исследования о том, как приблизительные представления о войне, почерпнутые из соответствующих компьютерных игр, влияют на эстетику «картинки» в таком важном по замыслу военном фильме. По сталинградским развалинам и солдаты, и жители города разгуливают в полный рост, не прячась и не пригибаясь. Обнажённое тело русской дамы сердца немецкого офицера выглядит так, как будто она попала в кадр с очередной глянцевого фотосессии – чистым и ухоженным. Символом подобного подхода к «достоверности» становятся искусственный пепел и снег, за которые в финальных титрах режиссёр выражает благодарность соответствующей фирме.

Конечно, режиссёр пытается всеми правдами и неправдами убедить зрителей в том, что сочинённое им зрелище реально и достоверно, при этом в структуре «Сталинграда» можно обнаружить многие приёмы из прежних фильмов о войне. Эмпирическая база обширна – от «Списка Шиндлера» и «Освобождения» до сериала Сергея Урсуляка «Жизнь и судьба».

Федор Сергеевич Бондарчук рискнул вступить в заочную переключку с советским военным кинематографом, в том числе и с фильмами Сергея Федоровича Бондарчука. Здесь-то и выявилась та мировоззренческая разница, которая по объективным причинам выглядит нынче необратимой, ибо творец «Судьбы человека» и эпопеи «Они сражались за Родину» и его поколение знали на самом деле, что такое Сталинград, потому что у них за плечами был личный опыт войны. А у нынешних авторов военных фильмов он просто-напросто отсутствует.

Обсуждение результатов исследования. Первой «военной» премьерой юбилейного 2015 года стала драма «Битва за Севастополь». Символично также и то, что лента эта – последний по времени совместный проект, осуществлённый совместно с кинематографистами братской славянской страны. На Украине картина о знаменитой женщине-снайпере, Герое Советского Союза Людмиле Павлюченко получила более выразительное и точное по смыслу название – «Несокрушимая».

Её режиссер Сергей Мокрицкий пошёл по пути соединения двух мифологем советской истории – о героической обороне городов-героев Одессы и Севастополя и биографии легендарной женщины-снайпера. В обоих этих событиях ВОВ участвовала в реальности Людмила Павлюченко, лично уничтожившая 309 фашистов. Но этот важный факт не породил качественной драматургии созданного совместными усилиями экранного зрелища, которое выглядит правдоподобным, но правдивым не является.

Факты додумываются, мелодраматические ситуации выдумываются. Что и приводит к неутешительному итогу в виде передёргивания реальных обстоятельств биографии главной героини и проявлениям элементарной исторической безграмотности. Конструировать историю «молоденькой» девушки, пошедшей на войну добровольцем и испытавшей на фронте два бурных любовных романа, всё равно, что Элен Безухову выдавать за Наташу Ростову. Каковы же реальные факты биографии героини? Уже в 16 лет Люда Павлюченко вышла замуж, а чуть позже стала матерью. И на момент начала войны ей было 25 лет. При этом её отец никогда не был сотрудником НКВД. А сама она специально занималась стрелковым спортом.

Снятая как клип прогулка с возлюбленным на передовой под закадровое пение Полины Гагариной выглядит на экране красиво,

но к реальностям снайперской профессии времён ВОВ отношения не имеет. Юлия Пересильд старается изобразить внутреннюю драму молодой женщины, которую в Америке иначе как «леди Смерть» не называли, но, к сожалению, неплохой актрисе просто нечего играть, кроме желания убивать фашистов. Впрочем, и фашистов как таковых в ленте практически не видно. Все любовные сцены со снайперской винтовкой наперевес разыгрываются будто война где-то далеко. По факту получилась мелодраматическая история о девушке, страдающей от потерянной любви и мстящей за это врагам. Заметим, опираясь на известные факты, что на войне Павлюченко служила в офицерском звании, а не была курсанткой-снайпером.

Однако подобные замечания вряд ли имеют смысл, ибо проблему исторической достоверности те, кто снимает кино о войне, вряд ли ставит перед собою в качестве доминирующей цели. Можно только догадываться об источниках их знаний о ВОВ, но порою они видны невооружённым взглядом. Это популярные нынче компьютерные игры на военную тему, в том числе и на тему Великой Отечественной. Отталкиваясь от них, легко поверить в любой вымысел и фантазию. А потому сотворение собственного киномифа в таком случае не кажется трудной творческой задачей.

Наглядное подтверждение этому тезису можно обнаружить в новой экранной версии повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие...», которую осуществил Ренат Давлетьяров. Предваряя премьеру своей картины, он утверждал во всех СМИ, что современные «Зори» никакого отношения к любимому народом фильмом Станислава Ростоцкого не имеют.

Что не соответствует реальному содержанию, смыслу и эстетике фильма Давлетьярова. Вся стилистика нового зрелища позаимствована из ленты 1972 года, которую тысячи зрителей знают в буквальном смысле слова наизусть. Получился этакий экранный «перепост» навсегда запомнившихся образов пятирешных девушек. Артистом Петром Федоровым копируются даже интонации старшины Васкова. «Звезда» неудачного «Сталинграда» играет не героя повести, а Андрея Мартынова в образе Васкова. Гламурные прелести актрис из тусовок не спасают ни подробные главы об их прошлой жизни, ни испачканные гримом лица медийных див.

Здесь и кроется главный смысловый и эстетический диссонанс. Стилистика обложки журнала «Maxim» вряд ли годится для филь-

ма о трагедии гибели героических молодых девчат на войне. Весь пафос и ужас одновременно гениальной картины режиссёра-фронтовика Ростюцкого в том и состоял, что зрители в едином порыве не только переживали, следя за отчаянным противостоянием девчат и Васкова фашистским десантникам, но ещё и успели их узнать и полюбить всем сердцем и душой. Ибо у каждой из той «пятерки» была в фильме своя судьба, биография, своя история. Потому многие до сих пор плачут, когда смотрят ТУ САМУЮ ленту, которая была снята в 1972 году. Ведь её снимали те, кто знал, что такое война и каким катком она прокатывается по человеческим судьбам и душам.

Когда же у нынешнего поколения интерпретаторов не хватает ни знаний, ни воображения, чтобы снимать фильмы о войне, то в ход идёт традиционный метод: демонстрация устоявшихся исторических штампов массового сознания. Поэтому авторы более современной киноверсии «Зорь» «дополняют» текст повести Бориса Васильева, превращая Лизу Бричкину в дочь раскулаченного крестьянина, Галку Четвертак в – дочь врагов народа, а Соню Гурвич – в дочь жертвы Холокоста. На экране – модный для политического глянца набор антисоветских мотивов. Но даже подобные спекулятивные приёмы не могут заставить нас полюбить девушек с обложки, надевших армейские гимнастерки. Получился стиль «милитари» для молодого зрителя, привыкшего к «форсажам» и «мстителям», когда всё стремительно решается по принципу: кто первым выстрелил, тот и герой.

Ложная в своей первоначальной посылке установка, нацеленная на то, чтобы «одарить» страну главным фильмом к юбилею Победы, дала сбои по всему пространству картины, когда трагические эпизоды гибели героинь становятся лишь эпизодами из компьютерной игры «Разгрома вражеский десант в тылу врага».

Тем не менее, собирая воедино эмпирическую базу для нашего анализа, автору удалось обнаружить более качественные и содержательные экранные произведения, посвящённые ВОВ. В череде лент, посвящённых 70-летию Победы, фильм режиссёра Константина Белевича «Единичка» – едва ли не лучший. Сюжет картины типичен: это история о том, как советские солдаты спасали польских глухонемых детишек осенью 1944 года. Но только её смысл не исчерпывается исключительно историей спасения.

Главное достоинство фильма в том, что в нём война предстаёт не только и не столь-

ко как прямое столкновение с врагом, а как поединок человеческого с нечеловеческим, действенного гуманизма с умозрительными и полными ненависти представлениями о том, что есть Добро и Зло, Бог, Правда и многое-многое другое. На экране в фильме – живые люди, уставшие от войны, или, наоборот, только ещё оказавшиеся на фронте. И всем им предстоит выполнить задание командования – охранять полузаброшенный мост через какую-то безымянную речушку. Этот мост нужен не только фашистам, но и солдатам польской Армии Крайовой, которые не очень-то любят Красную Армию и её бойцов.

Так в одной географической и сюжетной точке сходятся интересы сразу трёх враждующих сторон, а дети оказываются между ними, на самом виду и в самом центре схватки. И, как водится в отечественной экранной традиции военных фильмов, и среди наших мы видим двух лейтенантов – молодого Анатолия Егорова (Юрий Коробко) и бывалого замполита Финогенова (Андрей Мерзликин), повсюду видящего врагов. А есть новобранцы «единички» (той самой батареи у моста) и её старожилы. Все они наши. А дети вроде бы и «не наши», но права их воспитательница пани Эва (Анна Прус), бросающая замполиту фразу: «Не бывает детей наших и не наших».

Трагическую справедливость подобных слов суждено понять не только нашим и полякам, но и зрителям, которые увидят в «Единичке» невероятно пронзительные кадры того, как бьются с врагами те, кто защищает детей по зову сердца и велению человеческого долга. Многие в этих эпизодах покажется для зрителей знакомым и узнаваемо эффективным. Здесь сошлись и батальные традиции отечественной «окопной правды» прежнего советского кино и мастерство съёмок боевых эпизодов, которым современное поколение кинематографистов овладело в полной мере. Но «кровавые» кадры, полные стрельбы и взрывов для авторов «Единички» – не самоцель. Они лишь трагически венчают историю битвы у моста эмоциональными визуальными акцентами. Кино на то и кино, чтобы надеяться до последнего патрона, до последнего выстрела, до последнего солдата. Мы знаем, кто выиграл войну, но мы не знаем, КАК конкретно закончился тот или иной её эпизод. Здесь-то документальная основа картины и сыграла свою роль. Ведь в её основе – автобиографическая повесть Александра Николаева «Мы все, не считая детей».

В нынешнее время ожесточенных политических дискуссий на международной арене

о том, кто кого победил, и кто, когда и кого освобождал, остаётся только пожалеть о том, что такой яркий фильм «опоздал» с выходом в прокат к юбилею Победы, и о том, что чиновники от культуры поддерживали совсем другие картины и боролись запретами с западными фильмами. А ведь это их прямая государственная обязанность – всячески продвигать фильмы такого уровня и такой благородной идеи.

В череде юбилейных торжеств, связанных с празднованием юбилея Победы, появление картины режиссёра Сергея Попова «Дорога на Берлин» прошло тихо и скромно. Вполне в соответствии со стилем самого фильма, хотя в нём рассказана история ничуть не менее трагичная, чем в помпезных зрелищах от Министерства культуры «Битва за Севастополь» и «А зори здесь тихие». Показательно, что именно «скромность» сюжета помешала и «Единичке», и «Дороге на Берлин» получить ту информационную поддержку от государственных структур, кои были обращены в адрес более «громких» картин. Показательно и то, что сюжет фильма Сергея Попова полвека назад был реализован в телефильме Анатолия Эфроса «Двое в степи», что лишний раз указывает на мощную традицию отечественного кино об Отечественной войне.

Идея и замысел нового фильма принадлежали Карену Шахназарову, который поддерживал проект, в том числе и как продюсер. В основу сюжета легла повесть Эммануила Казакевича «Двое в степи» (1948) и некоторые истории из военных дневников Константина Симонова. То есть достоверность обстоятельств фабулы, которая разыгрывается летом 1942 года на Южном фронте, есть наглядный факт. Всё, что увидели зрители в ленте режиссера Попова – правда. Хотя мы допускаем, что в суровой реальности войны личная история лейтенанта Огаркова (Юрий Беляев) могла закончиться не так счастливо, как в фильме.

Героя приговаривают к расстрелу за то, что он растерялся и не выполнил приказ о доставке другого приказа в окружённую дивизию. Охранять его приставлен рядовой Джурабаев (Амир Абдыкалыков). Но в тыл наших войск прорываются фашистские танки, и двое – заключённый и его охранник – вынуждены отправляться в полную опасность одиссею по немецким тылам, ища дорогу к своим. На этом пути им приходится увидеть многое и столкнуться лицом к лицу со свирепой жестокостью войны, её правдой, когда вопрос стоит только о том, чтобы выжить.

Так и идут герои фильма по вражеским тылам, встречая наши части, примыкая к ним, воюя и поддерживая друг друга. И неважно, кто они друг другу, и то, что один – русский, другой – казах, ровесники. В этом и скрыто то человеческое содержание фильма Сергея Попова, который явно противостоит нынешнему грохочущему и пафосному «урапатриотическому» надрывному кинематографу, бездумно распыляющему бюджетные деньги по съёмочным площадкам.

Карен Шахназаров умело настроил своего ученика, который снял фильм не о том, как поднимались в атаку с криками «Ура!», «За Родину!», «За Сталина!» красноармейцы. А о том, как нелегко им было выполнять свой долг, преодолевая страх. Оставаясь людьми, они становились солдатами. И тем побеждали нелепую случайность смерти, которая всегда царит на войне. И в проявленной создателями «Дороги на Берлин» сдержанности видится громадное преимущество ленты, напоминающей о той самой «скрытой теплоте патриотизма», которая не требует громких слов, но которая живёт в душе каждого, кто защищает страну с оружием в руках. Именно поэтому эту ленту можно считать продолжением лучших традиций отечественного кино о ВОВ. В этом фильме эмоциональное сопереживание героям оказывается гораздо важнее, чем желание узнать чисто военные подробности и обстоятельства происходящих в кадре фабульных перипетий.

Вопрос соотношения мифологического восприятия конкретных исторических событий и конкретных персонажей существенно обострился в последние годы. Можно вспомнить провоцирующий опрос одной из пролиберальных радиостанций в канун 27 января (даты полного освобождения Ленинграда от блокады) и возможности сдачи города на Неве фашистам. В этом же ряду дискуссии в связи с установкой мемориальных досок К. Г. Маннегрейму и А. В. Колчаку в Санкт-Петербурге. А в канун 75-летнего юбилея сражения под Москвой А. Бильжо выступил с явно провокационным материалом о личности Героя Советского Союза З. А. Космодемьянской. Вопросы соотношения массового мифологического представления об Истории и знания РЕАЛЬНЫХ фактов – один из постоянных дискуссионных трендов в отечественном медийном дискурсе.

Достаточно вспомнить историю со скандальным заявлением бывшего директора Государственного архива Российской Федерации С. В. Мироненко. 22 июня 2015 года

Мироненко на Всемирном конгрессе русской прессы в Москве, ссылаясь на общедоступные документы, назвал мифом историю о подвиге 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково (16 ноября 1941 года). Подобное заявление вызвало резкую критику присутствовавшего на Конгрессе министра культуры России Владимира Мединского. Так был дан старт одному из самых продолжительных исторических споров в отечественном медийном пространстве. Градус дискуссии подогревался ожиданием премьеры фильма «28 панфиловцев».

В ноябре 2016 года этот фильм Андрея Шальопы и Кима Дружинина вышел на экраны страны. Это игровая картина, реконструирующая известный драматический эпизод защиты Москвы в ноябре 1941 года. История сбора средств на съёмки картины, а затем и сами съёмки и острая полемика, предшествующая премьере, – все эти обстоятельства хорошо известны и являются ещё одним доказательством актуальности затронутой в нашей статье проблематики. В очередной раз миф, напрямую связанный с Историей, «проверяется» экранным искусством, явно обращённым к массовому сознанию.

Мы не намерены в рамках данной статьи продолжать полемику о соотношении реальных фактов и вымысла в истории памятного боя 16 ноября 1941 года у разъезда Дубосеково. Наша цель – понять, насколько соответствует мифологии совершённого подвига сам фильм и, пожалуй, самое главное, – поверили ли ему зрители. Изучив основные тренды развернувшейся в медийном и сетевом пространстве дискуссии, познакомившись с фильмом «28 панфиловцев», мы можем ответственно заявить, что в картине обнаружим практически полное сюжетное и фактологическое соответствие тем известным и зафиксированным подробностям и результатам легендарного боя на подступах к Москве.

Что же касается восприятия массовой аудитории, то знакомство с сотнями откли-

ками на различных интернет-ресурсах, персональный опрос студентов ряда петербургских вузов привёл к выводу о доминирующем позитивном настроении зрителей в оценке фильма «28 панфиловцев». Показательным обстоятельством, которое свидетельствует об этом, является факт объединения в поддержке фильма людей разных регионов и стран, разного возраста и взглядов. В который раз мы можем констатировать: мифология Великой Отечественной войны, которая сложилась в советской и построссийской культуре, является консолидирующим, общественно-значимым фактором патриотического восприятия истории своей страны.

Заключение. Потребность в знании подробностей такого масштабного события XX века, как Великая Отечественная война, вряд с отдалением во времени будет уменьшаться. Скорее, наоборот, о чём свидетельствует всенародный успех такой акции, как «Бессмертный полк». Значение современных экранных интерпретаций известных (и малоизвестных) эпизодов и событий, на наш взгляд, в перспективе развития российского общества будет только возрастать. Хотя проведённый анализ показывает, что в нынешней ситуации тотальности информационных потоков и тяготения к фейкизации сознания массовой аудитории весьма существенна вероятность расширения границ морально-эстетических допусков в кино- и телеверсиях на тему ВОВ. Собственно, в этом и состоял практико-прагматический аспект осуществлённого в данном научном материале исследования.

В существующем российском социальном контексте ключ к завоеванию внимания и сопереживания аудитории (и, прежде всего, молодёжной), по нашему мнению, обретут те творцы экранной продукции, для которых факты, достоверные сведения, подробности Великой войны станут реальным фундаментом, базисом для всех последующих креативных решений.

Список литературы

1. Абдуллаева З. Постдок. Игровое/неигровое. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 480 с.
2. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие: пер. с англ. М.: Архитектура-С, 2012. 392 с.
3. Блохин И. Н. Личность в пространстве массовой коммуникации. Начала ролевого анализа. СПб.: SCIENTIA, 2016. 360 с.
4. Богомолов Ю. А. Затянувшееся прощание: российское кино и телевидение в меняющемся мире. М.: МИК, 2006. 320 с.
5. Век информации. Журналистика и войны: к 100-летию Первой мировой войны // СМИ в современном мире. Петербургские чтения: материалы 53-й Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 23–25 апр. 2014 г.) / отв. ред. Л. П. Громова; Г. В. Жирков, О. С. Кругликова. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т Высш. шк. журналистики и массовых коммуникаций, 2015. 274 с.
6. Гегелова Н. С. Культурная миссия телевидения. М.: РУДН, 2011. 263 с.

7. Грей Г. Визуальная антропология / пер. с англ. М. С. Неклюдовой. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 208 с.
8. Ильченко С. Н. Шоу-цивилизация: конец реальности? СПб.: ИВЭСЭП, 2014. 198 с.
9. Ильченко С. Н. Политические игры в медиапространстве. СПб.: ИВЭСЭП, 2017. 292 с.
10. Леклезю Ж. М. Г. Смотреть кино: пер. с фр. М.: Текст, 2012. 173 с.
11. Мицкевич Элен. Телевидение, власть и общество. М.: Аспект Пресс, 2013. 238 с.
12. Павлов А. Постыдное удовольствие: философские и социально-политические интерпретации массового кинематографа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 360 с.
13. Савчук В. Медиафилософия. Приступ реальности. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 350 с.
14. Тюрин Ю. П. История и киноистификации: Кино, правда истории, духовные традиции. М.: НИИ киноискусства, 2008. 296 с.
15. Яцино Малгожата. Культура индивидуализма. Харьков: Гуманитарный центр, 2012. 280 с.

Статья поступила в редакцию 07.02.2017; принята к публикации 05.04.2017

Библиографическое описание статьи

Ильченко С. Н. Парадоксы интерпретации истории в пространстве экранных коммуникаций (на материале фильмов и сериалов о Великой Отечественной войне) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 207–215.

Sergey N. Il'chenko,

*Doctor of Philology, Associate professor,
Saint Petersburg State University,
(26, 1st. line, V. O., St. Petersburg, Russia, 199004),
e-mail: tv_and_radio@mail.ru*

Paradoxes of Interpretation of History in the Space of On-Screen Communication (on the Material of the Films and Serials about the Great Patriotic War)

The article analyzes interpretation of the premises of “the Great Patriotic War” in Russian on-screen products which have appeared lately. The basis of an extensive empirical material for the study of the stated problems were more than a dozen feature films and television series, which were produced in 2014–2016. This period was characterized by intensification of the mass consciousness of society with historical themes associated with the celebration of the anniversary of the victory. This fact predetermined the scientific relevance of the study. Based on the comparative analysis, we postulate aesthetic, conceptual and communicative characteristics of each of the pieces of research, i. e. individual films. The scientific novelty of this material is presented by various units of the empirical base of the research with a common theme and a common chronology connected in the structure of a single article. Comparison in the article is made on two vectors: vertical and horizontal. In the first case, the learning process is based on the attempt to identify connotations with the traditions of military-patriotic themes, characteristic of the national cinema of the Soviet period. In the second case, horizontal comparison allows us to identify synonymous approaches to the interpretation of the events of the Great Patriotic War (real and imagined) that form appropriate concepts and ideologies in the mass consciousness of movie – and television audience. This approach allows us to identify inadequacy of the interpretation of a number of circumstances related to the timeline of historical events, stories, personalities that characterize the period in the study in cinematographic and television content. The author comes to the conclusion about the conflicting variety of interpretations of the prevailing views on military theme. One of the main reasons for such a state is postulated as ignoring the factual truth of historical events that are the context for recreated fictional and real war stories on the screen.

Keywords: Great Patriotic War, mythology, historical events, cinema, television, reliability

References

1. Abdullaeva Z. Postdok. Igrovoe/neigrovoe. М.: Novoe lit. obozrenie, 2011. 480 s.
2. Arnkheim R. Iskusstvo i vizual'noe vospriyatie: per. s angl. М.: Arkhitektura-S, 2012. 392 s.
3. Blokhin I. N. Lichnost' v prostranstve massovoi kommunikatsii. Nachala rolevogo analiza. CPb.: SCIENTIA, 2016. 360 с.
4. Bogomolov Yu. A. Zatyanusheesya proshchanie: rossiiskoe kino i televidenie v menyayushchemsya mire. М.: MIK, 2006. 320 с.
5. Vek informatsii. Zhurnalistika i voiny: k 100-letiyu Pervoi mirovoi voiny // SMI v sovremennom mire. Peterburgskie chteniya: materialy 53-i Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, 23–25 apr. 2014 g.) / otv. red. L. P. Gromova; G. V. Zhirkov, O. S. Kruglikova. SPb.: C.-Peterb. gos. un-t, In-t Vyssh. shk. zhurnalistiki i massovykh kommunikatsii, 2015. 274 s.

6. Gegelova N. S. Kul'turnaya missiya televideniya. M.: RUDN, 2011. 263 s.
7. Grei G. Vizual'naya antropologiya / per. s angl. M. S. Neklyudovoi. M.: Novoe lit. obozrenie, 2014. 208 s.
8. Il'chenko S. N. Shou-tsvilizatsiya: konets real'nosti? SPb.: IVESEP, 2014. 198 s.
9. Il'chenko S. N. Politicheskie igry v mediaprostranstve. SPb.: IVESEP, 2017. 292 s.
10. Leklezio Zh. M. G. Smotret' kino: per. s fr. M.: Tekst, 2012. 173 s.
11. Mitskevich Ellen. Televidenie, vlast' i obshchestvo. M.: Aspekt Press, 2013. 238 s.
12. Pavlov A. Postydnoe udovol'stvie: filosofskie i sotsial'no-politicheskie interpretatsii massovogo kinematografa. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014. 360 s.
13. Savchuk V. Mediafilosofiya. Pristup real'nosti. 2-e izd., ispr. SPb.: Izd-vo RKhGA, 2014. 350 s.
14. Tyurin Yu. P. Istoriya i kinomistifikatsii: Kino, pravda istorii, dukhovnye traditsii. M.: NII kinoiskusstva, 2008. 296 s.
15. Yatsino Malgozhata. Kul'tura individualizma. Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr, 2012. 280 s.

Received: February 7, 2017; accepted for publication April 5, 2017

Reference to the article

Il'chenko S. N. Paradoxes of Interpretation of History in the Space of On-Screen Communication (on the Material of the Films and Serials about the Great Patriotic War) // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 207–215.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

УДК 94(41/99) (049.32)(571.55)

Леонид Владимирович Курас,
доктор исторических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670041, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: kuraslv@yandex.ru

Цымжит Пурбуевна Ванчикова,
доктор исторических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670041, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: vanchikova_ts@mail.ru

События, «которые потрясли мир». Рецензия на книгу А. В. Константинова, Н. Н. Константиновой «История Забайкалья (1917–1922 годы)»

В учебном пособии, рассчитанном на массового читателя, освещаются исторические события периода Революции и Гражданской войны в Забайкалье. Издание, в соответствии с жанром изложения, представлено фактическим материалом, раскрывающим событийный ряд и особенности исторических событий, свойственных именно Забайкалью. Среди них: особая роль революционного казачества в установлении советской власти, атаманщина, влияние японской интервенции на события Гражданской войны, «лесные коммуны» и массовый характер партизанского движения, создание «буферной» Дальневосточной республики. Текст хорошо персонифицирован, логика изложения соответствует ходу исторических событий. Фактический материал перемежается вставками из воспоминаний «красных» и «белых» участников событий, архивными источниками документальных сборников, газетными публикациями 1917–1922 годов. Издание также снабжено биографическими справками персоналий, сыгравших ключевую роль в трагических событиях, которые «потрясли мир». Кроме того, пособие прекрасно проиллюстрировано как фотографиями участников, так и событий тех лет.

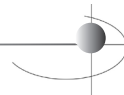
Изначально авторы издания избрали бесприоритетный жанр, широко используемый педагогами в воспитательном процессе – учебное пособие. В качестве предмета исследования авторы книги избрали и бесприоритетный период в истории государства Российского – революция и Гражданская война. И, наконец, авторы издания, в качестве опорной площадки, избрали бесприоритетный регион – Забайкалье.

Бесприоритетный жанр потому, что он не требует всеобъемлющей глубины исследования, но предполагает необходимость заострения и акцентирования внимания аудитории на событийном ряде, для чего зачастую используется наглядность.

Бесприоритетный период потому, что сами события революции и Гражданской войны в России изменили весь ход мировой истории XX века.

Бесприоритетный регион потому, что Забайкальская периферия была втянута в события общероссийского масштаба, а зачастую именно в Забайкалье решались судьбы революции, войны и мира, а регион (особенно в период ДВР), становился центром международной политики.

Пособие состоит из трёх глав. Первая глава – «Забайкальское общество: раскол и противостояние (1917–1919 годы)» – охватывает период от победы Великой революции до установления белой государственности.

С первых страниц издания читатель буквально окунается в события революционного Забайкалья после свержения монархии. Авторы достигают этого эффекта благодаря подборке газетных публикаций «Забайкальской нови», «Забайкальского рабочего», «Известий Забайкальского областного комитета общественной безопасности», выстроенных в хронологическом порядке и отражающих всю политическую палитру того времени. При этом события тех лет хорошо иллюстрированы фотографиями персоналий (см. фото: А. А. Войлошников, М. Н. Богданов, М. А. Спиридонова, М. А. Ваксберг, Г. П. Богомяков, Ф. Е. Балябин, Я. П. Жигалин и др.) и персонифицированы (биографические справки: М. Н. Богданов, Г. М. Семенов, И. А. Бутин). Хотя здесь явно не хватает фотографий Е. К. Брешко-Брешковской и членов IV Государственной Думы от фракции социал-демократов (большевиков).

Сегодня, в современной России, стало плохим тоном разбирать внутрипартийные коллизии образца 1917 года. Между тем, применительно к Забайкалью, от этого никуда не деться. Проблема заключается в том, что в отличие от всей Сибири, только в Забайкалье в течение всего 1917 года и даже в начале 1918 года не было ни одной самостоятельной большевистской организации. Причины этого феномена проанализированы и получили объективную оценку в российской историографии [10]. При этом исследователи акцентируют внимание на том, что даже на Втором съезде Центросибири (февраль 1918 г.) Забайкалье представляли не большевики, а внефракционные социал-демократы, стоявшие на позициях газеты «Новая жизнь» [12]. Более того, все собрания, съезды, совещания различных уровней, состоявшиеся в Забайкалье в ноябре-декабре 1917 года, осудили Октябрьский переворот и потребовали создания «однородного социалистического правительства» [3]. Поэтому не совсем правомерно говорить о непрочности положения, хотя и просуществовавшего всего полтора месяца, областного Народного Совета, созданного в конце декабря 1917 года и сосредоточившего в своих руках всю полноту власти [9, с. 20]. На наш взгляд, учебному пособию следовало сделать акцент именно на специфике региона. В то же время авторы издания справедливо подчёркивают, что установление советской власти и большевизация Советов была осуществлена только благодаря возвращавшимся с фронта забайкальским казакам. В то же время они не закрывают глаза и на

проблемы, существовавшие в 1-й Забайкальской казачьей дивизии в лице авантюриста у власти, вахмистра М. В. Янькова [9, с. 29–30]. Вообще проблема «Авантюристы у власти» традиционно волнует умы и научной общественности, и творческой интеллигенции [15] и потому забайкальский авантюрист и его время могли бы стать предметом специального исследования.

Важным разделом первой главы стало освещение военного противоборства красных и белых в 1918 году, где основными сюжетами стали Забайкальский (Даурский фронт), Особый Маньчжурский отряд, чехословацкий мятеж, падение советской власти и Мадьярский пережат. Все сюжеты опираются на сборники документов и воспоминания атамана Семенова. Хотя их можно было усилить фрагментами из монографии А. М. Романова, посвящённой Особому маньчжурскому отряду [14]. Раздел персонифицирован лишь двумя биографиями «красных» – С. Г. Лазо и Д. С. Шилова. Это заметно оживляет повествование. В то же время возникает потребность персонификации и биографиями «белых» – капитана Р. И. Гайда и подполковника А. Н. Пепеляева, которые как раз и сформировали антисоветский Восточный фронт.

Наиболее информационно насыщен третий раздел главы, характеризующий политическую обстановку в Сибири, становление диктатуры атамана Семенова и установление белого террора, а также партизанское движение. Авторы пособия уделили внимание деятельности Директории на этапе «демократической контрреволюции» и колчаковскому перевороту, диктатуре атамана Семенова, иностранной интервенции. Все эти сюжеты опираются на мемуарику, ставшую классикой: Дж. Уоррд, А. Будберг, У. Грэвс. Особое внимание авторы уделили проблеме «атаманщины» и затянувшимся противоречиям между адмиралом А. В. Колчаком и атаманом Г. М. Семеновым, а также расследованию сути этих противоречий, осуществлённых генералом Г. Е. Катанаевым. На наш взгляд, эту страницу истории белого дела следовало проиллюстрировать воспоминаниями самого генерала, который, кроме своих военных заслуг, широко известен как историк сибирского казачества [8]. Важным сюжетом исследования стало партизанское движение, свойственное только Забайкалью, в форме «лесных коммун», где особенно выделялась Алтагачанская коммуна [9, с. 61–62], может быть, следовало уделить большее внимание этому сюжету, ибо «лесные коммуны» – это

островки советской власти, ставшие фундаментом будущего массового партизанского движения, объединившегося в Восточно-Забайкальский партизанский фронт. Коммуны стали массовым явлением, формировались из числа рабочих, зачастую имели руководителей из числа коммунистов и связь с большевистским подпольем.

Впечатляет подраздел «Белый террор» [9, с. 54–58], в котором подробно и скрупулёзно, в хронологической последовательности подводятся трагические итоги белой государственности. На наш взгляд, эту трагедию можно было проиллюстрировать воспоминаниями семеновского офицера Н. П. Даурца [4] и воспоминаниями спасшегося из семеновских застенков Ф. Зайцева [6], что ещё более усилило бы его. Раздел прекрасно иллюстрирован и событийно, и портретами участников трагических событий, как красных, так и белых. К сожалению, при столь яркой портретной галерее, в разделе помещено лишь две биографических справки – на депутата II и IV Государственных Дум и на соратника атамана Семенова С. А. Таскина и командующего Восточно-Забайкальским партизанским фронтом П. Н. Журавлева.

В разделе имеется ещё один сюжет, который диссонирует с идеей белой государственности – «От идеи панмонголизма к “Великой Монголии”». Дело в том, что идея панмонголизма, панмонгольское движение и панмонгольская идеология – это сложный и драматический процесс, прошедший несколько этапов своего развития, имеющий свою историю, своих адептов и противников. У авторов учебного пособия он рассмотрен в несколько упрощённом виде, скорее, как привязка или приложение к политике атамана Семенова. И потому, в контексте исследования феномен панмонголизма выглядит инородным телом. Что же касается воззрений Ц. Жамцарано на эту проблему [9, с. 66], то он высказывал идею «культурного панмонголизма», что не имеет ничего общего с политической составляющей этого феномена и уж тем более с воззрениями атамана Семенова [5].

Вторая глава – «Выбор пути: диктатура, демократическая республика, власть Советов (1920–1922 годы)» – посвящена проблеме государственного строительства: белая государственность и ДВР как буферное государство. Поэтому не случайно авторы работы выходят за территориальные границы Забайкалья – в Монголию и на Дальний Восток. В этой связи пособие из исследования регионального выходит на уровень общероссий-

ский и межгосударственный. В главе, наряду с документами, газетным материалом и воспоминаниями, помещены редкие антибольшевистские плакаты и образцы семеновских денег.

Наиболее подробно представлен материал по истории Дальневосточной республики (ДВР): успехи, трудности, разногласия позиций Сиббюро ЦК РКП(б), Сибревкома и Дальбюро РКП(б) в отношении ДВР, позиция атамана Семенова в связи с созданием «буфера», японская эвакуация и, наконец, исход белого движения.

Отдельным сюжетом в учебном пособии представлены особенности государственного строительства ДВР и принятия демократической Конституции, военной, экономической и национальной политики. И хотя сюжет также иллюстрирован фотографиями и документами, тем не менее, этому разделу в большей мере присущ исследовательский и аналитический аспект. Особенно это касается сравнительно-исторического анализа сути демократической Конституции и деятельности большевиков, для которых основным законом стала не Конституция ДВР, а тезисы ЦК РКП(б) о ДВР, которые исключали саму идею буржуазного парламентаризма [9, с. 101–102]. Это привело в декабре 1921 года к разрыву коалиции большевиков с другими политическими партиями.

Что касается национальной политики ДВР, то авторы существенно обеднили раздел, сосредоточив своё внимание лишь на деятельности Бурнаревского и создании Бурят-Монгольской автономной области [9, с. 11–17]. Между тем, ДВР являлась многонациональным государством, на обширной территории которой проживали наряду с русскими, составлявшими основную массу населения, многочисленные группы пришлых этнических меньшинств: украинцы, корейцы, китайцы, евреи, татары, выходцы из Прибалтики и др. И в этой связи особого внимания заслуживает деятельность первого министра по национальным делам ДВР К. Я. Лукса [13], чей опыт, знания, понимание всей глубины проблемы заслуживают восхищения.

Несомненный интерес представляет материал о событиях в Монголии, связанный с деятельностью «императора пустыни» барона Унгерна. И хотя материал получил широкое отражение в отечественной историографии, но читатель, на которого рассчитано пособие, получит полное представление о реальной опасности, которую представлял мятежный барон и для советской власти, и

для монгольской революции. На наш взгляд, для большей иллюстративности раздела, авторам можно было бы воспользоваться документами и мемуарами о бароне Унгерне [1].

Третья глава – «Просвещение и культура на переломе эпох» – несколько выбивается из сложившейся схемы, когда работы по революционной тематике традиционно охватывают вопросы борьбы и побед, военных действий, государственного, партийного и национального строительства. Поэтому авторам пособия удалось преодолеть стереотип и представить читателю свежий и прекрасно иллюстрированный материал об образовании, науке и краеведении, музейном деле, культурной жизни, прессы власти и оппозиции, литературном творчестве, детских и молодёжных движениях, спортивной жизни Забайкалья в 1917–1922 годах.

Как и всякое издание, рецензируемое учебное пособие не свободно от недостатков. Основным недостатком следует считать территориальные рамки исследования. В заявленный период 1917–1922 годов Забайкалье – это крупная административно-территориальная единица, охватывающая современные Республику Бурятия и Забайкальский край. Между тем, авторы пособия сосредоточили своё исследование на Восточном Забайкалье (современная территория Забайкальского края), что необходимо было отразить в названии исследования, либо объяснить таковой подход во введении. Кроме того, при таком подходе деятельность лидеров бурятского национального движения, о которых упоминают авторы пособия, да и «идеи панмонголизма» теряют социальную базу и существуют как бы выдернутыми из контекста исторических событий. Не претендуя на глубину анализа и введения в научный оборот новых документов, авторы, тем не менее, иногда не осведомлены о новейшей литературе по проблеме революции и Гражданской войны в Забайкалье, используя в основном лишь наработки 50–70-х годов, а в отдельных разделах – 30–40-х годов XX века. Кроме того, существенный крен сделан на исследования земляков-забайкальцев, что существенно обедняет научную составляющую издания.

Между тем российская историография последних 10–15 лет существенно пополнилась новыми исследованиями по истории Забайкалья [7], в том числе и историографического характера [11], что позволило заявленной проблематике выйти за рамки локального исследования и сделать его достоянием научной общественности не только России, но и США, Японии, Монголии, Китая и Тайваня. Особенно это касается деятельности забайкальского атамана Г. М. Семенова.

Тем не менее, учебное пособие является, несомненно, адресным изданием и уже имеет своего читателя. Особенно хочется отметить фотодокументы, которые атрибутированы и очень удачно иллюстрируют событийный ряд. Надеемся, что в творческих планах авторов есть стремление подготовить и издать фотоальбом, посвящённый событиям революции и Гражданской войны в Забайкалье, который, несомненно, украсит любую библиотеку и вызовет устойчивый интерес к истории региона у молодого читателя.

И ещё один тезис, который, быть может, является квинтэссенцией рецензируемого учебного пособия. Дело в том, что с момента краха социалистической идеи начали срабатывать механизмы забывания прошлого. Сегодня это серьёзная проблема. Не случайно в исследовании английского психолога П. Коннертона рассматривается проблема забывания как сознательная стратегия манипуляции памятью [16]. В. Ю. Башкуев справедливо полагает, что «этот феномен проявляется параллельно с мифологизацией прошлого: из небытия сознательно извлекаются яркие и мощные образы, на которых строится новая привлекательная идентичность; все ассоциации со слабостью, чувствами стыда и вины намеренно стираются из общественного дискурса и памяти» [2]. Так вот, авторы и по фактуре материала, и по жанру исследования, и по аудитории, на которую рассчитано учебное пособие, смогли найти противоядие «механизму забывания». И в этой связи хочется поздравить авторов учебного пособия А. В. Константинова и Н. Н. Константинову с несомненным успехом и пожелать новых свершений на благо Забайкальского края, исторической науки и благодарных читателей.

Список литературы

1. Барон Унгерн в документах и мемуарах / сост. и ред. С. Л. Кузьмин. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2004. 661 с.
2. Башкуев В. Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.) / науч. ред. Л. В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2016. 436 с.

3. Борьба за власть Советов в Бурят-Монголии: сб. документальных материалов / под ред. П. Т. Хаптаева. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское кн. изд-во, 1957. 302 с.
4. Даурец Н. П. Семеновские застенки (записки очевидца). Харбин: Маяк, 1921. 77 с.
5. Жамцарано Ц. Бурятское народническое движение и его критик // Сибирские вопросы: периодический сб. СПб.: В. П. Сукачев, 1907. № 21. С. 16–21; № 23. С. 17–20; № 24. С. 15–20; № 25. С. 15–21.
6. Зайцев Ф. В вагоне смерти (воспоминания спасшегося). Владивосток: Дальиспарт, 1924. Кн. 2.
7. Иванов А. А., Кальмина Л. В., Курас Л. В. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920-е гг.) / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2012. 300 с.
8. Катанаев Г. Е. На заре сибирского самосознания: воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска / ред. А. Л. Посадсков. Новосибирск: Изд-во ГПНТБ СО РАН, 2005. 368 с.
9. Константинов А. В., Константинова Н. Н. История Забайкалья (1917–1922 годы): учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2016. 192 с.
10. Курас Л. В. Борьба за власть Советов в Восточной Сибири. Советская историография борьбы большевиков Восточной Сибири за власть Советов (вторая половина 50-х – 80-е годы). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. 143 с.
11. Октябрьская революция и Гражданская война в Западном Забайкалье: отечественная историография и источники личного происхождения / Л. В. Курас [и др.]; науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2008. 203 с.
12. Подвиг Центросибири. 1917–1918: сб. документов / науч. ред., вступ. ст., подстр. прим. В. Т. Агалаков. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986. 480 с.
13. Раднаева С. Б. Основные направления деятельности первого министра по национальным делам Дальневосточной республики Карла Яновича Лукса // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. 2009. Вып. 39, № 10. С. 51–56.
14. Романов А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова / науч. ред. И. В. Наумов. Иркутск: Оттиск, 2013. 324 с.
15. Савченко В. А. Авантюристы Гражданской войны: историческое расследование. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. 368 с.
16. Connerton P. Seven Types of Forgetting // Memory Studies. 2008. No. 1. P. 59–71.

Статья поступила в редакцию 11.05.2017; принята к публикации 30.05.2017

Библиографическое описание статьи

Курас Л. В., Ванчикова Ц. П. События, «которые потрясли мир». Рецензия на книгу А. В. Константинова, Н. Н. Константиновой «История Забайкалья (1917–1922 годы)» // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 216–221.

Leonid V. Kuras,

*Doctor of History, Professor,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 6670041, Russia),
e-mail: kuraslv@yandex.ru*

Tsymzhit P. Vanchikova,

*Doctor of History, Professor,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670041, Russia),
e-mail: vanchikova_ts@mail.ru*

The Tragic Events that “Have Shaken the World”.

Review A. V. Konstantinov, N. N. Konstantinova “History of Transbaikal Region (1917–1922)”

In the article, the manual written for the mass reader containing historical events of the period of revolution and the civil war in Transbaikal region is revised. The publication, in accordance with the declared genre, presents factual material revealing the series of events and especially historical events peculiar for the region. Among them are: a special role of the revolutionary Cossacks in establishment of the Soviet power, the atamans movement, influence of the Japanese intervention on events of the Civil War, “forest communes” and the mass nature of the guerrilla movement, creation of the “buffer” Far Eastern republic. The text is well personified, logic of presentation corresponds to the course of historical events. Factual material alternates with inserts from the memoirs of “red” and “white” participants of the events, archival sources from documentary collections, newspaper publications of

1917–1922. The publication also provides biographical information of the personalities who played a key role in the tragic events that “have shaken the world”. In addition, the manual is perfectly illustrated with photographs of participants, and the events of those years.

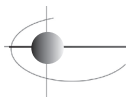
References

1. Baron Ungern v dokumentakh i memuarakh / sost. i red. S. L. Kuz'min. M.: Tovarishchestvo nauch. izd. KMK, 2004. 661 s.
2. Bashkuev V. Yu. Rossiiskaya meditsina i mongol'skii mir: istoricheskii opyt vzaimodeistviya (konets XIX – pervaya polovina XX vv.) / nauch. red. L. V. Kuras. Irkutsk: Ottisk, 2016. 436 s.
3. Bor'ba za vlast' Sovetov v Buryat-Mongolii: sb. dokumental'nykh materialov / pod red. P. T. Khaptaeva. Ulan-Ude: Buryat-Mongol'skoe kn. izd-vo, 1957. 302 c.
4. Daurets N. P. Semenovskie zastenki (zapiski ochevidtsa). Kharbin: Mayak, 1921. 77 c.
5. Zhamtsarano Ts. Buryatskoe narodnicheskoe dvizhenie i ego kritik // Sibirskie voprosy: periodicheskii sb. SPb.: V. P. Sukachev, 1907. № 21. S. 16–21; № 23. S. 17–20; № 24. S. 15–20; № 25. S. 15–21.
6. Zaitsev F. V vagone smerti (vospominaniya spasshegosya). Vladivostok: Dal'ispart, 1924. Kn. 2.
7. Ivanov A. A., Kal'mina L. V., Kuras L. V. Zabaikal'skaya periferiya na perelome epokh (1880–1920-e gg.) / otv. red. B. V. Bazarov. Irkutsk: Ottisk, 2012. 300 s.
8. Katanaev G. E. Na zare sibirskogo samosoznaniya: vospominaniya general-leitenanta Sibirskogo kazach'ego voiska / red. A. L. Posadskov. Novosibirsk: Izd-vo GPNTB SO RAN, 2005. 368 s.
9. Konstantinov A. V., Konstantinova N. N. Istoriya Zabaikal'ya (1917–1922 gody): ucheb. posobie. Chita: ZabGU, 2016. 192 s.
10. Kuras L. V. Bor'ba za vlast' Sovetov v Vostochnoi Sibiri. Sovetskaya istoriografiya bor'by bol'shevikov Vostochnoi Sibiri za vlast' Sovetov (vtoraya polovina 50-kh – 80-e gody). Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1991. 143 s.
11. Oktyabr'skaya revolyutsiya i Grazhdanskaya voina v Zapadnom Zabaikal'e: otechestvennaya istoriografiya i istochniki lichnogo proiskhozhdeniya / L. V. Kuras [i dr.]; nauch. red. B. V. Bazarov. Ulan-Ude: VSGAKI, 2008. 203 s.
12. Podvig Tsentrosibiri. 1917–1918: sb. dokumentov / nauch. red., vstup. st., podstr. prim. V. T. Agalakov. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1986. 480 s.
13. Radnaeva S. B. Osnovnye napravleniya deyatel'nosti pervogo ministra po natsional'nym delam Dal'nevostochnoi respubliky Karla Yanovicha Luksa // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. 2009. Vyp. 39, № 10. S. 51–56.
14. Romanov A. M. Osobyi Man'chzhurskii otryad atamana Semenova / nauch. red. I. V. Naumov. Irkutsk: Ottisk, 2013. 324 s.
15. Savchenko V. A. Avanturyisty Grazhdanskoi voiny: istoricheskoe rassledovanie. Khar'kov: Folio; M.: ACT, 2000. 368 s.
16. Connerton P. Seven Types of Forgetting // Memory Studies. 2008. No. 1. P. 59–71.

Received: May 11, 2017; accepted for publication May 30, 2017

Reference to the article

Kuras L. V., Vanchikova Ts. P. The Tragic Events that “Have Shaken the World”. Review A. V. Konstantinov, N. N. Konstantinova “History of Transbaikal Region (1917–1922)” // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 216–221.

УДК 94(41/99)(571.55)

Виктор Иванович Мерцалов,
доктор исторических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30),
e-mail: mercalov47@mail.ru

**Экономическое развитие Западного Забайкалья
в свете исторической концепции модернизации
(монография «Экономика в региональном “интерьере”: Западное
Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг.»)**

В рецензии даётся характеристика коллективной монографии историков Улан-Удэ и Москвы «Экономика в региональном “интерьере”: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг.», посвящённой решению одной из сложных проблем современной исторической науки – процессу смены типов индустриализации страны. Материалы о городской промышленности и экономическом развитии Западного Забайкалья рубежа XIX–XX веков свидетельствуют об отсутствии предпосылок у региона для самостоятельного перехода к крупномасштабному промышленному перевороту. Он развернулся с началом железнодорожного строительства, осуществлённого государством, учитывавшим геополитическое положение региона. Рост влияния этого фактора обусловил его вступление в индустриальную эпоху. Развёрнуто и многосторонне рассматривается промышленное развитие Западного Забайкалья в период НЭПа. В исследовании делается вывод о бесперспективности НЭПа для проведения форсированной индустриализации региона в условиях назревавшей угрозы мировой войны. В последней главе раскрывается сложный процесс индустриализации, сопряжённый с крутой ломкой традиционного хозяйства русского крестьянства и бурятов, с острой нехваткой в регионе рабочей силы и квалифицированных промышленных кадров, с формированием новой трудовой дисциплины. Показаны механизм управления и способы решения сложных проблем индустриализации Западного Забайкалья, освещены её итоги с выдающимися достижениями и последствия с противоречиями, которые в масштабах страны привели в конечном итоге к распаду советской державы. Представленная монография, глубокая по содержанию, вносит заметный вклад в региональную реконструкцию исторического прошлого России периода конца XIX – 30-х годов XX века.

В иркутском издательстве «Оттиск» вышло историческое исследование об экономической модернизации в Западном Забайкалье [3]. В нём освещается на материалах региона одна из сложнейших проблем современной исторической науки – процесс смены типов индустриализации страны. Монография подготовлена коллективом историков в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» – проект 33.2.2. Авторский коллектив составили доктор исторических наук Л. И. Бородкин – руководитель Центра экономической истории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, М. Н. Балдано, Л. В. Кальмина (рук. проекта), А. М. Плеханова – сотрудники Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН и Т. В. Паликова – доцент Бурятского государственного университета. Отметим, что как развёрнутое исследование достаточно крупного региона оно в рамках российской историографии является наиболее полным на данный момент. Его появлению способство-

вала высокая концентрация региональных исследований в Бурятии по периоду второй половины XIX века и по всему советскому периоду. За плечами авторов монографии – исследования таких крупных научных проблем, как социально-экономическое и культурное развитие городов Забайкалья второй половины XIX – начала XX века, экономическое развитие Западного Забайкалья в 1880–1910-е годы, социально-экономическое развитие Бурятии в 1920-е годы, индустриальное развитие Бурятии в советский период [1; 2; 8; 9]. По существу, каждый из авторов закрывал своими исследованиями крупный период, которые выстраивались в один ряд, позволяющий проследить преемственность исторического развития в Забайкальском регионе в эпоху дореволюционного развития и постреволюционных трансформаций.

Сам исследуемый период – 80-е годы XIX века – 30-е годы XX века – чрезвычайно сложный. Он не отличается однотипной непрерывностью исторического процесса, а напротив, включает в себя радикальный слом всего предшествующего развития и

скачкообразный переход к индустриализации в общенациональном масштабе страны. Наиболее подходящим теоретическим подходом для его осмысления стала концепция модернизации. Она даёт возможность проследить глубинную преемственность исторического процесса, несмотря на очевидное качественное отличие дореволюционного и советского периодов российской истории. Общий замысел авторов монографии заключался в том, чтобы «показать особенности модернизационных процессов в регионе, продиктованные географическими условиями, геополитической ролью и национальной спецификой, ставшими причиной неодинаковой степени вовлечённости в модернизационные процессы не только отдельных отраслей экономики, но даже и разных групп населения» [3, с. 5].

В качестве вступительной главы в монографии выступает раздел, написанный Л. И. Бородкиным, специалиста в области применения математических методов в истории и изучения так называемой «лагерной экономики» (экономики принудительного труда). Глава называется «Два этапа индустриализации России: к вопросу о темпах промышленного роста и его источниках». Первый этап индустриализации – дореволюционный – раскрывается в дискуссионном ракурсе главным образом на основе монографического исследования Л. Б. Кафенгауза «Эволюция промышленного производства с 1887 по 1926/1927 гг.», подготовленного к печати ещё в 1930 году, но увидевшего свет только в 1994 году [6]. Второй этап – советский. Этот раздел представлен характеристикой ГУЛага и анализом его системы организации труда в 1930-е годы («ранний ГУЛаг» – по периодизации Л. И. Бородкина). Период перехода российской экономики от дореволюционного этапа к советскому в главе не рассматривается, а остаётся свободным для исследования. Хотя первая глава своим общероссийским охватом выходит далеко за региональные пределы монографического исследования, она отмеченными особенностями рельефно очерчивает хронологический и проблемный каркас монографии.

В изложении авторов модернизация в экономике раскрывается как процесс индустриализации, который воплощается на первом этапе в промышленном перевороте. Вторая и третья главы (авторы Т. В. Паликова и Л. В. Кальмина) как раз посвящены выявлению его проявлений и определению степени его распространения. Они рассматриваются на основе материалов городской экономики

(последняя четверть XIX – начало XX в.), а за её пределами на материалах «традиционных» отраслей промышленности – золотодобычи, а также преимущественно мукомольного и винокуренного производств (1860–1890-е гг.). В целом в этих главах всесторонне показан доиндустриальный характер промышленного производства и торговли. В итоге становится ясно, что проявления промышленного переворота к моменту начала строительства Забайкальской железной дороги носили точечный, единичный характер (в монографии – «точечная» модернизация). Вместе с этим прослеживается количественный рост кустарного, ремесленного производства. Характерно, что городская промышленность региона, сосредоточенная в немногих городах, не имела доминирующего значения, а преобладала промышленность округов. Золотодобыча, которая превратилась в одну из крупных производственных отраслей, сохраняла преимущественно кустарный характер, как в принципе мукомольное и винокуренное производства, считавшиеся в то время в техническом отношении наиболее продвинутыми. Торговля оставалась более доходным делом, чем промышленная деятельность. У читателя в целом складывается понимание, что регион был на дальних подступах к масштабному промышленному перевороту и для индустриализации собственными силами достаточных предпосылок он не имел.

Выясняются причины такого отставания промышленного развития Забайкалья. Они коренились, прежде всего, в рискованном характере земледелия, с которым самым непосредственным образом была связана доиндустриальная промышленность и в этом отношении достаточно точно названная авторами «сельскохозяйственной» промышленностью, в нехватке инвестиций, в инертности местных предпринимательских кругов и в различных рисках, в том числе исходящих от государственной деятельности.

В обеих главах рассматриваются экономические последствия железнодорожного строительства, которое стало в регионе водоразделом между доиндустриальной и индустриальной эпохой. Достаточно ярко они проявились в торговле и в финансовой сфере. Ярмарки утратили своё значение, вместо них возникли биржи, появилась банковская система. В производственной сфере усилился процесс внедрения машинного оборудования. Усилилась конкуренция, под влиянием которой произошло исчезновение ряда местных производств. Хотя, как показано авторами,

экономический эффект проведения железной дороги не оправдал ожиданий современников, её появление открыло новый этап исторического развития Западного Забайкалья.

При отсутствии в регионе каких-либо предпосылок для проведения крупномасштабного индустриального развития в Западном Забайкалье, авторы в качестве главного условия этого процесса вполне правильно рассматривают геополитический фактор. Этому посвящена целая глава (автор Л. В. Кальмина). Выяснение геополитической роли Западного Забайкалья проливает свет на выбор оптимальных вариантов прокладки железнодорожного пути, в частности, через Верхнеудинск, а также на проектирование железнодорожной ветки Верхнеудинск – Кяхта. Вопрос о приоритетности Читы или Верхнеудинска [см.: 3, с. 128–129] требует дальнейшего исследования. Позиция автора была уточнена в её новых статьях [4, с. 65, 69; 5, с. 70]. Нам представляется, что геополитическая роль Восточного Забайкалья в начале XX века в глазах государства всё-таки сохраняла приоритетное значение [см.: 7, с. 51–52], хотя в политике власти появлялись и новые акценты под влиянием роста геополитического значения Западного Забайкалья. В целом геополитический подход прослеживается во всех основных разделах монографии, отражая одну из главных черт процесса экономической модернизации в регионе.

В пятой главе раскрывается период НЭПа (автор А. М. Плеханова). Он рассматривается как время возобновления модернизации, когда наряду с восстановлением народного хозяйства происходили важные изменения в финансово-банковской системе, торговой и промышленной сферах. Эти области экономической деятельности освещаются развёрнуто и полно, что даёт возможность увидеть, по крайней мере, три важных момента: в период НЭПа в регионе сохранялись и воспроизводились остаточные экономические явления доиндустриальной эпохи, модернизационные изменения оказывались недостаточными. История не отводила времени для полной их реализации в рамках НЭПа. Наконец, происходило устойчивое усиление государственного фактора в экономическом развитии. В конечном итоге автор главы характеризует модернизацию 1920-х годов как

парциальную или частичную, фрагментарную [3, с. 181]. А. М. Плеханова приходит к выводу, что «к концу 20-х годов в условиях надвигающейся опасности мировой войны и неотложной необходимости модернизации производств на территории, заметно отстающей от других регионов РСФСР, рыночный путь промышленной модернизации на рельсах нэповского курса оказался бесперспективным» [3, с. 180]. «Определяя 1920-е гг. как стадию создания предварительных условий...», она заключает, «что модернизационные опыты молодого советского государства, пусть робкие и непоследовательные, обеспечили подготовку и дали старт созданию экономической базы для проведения полномасштабной индустриальной модернизации 1930-х гг., беспрецедентной по темпам, масштабам и результатам» [3, с. 181].

Последняя глава посвящена советской индустриализации в 1930-е годы (автор М. Н. Балдано). В ней показано, что индустриализация в регионе отразила все характерные черты её осуществления в стране, обнаружив ряд особенностей, обусловленных периферийностью территории и экономики, этническим составом и геополитическим положением Западного Забайкалья. Раскрывается сложный процесс индустриализации, сопряжённый с крутой ломкой традиционного хозяйства русского крестьянства и бурят, с острой нехваткой в регионе рабочей силы и квалифицированных промышленных кадров, с формированием новой трудовой дисциплины. Показаны механизм управления и способы решения сложных проблем индустриализации Западного Забайкалья, освещены её итоги с выдающимися достижениями в сравнении с низким стартовым уровнем индустриализации, раскрыты последствия индустриального рывка с противоречиями, которые, добавим от себя, накапливаясь в послевоенный период в масштабах страны, в конечном итоге привели к распаду советской державы.

В целом, на наш взгляд, получилось глубокое и содержательное исследование. Оно вносит заметный вклад в региональную реконструкцию исторического прошлого России периода последней трети XIX века – 30-х годов XX века с выводами и обобщениями, значимыми для исторической науки по исследуемой научной проблеме.

Список литературы

1. Балдано М. Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923–1991): достижения, издержки, уроки. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2001. 431 с.

2. Кальмина Л. В. Экономическое развитие Западного Забайкалья в 1880–1910-е годы // Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920-е гг.) / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2012. С. 104–162.
3. Кальмина Л. В., Балдано М. Н., Плеханова А. А. Экономика в региональном «интерьере»: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг. / под ред. Б. В. Базарова. Иркутск: Оттиск, 2015. 228 с.
4. Кальмина Л. В. Областной и уездный центр в Забайкалье: соревнование бюджетов (1870–1910-е годы) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2016. С. 61–70.
5. Кальмина Л. В. Экономическое соперничество Читы и Верхнеудинска в 1910-е гг.: геополитический вираж // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 68–71.
6. Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). М.: Эпифания, 1994. 848 с.
7. Мерцалов В. И. Забайкалье в геополитическом пространстве Дальнего Востока (1851–1991 гг.) // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: история и современность: материалы междунар. науч. конф. (г. Чита – г. Маньчжурия, 11–15 окт. 2011 г.). Чита, 2011. С. 48–57.
8. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 311 с.
9. Плеханова А. М. Бурятия в 1920-е годы: опыт социально-экономической модернизации. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 441 с.

Статья поступила в редакцию 23.11.2016; принята к публикации 15.01.2017

Библиографическое описание статьи

Мерцалов В. И. Экономическое развитие Западного Забайкалья в свете исторической концепции модернизации (монография «Экономика в региональном «интерьере»: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг.») // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 222–226.

Viktor I. Mertsalov,

*Doctor of History, Professor,
Transbaikal State University*

*(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: mercialov47@mail.ru*

Economic Development of Western Transbaikalia in View of the Historical Concept of Modernization (Monograph “Economy in the Regional ‘Interior’ Western Trans- baikalia in the Modernization Process 1880s-1930s”)

The review presents the analysis of the multi-author book by Ulan-Ude and Moscow historians “Economy in the regional ‘interior’: Western Transbaikalia as part of modernization process of 1880s–1930s” which is devoted to solving one of the complex problems of modern historical science, i. e. the process of changing the country’s industrialization type. Data concerning the city industry and the economic development of Western Transbaikalia at the turn of the 20th century provide no evidence of any preconditions for independent transition of the region into a large-scale industrial revolution. It started with the railway construction carried out by the government in view of the specific geopolitical position of the region. The increasing role of this factor stipulated its entry into the industrial era. The industrial development of Western Transbaikalia in the New Economic Policy (NEP) period is given a detailed and all-round study. The research results in the conclusion about the absence of any prospects of the NEP for forced industrialization of the region in the context of the imminent threat of world war. The last chapter reveals the complicated process of industrialization involving drastic changes in traditional Russian peasants’ and buryats’ farming, acute shortage of labor force and skilled industry personnel, emergence of new labor discipline. The study reveals the controlling mechanism and methods of solving complicated problems of Western Transbaikalia industrialization resulting in prominent achievements and covers its consequences and contradictions that at the level of the country led eventually to the collapse of the Soviet power. The book presents an in-depth study and contributes noticeably to reconstructing the historic past of Russia from the early 19th century till the 1930s.

References

1. Baldano M. N. Industrial’noe razvitie Buryatii (1923–1991): dostizheniya, izderzhki, uroki. Ulan-Ude: VSGAKI, 2001. 431 s.
2. Kal'mina L. V. Ekonomicheskoe razvitie Zapadnogo Zabaikal'ya v 1880–1910-e gody // Zabaikal'skaya periferiya na perelome epokh (1880–1920-e gg.) / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2012. С. 104–162.

3. Kal'mina L. V., Baldano M. N., Plekhanova A. A. *Ekonomika v regional'nom «inter'ere»: Zapadnoe Zabaikal'e v modernizatsionnykh protsessakh 1880–1930-kh gg.* / pod red. B. V. Bazarova. Irkutsk: Ottisk, 2015. 228 s.
4. Kal'mina L. V. *Oblastnoi i uezdnyi tsentr v Zabaikal'e: sorevnovanie byudzhетov (1870–1910-e gody)* // Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik. 2016. С. 61–70.
6. Kal'mina L. V. *Ekonomicheskoe sopernichestvo Chity i Verkhneudinska v 1910-e gg.: geopoliticheskii vi-rakh* // Region v prigranichnom prostranstve: materialy mezhdunar. nauch. konf.: v 2 ch. Ch. 2. Chita: ZabGU, 2016. С. 68–71.
7. Kafengauz L. B. *Evolutsiya promyshlennogo proizvodstva Rossii (poslednyaya tret' XIX v. – 30-e gody XX v.)*. M.: Epifaniya, 1994. 848 s.
8. Mertsalov V. I. *Zabaikal'e v geopoliticheskom prostranstve Dal'nego Vostoka (1851–1991 gg.)* // Prigranichnoe sotrudnichestvo i vneshneekonomicheskaya deyatel'nost': istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf. (g. Chita – g. Man'chzhuriya, 11–15 okt. 2011 g.). Chita, 2011. S. 48–57.
9. Palikova T. V. *Goroda Zabaikal'ya vtoroi poloviny XIX– nachala XX v. (sotsial'noe, ekonomicheskoe, kul'turnoe razvitie)*. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2010. 311 s.
10. Plekhanova A. M. *Buryatiya v 1920-e gody: opyt sotsial'no-ekonomicheskoi modernizatsii*. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2011. 441 s.

Received: November 23, 2016; accepted for publication January 15, 2017

Reference to the article

Mertsalov V. I. Economic Development of Western Transbaikalia in View of the Historical Concept of Modernization (Monograph “Economy in the Regional ‘Interior’ Western Transbaikalia in the Modernization Process 1880s-1930s”) // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 222–226.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

УДК 908(571.55)

Совнархозовская реформа 1957–1965 годов и история Забайкалья в исследованиях доктора исторических наук В. И. Мерцалова (к 70-летию юбилею)

Виктор Иванович Мерцалов известен историческому сообществу как серьёзный исследователь проблемы реформирования управления промышленностью и строительством в 1957–1965 годах. Эта актуальная для современной России тема стала предметом рассмотрения в его докторской диссертации, многочисленных монографиях и научных статьях. Благодаря Виктору Ивановичу впервые в отечественной историографии были использованы неопубликованные к началу XXI века стенографические отчёты Пленумов ЦК КПСС и протоколов Бюро ЦК по РСФСР.

*Виктор Иванович Мерцалов, доктор исторических наук, профессор
Victor Ivanovich Mertsalov, Doctor of History, Professor*

Виктор Иванович Мерцалов – не только известный учёный, но и педагог, Почётный работник высшего профессионального образования РФ. Его научно-педагогическая деятельность велась в трёх вузах Читы – в Читинском государственном педагогическом институте (ЧГПИ) с 1970 по 1992 год, Читинском институте (филиале) Байкальского государственного университета экономики и права (БГУЭП ныне БГУ) с 1992 по 2010 год, где

он работал не только преподавателем, но и заместителем директора института по воспитательной работе. С 2010 года и по настоящее время он является профессором кафедры отечественной истории Забайкальского государственного университета.

В сборнике Всероссийской научно-практической конференции преподавателей высших учебных заведений России (г. Москва, 22–23 сент. 2016 г.) опубликованы его труды

по объёму преподавания и структуре оглавления учебника «История»¹. Небезразличие к специфике преподавания истории побудило Виктора Ивановича обосновать предложение по рассмотрению истории России в учебном курсе как естественно-исторического процесса, призванного формировать у студентов конструктивное отношение ко всем периодам Отечественной истории, включая советский период и современность².

В далёких 1995–1996 годах В. И. Мерцалов приступает к работе над новой темой докторской диссертации. Учитывая уже ранее собранный им архивный материал, Виктор Иванович решил исследовать историю государственного управления экономикой в послевоенный период. В дальнейшем это и предопределило выход на изучение совнархозовской реформы.

По теме своего исследования он консультировался у крупных учёных: доктора наук Института истории и археологии СО РАН И. И. Комогорцева, доктора исторических наук Института Российской истории РАН Ю. А. Полякова, профессора Иркутского государственного педагогического института иностранных языков А. Е. Погребенко. Профессор А. Е. Погребенко проявил искреннее неравнодушие к исследованию В. И. Мерцалова и на защите диссертации выступил в качестве научного консультанта.

Монография (2000 г.) и диссертация (2001 г.) В. И. Мерцалова пробудили общественный интерес к проблеме совнархозов. В них раскрывается происхождение и эволюция совнархозовской реформы³.

Исследование по теме проводилось на новом региональном материале и на изучении неопубликованных к началу 2000-х годов стенографических отчётов Пленумов ЦК КПСС и протоколов Бюро ЦК по РСФСР. Данные архивные документы раскрывали основ-

ные сюжеты созревания реформы, возникновение её идеи у политического руководства страны. На материалах Восточной Сибири были выявлены основные тенденции в развитии совнархозов, выяснена обусловленность реорганизации территориальных партийных организаций в 1963 году, связанная с неудачей проведения совнархозовской реформы. Был сделан вывод о саморазрушительных тенденциях в развитии системы управления и её неререформированности.

Работа В. И. Мерцалова заинтересовала профессора М. П. Рачкова, который работал над геополитическим обоснованием создания Байкальского региона⁴. Появились статьи в газете «Восточно-Сибирская правда» с постановкой вопроса о применимости опыта совнархозов в современных условиях⁵. Однако сам автор монографии к прямому использованию опыта совнархозов отнёсся сдержанно. В 2003 году он опубликовал статью «Организационное развитие Восточно-Сибирского экономического района: история и современные проблемы». В ней он писал, что предложение о «втором издании» совнархозов требует более внимательного отношения. «Главный его недостаток заключается в том, – писал В. И. Мерцалов, – что, будучи логически развито, оно подводит к выводу о том, что субъекты федерации должны быть укрупнены. Например, действующие в Восточно-Сибирском экономическом районе субъекты федерации в перспективе должны слиться в один субъект – Восточно-Сибирский край. Это не только противоречит современной конституции, но является в сравнении с 1963–1965 гг. ещё более радикальным ограничением реально существующих интересов в регионе»⁶.

В 2015 году вышла вторая монография В. И. Мерцалова «Происхождение и эволюция реформы управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг.», которая также вызвала неподдельный интерес научного сообщества¹.

¹ Мерцалов В. И. Предложения по объёму преподавания и структуре оглавления учебника «История» для бакалавриата и специалитета неисторического профиля (идентификатор мониторинга: 123970259324864) // Сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. преподавателей высших учебных заведений России. 2016. – М.: Академия исторических наук, 2016. – С. 58–63.

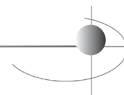
² Мерцалов В. И. О концепции учебника «История» // Сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. преподавателей высших учебных заведений России. 2016. – М.: Академия исторических наук, 2016. – С. 125–131.

³ Мерцалов В. И. Реформа хозяйственного управления 1957–1965 гг.: предпосылки, ход, итоги (на материалах Восточной Сибири). – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. – 266 с.; Мерцалов В. И. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. (на материалах Восточной Сибири): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2001. – 471 с.

⁴ Рачков М. П. Байкальский регион как историческая площадка России в начале III тысячелетия // Вестник ИГЭА. – 2001. – № 1. – С. 99–102.

⁵ Киселев Д. Управление в стиле ретро? // Восточно-Сибирская правда. – 2001. – 24 марта; Киселев Д. Управление в стиле ретро: продолжение темы (проблемы управления и исторический опыт) // Восточно-Сибирская правда. – 2001. – 26 апр.

⁶ Мерцалов В. И. Организационное развитие Восточно-Сибирского экономического района: история и современные проблемы // Проблемы развития экономики и социальной сферы: материалы III Внутривузовской науч.-практ. конф. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. Ч. 1. – С. 39–46.

Между тем научные интересы учёного не замыкаются только на данной теме. В начале 2000-х годов защита докторской диссертации совпала с разработкой проекта «Забайкальская энциклопедия». Курировал работу первый губернатор Читинской области, а затем Забайкальского края Р. Ф. Гениатулин, возглавил проект профессор М. В. Константинов.

В. И. Мерцалов принял участие в работе над третьим и четвёртым томами, написав ряд обобщающих статей: «Промышленный переворот», «Революция 1905–1907», «Читинская республика», «Октябрьская революция 1917», «Советская власть», «Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», «Советы депутатов трудящихся», «Советы народных депутатов», «Индустриализация», «Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965». Участие в проекте Забайкальской энциклопедии способствовало появлению новых научных интересов Виктора Ивановича.

В книгах альбомной серии о Нерчинске, Сретенске, Нерчинском заводе В. И. Мерцалов рассматривал периоды Гражданской войны, 1920-х годов, довоенных пятилеток, Великой Отечественной войны и послевоенного времени.

Также в сферу его научно-исследовательских приоритетов вошёл и досоветский период истории. Отправной точкой послужила статья «Возникновение Читы как исторического центра Забайкалья (1653–1851 гг.)»².

В. И. Мерцалов участвовал в реализации ряда проектов Государственного архива

Забайкальского края по изданию документов. В 2005 и 2015 годах он был редактором двух сборников документов – «Читинская область в годы Великой Отечественной войны» и «Чита в годы Великой Отечественной войны». Опубликовал ряд статей об экономическом положении Читинской области в 1937–1945 годах и в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)³.

За участие в проекте «Энциклопедия Забайкалья» В. И. Мерцалов неоднократно отмечался благодарственными письмами губернаторов Забайкальского края Р. Ф. Гениатулина и К. К. Ильковского, был награждён памятной медалью «За вклад в создание энциклопедии».

Сегодня Виктор Иванович – мудрый наставник для молодых учёных-аспирантов. С 2004 по 2012 год он – член диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по политическим и социологическим наукам при ЗабГУ. Известного и принципиального учёного приглашают на защиты в качестве официального оппонента в Иркутский государственный университет, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Жизнь учёного – сложный путь, с чередой успехов и неудач и вечным поиском истины и новых открытий. Но, как говорил в своё время Карл Маркс (работы которого были предметом ранних исследований В. И. Мерцалова): «те счастливы, что могут отдать научным задачам, сами первые должны отдавать свои знания на службу человечеству», что в полной мере соответствует научному выбору жизненной дороги Виктора Ивановича Мерцалова.

Материал подготовлен редакцией журнала

The Sovnarkhoz Reform of 1957–1965 and History of Transbaikalia in Research of V. I. Mertsalov, Doctor of History (to the 70th Birthday Anniversary)

Victor Ivanovich Mertsalov is known to the historical community as a serious researcher of the problem of reforming of industrial and construction management in 1957–1965. This subject, which is urgent for modern Russia became a subject matter in his doctoral dissertation, numerous monographs and scientific articles. Thanks to Victor Ivanovich, verbatim records of the Plenums of the Central Committee of the CPSU and protocols of the Central Committee Bureau for the RSFSR which had not been published by the beginning of the 21st century were used for the first time in Russian historiography.

¹ Казарин В. Н. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 годов: итоги и уроки // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2016. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. – С. 604–614.

² Мерцалов В. И. Возникновение Читы как исторического центра Забайкалья (1653–1851 гг.) // Чита историческая: сб. науч. ст. / отв. ред. М.В. Константинов, А. И. Лыцусь; Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2007. – С. 11–18.

³ Мерцалов В.И. Экономическое положение Забайкалья в годы Великой Отечественной войны // Читинская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сб. документов и материалов / под ред. В.И. Мерцалова. – Чита, 2005. – С. 172–177. – 660 с.

УДК 94(092)

Исследователь истории государственно-конфессиональных отношений в России (к юбилею доктора исторических наук С. В. Васильевой)

Представленная статья посвящена профессиональной биографии доктора исторических наук, доцента кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета Светланы Владимировны Васильевой. В работе раскрыты основные этапы научно-исследовательской, организационной и общественной деятельности юбиляра.

Объектом научного внимания Светланы Владимировны является государственная конфессиональная политика по отношению к представителям древлеправославной церкви на территории Байкальского региона в XVII – начале XXI века. Результатом её научной деятельности стало формирование целостной картины взаимодействия власти и старообрядцев региона, выделение общих и особенных характеристик. Научное видение религиозных процессов стало базовым фактором общественной деятельности Светланы Владимировны, которая является членом совета по взаимодействию с религиозными организациями Администрации Президента (Главы) РБ и Правительства РБ.

Важным направлением научной и общественной деятельности С. В. Васильевой стал проект по увековечиванию памяти жертв политических репрессий, в том числе издание «Книги памяти жертв политических репрессий», проведение конференций, семинаров, тематических акций, в которых проявились организаторские способности Светланы Владимировны.

Светлана Владимировна Васильева

Svetlana Vladimirovna Vasilyeva

27 ноября 2016 года исполнилось 50 лет доктору исторических наук, доценту кафедры всеобщей и отечественной истории, директору научной библиотеки Бурятского государственного университета, исследователю государственной конфессиональной политики, общественному деятелю Светлане Владимировне Васильевой.

С. В. Васильева родилась в с. Бичура Бурятской АССР. В 1967 году семья переехала в Улан-Удэ, где в 1984 году Светлана успешно окончила среднюю школу № 19.

Целеустремлённая, активная, энергичная, она уже в школе отличалась твёрдым характером. Была награждена нагрудным

знаком ЦК ВЛКСМ «За отличную учёбу». В школьные годы определился и выбор будущей профессии, сформировавшийся благодаря глубоким, мудрым размышлениям об исторических судьбах России учителя истории и классного руководителя, заслуженного учителя Республики Бурятия, почётного работника общего образования Российской Федерации, победителя конкурса «Лучший учитель России» Людмилы Владимировны Выдриной.

В 1985 году Светлана Владимировна поступила на исторический факультет Дальневосточного государственного университета (сейчас ДВФУ) в г. Владивостоке, где быстро завоевала авторитет среди однокурсников, а её качества непревзойдённого лидера и активная жизненная позиция по достоинству были оценены жителями округа № 86, избравшими её, студентку 2-го курса, в районный Совет народных депутатов г. Владивостока. Результаты депутатской деятельности Светланы Владимировны (1986–1989 гг.) и поныне приносят пользу жителям округа г. Владивостока.

Обучаясь по специальности «История» в одном из ведущих классических университетов Советского Союза, Светлана Владимировна приобрела навыки работы с историческими источниками, овладела методологией истории, познала логику исторического процесса, что привело её к пониманию значимости научного поиска в истории. С уважаемым педагогом, деканом исторического факуль-

тета ДВГУ (1983–1995 гг.), проректором по науке ДВГУ, а сейчас профессором кафедры отечественной истории и архивоведения Гуманитарной школы ДВФУ Римом Мисбаховичем Самигулиным Светлана Владимировна сохранила научные и личные контакты до настоящего времени. Не без его влияния и доброго совета она решила продолжить начатую в университете научную деятельность.

По окончании вуза весь приобретённый комплекс знаний и умений она успешно применила на практике, работая учителем истории в родной школе, в которой обучала детей шесть лет.

Мечта об исследовательской работе не оставляла её все эти годы, и только в 1996 году с поступлением в аспирантуру Восточно-Сибирского государственного университета технологии и управления по специальности «Отечественная история» она осуществилась. В 2000 году под руководством одного из ведущих учёных Владимира Батомункуевича Базаржапова, профессора кафедры «История России» ВСГУТУ, Светлана Владимировна успешно защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Вероисповедная политика государства и старообрядчество Западного Забайкалья XVII – нач. XX вв.».

Дальнейшая трудовая деятельность Светланы Владимировны связана с Бурятским государственным университетом, куда она была приглашена в 2001 году на кафедру истории Отечества (ныне всеобщей и отечественной истории) и назначена заместителем декана исторического факультета по заочному обучению. В 2005 году она получила учёное звание доцента, а в 2008 году по итогам года признана лучшим доцентом БГУ в номинации «Гуманитарные науки».

Ныне Светлана Владимировна успешно читает курсы лекций студентам-историкам «Источниковедение» и спецкурс «История государственно-конфессиональных отношений», студентам-теологам – «Религия, государство и общество». Читаемые дисциплины значительно дополняют и расширяют границы знаний студентов в рамках базовой дисциплины «История России». Являясь основными направлениями научных изысканий, они демонстрируют оригинальное видение истории взаимодействия российской государственности и церкви, базирующееся на глубоком знании исторических закономерностей и анализе широкого круга исторических источников.

Результатом основной в научном творчестве темы Светланы Владимировны стало

обучение в докторантуре Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, написание под руководством доктора исторических наук, профессора, заведующей отделом истории и социологии ИМБТ СО РАН Марины Намжиловны Балдано и защита в 2011 году диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук по теме «Государственная и церковная политика в отношении старообрядчества Байкальского региона (XVII–XXI вв.)».

Исследуя основные направления политики российского и советского государства, а также Русской Православной Церкви по отношению к старообрядчеству Байкальского региона¹, Светлана Владимировна ввела в научный оборот значительный пласт ранее неизвестных архивных материалов². Особенно ценен труд Светланы Владимировны Васильевой как учёного тем, что она плодотворно занимается выявлением и изучением форм и направлений сотрудничества государственных структур со старообрядческими

¹ Васильева С. В. Политика правительства и православной церкви по отношению к старообрядцам Забайкалья во второй половине XVII – первой половине XIX веков // Шестая Дальневосточная конф. молодых историков. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – С. 50-58; Васильева С. В. Политика государства и старообрядцы Западного Забайкалья во второй половине XVIII – начале XIX в. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (26-28 июня 2001 г.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – С. 135-139; Васильева С. В. Роль старообрядцев в освоении Монголии // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2008. – № 2-3. – С. 42-47; Васильева С. В. Реализация государственной политики по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе в первой половине XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. История. – 2013. – Вып. 7. – С. 11-16; Васильева С. В. Роль старообрядцев в освоении Байкальской Азии // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2013. – № 1. – С. 46-52 и мн. др.

² Васильева С. В. Современные проблемы изучения старообрядчества по интернет-источникам // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Востоковедение. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – Вып. 5. – С. 157–159; Васильева С. В. Фотодокументальное источниковедение по истории семейских Забайкалья // Старообрядчество: история и современность, местные традиции и зарубежные связи: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 31 мая – 1 июня). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – С. 159–161; Васильева С. В. Архивное наследие Забайкальского старообрядчества // Сибирские чтения в РГГУ: альманах. – М.: Изд-во РГГУ, 2008. – Вып. 3. – С. 134-144; Васильева С. В. История старообрядчества в учебной литературе российской школы (критические заметки на актуальную тему) // Преподавание истории в школе. – 2009. – № 1. – С. 74–77; Васильева С. В. Документы Национального архива Республики Бурятия о старообрядчестве в Харбине в 1920–1930-е гг. // Отечественные архивы. – 2010. – № 4. – С. 65–70 и мн. др.

сообществами на всём протяжении истории их пребывания в регионе¹. Сегодня Светлана Владимировна – признанный специалист в Сибири и на Дальнем Востоке в области сравнительного религиоведения, государственно-конфессиональных отношений, истории забайкальского старообрядчества, её знания и опыт востребованы научным российским и международным сообществом, её приглашают читать лекции в ведущие вузы страны (МГИМО, МГУ, НГУ, ДВФУ и т. д.).

Светлана Владимировна является автором более 100 научных публикаций и учебных изданий, 7 монографий, в том числе «Материалы фонда Тарбагатайского волостного правления (систематизация и комментарии). 1736–1922 гг.» (2004), «Власть и старообрядцы Забайкалья (конец XVII – начало XX в.)» (2007), «Старообрядчество России и Забайкалья: общее и особенное» (2008), «Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе в XVII–XXI вв.: историография и источники» (2010), «Религиозные организации Республики Бурятия: словарь-справочник» (2011), «Иркутско-Амурская епархия: 100 лет в истории древлеправославия» (2012), «Старообрядцы (семейские) Бурятии: историко-культурный энциклопедический справочник» (2015).

Признанием научных заслуг и достижений Светланы Владимировны является любовь студентов, магистрантов, аспирантов, у неё уже несколько последователей, её учеников, кандидатов исторических наук.

В 2006 году Светлана Владимировна Васильева назначена на должность директора научной библиотеки БГУ, которой руководит по настоящее время. Это особая страница в творческой биографии Светланы Владимировны – современный высокотехнологичный статус научная библиотека приобрела благодаря её неустанной заботе и непрерывному труду. Умелое руководство, гармоничная и слаженная работа профессионалов превратили библиотеку в действительное и действенное научное подразделение БГУ.

¹ Васильева С. В. Эпистолярное наследие забайкальского старообрядческого духовенства в Китае // Липоване: история и культура русских старообрядцев: материалы VI Науч. конф. (18–21 сент. 2010 г.). – Одесса, 2010. – Вып. 7. – С. 101–105; Васильева С. В. Старообрядчество на окраинах России: вынужденная подвижность или миграционное перемещение // Вестник Бурятского государственного университета. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. – Вып. 2. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – С. 11–17.

Работа в вузе ещё в большей степени укрепила устоявшиеся связи со школой. С 2005 года Светлана Владимировна руководит инновационным проектом модели русской школы в с. Хасурта Хоринского района Республики Бурятия.

Высокий профессиональный уровень Светланы Владимировны востребован в общественно-политическом поле Республики. В настоящее время она является председателем экспертного совета по проведению религиоведческой экспертизы при Управлении юстиции Российской Федерации по Республике Бурятия (с 2009 г.) и членом совета по взаимодействию с религиозными организациями Администрации Президента (Главы) РБ и Правительства РБ (с 2010 г.).

Активная жизненная позиция не позволила Светлане Владимировне Васильевой обойти стороной важнейшую общественно значимую тему политических репрессий в стране и возглавить сотрудничество с Ассоциацией жертв политических репрессий Республики Бурятия и проект создания семитомной «Книги памяти жертв политических репрессий». Её усилиями этот труд приобрёл особое значение при подготовке будущих учителей истории на историческом факультете БГУ, за что Светлана Владимировна была удостоена Государственной премии.

Светлана Владимировна Васильева удостоена почётного звания «Заслуженный работник образования Республики Бурятия» (2007), награждена Почётной грамотой Министерства науки и образования Российской Федерации (2013), Почётной грамотой Правительства Республики Бурятия (2015), в 2016 году ей присвоено звание «Почётный работник сферы образования Российской Федерации».

Светлана Владимировна является лауреатом Государственной премии Республики Бурятия в области образования за проект «Исследовательский поиск архивных документов с целью освещения событий и создания «Книги памяти жертв политических репрессий»» (2012).

Елизавета Николаевна Палхаева,
доктор исторических наук, доцент,

Татьяна Вадимовна Паликова,
доктор исторических наук, доцент,

Константин Бато-Мункич Митупов,
доктор исторических наук, профессор,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а)

Библиографическое описание статьи

Палхаева Е. Е., Паликова Т. В., Митупова К. Б.-М. Исследователь истории государственно-конфессиональных отношений в России (к юбилею доктора исторических наук С. В. Васильевой) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 230–233.

**Researcher of the History of State – Confessional Relations in Russia
(the Anniversary of Doctor of History S. V. Vasilyeva)**

The article is devoted to the professional biography of Svetlana Vasilyeva, Doctor of History, Professor of the Department of World and Russian History of Buryat State University. The work reveals the main stages of the research, organizational, and social activities of this person. The object of scientific research of S. V. Vasilyeva is public confessional policy related to the representatives of the old Orthodox Church in the territory of Baikal region in the 17th – beginning of the 21st centuries. The result of her scientific activity was the formation of a coherent picture of interaction between the authorities and old believers of the region, determination of general and special characteristics. Scientific vision of religious processes became the basic factor in the public activities of S. V. Vasilyeva, who is a member of the Council for cooperation with religious organizations of the presidential Administration (the Head) of the Republic of Buryatia and Government of the Republic of Buryatia. An important direction in S. V. Vasilyeva's scientific and social activities was the project to perpetuate the memory of victims of political repression, including the publication of "Book of Memory of Victims of Political Repression", conferences, seminars, thematic actions, which manifest S. V. Vasilyeva's organizational skills.

Elizaveta N. Palkhaeva,

Doctor of History, Associate Professor,

Tatyana V. Palikova,

Doctor of History, Associate Professor,

Konstantin B.-M. Mitupov,

Doctor of History, Professor,

Buryat State University

(24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia)

Reference to the article

Palkhaeva E. N., Palikova T. V., Mitupov K. B.-M. Researcher of the History of State – Confessional Relations in Russia (the Anniversary of Doctor of History S. V. Vasilyeva) // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 4. PP. 230–233.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в следующих жанрах:

<i>Жанр</i>	<i>Минимальный объём</i>
Статья (теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного лицензионного договора.
3. Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, если автор статьи – аспирант.
4. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК.

Имя, отчество, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Источники финансирования статьи (при их наличии) – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация: 150–200 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи: актуальность, методы, выводы исследования. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи, содержащий следующие блоки: вводную часть, методология и методики исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

Список литературы указывается в алфавитном порядке и должен включать не менее 15 источников, в том числе не менее 5 зарубежных источников. Литература на иностранных языках должна следовать за литературой на русском языке.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются источниками, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Самоцитирование допускается в объеме не более 20 % от общего количества источников в списке литературы.

Объём цитирования в статье должен составлять не более 40 % от общего объёма статьи.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СТАТЬИ

Рабочие языки: русский и английский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; левое и правое поля – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например, *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например, *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например, *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют 200 р.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции:

672007, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, 129. Забайкальский государственный университет. Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь:

Седина Елена Витальевна,
Блажевская Ирина Николаевна.
Тел. +7(3022) 35-24-79, e-mail: zab-nauka@mail.ru